

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022 Том 22 № 1

В номере: Евразийская идеология и евразийская интеграция

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв, доктор исторических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук, доцент, РУДН, г. Москва, Российская Федерация
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елагин (экономика) (РУДН, г. Москва, Российская Федерация), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история) (РУДН, г. Москва, Российская Федерация), *М.А. Никулин* (политика) (РУДН, г. Москва, Российская Федерация)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джэ., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навиита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, доцент кафедры Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шаблага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2022 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 3 2022	Латиноамериканский дискурс идентичности и новая региональная интеграционная повестка	До 1 января 2022 г.	До 15 апреля 2022 г.
№ 4 2022	Постколониальная теория, Глобальный Юг и «Второй мир»	До 1 марта 2022 г.	До 15 июня 2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 24.03.2022. Выход в свет 28.03.2022.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2022 VOLUME 22 No. 1

In this issue: Eurasian Ideology and Eurasian Integration

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis N. Elagin (Economics) (RUDN University, Moscow, Russian Federation), PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada* (History) (RUDN University, Moscow, Russian Federation), *Maxim A. Nikulin* (Politics) (RUDN University, Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2022 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
# 3 2022	Latin American Identity Discourse and a New Regional Integration Agenda	By January 1, 2022	By April 15, 2022
# 4 2022	Postcolonial Theory, Global South and "Second World"	By March 1, 2022	By June 15, 2022

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Евразийская идеология и евразийская интеграция

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений	7
Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции	17
Базавлук С.В., Курьлев К.П., Савин Л.В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов	30
Шабага А.В. Евразийский структурализм	43
Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан	60
Тихомиров А.В. Евразийский компонент во внешней политике Республики Беларусь в 1991—2021 гг.	77
Rakhimov K., Azizova A. Comparative Analysis of the EAEU and the EU Common Labour Markets (Рахимов К., Азизова А. Сравнительный анализ единого рынка труда ЕС и ЕАЭС)	94
Erşen E. Turkey and the Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism? (Эршен Э. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм?).....	111
Khan S. Eurasian Connectivity: Interests of Regional and Great Powers (Хан Ш. Связанность Евразии: интересы региональных и великих держав).....	126

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук : интервью с <i>Александром Гельевичем Дугиным</i> , доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М.А. Баранник.....	142
---	-----

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Куприянов А.В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов Индии	153
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Голодова Ж.Г., Гречкин Н.В. Развитие финансовой интеграции в условиях внедрения финансовых технологий в странах Евразийского экономического союза.....	166
Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству.....	180

РЕЦЕНЗИИ

Елагин Д.П. Рецензия на книгу : Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C. : George Washington University, 2021. 133 p.	197
Баранник М.А. Рецензия на книгу : Pizzolo P. Eurasianism. An Ideology for the Multipolar World. Lanham : Lexington Books, 2020. 291 p.	202
Tasoulas A. Book review : Stergiou, A. (2021). Greece’s Ostpolitik: Dealing with the “Devil”. Cham: Springer, 181 p.	205
Агазаде М.М., Буторов А.С. Рецензия на книгу : The Changing Perspectives and ‘New’ Geopolitics of the Caucasus in the 21st Century / ed. by S. Yilmaz, M. Yorulmaz. Ankara : Astana Yayınları, 2021. 304 p.	208
Богомолов И.К. Рецензия на книгу : The Rise of Bolshevism and Its Impact on the Interwar International Order / ed. by V. Lomellini. London : Palgrave Macmillan, 2020. 200 p.	212

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Eurasian Ideology and Eurasian Integration

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. The Global and the Nationally Distinctive in IR Theory	7
Pantin V.I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration	17
Bazavluk S.V., Kurylev K.P., Savin L.V. Eurasianism, Eurasian Economic Union and Multipolarity: Assessments of Foreign Experts	30
Shabaga A.V. Eurasian Structuralism	43
Vakhshiteh A., Lapenko M.V., Mukasheva A. Genesis of the Eurasian Idea and Eurasian Practice in the Republic of Kazakhstan	60
Tsikhamirau A.V. The Eurasian Component in the Foreign Policy of the Republic of Belarus, 1991—2021	77
Rakhimov K., Azizova A. Comparative Analysis of the EAEU and the EU Common Labour Markets	94
Erşen E. Turkey and the Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism?	111
Khan S. Eurasian Connectivity: Interests of Regional and Great Powers	126

SCIENTIFIC SCHOOLS

Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities: Interview with <i>Alexander G. Dugin</i> , Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), Professor, Leader of the International Eurasian Movement. Interviewed by M.A. Barannik.....	142
--	-----

PEACE AND SECURITY

Kupriyanov A.V. Searching for an Economic Basis for the Indo-Pacific: Evolution of India's Approaches	153
--	-----

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Golodova Zh.G., Grechkin N.V. Developing Financial Integration with the Introduction of Financial Technologies in the Eurasian Economic Union Countries.....	166
Savicheva E.M., Brebdane A.M., Ryzhov I.V. China and Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnerships	180

BOOK REVIEWS

Elagin D.P. Book review: Libman, A., & Vinokurov, E. (2021). One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C.: George Washington University, 133 p.	197
Barannik M.A. Book review: Pizzolo, P. (2020). Eurasianism. An Ideology for the Multipolar World. Lanham: Lexington Books, 291 p.	202
Tasoulas A. Book review: Stergiou, A. (2021). Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil". Cham: Springer, 181 p.	205
Aghazada M.M., Butorov A.S. Book review: Yilmaz, S., & Yorulmaz, M. (Eds.). (2021). The Changing Perspectives and 'New' Geopolitics of the Caucasus in the 21st Century. Ankara: Astana Yayınları, 304 p.	208
Bogomolov I.K. Book review: Lomellini, V (Ed.). (2020). The Rise of Bolshevism and Its Impact on the Interwar International Order. London: Palgrave Macmillan, 200 p.	212

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Евразийская идеология и евразийская интеграция

THEMATIC DOSSIER: Eurasian Ideology and Eurasian Integration

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16

Научная статья / Research article

Глобальность и самобытность в теории международных отношений

А.П. Цыганков¹, П.А. Цыганков²¹Государственный университет Сан-Франциско, Сан-Франциско, США²МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация tsygankp@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о соотношении глобального и национально-самобытного, остающийся в течение последних примерно 15 лет предметом нового «большого спора» в науке о международных отношениях. Авторы показывают, что, несмотря на доминирование в западном академическом мейнстриме позиций западного «универсализма», продолжает усиливаться и их критика. В этой связи вызывает интерес развиваемый А. Ачарьей и Б. Бузаном проект создания глобальной теории международных отношений, учитывающий опыт незападных, в частности восточноазиатских, исследований. На наш взгляд, при всех позитивных чертах данного проекта за ним скрывается стремление вдохнуть новую жизнь в отживающий свое западнцентристский взгляд на мир. Декларируемая важность учета незападных интеллектуальных, социокультурных и исторических традиций самобытности в формировании глобального взгляда на мир не содержит осмысления самого понятия самобытности, а подменена понятиями регионов и множественных агентов-участников. Однако без такого осмысления невозможны ни историческая реконструкция глобального, ни осмысление его социально-интеллектуальных корней. Любая теория содержит в себе несколько уровней и строится на основе важных идейно-политических допущений, национальные различия которых едва ли удастся преодолеть в результате общенаучного диалога. Точно так же и теория международных отношений есть продукт времени, места, социокультурных обстоятельств и конкретных интеллектуальных усилий. Она по определению не может быть универсальной и должна выстраиваться исходя из местных особенностей и условий. Общенаучные понятия не могут быть выработаны и подтверждены лишь из одной части культурно противоречивого мира. Поэтому условием развития науки должен быть социокультурный и политический диалог ученых, представляющих разные страны и части современного мира. Для России это означает, во-первых, важность понимания собственных историко-социальных условий, во-вторых, необходимость мобилизации собственного интеллектуального капитала в их осмыслении и выработки на этой основе соответствующих национальным интересам подходов к изучению международных отношений.

Ключевые слова: глобальность, самобытность, глобальная теория международных отношений, западнцентризм, Россия

© Цыганков А.П., Цыганков П.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 7—16. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16>

The Global and the Nationally Distinctive in IR Theory

Andrei P. Tsygankov¹ , Pavel A. Tsygankov²

¹State University of San Francisco, San Francisco, USA

²Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 tsygankp@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the international and nationally distinctive, which has been the subject of a new “big debate” in the science of international relations in the last 15 years. The authors show that despite the dominance of “universalist” positions within the Western academic mainstream, their criticism continues to grow. In this regard, an interesting project of the global IR theory by A. Acharya and B. Buzan is being discussed. In our view, with all the positive features of this project, it is informed by the outdated West-centric view of the world. The declared consideration of non-Western intellectual, socio-cultural and historical traditions in the formation of a global view of the world does not contain an understanding of the concept of identity, which is replaced by the concepts of regions and multiple agents-participants. However, without such an understanding, neither the historical reconstruction of the global, nor the understanding of its social and intellectual roots is possible. Any theory contains multiple levels and is based on important politico-ideological assumptions, which are national, and not universal. Any theory, including international theory, is also a product of time, place and social relations. Such theory is based on local specifics and conditions. Scientific concepts cannot be developed only from one part of the culturally pluralist world. Therefore, a condition for such development should be a socio-cultural and political dialogue between scholars representing different countries and parts of the world. For Russia, this implies the need to understand its own historical and cultural conditions and mobilize its own intellectual capital in their examination and development of national IR theory.

Key words: globality, distinctiveness, global theory of international relations, West-centrism, Russia

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage.”

For citation: Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2022). The global and the nationally distinctive in IR theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 7—16. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16>

Обильны и неиссякаемы... источники [теории и практики международных отношений]: русская общественная мысль, русское народное чувство, предания и заветы предков, основанное на строгом и внимательном изучении понимание великого прошлого России, согретая любовью к ней глубокая вера в ее грядущие судьбы.

С.С. Татищев
(Татищев, 2016, с. 179)

Введение

Современная теоретическая литература о международных отношениях все заметнее включается в очередной так называемый большой спор, касающийся вклада западного мира в формирование глобальных знаний о мире. По сравнению с прежними

спорами об идеализме/реализме, классическом/научном подходе и рационализме/конструктивизме новый спор выводит обсуждение и саму дисциплину международных отношений за пределы ее привычно западного ареала развития.

Хотя новый спор развернулся сравнительно недавно — лишь в последние 10—15 лет, —

в нем уже появилось немало важных нюансов и поворотов. Уточняются понятия и границы западного и универсального. Ставится вопрос о возможностях подлинно глобального знания с учетом его национальных и региональных корней и особенностей. Интенсифицируются усилия представителей незападных культур и традиций, прежде всего Китая, по созданию собственных школ изучения международных отношений, в том числе на основе развития собственных журналов и публикаций в стране и за ее пределами. Возможности формирования незападных теорий международных отношений и возможностей глобального академического дискурса в данной области обсуждаются и в отечественной литературе (Алексеева, 2017; Лебедева, 2017; Грачиков, 2019; Дегтерев, 2021; Истомин, Байков, 2015; Фененко, 2016; Цыганков, Цыганков, 2017). Вместе с тем предпринимаются активные попытки оживить западное под видом глобального и претендующего на универсальность знание.

Происходящее заставляет задуматься о соотношении глобального и национально-самобытного в формировании знания вообще и науки о международных отношениях в частности. Представляется, что без нового прояснения этих понятий и характера их отношений на современном этапе трудно ставить вопрос о формировании российской школы международных отношений, не говоря уже о нахождении на него удовлетворительного ответа. Как первое, так и второе необходимо для сохранения и развития Россией позиций самостоятельного государства с самобытными ценностями и отлаженной системой национальных интересов. К продвижению в данном направлении российских международных подталкивает сама жизнь. Мир разворачивается от утвердившейся было после холодной войны западноцентричной модели глобализации к новым процессам регионализации и «национализации». Пандемия лишь закрепила этот поворот, заострив вопрос о поиске новых оснований для национального выживания и развития.

В данной статье хотелось бы в порядке дискуссии предложить наше понимание

соотношения глобального и самобытного как в современных мировых разработках, так и применительно к условиям и задачам России. Мы убеждены, что самобытность формируется во взаимодействии с внешним и глобальным, а глобальное невозможно без учета самобытного и без постоянного диалога с ним. С этих позиций критически анализируются новые попытки сформулировать понятие глобального без учета центральности самобытного. На наш взгляд, за этими попытками скрывается стремление вдохнуть новую жизнь в отживающий свое западноцентричный взгляд на мир. В контексте сказанного мы возвращаемся к вопросу об импликациях данного спора для России.

Глобальность и самобытность

Нам представляется, что глобальность и самобытность следует рассматривать, как говорили в былые марксистские времена, в их диалектическом отношении. Одно не существует без другого, постоянно подтверждаясь во взаимодействии и взаимовлиянии. В международных отношениях сформировалось немало способов определять глобальное не как продукт одной только культуры — западной или какой-то иной, а как взаимодействие, многообразие и плюралистическое сообщество различных культур и цивилизаций (Alker & Biersteker, 1984; Inayatullah & Blaney, 2004; *Decolonizing international relations*, 2006; Hobson, 2012; *Thinking international relations differently*, 2012; Acharya & Buzan, 2017; Cheng & Brettle, 2019). Подобным образом многими современными теоретиками вклада незападных культур в мировые знания о международных отношениях ставится вопрос о глобальном.

Что касается самобытного, то это понятие разработано значительно слабее и нуждается в дополнительных пояснениях. Поясним, в частности, что имперское, автаркическое и национально-этническое есть лишь отдельные проявления самобытности. Последнее понятие содержательно шире и богаче и должно определяться через весь спектр возможных измерений социокультурного своеобразия и реализации в мире. Важно

осмыслить как онтологическое, так и эпистемологическое измерение понятия. Онтологически самобытность предполагает комплекс особых условий, в которые помещена страна, — экономических, технологических, геополитических, военно-политических, климатических, информационных и иных. Эпистемологически самобытность выявляется прежде всего, хотя и не исключительно, интеллектуальными усилиями лучших мыслителей страны¹. Кому как не им, выросшим и впитавшим в себя соки родной культуры, выразить ее на родном же языке, сформулировать необходимые понятия и вписать их в общий национально-цивилизационный контекст?

Примеров подобных стремлений соединить глобальное и самобытное в мире уже немало. Китайские исследователи активно работают над формированием собственных национально-ориентированных теорий международных отношений, развивающихся в диалоге с западными. Некоторые из них призывают выйти за пределы бинарных оппозиций «свой — чужой» на путях осмысления и представления реляционного мирового порядка (Eun, 2018). В Индии исследователи-международники выступают за преодоление британского колониального наследия и опору на собственную интеллектуальную историю (Chagas-Bastos, Leite & Maximo, 2019). В мусульманском мире обнаружилась критика не только проектов западной исключительности, но и незападной. При этом в качестве альтернативы некоторые исламские исследователи предлагают опираться на суфийскую философию (Shahi, 2019) как основу создания глобальной теории международных отношений². В целом незападные теории склонны предлагать свои, близкие им «когнитивные фреймы», являющиеся в основе своей коллективистскими, холистическими и контекстуальными, в отличие от западных, особенно американских фреймов методологического

индивидуализма, анализа и объективности (Cheng & Brettle, 2019).

Далеко не все из обозначенных подходов безупречны с точки зрения стремящихся к получению глобального знания. Нередко эти подходы предлагают в качестве потенциально глобальных культурно нагруженные понятия и теории. И все же в целом нельзя не видеть наметившегося движения дисциплины международных отношений к ее новому состоянию. Новый большой спор еще только начинает оказывать влияние на глобальные дискуссии, но уже породил развивающуюся литературу осмысливающих феномен нового культурного многообразия и плюрализма в мире (Reus-Smit, 2018). Этот спор неизбежно будет развиваться и углубляться, в том числе в силу сопровождающих и подкрепляющих его фундаментальных экономических и военно-политических изменений в мире. По мере движения мира к многополярности неизбежно и движение к плюрализации социального знания.

Западноцентризм и попытки его оживления

Новый спор потеснил позиции американоцентризма и западноцентризма в международных отношениях, еще недавно казавшиеся многим незыблемыми. Западные международники все чаще отмечают стагнацию традиционных исследовательских программ, связанных с изучением демократического мира, «мягкой силы» и др., а также относительное снижение цитируемости классиков западного реализма и либерализма, указывают на диверсификацию споров внутри дисциплины международных отношений. Сегодня даже называющие себя рационалистами, выступающие за накопление знаний о мире на основе позитивистских методов проверки гипотез ученые осознают ограниченность возможностей Запада в формировании глобальной теории международных отношений (Colgan, 2019).

Конечно, есть немало и тех, кто отмеченного кризиса западноцентризма не усматривает, выступая с прежних позиций. В западном

¹ Термин «самобытность» активно использовался в славянофильской философии в связи с идеями особого пути России. См., например: (Сухов, 1998).

² Сравнительное осмысление теорий исключительности в США, Китае, Индии и Турции предпринято, в частности в (Cha, 2015).

академическом мейнстриме доминируют те, кто не хотел бы пересмотра позиций западного «универсализма» и продолжает не замечать его этноцентристских оснований. Для теоретиков типа Д. Миршаймера основы науки о международных отношениях находятся на Западе и не должны ставиться под сомнение во имя сохранения академических стандартов и единства дисциплины (Mearsheimer, 2016). В американских университетах эта позиция сегодня уязвима и в силу распространения политически мотивированной борьбы с расизмом. Вне зависимости от отношения к этой борьбе она играет свою роль в вытеснении западнцентристских стереотипов в социальной науке.

На этом фоне все слышнее голоса выступающих за преодоление западного доминирования на путях развития глобальной теории международных отношений. Сторонники этой позиции во многом согласны с критиками западнцентризма и хотели бы привлечь их на свою сторону в движении к глобальной теории. К проектам создания такой теории следует присмотреться повнимательнее и попытаться понять их потенциал учета и интеграции, основанной на социокультурной идентичности и исторических традициях самобытности.

Один из таких проектов глобальной теории международных отношений был предложен в серии статей, выступлений и недавней книге А. Ачарья и Б. Бузаном (Acharya, 2014; 2016; Acharya & Buzan, 2019). Будучи выдвинутым известными исследователями — британцем и американцем индийского происхождения — проект предполагает переосмысление мирового опыта с позиций глобальной, а не только западной истории, опыта регионов и многообразия государственных и негосударственных участников международных отношений. А. Ачарья и Б. Бузан предлагают осмыслить исторический и интеллектуальный опыт за пределами Запада и строить теорию международных отношений, руководствуясь опытом как западного, так и незападного миров. Казалось бы, что именно такой подход позволит интегрировать глобальное и самобытное, уйдя от привычного и

тормозящего развитие дисциплины западного этноцентризма.

Однако при внимательном рассмотрении так называемую глобальную теорию международных отношений предлагают выстраивать без должного учета полноты национально-культурной самобытности. Само понятие самобытности в этой теории не осмысливается и подменено понятиями регионов и множественных агентов-участников. Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что в качестве требования к незападным теориям выдвигается необходимость формирования гипотез и знаний, проверяемых за пределами тех регионов, в которых они были сформулированы (Acharya, 2014). Это само по себе понятное с точки зрения общенаучных стандартов требование, во-первых, предполагает эмпирически-позитивистскую центрированность знания с характерным для него недостаточным учетом факторов местного и социокультурного контекста производства знания. Во-вторых, в этом требовании можно прочесть установку для «местных» исследователей, согласно которой они должны доказать работающим на Западе потенциал незападного стать научно универсальным. Почему же доказывать должны незападные западным, а не наоборот? Кто будет судить и делать выводы об их научности и универсальности? Не получится ли, что незападным исследованиям будет отказано в полноценной научности на основании их излишней идеологизированности и недостаточной проверяемости? Например, кто из западных исследователей помнит сегодня о вкладе советских исследователей в изучение международных отношений? Между тем в советский период было создано немало ценного и нуждающегося в продолжении и развитии — свои школы системного анализа в ИМЭМО и МГИМО, связанные с именами Н.А. Симонии, Л.И. Рейснера и других востоковедов-теоретиков (В.И. Гантмана, М.А. Хрусталева), а также теории модернизационного синтеза, анализ циклов мировой политики³ и

³ Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: учеб. пособие. М.: МГИМО, 1987.

многое другое (Эволюция восточных обществ..., 1984; Система, структура и процесс развития современных международных отношений, 1984; Зарубина, 1998; Пантин, Лапкин, 2006).

Национальная критика нового глобализма

Проблема так называемой глобальной теории международных отношений связана, на наш взгляд, с определением глобального как самоценного и автономного от национально-самобытного без попытки выстроить отношения глобального и самобытного как онтологически равных, находящихся между собой в сложных диалектических отношениях. Фактически статус онтологического признания закреплен в глобальной теории за глобальным. Глобальное определяется в данном случае не через универсальную идею — как, например, либеральная демократия в американском мейнстриме или «хорошее управление» в европейском, — а через плюрализм регионов и агентов-участников, в том числе за пределами Запада. В этом проекте легко угадывается характерная для уже известных научной общественности левых по политической ориентации идей глобального мира критика государства и национальной государственности как «монополизирующих» современность и излишне консервативных, сдерживающих прогресс человечества институтов⁴. В немалой его части глобальное мыслится здесь как отрицание — причем далеко не диалектическое — государственного и национально-самобытного.

Проницательные исследователи уже обратили внимание на обозначенную склонность А. Ачарьи и Б. Бузана к дихотомическому пониманию глобального и самобытного. В частности, немецкие теоретики международных отношений Ф. Андерл и А. Витт указали на необходимость проблематизации глобального и ухода от его понимания как структурно неизменного и онтологически самостоятельного (Anderl & Witt, 2020). В

своей работе они не ограничились теоретико-логической критикой, но и предложили пути преодоления дихотомии двух понятий. Во-первых, необходимо показать исторические корни возникновения и современные условия поддержания каждого из «глобализмов». Во-вторых, на основе такого осмысления необходимо ответить на вопрос, каким целям и в чьих интересах они служат (Anderl & Witt, 2020, p. 48). По убеждению данных исследователей, если глобальной теории А. Ачарьи и Б. Бузана суждено продемонстрировать способность быть «менее высокомерной, менее антиисторичной и менее эксклюзивной», ей будет важно ответить на эту критику (Anderl & Witt, 2020).

Эта критика возвращает нас к понятию самобытного, без которого невозможны ни историческая реконструкция глобального, ни осмысление его социально-интеллектуальных корней. И здесь мы обнаруживаем, что само это понятие плохо разработано теоретически и не слишком занимает не только А. Ачарью с Б. Бузаном, но и западную мысль о международных отношениях. Так, в западном реализме национально-культурное сводится к государственному. Например, в недавней книге, посвященной критике либерализма, ведущий американский реалист Д. Миршаймер не проводит каких-либо принципиальных различий между реализмом и национализмом (Mearsheimer, 2018).

Еще меньше осмысления национально-особенного — в западном либерализме, в основном исходящем из центральности индивидуальных прав и свобод и настаивающем на приоритетности либеральной демократии. Либералов редко заботит, что либеральная демократия далеко не везде приживается и отнюдь не является единственным способом выразить национально-культурную самобытность. Нередко ее выражают не либеральные, а традиционные и консервативные ценности (Keating & Kaczmarska, 2019). Однако для представителей западного либерализма глобальное — это главным образом западное. Кстати, похоже, что в этой области рассмотренный выше проект А. Ачарьи и Б. Бузана близок именно к западному либерализму.

⁴ Из ранних работ в этом жанре см., например: (Falk, 1995; Cox & Sinclair, 1996; Linklater, 1998).

Отрицая претензии на культурную исключительность, авторы критикуют понятия «азиатских ценностей», «азиатских прав человека» и конфуцианских ценностей как связанные с моделями авторитарного правления, но при этом не упоминают о претензиях Запада на собственную исключительность (Acharya, 2014; 2016).

Наконец, конструктивизм в последнее время все меньше интересует формирование национального и все больше волнуют вопросы формирования повседневной структуры смыслов в практике и взаимодействии различных групп и акторов, в том числе внутри стран и элит (McCourt, 2016; Kustermans, 2016). Кроме того, внутри западного конструктивизма влиятельны теоретики международных и глобальных норм, не слишком чувствительные к восприятию этих норм национальными государствами и обществами (Adler-Nissen, 2016).

Национально-самобытное в русской международной теории

Такое состояние современной литературы по вопросам глобального и самобытного следует иметь в виду тем, кто всерьез ставит задачу национального осмысления происходящих в мире перемен. Любая теория, в том числе теория международных отношений, есть продукт времени, места и конкретных интеллектуальных усилий. Поскольку это так, она по определению не может быть универсальной и должна выстраиваться исходя из местных особенностей и условий. Такое положение не означает ее ненаучности и непроверяемости — каждая теория должна иметь выход в практику, подтверждать ее или опровергаться ею, — оно лишь означает ограниченность любой теории и важность понимания ею собственных возможностей и пределов.

Для России это означает, во-первых, важность понимания собственных историко-социальных условий, а во-вторых, необходимость мобилизации собственного интеллектуального капитала в их осмыслении. Русская политическая мысль уже не первое столетие обсуждает вопросы национального своеобразия и его квинтэссенции — русской идеи. Без

обсуждения русской идеи, без опоры на русскую мысль и философию не выстроить и русскую теорию международных отношений. К этому призывал нас и процитированный в эпиграфе русский историк и дипломат С.С. Татищев, и многие другие представители национальной мысли.

Пока российские международники движутся в этом направлении скорее интуитивно, на ощупь, нежели на основе систематического осмысления современных мировых процессов. На наш взгляд, идея нации или самобытная идея должна быть отправной в выстраивании любого теоретического объяснения. Русская идея представляет собой синтез державных и иных социокультурных установок, своеобразно соединившихся на различных этапах исторического развития. Глубоко своеобразны идеи любого крупного народа, и задача международных — осознать и использовать их в формировании научной, национально ориентированной теории⁵.

Для России как сформировавшейся великой державы весьма важен и учет лучших достижений реалистских теорий международных отношений, тем более что реалистские разработки активно развиваются в экспертных и академических кругах. Русский реализм в лучших его проявлениях показал чувствительность к проявлениям национальной самобытности, связанным в том числе с евразийским положением страны между Европой, Азией и Ближним Востоком, трансэтничностью, размером территории и важностью сильного централизованного государства. Подчеркивая важность сильного государства, русские реалисты, как правило, не являются противниками индивидуальной свободы или же цивилизационного своеобразия. Они исходят лишь из того, что такое государство — часть, основа и защита национально-политической самобытности от притязаний на нее извне⁶.

⁵ Один из возможных примеров применительно к изучению внешней политики может быть связан с синтезом державно-реалистских и конструктивистских теорий. См.: (Цыганков, 2020).

⁶ О нашем понимании особенностей мышления русского реализма см.: (Цыганков, Цыганков, 2017; Цыганков, 2021).

Нам уже приходилось предлагать социологический подход как основу изучения и формирования национально ориентированной теории международных отношений⁷. В числе прочих достоинств этот подход способен синтезировать достижения конструктивизма и реализма применительно к конкретным национальным условиям. Социологический подход признает наличие в науке определенных универсальных, общеупотребимых понятий, методов и методик. Однако он утверждает и диалектику национального и глобального и исходит из того, что общенаучные понятия должны быть продуктом глобального межнационального диалога и не могут быть выработаны и подтверждены лишь из одной части культурно-противоречивого мира. Социокультурный и политический диалог ученых, представляющих разные страны и части земного шара, поэтому должен быть условием развития науки. Такой диалог предполагает взаимное обучение и самообучение как понимание себя через восприятие другого (и наоборот).

Для России такая постановка вопроса означает необходимость не только находиться в постоянном диалоге с зарубежными коллегами и учиться у них, но и осознавать необходимость выработки соответствующих национальным интересам подходов к изучению международных отношений. Отгородиться от мировой, в том числе западной, науки как принципиально чуждой России — это путь к недialeктическому отрицанию глобального и, как следствие, к интеллектуальной изоляции страны. Национальные подходы в теории международных отношений должны базироваться на знании мировых тенденций и диалоге с представителями других сообществ внутри и вне страны (Цыганков, Цыганков, 2019).

⁷ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2006.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что усилия выстроить глобальное без национально-самобытного не могут считаться успешными. Глобальное должно строиться не сверху вниз, а вырастать как диалог равных социокультурных сообществ. Верно и обратное: любая национально-ориентированная теория обязана не замыкаться в себе, а содержать концепцию глобального, его истоков и условий сохранения и развития.

Справедливо и то, что исследователи должны руководствоваться некими общими методологическими стандартами получения знания, которое ценилось бы в различных культурных сообществах. Примеры выработки таких стандартов и на их основе взаимоприемлемых теорий, концепций и эмпирических выводов имеются (Anderl & Witt, 2020, pp. 48—55). Их следует развивать и множить при помощи организации кросс-национальных и кросс-культурных исследовательских проектов. При этом придется помнить, что любая сложная теория содержит в себе несколько уровней и строится на основе важных идейно-политических допущений, национальные различия которых едва ли удастся преодолеть в результате общенаучного диалога. Как справедливо писал когда-то С. Хоффманн, как бы ни хотелось исследователям видеть себя частью свободного космополитического сообщества ученых, отрицая при этом свою интеллектуальную зависимость от условий своей страны, такая зависимость существует (Hoffmann, 1995, p. 225). Очень важно, чтобы этот уровень выявляющих национальную самобытность идейно-политических допущений был прописан представителями самого национального сообщества. Иначе они рискуют быть вписанными в ту или иную глобальную теорию на урезанных правах каких-нибудь «региональных исследований».

Поступила в редакцию / Received: 03.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 02.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Алексеева Т. А.* «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 217—232. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
- Грачиков Е. Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 187—200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Дегтерев Д. А.* Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>
- Зарубина Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития. М. Вебер и современные теории модернизации. Санкт-Петербург : РХГИ, 1998.
- Истомин И. А., Байков А. А.* Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2. С. 114—140. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.9>
- Лебедева М. М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 246—256. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256>
- Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений* / отв. ред. В. И. Гантман. Москва : Наука, 1984.
- Сухов А. Д.* Столетняя дискуссия: западничество и самобытность русской философии. Москва : ИФРАН, 1998.
- Татищев С. С.* Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый. 1889. Москва : ЛЕНАНД, 2016.
- Фененко А. В.* Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 172—180. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.12>
- Цыганков А. П.* Внешняя политика России: к комплексному осмыслению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 441—448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448>
- Цыганков А. П., П.А. Цыганков и русский реализм* // О национально ориентированной теории международных отношений / под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. Москва : Издательство Московского университета, 2021. С. 36—51.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Просвещенное державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 175—185. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.13>
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 2. С. 8—18. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.1>
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного* / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Acharya A.* Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18, no. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.1093/isr/viv016>
- Acharya A.* Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58, no. 4. P. 647—659. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>
- Acharya A., Buzan B.* The Making of Global International Relations. Origins and Evolution of IR at its Centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781108647670>
- Acharya A., Buzan B.* Why Is There No Non-Western International Relations Theory? Ten Years On // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2017. Vol. 17, no. 3. P. 341—370. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx006>
- Adler-Nissen R.* The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism // *European Review of International Studies*. 2016. Vol. 3, no. 3. P. 27—39. <https://doi.org/10.3224/eris.v3i3.27340>
- Alker Jr. H. R., Biersteker T. J.* The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire // *International Studies Quarterly*. 1984. Vol. 28, no. 2. P. 121—142. <https://doi.org/10.2307/2600692>
- Anderl F., Witt A.* Problematizing the Global in Global IR // *Millennium: Journal of International Studies*. 2020. Vol. 49, no. 1. P. 32—57. <https://doi.org/10.1177/0305829820971708>

- Cha T.* The Formation of American Exceptional Identities: A Three-Tier Model of the “Standard of Civilization” in US Foreign Policy // *European Journal of International Relations*. 2015. Vol. 21, no. 4. P. 743—767. <https://doi.org/10.1177/1354066114562475>
- Chagas-Bastos F. H., Leite A. C., Maximo J.* A Postcolonial Mapping of Indian IR Origins: International Thought and the State // *Journal of Intercultural Studies*. 2019. Vol. 40, no. 4. P. 434—450. <https://doi.org/10.1080/07256868.2019.1628717>
- Cheng C., Brettle A.* How Cognitive Frameworks Shape the American Approach to International Relations and Security Studies // *Journal of Global Security Studies*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 321—344. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogz026>
- Colgan J. D.* American Perspectives and Blind Spots on World Politics // *Journal of Global Security Studies*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 300—309. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogz031>
- Cox R. W., Sinclair T. J.* *Approaches to World Order*. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 1996.
- Decolonizing International Relations* / ed. by B. G. Jones. Rowman & Littlefield, 2006.
- Eun Y.-S.* Beyond ‘the West/non-West Divide’ in IR: How to Ensure Dialogue as Mutual Learning // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11, no. 4. P. 435—449. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy014>
- Falk R.* *On Humane Governance: Toward a New Global Politics*. Pennsylvania State University Press, 1995.
- Hobson J. M.* *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Hoffmann S.* An American Social Science: International Relations (1977) // *International Theory* / ed. by J. DerDerian. London : Palgrave Macmillan, 1995. P. 212—241. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23773-9_9
- Inayatullah N., Blaney D. L.* *International Relations and the Problem of Difference*. Routledge, 2004.
- Keating V. C., Kaczmarek K.* Conservative Soft Power: Liberal Soft Power Bias and the ‘Hidden’ Attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol. 22, no. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- Kustermans J.* Parsing the Practice Turn: Practice, Practical Knowledge, Practices // *Millennium: Journal of International Studies*. 2016. Vol. 44, no. 2. P. 175—196. <https://doi.org/10.1177/0305829815613045>
- Linklater A.* *The Transformation of Political Community: Ethical Foundations of the Post-Westphalian Era*. Cambridge : Polity, 1998.
- McCourt D. M.* Practice Theory and Relationalism as the New Constructivism // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60, no. 3. P. 475—485.
- Mearsheimer J. J.* Benign Hegemony // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18, no. 1. P. 147—149. <https://doi.org/10.1093/isr/viv021>
- Mearsheimer J. J.* *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven : Yale University Press, 2018.
- Reus-Smit C.* *On Cultural Diversity: International Theory in a World of Difference*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108658058>
- Shahi D.* Introducing Sufism to International Relations Theory: A Preliminary Inquiry into Epistemological, Ontological, and Methodological Pathways // *European Journal of International Relations*. 2019. Vol. 25, no. 1. P. 250—275. <https://doi.org/10.1177/1354066117751592>
- Thinking International Relations Differently* / ed. by A. B. Tickner, D. L. Blaney. Routledge, 2012.

Сведения об авторах: Цыганков Андрей Павлович — кандидат философских наук, доктор философии (PhD), профессор Государственного университета Сан-Франциско, Сан-Франциско, Калифорния, США; ORCID: 0000-0003-0011-2339; e-mail: andrei@sfsu.edu

Цыганков Павел Афанасьевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0000-0002-5726-183X; e-mail: tsyganpk@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29

Научная статья / Research article

Идеологические основы евразийской экономической интеграции

В.И. Пантин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация
 v.pantin@mail.ru

Аннотация. Анализируются значение евразийской идеологии для современной экономической интеграции, причины ее слабого использования в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), возможности и перспективы адаптации евразийства для целей экономического развития и интеграции. Многие международные экономические интеграционные объединения (например, ЕС, ЮСМКА, АСЕАН) имеют общую или близкую идеологическую и ценностную основу, которая обеспечивает более прочную интеграцию. ЕАЭС первоначально формировался без общей интегрирующей идеологической основы, хотя первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев предлагал использовать евразийство в качестве идеологии интеграции. О важности интегрирующей идеологии для развития ЕАЭС писал также С.Ю. Глазьев. Однако эти попытки внедрить евразийскую идеологию для более прочной интеграции не были поддержаны остальными представителями стран ЕАЭС. Во многом это произошло потому, что большинство участников ЕАЭС, включая Россию, руководствовались кратковременными экономическими соображениями, забывая о более важных долгосрочных, стратегических интересах. Кроме того, в обществе и в политической элите России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии существуют важные идеологические разделения — прежде всего разделение на приверженцев идеологии и практики западного либерализма, ориентирующихся на интеграцию в ЕС, и на сторонников идеологии, близкой к евразийству и защите традиционных ценностей, ориентирующихся на развитие интеграции на евразийском пространстве. Воспроизводство подобных разделений в странах ЕАЭС, а также отсутствие или слабое развитие интегрирующей идеологии во многом определяет непоследовательную и не всегда эффективную интеграцию в ЕАЭС. Евразийство может стать интегрирующей идеологией, которая при развитии и адаптации к современным реалиям способна обеспечить более прочную экономическую интеграцию. Для этого необходимо преодолеть иллюзии о возможности интеграции России и других постсоветских стран в ЕС, проводить активную информационную политику в странах Евразии, показывать общность геополитических и экономических интересов стран ЕАЭС, противоположность этих интересов интересам США. Идеология евразийства может эффективно противодействовать угрозе этнического национализма в странах ЕАЭС, сделав акцент на евразийской интеграции как необходимом условии сохранения суверенитета стран Евразии, их традиционных ценностей, а также сочетании традиций и инноваций.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, идеология евразийства, экономическая интеграция, суверенитет, политические размежевания, традиционные ценности

© Пантин В.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17—29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29>

The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration

Vladimir I. Pantin

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 v.pantin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the significance of Eurasian ideology for modern economic integration, the reasons for its limited use in the Eurasian Economic Union (EAEU), and the possibilities and prospects of adapting Eurasianism for the purposes of economic development and integration. Many international economic integration associations (e.g., the EU, USMCA, ASEAN) have a common or similar ideological and value-based foundation, which ensures stronger integration. The EAEU was initially established without a common, integrating ideological basis, although the first president of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, suggested using Eurasianism as the ideology of integration. Sergey Glazyev also wrote about the importance of integrative ideology for the development of the EAEU. However, these attempts to introduce Eurasian ideology for a stronger integration were not supported by the rest of the EAEU countries. This was largely because most EAEU members, including Russia, were driven by short-term economic interests, forgetting about more important long-term, strategic goals. Moreover, there are important ideological divisions in society and in the political elites of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and Kyrgyzstan — primarily the division between adherents of the ideology and practices of Western liberalism, oriented toward EU integration, and supporters of an ideology close to Eurasianism and defense of traditional values, oriented toward the development of integration in the Eurasian space. The reproduction of such divisions in the EAEU countries, as well as the absence or weak development of an integrative ideology, largely determines the inconsistent and not always effective integration in the EAEU. Eurasianism can become an integrative ideology, which, if developed and adapted to modern realities, can ensure a stronger economic integration. This requires overcoming illusions about the possibility of integration of Russia and other post-Soviet countries into the EU, pursuing an active information policy in the Eurasian countries, showing the commonality of geopolitical and economic interests of EAEU countries and the opposition of these interests to those of the USA. Eurasianism can effectively counter the threat of ethnic nationalism in the EAEU countries by emphasizing Eurasian integration as a necessary condition for preserving the sovereignty of Eurasian countries, their traditional values, and the combination of tradition and innovation.

Key words: Eurasian Economic Union, Eurasianism ideology, economic integration, sovereignty, political divisions, traditional values

For citation: Pantin, V. I. (2022). The ideological foundations of Eurasian economic integration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 17—29. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29>

Введение

В современном мире процессы региональной экономической интеграции происходят весьма бурно и интенсивно, причем наблюдается острая конкуренция между различными региональными союзами. В то же время, как показывает практика, важнейшим условием прочной и эффективной экономической интеграции является наличие общей идеологии и общих ценностей у стран, входящих в интеграционные объединения. Так, Европейский союз (ЕС) формировался и развивался на основе нелиберальной идеологии

и общих «европейских ценностей», которые создали фундамент европейской интеграции (Gerber, 1994; Rosamond, 2000). Несмотря на то, что либеральная идеология и «европейские ценности» претерпевали в ходе развития ЕС значительные трансформации, они остаются основой ЕС и его наднациональных институтов. Более того, наблюдается парадоксальное, на первый взгляд, явление: нелиберальная идеология в значительной мере диктует экономическое поведение стран, входящих в ЕС. Так, неоправданные с точки зрения коммерческой выгоды экономические санкции

государств ЕС против России и Беларуси, наносящие значительный ущерб самим странам ЕС, во многом связаны с его идеологическими предпочтениями как наднационального экономического и политического союза. Иными словами, идеология, которая служит движущей силой интеграции, может диктовать экономическое поведение и отдельным странам, и интеграционным объединениям.

Другие интеграционные экономические объединения (например, Соглашение США — Мексика — Канада (ЮСМКА), Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)) также преимущественно формировались на общей цивилизационной и идеологической основе. Так, ЮСМКА объединяет близкие по идеологии и культуре США и Канаду, а также Мексику, которая движется в идеологическом и экономическом фарватере этих государств. МЕРКОСУР объединяет близкие в культурном отношении страны (полноправные члены — Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай), принадлежащие к латиноамериканской цивилизации и придерживающиеся идеологии экономического неолиберализма. Свообразие идеологии, лежащей в основе динамичного развития такого интеграционного объединения, как АСЕАН, состоит в том, что входящие в него страны, относящиеся преимущественно к исламской и буддийской цивилизациям, позиционируют себя в качестве независимых государств, развивающихся на основе своей трактовки «азиатских ценностей». Неслучайно идеологическую концепцию «азиатских ценностей» выдвинули два государства — основателя АСЕАН, Малайзия и Сингапур, причем эта идеологическая концепция нашла свое отражение в ряде документов АСЕАН (Ефимова, Хохлова, 2020). Все эти и другие явления заставляют по-новому взглянуть на соотношение идеологии и процессов экономической интеграции в современном мире, проанализировать роль и значение идеологии в развитии интеграционных объединений.

Исследованию различных аспектов влияния идеологии на осуществление экономической интеграции посвящены работы И. Валлерстайна (Wallerstein, 1990), Б. Розамонда

(Rosamond, 2000), Ю. Хабермаса (Habermas, 2009), К. Бикертонна (Bickerton, 2012), А. Хосни (Hosny, 2013) и других авторов. Идеологические основы формирования и развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) рассмотрены в работах Н.А. Назарбаева (1997), А.А. Акаева (2012), С.Ю. Глазьева (2018; 2021), И.В. Зеленовой и В.Д. Агеевой (Зеленева, Агеева, 2018), К.П. Курылева с соавторами (Курылев и др., 2021).

Целью данной работы является определение возможностей и перспектив использования идеологии евразийства для развития более прочной и эффективной экономической интеграции стран ЕАЭС. К числу задач данного исследования относятся выявление предпосылок и движущих сил формирования идеологической основы ЕАЭС, а также характеристика некоторых перспективных направлений ее развития. В качестве методологической основы исследования применены цивилизационный подход и его применение к международным отношениям в интерпретации А.Дж. Тойнби (Toynbee, 1948), Ф. Броделя (Braudel, 1994) и С. Хантингтона (Huntington, 1996). Кроме того, для анализа основ и перспектив евразийской экономической интеграции использованы концепция скрепляющей интеграции, предложенная Е. Винокуровым и А. Либманом (Libman & Vinokurov, 2012), а также концепция альянсов в международных отношениях (Walt, 2009; Березняков, Козлов, 2017).

ЕАЭС и идеологическая основа евразийской интеграции

В отличие от ЕС и ряда других интеграционных объединений ЕАЭС первоначально формировался без прочной идеологической основы. Это было обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, в России и других постсоветских странах на протяжении 1990—2000-х гг. доминировала «деидеологизация», нарочитый отказ от идеологии во внутренней политике и международных отношениях, который на деле оборачивался скрытым или явным господством либеральной идеологии в ее далеко не лучших проявлениях.

Во-вторых, при образовании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2001 г., Таможенного союза в 2010 г. и, наконец, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2014 г. «по умолчанию» предполагалось, что входящие в эти интеграционные объединения бывшие советские республики имеют общее историческое прошлое и потому не нуждаются в формировании интегрирующей идеологии. На деле оказалось, что это совсем не так, поскольку в результате политики правящих элит, смены поколений в постсоветских обществах и активного идеологического, информационного и экономического давления США и стран ЕС в государствах — членах ЕАЭС возобладало негативное отношение к дореволюционному и советскому прошлому, а также возникли различные, подчас противоречащие друг другу, представления о путях и самом значении евразийской интеграции. В ряде стран ЕАЭС значительную роль стала играть так называемая «многовекторная» внешняя политика, которая явилась следствием нерешенности проблемы цивилизационного, геополитического и идеологического выбора и по существу тормозила евразийскую интеграцию, делала ее зависимой от политической и экономической конъюнктуры.

В-третьих, в большинстве стран ЕАЭС большое значение имели не долгосрочные общегосударственные, а краткосрочные частные и корпоративные интересы, препятствовавшие формированию прочной идеологической основы евразийской экономической интеграции.

В то же время отдельные и достаточно важные попытки создать идеологическую основу для евразийской интеграции все же предпринимались. Так, один из инициаторов создания интеграционного объединения евразийских государств, первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев, опираясь на труды Л.Н. Гумилева, активно предлагал использовать евразийство в качестве идеологии экономической интеграции постсоветских стран (Назарбаев, 1997). Более того, Н.А. Назарбаев говорил и писал о формировании наднациональной евразийской идентичности у народов

России, Казахстана и Беларуси (тогдашних членов Таможенного союза) как важной предпосылке интеграционных процессов: «Сегодня наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее культурным, религиозным и языковым многообразием, но с общим стремлением к плодотворному экономическому взаимодействию и добрососедству»¹. О важной роли идеологии в интеграционных процессах на евразийском пространстве писал также С.Ю. Глазьев (2018, с. 579—594; 2021, с. 291—298). Как представляется, эти и другие подходы к формированию идеологической основы евразийской интеграции, имеют фундаментальное значение, но нуждаются в существенном развитии и адаптации к быстро меняющимся условиям.

В начале XXI в. ощущается особенно острая потребность в формировании идеологической основы евразийской экономической интеграции, вызванная нарастанием общих вызовов и угроз для стран ЕАЭС, кризисными явлениями в экономике западных стран, а также разрушительными последствиями следования догмам неолиберальной идеологии и практики. Без идеологической основы ЕАЭС и другие интеграционные объединения на евразийском пространстве будут непрочными, подверженными внутренним кризисам и влиянию извне. Как показывает международный опыт, общая или близкая идеологическая и цивилизационно-ценностная основа способствует преодолению разногласий и противоречий, неизбежно возникающих между странами, входящими в интеграционные экономические объединения (Huntington, 1996; Habermas, 2009; Libman & Vinokurov, 2012). Следует также учитывать, что ситуация в мире и на постсоветском пространстве быстро меняется: так, события в Беларуси в 2020 г. и в Казахстане в начале 2022 г. объективно подталкивают к более тесной интеграции стран ЕАЭС и формированию общей идеологической основы интеграции.

¹ Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 25.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20111121010518/http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения: 25.01.2022).

Вместе с тем при формировании и развитии идеологии евразийской интеграции необходимо, чтобы эта идеология учитывала экономические и культурные особенности стран ЕАЭС (Акаев & Pantin, 2018). По мнению экспертов из стран — членов ЕАЭС, «у каждого из государств-членов в силу различных особенностей экономического развития выстраивается собственная шкала приоритетов и актуальных задач в рамках евразийской экономической интеграции»². В связи с этим при продвижении идеологии евразийской интеграции, способной противостоять попыткам западных государств втянуть страны ЕАЭС в орбиту своего влияния, необходим учет этих особенностей и приоритетов, особая работа с элитами и массовыми группами каждой из стран ЕАЭС. При этом, по мнению различных экспертов из стран ЕАЭС, идеология евразийской интеграции прежде всего должна сочетаться с различными направлениями инновационной экономической модернизации, включая развитие инфраструктуры, услуг ИКТ, биотехнологий, образования, а также новую индустриализацию внутри ЕАЭС (Акаев, 2012; Ткачук, 2016, с. 109—110; Юн, 2017, с. 91; Еликбаев, Андропова, 2021, с. 108). В 2019 г. эксперты из стран ЕАЭС, участники Научно-экспертного совета при председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) отмечали: «Евразийская повестка должна расширяться за счет включения таких сфер, как туризм, наука, образование, спорт, культура. Будущее ЕАЭС — за общим гуманитарным пространством, ростом программ по развитию сотрудничества, проведению совместных исследований»³. Таким образом, развитие экономической интеграции предполагает постепенное

формирование общего гуманитарного пространства, которое невозможно без общей, интегрирующей идеологии и общих ценностей.

Формирование общей идеологии ЕАЭС: препятствия и предпосылки

На пути формирования общей идеологической основы интеграции и дальнейшего развития ЕАЭС существуют внутренние и внешние препятствия, которые важно учитывать и анализировать, чтобы находить эффективные средства их преодоления.

Прежде всего следует отметить упоминавшееся выше доминирование корпоративных и частных интересов в политических и экономических элитах стран ЕАЭС. Подобное доминирование во многом связано с результатами приватизации и передела собственности в период 1990-х—2000-х гг., с попытками крупных собственников и корпораций влиять в своих интересах на государственную политику и идеологические предпочтения общества. При этом неолиберальная идеология западного образца, продвигаемая некоторыми влиятельными элитными группами и кланами, как правило, вступает в глубокое противоречие с интересами широких слоев населения и национально-государственными интересами, что вызывает социальную и политическую нестабильность на евразийском пространстве. Проявлениями этой нестабильности являются «цветные» революции в Киргизии в 2005, 2010, 2020 гг., «бархатная» революция в Армении в 2018 г., попытка государственного переворота в Беларуси в 2020 г., события в Казахстане в начале 2022 г. В то же время коренные интересы национального и государственного развития стран ЕАЭС, а также трагический опыт «цветных революций» в Грузии и Украине настоятельно диктуют необходимость обуздания интересов олигархических групп, связанных с западными элитами, определяют важность более тесной интеграции стран ЕАЭС, формирования прочной идеологической и политической основы интеграции.

Еще одним важным препятствием на пути формирования современного евразийства как идеологической основы интеграции стран

² Алексеев Е. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск / гл. ред. И. С. Иванов. Москва : РСМД, 2017. С. 8. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Paper-ru.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

³ Евразийские эксперты о ЕАЭС: у Союза есть большой потенциал развития и роста // Евразийская экономическая комиссия. 15.10.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-10-2019-1.aspx> (дата обращения: 25.01.2022).

ЕАЭС являются политические и идеологические разделения в России, Беларуси, Казахстане, Киргизии, Армении, а также усиление в некоторых из этих стран этнического национализма (Семененко и др., 2017, с. 72—74). В странах ЕАЭС существуют важные идеологические и политические размежевания — прежде всего разделение на приверженцев идеологии и практики западного неолиберализма, ориентирующихся на интеграцию в ЕС, с одной стороны, и сторонников идеологии, близкой к евразийству, защите традиционных ценностей, ориентирующихся на развитие интеграции на постсоветском и евразийском пространстве, включая ЕАЭС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) — с другой. Следствием этих разделений является «многовекторная» внешняя политика ряда постсоветских государств, которая на деле приводит эти государства к глубоким внутривекторным кризисам и социально-политической нестабильности.

Политическим выражением подобного размежевания в современной России является разделение на политические партии, нацеленные на европейскую интеграцию (партии «Яблоко», «ПАРНАС» и др.), и политические партии, поддерживающие интеграцию на евразийском пространстве («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия — Патриоты России — За Правду» и др.). Сохранение и воспроизводство подобных разделений в России и других странах ЕАЭС, а также отсутствие или слабое развитие интегрирующей идеологии определяет непоследовательную и не всегда эффективную интеграцию в ЕАЭС. Следует также отметить существующее в ряде стран ЕАЭС разделение на сторонников этнического национализма и приверженцев равных прав для всех этносов и национальностей в данной стране: первые выступают за разделение общества по этническому признаку и привилегии для «титальной нации», вторые — за равные права всех граждан, независимо от их национальной принадлежности (Brubaker, 2011). В этой связи можно утверждать, что именно формирование и распространение идеологии евразийства способно эффективно противостоять этническому

национализму, представляющему серьезную угрозу стабильному экономическому и политическому развитию стран ЕАЭС.

Вместе с тем внутренние идеологические и политические размежевания в странах ЕАЭС подпитываются и провоцируются в результате информационного, политического и экономического давления стран Запада, деятельности многочисленных западных некоммерческих организаций (НКО) на территории России, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Армении. Деятельность многих НКО, финансируемых западными государствами, часто носит не конструктивный, а деструктивный характер. Эта деятельность провоцирует различные конфликты и ставит своей целью разделить страны ЕАЭС, оторвать их от России и включить в орбиту влияния США и стран ЕС. Этим же целям служит и так называемое «Восточное партнерство» ЕС с рядом постсоветских государств. Следует учитывать и постоянные попытки западных специалистов по России представить евразийство как «крайне правую» и «радикально националистическую» идеологию (Between Europe and Asia..., 2015). Противостоять многоплановому давлению США и стран ЕС на государства ЕАЭС достаточно сложно, но без выработки современной, учитывающей реалии современного мира, евразийской идеологии, а также без активного информационного отпора такому давлению обеспечить прочную экономическую интеграцию стран ЕАЭС и их реальный суверенитет невозможно.

В то же время существуют и весьма значимые, вполне реальные предпосылки и движущие силы формирования общей, интегрирующей идеологии евразийских стран. Во-первых, это историческая и культурная близость стран ЕАЭС, тесная экономическая, инфраструктурная и геополитическая взаимозависимость между ними, общие проблемы и ценности. Как бы ни пытались отдельные постсоветские страны отделиться от России и других евразийских государств, противопоставить себя им, эти попытки всякий раз ведут либо к саморазрушению, экономическому и социальному кризису, либо к потере самостоятельности. Такое положение дел связано

с тем, что в современном мире по-прежнему существуют прочные экономические, культурные и геополитические связи, сложившиеся на основе общей истории, общих ценностей и общей цивилизационной принадлежности (Huntington, 1996; *Multipolarity in the 21st Century...*, 2012; Глазьев, 2021). Разрушение этих связей неизбежно ведет к глубоким экономическим и политическим потрясениям.

Эффективными факторами лояльности населения стран ЕАЭС процессам интеграции являются наличие общей инфраструктуры, научно-техническое и культурное сотрудничество в рамках ЕАЭС, кооперация в сфере развития информационных технологий, биотехнологий и фармацевтики⁴, модернизации промышленности, а также обеспечение безопасности, включая экономическую безопасность (Экономическая безопасность ЕАЭС, 2020) и сотрудничество в военно-технической области (членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) являются страны — члены ЕАЭС и Таджикистан).

Во-вторых, это насущная и все возрастающая потребность для всех стран ЕАЭС защитить традиционные ценности, брак, семью, воспитание детей, экономику, общество и государство от разрушительных тенденций, навязываемых западными державами, с одной стороны, и от не менее разрушительных действий экстремистских течений — с другой. Это можно сделать только с помощью общей идеологии, соединяющей традиции и инновации, — современного евразийства, но никак не с помощью неолиберальной идеологии. Последняя, будучи выражением интересов транснациональных корпораций (ТНК) и глобального финансового капитала, последовательно навязывает другим государствам и всему миру «правила» и «нормы», ведущие к разрушению семьи, общества, государства и культуры. Защитить традиционные ценности, традиционную семью и культуру евразийских стран — это насущная задача и функция современной идеологии евразийства.

⁴ Кофнер Ю. История большого успеха: Общий фармацевтический рынок ЕАЭС // EADaily. 29.04.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/29/istoriya-bolshogo-uspeha-obshchiy-farmaceuticheskiy-rynok-eaes> (дата обращения: 25.01.2022).

В-третьих, движущей силой формирования общей идеологической основы для стран ЕАЭС является необходимость отстоять и сохранить свой суверенитет, экономическую и политическую независимость, свои исторические корни и самобытную культуру в условиях усиливающегося глобализма, информационных войн, попыток культурной унификации, прямого вмешательства западных стран в дела государств Евразии. Трагические примеры разрушительного военно-политического и экономического вмешательства США и других западных государств в дела Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Украины, Сирии могут служить серьезным уроком и предостережением для стран Большой Евразии и прежде всего — стран ЕАЭС.

Россия в силу ее экономической, технологической, культурной, политической и военной роли в Евразии может и должна выступить основной движущей силой и евразийской интеграции, и формирования современной евразийской идеологии (Березняков, Козлов, 2017; Курьлев и др., 2021). Для этого России, российскому государству необходимо позиционировать себя как часть евразийского экономического, цивилизационного и геополитического ареала, отличающегося от Западной Европы и Северной Америки. Эта задача в условиях разделения российского общества и российской политической элиты на «либералов-западников» и сторонников собственного, евразийского, пути развития является сложной, но ее решение поможет как сохранить целостность России с ее полиэтничностью и поликонфессиональностью, так и обеспечить стабильность на евразийском пространстве.

Евразийство как интегрирующая идеология: основные положения

При условии проведения целенаправленной и последовательной информационной, образовательной, культурной политики евразийство может стать для ЕАЭС интегрирующей идеологией, способной обеспечить более прочную экономическую интеграцию и динамичное развитие стран ЕАЭС. При этом современная евразийская идеология может

опираться как на труды ранних и поздних евразийцев, например П.Н. Савицкого (1997), Г.В. Вернадского (1997), Л.Н. Гумилева (2007), так и на работы более поздних авторов, исследовавших сходные проблемы — А.С. Панарина (1994), А.А. Акаева (2012), С.Ю. Глазьева (2021). В то же время идеология евразийства должна быть модернизирована и адаптирована к современной ситуации в мире, положению дел внутри стран ЕАЭС и современному динамичному состоянию международных отношений. Без такой модернизации и адаптации евразийство останется важным идеологическим феноменом прошлого, но не сможет играть роль эффективного противовеса западной неолиберально-глобалистской идеологии и стать по-настоящему прочной основой евразийской интеграции.

Роль евразийства как интегрирующей идеологии связана в первую очередь с тем, что евразийство исходит из реальных предпосылок формирования единого евразийского экономического и геополитического пространства, открытого для взаимодействия с другими странами и интеграционными образованиями (Ткачук, 2016, с. 94—96). Евразийство должно четко фиксировать исторические, ценностные, геополитические и цивилизационные отличия России и других стран Евразии от государств западной цивилизации. Эти отличия в современном мире становятся все более явными, о чем свидетельствует и печальный опыт «цветных революций» на постсоветском пространстве, и эгоистическая, часто циничная и временами беспомощная политика западных стран перед лицом цивилизационных и других вызовов, включая миграционный кризис в ЕС и США, катастрофический уход американцев из Афганистана, социальные последствия пандемии COVID-19, вольное или невольное поощрение международного терроризма, долгового кризиса, а также «энергетического кризиса» 2021 г.

Среди ключевых положений современной идеологии евразийства, как представляется, могут быть следующие. **Во-первых**, это чрезвычайно актуальное в современном мире утверждение ценностей и целей *социальной справедливости, традиционной семьи,*

суверенного государства, всестороннего развития человека, общества и реальной экономики. Дело в том, что под натиском идеологии западного неолиберального глобализма, выражающей интересы ТНК и глобальных финансовых структур, все перечисленные ценности и цели подвергаются массовой атаке, их пытаются во что бы то ни стало девальвировать и разрушить. По сути, происходит разрушение национального государства, семьи, воспитания детей, образования, культуры, религии, морали, постепенная деградация всех общественных связей. Вместо действительного экономического и политического суверенитета США пытаются насадить зависимость всех государств от западных ТНК и финансовых структур, сделать все государства своими вассалами, обречь все народы на роль жертв экономического грабежа и долгового порабощения. Вместо реального развития общества и экономики западные страны навязывают другим, в том числе евразийским, государствам роль сырьевых придатков, финансовую зависимость, огромные долги, жесточайшую социальную политику под давлением Международного валютного фонда. Для выживания и подлинного прогресса стран ЕАЭС требуется не слепое следование западной неолиберальной идеологии, а самостоятельное развитие, основанное на собственной евразийской идеологии. Иными словами, только евразийская интеграция, опирающаяся на евразийскую идеологию, способна обеспечить действительный суверенитет государств Евразии, их самостоятельное развитие.

Во-вторых, важным положением современного евразийства является исторически сложившаяся геополитическая, цивилизационная и культурная общность стран ЕАЭС, сходство и взаимосвязанность их коренных интересов в современном мире, особенно в ситуации нарастания глобальных геополитических и экономических угроз в виде международного терроризма, «цветных революций» и государственных переворотов, войн, глобальных эпидемий, роста долговой зависимости, усиления глобальной нестабильности. Идеология современного евразийства способна четко и аргументированно, с привлечением

соответствующих примеров, цифр и фактов показывать, что только дальнейшее развитие интеграции стран ЕАЭС в разных областях может противостоять многочисленным внутренним и внешним угрозам, обеспечить безопасность стран ЕАЭС (Акаев, 2012; Ткачук, 2016; Экономическая безопасность ЕАЭС, 2020).

В-третьих, фундаментальное положение идеологии евразийства состоит в необходимости укрепления государственности стран ЕАЭС и разработке конкретных мер по ее укреплению. Это положение является особенно актуальным в свете событий в Армении в 2018 и 2021 г., в Беларуси и Киргизии в 2020 г., в Казахстане в 2022 г. Неслучайно на международном круглом столе «ЕАЭС: треки развития в 2022 г.» белорусский эксперт и государственный деятель А. Русакович, а также ряд других экспертов заявили о важности укрепления государственных институтов, политической системы и развития социально-экономических систем стран ЕАЭС⁵.

В-четвертых, еще одним положением современной идеологии и политики евразийства может служить не только развитие экономической, инфраструктурной и технологической интеграции, но и более тесного взаимодействия в сфере образования, здравоохранения, науки и культуры. Речь, в частности, идет о постепенном развитии совместных программ обучения и стажировки преподавательских и научных кадров стран ЕАЭС, обмене школьниками и студентами, подготовке кадров в сфере науки и здравоохранения, а также более тесном взаимодействии между экспертными сообществами евразийских стран. Важным положением современной идеологии евразийства должна стать проверенная временем констатация того факта, что экономическая интеграция может успешно развиваться только при условии интеграции в других областях, прежде всего в образовании, науке и здравоохранении. Пока что

интеграция между странами ЕАЭС в перечисленных сферах сталкивается с большими трудностями (Юн, 2017, с. 90—91), что серьезно тормозит собственно экономическую интеграцию, поскольку задерживает подготовку квалифицированных кадров.

В-пятых, идеология евразийства может эффективно способствовать преодолению опасной дилеммы, возникающей перед многими постсоветскими странами и состоящей в выборе между двумя одинаково непродуктивными вариантами национально-государственного строительства: либо форсированно «создавать» нацию в ущерб государственности с неизбежным ростом этнического национализма, либо строить государство без необходимых предпосылок формирования нации (Lemay-Hebert, 2009; Семененко и др., 2017). Идеология евразийства, учитывающая культурно-исторические и политические особенности стран Евразии, может способствовать не одностороннему, а сбалансированному формированию и нации, и государства путем использования преимуществ экономической, политической и культурной интеграции для целей национально-государственного строительства.

Чтобы эти и другие положения идеологии евразийства стали реальностью, необходимо, однако, преодолеть все еще сохраняющиеся в элитах и среди интеллигенции стран ЕАЭС необоснованные иллюзии о возможности интеграции постсоветских стран в ЕС, НАТО и другие западные интеграционные союзы. Эти чрезвычайно живучие иллюзии подпитываются путем информационного, экономического, финансового, дипломатического и политического давления США и других западных стран, включая прямой подкуп представителей элиты и интеллигенции с помощью различных грантов, программ «Восточного партнерства», деятельности многочисленных НКО. В этой связи крайне важно проводить гораздо более активную, чем сейчас, информационную и культурную политику в странах Евразии, транслирующую идеи и ценности евразийства как идеологии, выражающей цивилизационные особенности их развития, показывать общность в современных условиях долгосрочных геополитических

⁵ Русакович: Позиция России помогает странам ЕАЭС самостоятельно справиться с кризисами // Евразия. Эксперт. 24.01.2022. URL: <https://eurasia.expert/rusakovich-pozitsiya-rossii-pomogaet-stranam-eaes-samostoyatelno-spravitsya-s-krizisami/> (дата обращения 25.01.2022).

и экономических интересов стран ЕАЭС и близких к ним стран ШОС, а также противоречие этих интересов интересам западных стран. При этом следует считаться с неоднозначным восприятием «классической» идеологии евразийства в постсоветских обществах, а также негативным отношением к евразийству со стороны западных экспертов и элит (см., например: (The Politics of Eurasianism..., 2017)). В этой связи следует резко активизировать разъяснительную работу в информационном пространстве, интенсивно развивать контакты между экспертами, учеными, преподавателями, представителями политической и экономической элиты стран ЕАЭС.

В информационной политике важно делать акцент на том, что только современная идеология евразийства может эффективно противодействовать радикальному и разрушительному этническому национализму, который, как уже отмечалось выше, имеет существенное влияние в ряде стран ЕАЭС. В этом плане необходимо подчеркивать роль евразийской интеграции как насущного и единственно возможного условия сохранения самостоятельности, суверенитета, территориальной целостности стран Евразии, их динамичного экономического развития, сохранения традиционных ценностей, сочетания традиций и инноваций.

Заключение

Несмотря на имеющиеся внутренние и внешние препятствия, формирование современной евразийской идеологии объективно

является необходимым условием экономической интеграции стран ЕАЭС, их динамичного развития и преодоления возникающих на этом пути противоречий. Уже в настоящее время формирующаяся идеология современного евразийства прямо или косвенно задает важные направления экономической интеграции стран ЕАЭС. Среди этих направлений — формирование и развитие единого рынка услуг, подготовка квалифицированных кадров для экономики, сотрудничество стран ЕАЭС в высокотехнологичных отраслях, включая наукоемкие производства, биотехнологии, производство лекарств и вакцин, в перспективе — возникновение общего экономического и гуманитарного пространства.

Как представляется, наиболее трудные задачи на пути расширения и углубления евразийской интеграции — это координация и согласование действий различных групп интересов в странах ЕАЭС, изменение соотношения краткосрочных и долгосрочных целей в пользу последних, преодоление необоснованно скептического отношения к идеологии евразийства у части интеллектуалов и экспертов, в том числе в России. Для решения этих задач требуются не только дальнейшая теоретическая разработка и адаптация основных положений современной идеологии евразийства, учитывающих быстрые изменения экономической и политической ситуации в мире, но и целенаправленная информационная, образовательная и культурная политика, тесное сотрудничество ученых, экспертов и государственных деятелей стран ЕАЭС.

Поступила в редакцию / Received: 23.07.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 13.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Акаев А. А. Евразийский союз и возрождение России // Геополитика и безопасность. 2012. № 3. С. 15—21.
- Березняков Д. В., Козлов С. В. Проектирование стратегии развития Евразийского экономического союза сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 58—63. <https://doi.org/10.17223/19988613/50/8>
- Вернадский Г. В. Русская история. Москва : Аграф, 1997.
- Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. Москва : Проспект, 2021.
- Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. Москва : Книжный мир, 2018.

- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Москва : АСТ, 2007.
- Еликбаев К. Н., Андронов И. В. Пять лет единому рынку услуг ЕАЭС: некоторые итоги // Современная Европа. 2021. № 2. С. 99—110. <https://doi.org/10.15211/soveurope2202199110>
- Ефимова Л. М., Хохлова Н. И. Концептуализация «азиатских ценностей» в Малайзии и Сингапуре // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 91—98. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-91-98>
- Зеленева И. В., Агеева В. Д. Идеология евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 736—745.
- Курьлев К. П., Мальшев Д. В., Хотивришвили А. А., Шабловский В. С. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 81—88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
- Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. Москва : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
- Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва : Институт философии РАН, 1994.
- Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва : Аграф, 1997.
- Семенов И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54—78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Ткачук С. П. ЕАЭС и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14, № 3. С. 94—110.
- Экономическая безопасность ЕАЭС / под ред. И. В. Андроновой. Москва : РУДН, 2020.
- Юн С. М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 89—92. <https://doi.org/10.17223/19988613/50/13>
- Акаев А., Pantin V. Central Asia as the Economic and Geopolitical Tension Nexus: Some Implications for the World Futures // World Futures. 2018. Vol. 74, no. 1. P. 36—46. <https://doi.org/10.1080/02604027.2017.1357963>
- Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacies of Russian Eurasianism* / ed. by M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. <https://doi.org/10.2307/j.ctt15nmjch>
- Bickerton C. J. European Integration: From Nation-States to Member States. Oxford : Oxford University Press, 2012. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199606252.001.0001>
- Braudel F. A History of Civilizations. New York : Alien Lane — Penguin Press, 1994.
- Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34, no. 11. P. 1785—1814. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>
- Gerber D. Constitutionalizing the Economy: German Neo-Liberalism, Competition Law and the “New” Europe // The American Journal of Comparative Law. 1994. Vol. 42, no. 1. P. 25—84. <https://doi.org/10.2307/840727>
- Habermas J. Europe: The Faltering Project. Cambridge : Polity Press, 2009.
- Hosny A. S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2, no. 5. P. 133—155.
- Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.
- Lemay-Hebert N. Statebuilding without Nation-Building? Legitimacy, State Failure and the Limits of the Institutional Approach // Journal of Intervention and Statebuilding. 2009. Vol. 3, no. 1. P. 21—45. <https://doi.org/10.1080/17502970802608159>
- Libman A., Vinokurov E. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. London : Palgrave Macmillan, 2012. <https://doi.org/10.1057/9781137271136>
- Multipolarity in the 21st Century: A New World Order* / ed. by D. Murray, D. Brown. New York : Routledge, 2012.
- Rosamond B. Theories of European Integration. Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2000.
- The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy* / ed. by M. Bassin M., G. Pozo. London : Rowman & Littlefield, 2017.
- Toynbee A. J. Civilization on Trial. New York : Oxford University Press, 1948.
- Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Theory, Culture & Society. 1990. Vol. 7, no. 2—3. P. 31—55. <https://doi.org/10.1177/026327690007002003>
- Walt S. M. Alliances in Unipolar World // World Politics. 2009. Vol. 61, no. 1. P. 86—120. <https://doi.org/10.1017/S0043887109000045>

References

- Akaev, A. A. (2012). Eurasian Union and Russia's resurgence. *Geopolitics and Security*, (3), 15—21. (In Russian).
- Akaev, A., & Pantin, V. (2018). Central Asia as the economic and geopolitical tension nexus: Some implications for the world futures. *World Futures*, 74(1), 36—46. <https://doi.org/10.1080/02604027.2017.1357963>
- Andronova, I. V. (Ed.). (2020). *Economic security of the EAEU*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Bassin, M., & Pozo, G. (Eds.). (2017). *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*. London: Rowman & Littlefield.
- Bassin, M., Glebov, S., & Laruelle, M. (Eds.). (2015). *Between Europe and Asia: The origins, theories and legacies of Russian eurasianism*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt15nmjch>
- Bereznyakov, D. V., & Kozlov, S. V. (2017). Projecting the development strategy of the Eurasian Economic Union through the prism of the International Relations' alliance theory. *Tomsk State University Journal of History*, (50), 58—63. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19988613/50/8>
- Bickerton, C. J. (2012). *European integration: From nation-states to member states*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199606252.001.0001>
- Braudel, F. (1994). *A history of civilizations*. New York: Alien Lane — Penguin Press.
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing states revisited: Projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies*, 34(11), 1785—1814. <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>
- Efimova, L. M., & Khokhlova, N. I. (2020). Conceptualization of “Asian values” in Malaysia and Singapore. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(1), 91—98. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-91-98>
- Gerber, D. (1994). Constitutionalizing the economy: German neo-liberalism, competition law and the “New” Europe. *The American Journal of Comparative Law*, 42(1), 25—84. <https://doi.org/10.2307/840727>
- Glaziev, S. Yu. (2018). *Leap into the Future. Russia in the new technological and world-economic orders*. Moscow: Knizhnyi mir publ. (In Russian).
- Glaziev, S. Yu. (2021). *Beyond the horizon of the end of history*. Moscow: Prospekt publ. (In Russian).
- Gumilev, L. N. (2007). *Rhythms of Eurasia: Epochs and civilizations*. Moscow: AST publ. (In Russian).
- Habermas, J. (2009). *Europe: The faltering project*. Cambridge: Polity Press.
- Hosny, A. S. (2013). Theories of economic integration: A survey of the economic and political literature. *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*, 2(5), 133—155.
- Huntington, S. P. (1996). *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon & Schuster.
- Kurylev, K. P., Malyshev, D. V., Khotivirshvili, A. A., & Shablovskii, V. S. (2021). SCO and EAEU in the context of Eurasian integration. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 65(2), 81—88. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
- Lemay-Hebert, N. (2009). Statebuilding without Nation-Building? Legitimacy, state failure and the limits of the institutional approach. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 3(1), 21—45. <https://doi.org/10.1080/17502970802608159>
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137271136>
- Murray, D., & Brown, D. (Eds.). (2012). *Multipolarity in the 21st century: A new world order*. New York: Routledge.
- Nazarbayev, N. A. (1997). *Eurasian Union: Ideas, practice, perspectives*. Moscow: Fond sodeistviya razvitiyu sotsialnykh i politicheskikh nauk publ. (In Russian).
- Panarin, A. S. (1994). *Russia in civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism)*. Moscow: Institut filosofii RAN publ. (In Russian).
- Rosamond, B. (2000). *Theories of European integration*. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.
- Savitsky, P. N. (1997). *Continent of Eurasia*. Moscow: Agraf publ. (In Russian).
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., & Pantin, V. I. (2017). Between the State and the Nation: Dilemmas of identity policy in post-Soviet societies. *Polis. Political Studies*, (5), 54—78. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Tkachuk, S. P. (2016). EAEU and all others. *Rossia v Global'noj Politike*, 14(3), 94—110. (In Russian).
- Toynbee, A. J. (1948). *Civilization on trial*. New York: Oxford University Press.
- Vernadsky, G. V. (1997). *Russian history*. Moscow: Agraf publ. (In Russian).
- Wallerstein, I. (1990). Culture as the ideological battleground of the modern world-system. *Theory, Culture & Society*, 7(2—3), 31—55. <https://doi.org/10.1177/026327690007002003>

- Walt, S. M. (2009). Alliances in unipolar world. *World Politics*, 61(1), 86—120. <https://doi.org/10.1017/S0043887109000045>
- Yelikbaev, K. N., & Andronova, I. V. (2021). Five years of the EAEU services common market. *Contemporary Europe*, (2), 99—110. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2202199110>
- Yun, S. M. (2017). Educational cooperation in the Eurasian Economic Union: Problems and prospects. *Tomsk State University Journal of History*, (50), 89—92. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19988613/50/13>
- Zeleneva, I. V., & Ageeva, V. D. (2018). Ideology of Eurasian integration. *Post-Soviet Studies*, 1(8), 736—745. (In Russian).

Сведения об авторе: *Пантин Владимир Игоревич* — доктор философских наук, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; ORCID: 0000-0002-4218-4579; e-mail: v.pantin@mail.ru

About the author: *Pantin Vladimir Igorevich* — PhD, Dr. of Sc. (Philosophy), Chief, Department of Comparative Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-4218-4579; e-mail: v.pantin@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42

Научная статья / Research article

Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов

С.В. Базавлук¹, К.П. Курылев¹, Л.В. Савин²¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Фонд мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств,
Москва, Российская Федерация

✉ bazavluk-sv@rudn.ru

Аннотация. Евразийство в его различных интерпретациях, от идеологии до реализации программ Евразийского экономического союза (ЕАЭС), расценивается как одна из стратегий по созданию многополярного мироустройства. В статье анализируются взгляды и оценки зарубежных авторов в отношении взаимосвязи евразийства и ЕАЭС в контексте изменений, происходящих в мировой политической системе. Авторами показаны как критические взгляды, так и попытки определения места и роли евразийской интеграции в политических и экономических взаимосвязях с другими странами и объединениями (Китаем, Вьетнамом, Европейским союзом (ЕС), Латинской Америкой). Выявлены основные тенденции в оценках евразийства и евразийской интеграции, которые можно разделить на три группы. К первой относятся негативные оценки — от характеристик евразийства и ЕАЭС как угрозы для ЕС, США и Запада до намеренной дезинформации в отношении евразийской идеологии, в частности евразийства как «парафашизма». Ко второй — более прагматичный и взвешенный взгляд с уклоном в экономическое взаимодействие, что предполагает как сотрудничество с ЕАЭС и принятие евразийской интеграции на определенных правилах, так и отказ от подобной кооперации со стороны западных стран. Третью группу составляют положительные оценки, в которых отмечается необходимость более интенсивного взаимодействия между ЕАЭС и китайским проектом «Пояса и пути». Как правило, такой позиции придерживаются китайские и некоторые российские авторы. Нероссийские концепции евразийства, получившие распространение, например, в Казахстане и Турции, представляются как модели, которые идеологически близки к классическому евразийству и проекту ЕАЭС, хотя имеют собственные национальные формулировки. Приводятся примеры межрегионального сотрудничества ЕАЭС, осуществляемого на опыте работы БРИКС по принципу «аутрич», то есть формирования дополнительных измерений в различных форматах взаимодействия. В большинстве случаев оценка евразийской интеграции и предложений по сотрудничеству со стороны иностранных авторов напрямую относится к внешней политике Российской Федерации. Часто между ЕАЭС, евразийством и национальной политикой России находят взаимосвязи и общие основополагающие элементы, что подчеркивает российскую идентичность в качестве самобытной цивилизации. В статье также отражены замечания отечественных авторов по вопросу взаимодействия ЕАЭС и ЕС. Применяется метод сравнительного анализа источников по исследуемой теме.

Ключевые слова: евразийство, ЕАЭС, Евразия, многополярность, внешняя политика, международные отношения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

© Базавлук С.В., Курылев К.П., Савин Л.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>

Eurasianism, Eurasian Economic Union and Multipolarity: Assessments of Foreign Experts

Sergei V. Bazavluk¹ , Konstantin P. Kurylev¹ , Leonid V. Savin²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Fund for Monitoring and Forecasting the Development of Cultural and Territorial Spaces,

Moscow, Russian Federation

 bazavluk-sv@rudn.ru

Abstract. Eurasianism, in its various interpretations, from ideology to the implementation of the Eurasian Economic Union (EAEU) programs, is regarded as one of the strategies of creating a multipolar world order. This article analyzes the views and assessments of foreign authors regarding the relationship between Eurasianism and the EAEU amid the changing international context. The authors present both critical and positive opinions on Eurasianism, Eurasian integration and its political and economic interlinkages with other countries and associations (China, Vietnam, the European Union (EU), Latin America). Thus, we identify three main lines of assessments on Eurasianism and Eurasian integration. The first includes negative assessments ranging from characterizing Eurasianism and the EAEU as a threat to the EU, the US, and the West in general to deliberate misinformation about the Eurasian ideology, for instance, denoting Eurasianism as “parafascism.” The second comprises more pragmatic and balanced views, with an emphasis on economic cooperation, which may imply cooperation with the EAEU and acceptance of the Eurasian integration if specific conditions are met, or cessation of such cooperation. The third group includes positive assessments and emphasizes the need for more intensive interaction between the EAEU and the Chinese Belt and Road Initiative. Such views are generally held by Russian and Chinese authors. Non-Russian conceptions of Eurasianism that gained popularity in Turkey or Kazakhstan are ideologically close to the classic Eurasianism and the EAEU, although these conceptions take a distinctive national shape. The article provides some examples of interregional cooperation promoted by the EAEU within the BRICS under the “outreach” model, i.e., adding new dimensions to existing cooperation formats. The authors arrive at a conclusion that most often the assessments of Eurasian integration and cooperation proposals by foreign experts are tied to Russian foreign policy (or experts’ opinion of it). They often find interconnections between EAEU, Eurasianism and Russian policy, which emphasize Russian identity as a marker of distinctive civilization. The article also notes comments of Russian authors on the EAEU — EU relations. The research is based on comparative analysis of analytical and research publications on the subject.

Key words: Eurasianism, EAEU, Eurasia, multipolarity, foreign policy, international relations

Acknowledgements: The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00165.

For citation: Bazavluk, S. V., Kurylev, K. P., & Savin, L. V. (2022). Eurasianism, Eurasian Economic Union and multipolarity: Assessments of foreign experts. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>

Введение

Между современными тенденциями в изменении внешнеполитических векторов России, процессом евразийской интеграции и акцентом на формирование многополярного мира существует определенная взаимосвязь, которая отражается как во внутриполитических дебатах и экспертном анализе, так и критических оценках, в том числе со стороны

зарубежных авторов. Эти взаимосвязанные тенденции демонстрируют пока еще не полностью осмысленные и отраженные в дискурсе политические процессы на постсоветском пространстве, а также вызывают определенную реакцию за рубежом.

В статье рассматриваются оценки иностранных авторов, представляющих различные школы и страны. Для этого авторами используется метод сравнительного анализа.

В настоящее время есть несколько точек зрения в отношении евразийской интеграции. На Западе четко прослеживается несколько основных линий:

1) увязывание классического евразийства и его современной интерпретации с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС);

2) оценка ЕАЭС как некоего конкурентного экономического проекта, который может угрожать интересам как Европейского союза (ЕС), так и США;

3) попытки объективно рассмотреть взаимосвязи между внешней политикой России, евразийской интеграцией и глобальными геополитическими изменениями.

Что касается оценок аналитиков и исследователей из КНР, то, как правило, это размышления о том, что ЕАЭС и инициатива «Пояс и путь» взаимно дополняют друг друга. В том же свете обычно рассматривают и проект «Большой Евразии», или Большого евразийского партнерства. Существуют и более широкие точки зрения, выходящие за рамки отдельных проектов. Например, дипломат из Шри-Ланки Д. Джаятиллека считает, что для евразийской геополитики, которую проводит Россия, наиболее осуществимым является «распространение примаковской концепции “многовекторности” на область идеологии и эволюция мягкой силы, которая действительно является многовекторной: справа, слева и в центре... Только так Россия сможет заново осознать свою роль авангарда нового исторического проекта, несущего в себе новый синтез идей и ценностей»¹.

Этот спектр мнений и замечаний важен, поскольку позволяет лучше понять как ожидания и реакцию, так и методы противодействия евразийской интеграции, которые исходят от стран ЕС и США.

В первом подразделе статьи авторами будут рассмотрены взгляды зарубежных авторов в отношении евразийской идеологии (евразийства), затем мы перейдем к различным аспектам евразийской интеграции.

¹ Jayatileka D. Toward a New Eurasian Geopolitics // Global-e Journal. 2019 (September 12). Vol. 12, no. 39. URL: <https://globalejournal.org/global-e/september-2019/toward-new-eurasian-geopolitics> (accessed: 29.08.2021).

Евразийство

Необходимо отметить, что, даже говоря о Евразии как о политико-географической реальности, «некоторые исследователи используют данный термин как для обозначения России и новых независимых государств, так и для обозначения этих государств без включения России» (Базавлук, 2018). Аналогичный подход можно обнаружить и в отношении евразийства.

По версии М. Ларуэль, гибкость евразийства как идеологии объясняет его популярность, разнообразие и широту охвата. По ее мнению, евразийство — это политическая доктрина в строгом смысле этого слова — теория нации и этноса, альтер-глобалистская философия истории, новая прагматическая формулировка «советизма», замена глобальных объяснительных схем марксизма-ленинизма, набор экспансионистских геополитических принципов для России и многое другое. Евразийство часто претендует на роль науки, причем представление о России в ней не зависит от личных соображений, а представляет собой методичный и объективный анализ российских интересов. Успех и популярность евразийства связаны с его приверженностью созданию новых академических дисциплин, таких как геополитика, культурология, конфликтология, этнопсихология и др. (Laruelle, 2008).

Теоретические предпосылки евразийства М. Ларуэль определила как:

1) отказ от Европы, Запада и капитализма через критику «атлантистского» господства, которое, как считается, несет катастрофические последствия для остального человечества;

2) утверждение культурного единства и общей исторической судьбы русских и нерусских народов России, бывшего Советского Союза и части Азии;

3) идею о том, что центральное географическое положение этого евразийского пространства естественно и неизбежно влечет за собой имперскую форму политической организации, а любое отделение обречено на провал, что не оставляет новым независимым государствам иного выбора, кроме как вернуться к единому политическому образованию;

4) веру в существование культурных констант, которые объясняют более глубокий смысл современных политических событий (Laruelle, 2008; 2020).

Однако, суммируя различные доктрины, отрефлексированные через русскую культуру, Ларуэль называет евразийство парафашизмом, поскольку, по ее мнению, это «крайнее проявление веры в Россию как стержень Евразии» (Laruelle, 2020, p. 111).

Многие западные авторы сфокусировались на теоретических работах А.Г. Дугина, увидев в них связующее звено между классическим евразийством и интеграцией в рамках ЕАЭС². Отдельными авторами указывалось, что «влияние Дугина на российскую геополитику и военную стратегию самоочевидно, хотя и спорно, насколько Путин верит в основополагающие теории, лежащие в основе идеологии Дугина... Ясно, что российское правительство взяло его “Основы геополитики” за основу своей внешней политики»³. Другие склонны упрощать евразийство и видеть в нем исключительно антизападную риторику. По этой причине возникает убеждение, что «в евразийстве есть доля истины, достаточная, чтобы сделать его убедительным для некоторых. В целом, однако, это безумная теория, основанная на некоторых довольно странных и явно ложных идеях примерно столетней давности»⁴.

Исследователь из Пенсильвании М.Р. Джонсон, специализирующийся на русской истории, отмечает: «Шокирующее невежество американских интеллектуалов, пытающихся

разобраться в евразийских концепциях, которых они не понимают, подчеркивает основные опасения Дугина. У США нет понятийного аппарата, чтобы должным образом понять всеобъемлющую онтологию евразийства. Западные и прозападные авторы, такие как Джин Вейт, Дуг Сандерс, Антон Барбашин, Ханна Говерн и Антон Шеховцов, демонстрируют ужасающее невежество, порожденное двумя вещами: во-первых, полным отсутствием у них интеллектуальной подготовки к пониманию онтологии и метафизики Дугина или кого-либо еще за исключением западного мейнстрима, и, во-вторых, что не менее важно, тем фактом, что немногие из их читателей обладают большими знаниями. Последняя проблема проявляется повсеместно и позволяет вышеперечисленным писать так, как им заблагорассудится. Это одновременно освобождает их от необходимости реального понимания и изолирует от серьезной критики»⁵.

В США также считают, что «понимание евразийского видения, которое вдохновляет российских лидеров, позволит нам принять рациональный подход к борьбе с противником, цели которого проистекают из иррациональной и опасной идеологии... В “многополярном” мире после НАТО, где американская мощь и рычаги влияния значительно уменьшены, евразийцы, которые управляют российской внешней политикой, подпитываемые их фашистской ненавистью к свободе, будут на протяжении долгого времени угрожать и подрывать американские интересы и глобальную стабильность»⁶. Несмотря на открытые дискурсивные стигмы, используемые для дискредитации евразийства, М.Р. Джонсон, тем не менее, не скрывает, что сочетание и наступление многополярного мира представляют угрозу американским интересам.

Все это, однако, не отменяет скоординированных действий по дискредитации как

² См.: Barbashin A., Thoburn H. Putin's Brain. Alexander Dugin and the Philosophy behind Putin's Invasion of Crimea // *Foreign Affairs*. March 31, 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-03-31/putins-brain> (accessed: 04.08.2021); Gilbert J. Aleksandr Dugin Wants to See a Return to Russian Imperialism // *Vice*. April 28, 2014. URL: <https://www.vice.com/en/article/3b7a93/aleksandr-dugin-russian-expansionism> (accessed: 04.08.2021).

³ MacCormac S. Aleksandr Dugin: Putin's Rasputin? // Center for Security Policy. March 4, 2015. URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/aleksandr-dugin-putins-rasputin/> (accessed: 22.08.2021).

⁴ Robinson P. Crackpoint Theories: Eurasianism // *Irrussianity*. September 30, 2014. URL: <https://irussianity.wordpress.com/2014/09/30/crackpot-theories-urasianism/> (accessed: 17.08.2021).

⁵ Johnson M. R. Russian Nationalism and Eurasianism: The Ideology of Russian Regional Power and the Rejection of Western Values // *Rusjournal.org*. URL: <https://www.rusjournal.org/wp-content/uploads/2016/02/Eurasianism.pdf> (accessed: 30.06.2021).

⁶ Rice-Cameron J. Eurasianism is the New Fascism: Understanding and Confronting Russia // *Stanford Politics*. February 2, 2017. URL: <https://stanfordpolitics.org/2017/02/02/eurasianism-new-fascism/> (accessed: 25.07.2021).

евразийства, так и ЕАЭС со стороны Запада. Плоды указанного невежества могут в дальнейшем эксплуатироваться как в западных СМИ, так и в качестве обоснования при подготовке научных текстов.

Так, в специальном докладе Freedom House за 2020 г. можно обнаружить манипулирование нарративом в отношении терминов «Евразия» и «евразийский», поскольку доклад посвящен деятельности различных политических группировок на постсоветском пространстве. При этом большинство из них проявляли антироссийские настроения и выступали против ЕАЭС. Указано, что «в Евразии также все более заметна активность ультраправых группировок. Эти антилиберальные, антиглобалистские, радикальные националистические группы поддерживают возвращение к тому, что они называют “традиционными” ценностями и идеалом “чистого” национального государства, и часто поддерживают насилие или его угрозу в качестве приемлемой тактики для продвижения этого видения»⁷.

В западной прессе и академической политологической среде начиная с 2014 г. подвергается активной критике евразийство в целом, будь то его классическая версия или какие-то аспекты, связанные с текущей евразийской интеграцией. Здесь явно прослеживается связь с референдумом в Крыму и усилиями по фальсификации любых сведений, относящихся к руководству России⁸. Например, в одной публикации наряду с салафизмом, хиндутвой, великоханьским шовинизмом, анархо-примитивизмом и движением за универсальный базовый доход евразийство упомянуто в числе десяти наиболее невнятных идеологий. При этом в описании евразийства смешаны классическое евразийство, национал-большевизм, нео-

⁷ Gordon A. A New Eurasian Far Right Rising. Reflections on Ukraine, Georgia, and Armenia // Freedom House. 2020. URL: <https://freedomhouse.org/report/special-report/2020/new-eurasian-far-right-rising> (accessed: 17.08.2021).

⁸ Busygina I., Filippov M. Russia and the Eurasian Economic Union: Conflicting Incentives for an Institutional Compromise. WP BRP 31/IR/2018 // National Research University Higher School of Economics. 2018. URL: <https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145002418/31IR2018.pdf> (accessed: 30.01.2022).

евразийство А.Г. Дугина, Таможенный союз и евразийская интеграция⁹.

Показательной является публикация американского историка Т. Фокса на сайте американского Института современной войны. Он указывает, что «концепция евразийства продолжает рассматривать регион в историческом контексте, аргументируя это тем, что из-за их общего исторического опыта у стран региона “общая судьба”... Связь с историей является недостаточно изученным, но непропорционально важным элементом эффективности России в информационных операциях и “гибридной войне”. Это (апелляции к общему историческому прошлому. — Прим. авт.) позволило России создать эффективные нарративы для региона и лежит в основе недавних российских усилий по всему региону, “направленных на развитие сотрудничества в области распространения информации за рубежом в целях привлечения внимания к российской истории... и пропаганду достижений в области военно-исторических исследований, воспитания патриотизма и сохранения военно-исторического наследия России в других странах” ...Нарративы — это главный инструмент достижения российских целей»¹⁰.

Таким образом, евразийская идеология рассматривается как один из ключевых элементов информационной войны, которую, по мнению автора, ведет Россия. Такого рода оценки далеко не единичны в среде американских военных. Так, в докладе о возможных геополитических изменениях после пандемии коронавируса, подготовленном ВВС США, в сценарии под названием «системный коллапс» упоминается активность ЕАЭС в одном контексте с китайской инициативой «Пояса и пути»¹¹.

⁹ Tormsen D. 10 Obscure Ideologies Influencing The World Today // Listverse. March 29, 2015. URL: <https://listverse.com/2015/03/29/10-obscure-ideologies-influencing-the-world-today/> (accessed: 17.08.2021).

¹⁰ Fox T. Eurasianism, History, and the Narrative Space: Why Russian Information Operations Are so Effective // Modern War Institute. December 3, 2018. URL: <https://mwi.usma.edu/eurasianism-history-narrative-space-russian-information-operations-effective/> (accessed: 26.08.2021).

¹¹ U.S. Air Force Global Futures Report: Alternative Futures of Geopolitical Competition in a Post-COVID-19

Бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ в своей публикации указывал, что «значение термина “евразийский” сильно изменилось, но оно по-прежнему предполагает стратегическое соперничество... Короче говоря, новое евразийство больше не связано с сухопутной и морской мощью XIX в. Это признание того, что эпоха западного (и особенно американского) глобального господства закончилась. Вашингтон больше не может поддерживать и позволить себе обеспечивать долгосрочное доминирование в Евразии. С экономической точки зрения ни одно государство в регионе, включая Турцию, не настолько неразумно, чтобы игнорировать рост “евразийского” потенциала, также предоставляющего стратегический баланс и экономические возможности... Чем больше Вашингтон будет пытаться сдержать или задушить евразийство как подлинную растущую силу, тем сильнее будет решимость государств стать частью этого растущего евразийского мира, даже не отвергая Запад. Все страны хотели бы иметь альтернативы. Им не нравится быть обязанными одной мировой державе, которая пытается ими командовать... Было бы недальновидно со стороны Вашингтона продолжать сосредотачивать внимание на расширении военных союзов, в то время как большая часть остального мира стремится к процветанию и росту регионального влияния»¹².

Более рационально ту же идею высказывает научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Дж. Манкофф, отмечая, что «у Соединенных Штатов есть основания для беспокойства. Экономическая и политическая логика углубления интеграции на части постсоветского пространства довольно сильна, так как региональные объединения способствуют укреплению слабых экономик, особенно в Централь-

ной Азии. Однако такая интеграция, инициируемая Россией, несет угрозу иного рода — усиление зависимости соседних государств от России, что угрожает не только их развитию, но и самостоятельности в проведении внешней политики»¹³. При этом американский эксперт подчеркивает, что интеграционные тенденции на Евразийском континенте вполне укладываются в общемировые закономерности: «Самым значительным преимуществом создания нового Евразийского союза станет возникновение огромного единого рынка и устранение барьеров для перемещения товаров и людей. Рабочим мигрантам из Центральной Азии будет проще ездить в Россию на заработки и на законных основаниях отправлять домой заработанные средства»¹⁴.

П. Стронски и Р. Соколски из Фонда Карнеги сравнивают роли ЕАЭС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС в качестве международных организаций, которые на практике содействуют реализации устремлений России к многополярности. Они пишут, что «Россия продолжает использовать совокупность методов принуждения и экономических стимулов, чтобы побудить своих соседей присоединиться, а нынешних членов остаться в организации... Значение БРИКС и ШОС для России скорее символическое, чем существенное. Они помогают Кремлю подчеркнуть как внутри страны, так и за рубежом, что Москва сохраняет международный авторитет, что у нее есть дипломатические средства для противодействия расширению западного влияния вокруг своей периферии и усилиям США и Европы по изоляции России и что Россия является глобальной, а не только евразийской или региональной державой. Участие в этих международных организациях и группах также помогает Москве противостоять попыткам Запада дипломатически изолировать Россию после продолжительной серии нарушений (международных норм. — *Прим. авт.*). Россия может быть изолирована от евроатланти-

World // Air Force Warfighting Integration Capability (AFWIC), Strategic Foresight and Futures Branch. June, 2020. P. 10. URL: https://www.afwic.af.mil/Portals/72/Documents/AFWIC%20Global%20Futures%20Report_FINAL.pdf?ver=2020-06-18-124149-070 (accessed: 30.01.2022).

¹² Fuller G. E. What is Eurasianism? // Graham E. Fuller. September 14, 2016. URL: <https://grahamefuller.com/2520-2/> (accessed: 23.07.2021).

¹³ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington? // *The National Interest*. April 19, 2012. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821?page=2> (accessed: 24.08.2021).

¹⁴ Ibid.

ческого сообщества, но участие в этих организациях демонстрирует, что Москва не изолирована от остального мира»¹⁵.

Турецкий исследователь Г. Мустафа считает, что фактически концепция евразийства и евразийская политика превратились в государственные идеологии, которые нашли отражение во внутренней, региональной и внешней политике, а также в фундаменте недавнего процесса региональной интеграции. При этом существует несколько версий евразийства. Российская геополитическая концепция евразийства со всеми ее изменениями и модификациями по-прежнему остается очень мощной, доминирующей и живой в историко-культурных, академических, а также национальных политических и идеологических дебатах и дискурсах. Турецкое евразийство — это в основном идея и видение создания содружества тюркских государств, населенных тюркскими народами, включая части России и Центральной Азии. Казахское видение евразийства и создания Евразийского союза на основе евразийской солидарности — это официальная политика (идеология), разработанная, запущенная и реализуемая президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, которая принципиально отличается от российской, турецкой и других форм с точки зрения основополагающих целей, задач, методов, направлений и механизмов реализации (Mostafa, 2013).

При всем этом необходимо учитывать, что «евразийство — идеология государственности. Все его геополитические, социокультурные, религиозные и иные аспекты вращаются вокруг проблемы власти» (Исаев, 1994, с. 55). К этому можно добавить его метаполитический феномен, где были объединены «различные идеи и концепции из культуры, религии, философии, гуманитарных наук и естествознания» (Базавлук и др., 2021, с. 60).

¹⁵ Stronski P., Sokolsky R. Multipolarity in Practice: Understanding Russia's Engagement with Regional Institutions // Carnegie Endowment for International Peace. January 8, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/01/08/multipolarity-in-practice-understanding-russia-s-engagement-with-regional-institutions-pub-80717> (accessed: 17.08.2021).

Евразийская интеграция

Если переходить от евразийской идеологии к практике интеграционных процессов в ЕАЭС, то здесь также видна роль Запада, поскольку «на развитие евразийского регионализма в 2010-е гг. повлияли опасения России по поводу внешних угроз и ее контроля над евразийским пространством» (Libman & Obydenkova, 2020, p. 360).

На начальном этапе евразийской интеграции западное сообщество довольно агрессивно реагировало на процессы, происходящие в России и странах, входящих в Таможенный союз, позже переформатированный в ЕАЭС. В частности, указывалось, что инициативы Москвы на постсоветском пространстве — не что иное, как «очередная попытка России действовать против трансатлантических связей Европы»¹⁶. При этом утверждалось, что «Евразийский союз Путина базируется на модели ЕС и Путин рассматривает Евразийский союз как часть “Большой Европы”, включая общие ценности, такие как свобода, демократия и рыночная экономика»¹⁷. В то же время автор задается вопросом, не может ли Евразийский союз действовать как некая «контр-модель», которую Россия будет использовать для конкуренции с ЕС через интеграцию соседних с Россией стран.

При сравнительном анализе двух интеграционных моделей высказывалось мнение, что ЕАЭС станет неким квазигосударством наподобие того, которое сложилось в странах ЕС на основе Маастрихтского договора и Директивы о правах граждан, представляющих собой фактическую кодификацию ранее существовавшего прецедентного права. Предоставление определенных прав экономически неактивным мигрантам, таким как члены семьи и лица, ищущие работу в странах — членах ЕАЭС, представляется определенным шагом в этом направлении. Предполагается, что при анализе развития квазигосударства до заключения Маастрихтского

¹⁶ Halbach U. Vladimir Putin's Eurasian Union. A New Integration Project for the CIS Region? // German Institute for International and Security Affairs. January, 2012. P. 2. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2012C01_hlb.pdf (accessed: 25.08.2021).

¹⁷ Ibid. P. 4.

соглашения нельзя игнорировать фундаментальную роль, которую сыграл суд, прецедентное право которого в значительной степени способствовало изменениям в ЕС. Следовательно, вопрос состоит в том, сможет ли суд ЕАЭС следовать тем же путем и, опираясь на телеологическую интерпретацию, способствовать постепенному изменению нормативно-процессуальной базы (Pirker & Entin, 2020, p. 530).

Особый интерес западные эксперты проявляли к процессу создания зоны свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС с Вьетнамом. Сама идея зародилась еще до формального создания ЕАЭС, во время визита министра промышленности и торговли Вьетнама в Москву в 2009 г., а на саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. президент России В.В. Путин представил технико-экономическое обоснование такого соглашения¹⁸. По существу, соглашение предусматривало либерализацию 88 % торговли товарами. В октябре 2016 г., когда соглашение вступило в силу, 59 % таможенных пошлин были отменены. «ЕАЭС будет открывать свой рынок для вьетнамского экспорта при снижении средней ставки пошлин с 9,7 до 2 % к 2025 г.»¹⁹.

Такая модель по принципу «аутрич»²⁰ вызывала беспокойство стран Запада по поводу установления влияния России в регионах Азии, Африки и Латинской Америки. В то же время отечественный автор В.С. Изотов предлагает применить модель «аутрич», которая была применена для формата БРИКС (по инициативе ЮАР), уже для евразийской интеграции. Для этого подходит базовый документ, подготовленный в 2018 г., — соглашение «О международных договорах

Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» (Изотов, 2020, с. 22).

Тем не менее у идеи сотрудничества между ЕС и ЕАЭС также были свои сторонники в Европе. Дискуссии на высшем политическом уровне рассматривали потенциальную сделку как способ достижения мира на Украине. Эта инициатива продвигалась в 2015 г. по мере того, как Служба внешних действий ЕС изучала возможные форматы сотрудничества. Однако в настоящее время ЕС поддерживает только технические связи и контакты с официальными лицами в Комиссии ЕАЭС и учреждениях отдельных государств-членов. Перспективы улучшения отношений или заключения «мегасделки» в ближайшем будущем остаются туманными. В то же время отмечалось, что для ЕС имело бы экономический смысл заключить ЗСТ с ЕАЭС. Обе стороны выиграли бы от общих технических стандартов, уже достигнутых благодаря использованию ЕАЭС европейских шаблонов²¹.

В ЕС также существуют сомнения, является ли либерализация торговли конечной целью России. С момента создания ЕАЭС европейцы рассматривали блок как квазитамозный союз с сомнительной экономической основой, который способствует «региональному протекционизму в противовес открытому регионализму»²². События на Украине также интерпретировались в странах ЕС как проявление Россией большего интереса к геополитике, чем к сотрудничеству, основанному на правилах²³.

²¹ Emerson M. Prospects for ‘Lisbon to Vladivostok’: Limited by a Double Asymmetry of Interests // CEPS. June 12, 2018. URL: <https://www.ceps.eu/publications/prospects-lisbon-vladivostok-limited-double-asymmetry-interests> (accessed: 20.06.2021).

²² Speech by President Barroso at the Russia — European Union — Potential for Partnership conference: “Moving into a Partnership of Choice” // European Commission. March 21, 2013. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_13_249 (accessed: 20.06.2021).

²³ Dragneva R., Delcour L., Jonavicius L. Assessing Legal and Political Compatibility between the EU Engagement Strategies and Membership of the EAEU // EU-STRAT. Working Paper. 2017. No. 07. URL: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2018/01/EU-STRAT-Working-Paper-No.7.pdf> (accessed: 30.01.2022).

¹⁸ Владимир Путин принял участие в работе Делегационного саммита АТЭС // Президент России. 07.09.2012. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/16410 (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁹ Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin’s Geopolitical Project // Foreign Policy Research Institute. October 15, 2018. P. 14. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/10/the-eurasian-economic-union-putins-geopolitical-project/> (accessed: 30.01.2022).

²⁰ Формат «аутрич» (*outreach*) предполагает привлечение к сотрудничеству региональных соседей государства, состоящего в каком-либо объединении. Изначально этот формат начал применяться в рамках БРИКС.

Однако и в адрес ЕС высказывались сомнения о возможности плодотворного сотрудничества с ЕАЭС. Отмечалось, что «если обратиться к современным проблемам ЕС, то они преимущественно связаны с “политикой сибаритства”, когда основные производства выводились в развивающийся мир (особенно в Китай), а раскручивалась идеология бесконтрольного потребления и “жизни в кредит”... Для Евразийского союза одной из первостепенных задач являются вложения в человеческий капитал» (Васильева, Лагутина, 2013, с. 239). В то же время опыт развития ЕС учитывается ЕАЭС (Глазьев, Чушкин, Ткачук, 2013; Суюнчев и др., 2020; Ушкалова, 2017), в том числе и неофункционалистский эффект «перетекания» (Фатыхова, 2019, с. 172).

Встречаются и более умеренные взгляды на возможность сотрудничества между ЕС и ЕАЭС. Так, К. Девоншир-Эллис полагает, что «членам ЕС необходимо урегулировать разногласия с Россией, а также участвовать в разработке соглашений о свободной торговле с членами ЕАЭС и за его пределами, в том числе с Африкой, частями Ближнего Востока, Центральной Азией, Индией и т. д. Статус таких стран, как Азербайджан, Грузия и Украина, а также других с точки зрения возможности доступа к торговому блоку в качестве члена все еще необходимо определить»²⁴. По его мнению, эволюция и развитие Большого Евразийского партнерства уже идет полным ходом и будет иметь значительные последствия для глобальных цепочек поставок. Это создаст новые возможности во всем регионе и окажет серьезное влияние на экономику Китая и России, а затем, по мере вступления в силу обсуждаемых в настоящее время соглашений, на Индию, страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Центральную Азию. Далее последует обновление договоров с Африкой, впоследствии к процессу может подключиться и Европа²⁵.

²⁴ Devonshire-Ellis C. Xi and Putin Place the Greater Eurasian Partnership on the Path to Realization // China Briefing. June 14, 2019. URL: <https://www.chinabriefing.com/news/xi-putin-place-greater-eurasian-partnership-path-realization/> (accessed: 15.08.2021).

²⁵ Ibid.

К. Девоншир-Эллис также отмечает, что из-за географического положения каждой из этих стран и блоков объединение в значительной степени неизбежно. При этом «можно ожидать и других изменений. Учитывая санкции и тарифные угрозы со стороны США практически для всех евразийских регионов, нельзя исключать введения системы Евразийского клирингового банка... Также возникнут другие инициативы и идеи для того, чтобы дополнить, поддержать и развить то, что происходит. Это захватывающее время для компаний, чтобы подготовиться к появлению нового динамичного торгового блока — евразийского сухопутного массива»²⁶.

В целом изменения на евразийском пространстве сами по себе обуславливают участие Китая во многих аспектах евразийского процесса, при этом Китаю все чаще приходится возглавлять региональные преобразования и формировать ключевые партнерские отношения (Ferguson, 2018). Поскольку в 2000-е гг. произошел сдвиг в мышлении о многополярности, Китай и Россия стали ядром конкурирующего с США порядка, способного оказывать как военное, так и экономическое влияние в соседних областях с оттенком идеологической дистанции. Г. Розман предполагает, что «Китай в лучшем случае будет время от времени на словах говорить о многополярности, а Россия стремится сохранить ее видимость, основанную на ее собственных предполагаемых возможностях, иллюзии ценности ЕАЭС и смутных надеждах на расширение ШОС»²⁷.

Геополитический подход и контекст многополярности

Следует резюмировать, что западный взгляд на ЕАЭС и евразийство выходит за рамки экономического анализа. Евразийскую интеграцию рассматривают как один из элементов региональной политики России, где немаловажными аспектами являются и

²⁶ Ibid.

²⁷ Rozman G. Multipolarity versus Sinocentrism: Chinese and Russian Worldviews and Relations // The Asan Forum. 2020. URL: <https://theasanforum.org/multipolarity-versus-sinocentrism-chinese-and-russian-worldviews-and-relations/> (accessed: 04.08.2021).

вопросы безопасности. В докладе RAND под названием «Большая стратегия России. Риторика и реальность» говорится, что «в российских документах показано намерение содействовать Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и другим региональным структурам в целях поддержания регионального влияния и соблюдения соглашений о сотрудничестве в области взаимной обороны и безопасности со своими региональными союзниками»²⁸. В RAND ссылаются на интерес России к динамическому сотрудничеству с новыми центрами силы, такими как Индия, Китай, Бразилия, АСЕАН и страны Персидского залива²⁹.

В предложенной модели региональных взаимоотношений, построенной на триаде из безопасности, экономики и лидерства для России, ЕАЭС полностью занимает сектор экономики. В такой конфигурации затрагиваются и вопросы безопасности, поскольку все члены ЕАЭС входят в состав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В самом исследовании постсоветское пространство фактически приравнивается к Евразии.

Поскольку в тексте упомянуты государства и объединения за пределами Евразии, такая постановка вопроса дает повод предположить, что в США увязывают евразийскую интеграцию, ограниченную постсоветским пространством, с более широкими интересами России, в том числе попытками установления многополярного мироустройства.

В одной из недавних работ по теме морских коммуникаций вокруг Евразии открыто указывалось, что изменение роли и статуса ведущих евразийских акторов приведет к изменению баланса сил на глобальном уровне. Отмечалось, что «на нас надвигается геополитический и экономический сдвиг, проявляющийся в различных морских регионах Евразии. Евразийские державы, включая Рос-

сию, Китай и Индию, все шире используют свою морскую географию, стремясь укрепить свою развивающуюся экономику, расширить свои возможности по прогнозированию военной мощи для защиты стратегических национальных интересов и усилить свое глобальное влияние... Эта меняющаяся динамика уже начала трансформировать модели морской торговли и инвестиций, а следовательно, и глобальную политическую экономику. Это также создает растущую угрозу нынешнему статус-кво мирового порядка, в котором долгое время доминировал Атлантический мир, в частности Соединенные Штаты» (*Eurasia's Maritime Rise and Global Security...*, 2018, p. 1).

Особый интерес представляют оценки западных авторов, которые носят позитивные коннотации. Так, в одном из исследований корпорации RAND от 2019 г. указано следующее: «В идеале может быть реализовано видение от Лиссабона до Владивостока, то есть общее экономическое пространство, охватывающее ЕС, ЕАЭС и промежуточные государства... Важно начать с понимания того, какие договоренности возможны и невозможны для промежуточных государств... В более широком смысле государства, не являющиеся членами (этих организаций. — *Прим. авт.*), могут устанавливать более тесные экономические отношения с обоими блоками. И сами блоки могут договориться о взаимоприемлемых договоренностях... Наше предложение предоставляет возможность промежуточным государствам извлекать выгоду из торговли с обоими блоками, а не полностью переходить на сторону одного из них и терять связь с другим. Такое развитие событий позволило бы промежуточным государствам добиться роста уровня благосостояния и стабильности. Это также помогло бы им развивать сотрудничество как с ЕС, так и с Россией и ЕАЭС, а не оппортунистически демонстрировать лояльность той или иной стороне и получать экономические выгоды в качестве вознаграждения»³⁰. При этом у авто-

²⁸ Charap S., Massicot D., Priebe M., Demus A., Reach C., Stalczyński M., Han E., Davis L. *Russian Grand Strategy. Rhetoric and Reality* // RAND Corporation. 2021. P. 22. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4200/RR4238/RAND_RR4238 synopsis.pdf (accessed: 30.01.2022).

²⁹ Ibid.

³⁰ Charap S., Shapiro J., Drennan J., Chalyi O., Krumm R., Nikitina Y., Sasse G. *A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in post-Soviet Europe and Eurasia* // RAND Corporation. 2019. P. 43. URL:

ров остается понимание геополитического дуализма. Годом ранее они же в отношении Евразии отмечали, что «региональный порядок определяется существованием двух конкурирующих наборов институтов или даже блоков: Западного или евроатлантического НАТО и ЕС, с одной стороны, и Евразийской или возглавляемой Россией ОДКБ и ЕАЭС — с другой»³¹.

Авторы из RAND в отношении диалога России с Западом констатировали, что накопилось много проблем, однако «существуют альтернативные пути. Предлагаемые детали подлежат обсуждению, но на данный момент именно отсутствие дискуссий и обсуждения этого вопроса является главной проблемой для поиска взаимоприемлемого пути вперед»³².

В данном отношении вполне своевременными видятся замечания российских ученых, которые ранее отмечали, что «в условиях отсутствия развитой концептуальной базы неоевразийской интеграции представляется принципиально важным активное обсуждение положительных и отрицательных сторон нового проекта представителями различных научных сообществ. Именно в этих спорах и происходит накопление научной аргументации и аналитических выкладок относительно проекта Евразийского союза, что может стать теоретической основой формирования стратегии неоевразийской интеграции. Инновационность данной темы заключается в том, что совершенно в ином ключе представляются классические евразийские идеи. Их современное звучание определяется не идеологией противопоставления Запада Востоку, а прагматической идеей объединения разрозненных частей Евразии в единое пространство глобального региона» (Васильева, Лагутина, 2013, с. 230).

Аналогичную проблему между тем можно обнаружить и в концепции «Большой Евразии», поскольку само это понятие вошло в научный и политический лексикон сравнительно недавно и интенсивно наполняется

новым содержанием, требующим всестороннего осмысления (Кефели, Шевченко, 2018). Например, «Большая Евразия» может вызывать ассоциации как в отношении сотрудничества ЕС и России, так и взаимодействия ЕС и ЕАЭС (Tsvyk, 2018).

Китайский взгляд на евразийскую интеграцию в качестве российской внешнеполитической стратегии шире усилий по установлению многополярности и заметно отличается от западной точки зрения. Так, Ли Ёнкань указывает, что развитие России и ЕАЭС неотделимо от развития мировой экономики. По его мнению, Россия не может смириться с реальностью, в которой она исключена из процесса разработки правил международной торговли, поэтому Большое Евразийское партнерство является новым подходом к внешней политике, который разрушает традиционные концепции, придающие значение только отношениям с США и Западом. Он считает, что сопряжение стратегий развития России и Китая имеет решающее значение не только для построения Евразийского экономического партнерства, но и для будущих перспектив этой организации (Yongquan, 2018).

Китайский исследователь также учитывает возможные риски и отмечает: Россия обеспокоена тем, что экономика Китая может навредить интеграции процессов ЕАЭС и что конкурентоспособность китайских товаров может оказать сильное внешнее давление на экономику ЕАЭС. Кроме того, изменения в ШОС могут отрицательно отразиться на эффективности механизмов многостороннего сотрудничества и консультаций в рамках этой организации. Тем не менее, он считает, что вполне реально связать Большое Евразийское партнерство с инициативой «Пояс и путь». Политические и экономические отношения Китая со странами ЕАЭС, уровень практического сотрудничества Китая со странами АСЕАН и тесное сотрудничество между Россией и государствами — членами АСЕАН дают основания быть уверенными в том, что у сопряжения инициативы «Пояс и путь» и Евразийского партнерства есть будущее. Более того, российско-китайские переговоры по Евразийскому экономическому партнерству являются важнейшим звеном в этом процессе (Yongquan, 2018, pp. 97—98).

https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (accessed: 30.01.2022).

³¹ Charap S., Shapiro J., Demus A. Rethinking the Regional Order for post-Soviet Europe and Eurasia // RAND Corporation. 2018. P. 6. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE297.html> (accessed: 30.01.2022).

³² Ibid. P. 33.

Вместе с тем и западные авторы, анализируя российско-китайское сотрудничество, отмечают, что оно может привести к глобальным, а не только региональным изменениям. «Евразия обладает большей частью мировых богатств, ресурсов и населения, но при этом имеет очень низкую экономическую связанность. Китайско-российское партнерство может коллективно создать гравитационное притяжение, которое позволит им захватить геоэкономические рычаги власти, создав альтернативу западнцентричной модели»³³. Соответственно, акцент на многополярности дополняет видение Большого евразийского партнерства как уникального межкультурного мегапроекта (Яковец, 2018). Похожего мнения придерживаются исследователи из Латинской Америки, которые также видят евразийскую интеграцию неотъемлемой частью движения к многополярности (Serbin, 2020).

Заключение

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. Китай имеет определенный интерес к ЕАЭС, при этом рассматривает российско-китайское сотрудничество как взаимовыгодное партнерство. Хотя существует вероятность превалирования синоцентризма во внешней политике Китая, в целях создания противовеса США и ЕС России выгодно взаимодействовать с Пекином. Многовекторность подхода Москвы, включая стратегию «аутрич», может содействовать достижению внешнеполитических целей России. США и ЕС в большей или меньшей степени будут

рассматривать ЕАЭС как конкурентоспособный проект, вуалируя реалистичные аналитические и экспертные оценки критикой о несостоятельности и чрезмерных геополитических амбициях России. В ЕС и США рассматривают ЕАЭС как возможный полюс многополярного мироустройства, который (в совокупности с ростом китайского могущества) значительно трансформирует глобальную экономическую и политическую систему. При этом ЕАЭС четко осмысливается как конкурирующий геополитический проект, инициированный Россией.

Несмотря на ряд отличий, общие оценки зарубежных экспертов по включению идей евразийства в текущие геополитические процессы сходятся и с мнением российских авторов, которые считают, что «концептуальное решение современной национальной политики России в русле евразийских идей определяет задачу модернизации и интеграции механизмов создания и передачи национальных ментальных парадигм, которые являются традиционными для нашей страны. Это позволит сохранить духовное и этнокультурное единство страны, консолидировать силы на основе общих ценностей и целей, обеспечит независимость и развитие Российского государства в сложных условиях глобализирующегося мира и восстановит утраченный паритет в мировой многополярной структуре» (Замарева, 2016, с. 154).

Вместе с тем позиция российских и зарубежных авторов совпадает в том, что российское евразийство, а также его тюркские варианты (турецкий, казахстанский) и интерес Китая к евразийской интеграции в целом находятся в оппозиции современным западным ценностям и геополитическим проектам.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 11.11.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Базавлук С. В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 273—283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283>
- Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В., Станис Д. В. Евразийская идеология и политические процессы // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 59—64.

- Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Проект «Евразийский экономический союз» в оценках экспертного сообщества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8, № 4. С. 229—242.
- Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. Москва : Викор Медиа, 2013.
- Замараева Е. И. Нация и национализм в философии евразийства // Соловьевские исследования. 2016. № 4 (52). С. 150—162.
- Изотов В. С. Региональная интеграция: от классики к постмодерну. Новые форматы сопряжения и аутич-сотрудничества как инструменты архитектуры многополярности // В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: доклады к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под науч. ред. Т. А. Мешковой. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 21—29.
- Исаев И. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42—55.
- Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018.
- Суюнчев М. М., Репетюк С. В., Файн Б. И., Трегубова Е. А. Разработка подходов к формированию общего электроэнергетического рынка евразийского экономического союза (ЕАЭС). Москва : РАНХиГС, 2020.
- Ушкалова Д. И. Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6. С. 100—111.
- Фатыхова В. М. Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания» // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 159—175. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175>
- Яковец Ю. В. Большое евразийское партнерство — цивилизационный мегапроект // Большое евразийское партнерство: прошлое, настоящее, будущее: избранные труды X Евразийского научного форума. Том первый. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2018. С. 397—408.
- Eurasia's Maritime Rise and Global Security: From the Indian Ocean to Pacific Asia and the Arctic* / ed. by G. Gresh. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71806-4>
- Ferguson R. J. *China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism // *Russia in Global Affairs*. 2020. No. 4. P. 100—123. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>
- Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Libman A., Obydenkova A. Global Governance and Eurasian International Organisations: Lessons Learned and Future Agenda // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33, no. 2—3. P. 359—377. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793587>
- Mostafa G. The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and Its Implications // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4, no. 2. P. 160—170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006>
- Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // *European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges* / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden : Brill, 2020. P. 508—532. https://doi.org/10.1163/9789004433076_021
- Serbin A. *Eurasia y América Latina en un mundo multipolar*. Barcelona, Buenos Aires : Icaria Editorial — CRIES, 2020.
- Tsvyk A. V. 'Greater Europe or 'Greater Eurasia'? In Search of New Ideas for the Eurasian Integration // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. Vol. 18, no. 2. P. 262—270. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270>
- Yongquan L. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two be Linked? // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 94—99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>

Сведения об авторах: Базавлук Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9739-2594; e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru

Курьлев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Савин Леонид Владимирович — генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств; ORCID: 0000-0002-0109-4200; e-mail: editor@monitorfund.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59

Научная статья / Research article

Евразийский структурализм

А.В. Шабара

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Исследуются социально-политические следствия структурно-лингвистических концепций Н.П. Трубецкого и Р.О. Якобсона, а также структурно-географической теории П.Н. Савицкого. Эти ученые, будучи зачинателями структурализма XX в., одновременно являлись и основателями евразийского движения, пытавшегося конкурировать в 1920—1930-х гг. с большевистским учением. Социолингвистический принцип «языковых союзов» и морфологическая концепция, постулированные Н.С. Трубецким, послужили основой для предложенной Р.О. Якобсоном семантической картины евразийского пространства, следствием чего стал социально-политический конструкт развития, не исчерпавший своего потенциала до сих пор. Морфологический и фонологический подходы этих двух лингвистов были подкреплены структурно-географической концепцией П.Н. Савицкого, показавшего предпосылки возникновения евразийской общности не только на лингвистическом, но и на географическом и экономическом уровнях. Лингвисты указывали на связь между языком и мышлением, формирующую представления о наличном и должном, что давало аргументы для утверждения об аксиологической близости евразийских народов. Географ П.Н. Савицкий подтверждал эти заключения исследованиями о формировании экономического родства на основе единого пространства и хозяйственной общности населения Евразии. Опираясь на эти концепции, российскими структуралистами создавалось социально-политическое учение об особой роли Евразии и ее отдельном пути, противоположном западному направлению развития. Используя отдельные положения Ф. де Соссюра, основатели евразийства создали телеологическую синтагму «идеократия — демотия — совет», которая определила структуру евразийского социально-политического пространства. Сочетание элементов евразийской структуры истолковывается коллинеарно предложенной Ф. де Соссюром триаде *langage — langue — parole*: идеократическая система, поверяемая демотией, обуславливает деятельность советов. Из этого следует, что телеологическая синтагма евразийцев «идеократия — демотия — совет» являлась антитезой большевистской синтагме «коммунизм — советская власть — совет». Идеократия здесь является оппозицией коммунизму, а демотия — советской власти. Таким образом, структура евразийского государства окончательно определялась. Идеократия понималась евразийцами как политическая система, демотия — как способ социального контроля системы, а советы в данном случае должны были стать инструментом самоуправления, объединяющего структуру евразийского государства снизу доверху.

Ключевые слова: Евразия, евразийство, структурализм, идеократия, демотия, совет, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, П.Н. Савицкий, телеологическая синтагма, структура евразийского государства

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 19-18-00165 «Евразийская идеология как объединительная для стран ЕАЭС и ШОС».

© Шабара А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Шаблага А. В. Евразийский структурализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 43—59. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59>

Eurasian Structuralism

Andrei V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The article examines the socio-political consequences of the structural-linguistic concepts of N.P. Trubetskoy and R.O. Jacobson, as well as the structural-geographical theory of P.N. Savitsky. These scientists, who were the pioneers of the structuralism of the twentieth century, were at the same time the founders of the Eurasian movement, which tried to compete with the Bolshevik doctrine in 1920—1930s. The sociolinguistic principle of “linguistic unions” and the morphological concept postulated by N.S. Trubetskoy became the basis for the semantic picture of the Eurasian space proposed by R.O. Jacobson, which resulted in a socio-political development construct that has not exhausted its potential so far. The morphological and phonological approaches of these two linguists were supported by the structural-geographical concept of P.N. Savitsky, who showed the prerequisites for the emergence of a Eurasian community not only at the linguistic, but also at the geographical and economic levels. Linguists pointed to the connection between language and thinking, which forms the idea of extant and due, which gave arguments for the assertion of the axiological proximity of the Eurasian peoples. Geographer P.N. Savitsky confirmed these conclusions with his research on the formation of the economic kinship of the population of Eurasia on the basis of a single space. Using these concepts, Russian structuralists created a socio-political doctrine about the special role of Eurasia, its separate path, opposite to the western direction of development. Applying certain provisions of F. de Saussure, the founders of Eurasianism created the teleological syntagma ideocracy — demotia — soviet, which determined the structure of the Eurasian socio-political space. The combination of elements of the Eurasian structure is interpreted collinearly of the triad proposed by F. de Saussure langage — langue — parole. The ideocratic system, verified by demotia, determines the activities of the soviets. It follows from this that the teleological syntagma of the Eurasianists, ideocracy — demotia — soviet, was the antithesis of the Bolshevik syntagma communism — Soviet authority — soviet. Ideocracy here is the opposition to communism, and demotia is opposition to Soviet authority. Thus, the structure of the Eurasian state was finally determined. Ideocracy was understood by the Eurasians as a political system, demotia, as a way of social control of the system, and in this case soviets were supposed to become an instrument of self-government, uniting the structure of the Eurasian state from top to bottom.

Key words: Eurasia, Eurasianism, structuralism, ideocracy, demotia, soviet, N.S. Trubetskoy, R.O. Jacobson, P.N. Savitsky, teleological syntagma, structure of the Eurasian state

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165 “Eurasian ideology as unifying for the EAEU and SCO countries”

For citation: Shabaga, A. V. (2022). Eurasian structuralism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 43—59. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59>

Евразийство — одно из интереснейших и самобытных направлений российской социально-политической мысли. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает его связь со структуралистским моделированием социально-политических процессов российского общества. Разумеется, не всем евразийцам был близок такой подход. Однако основатели евразийства — Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий — задали этот тон, надолго определивший основное направление и оказавший

влияние на ряд других участников движения, например Р.О. Якобсона, Н.Н. Алексеева и др. Структурализм тогда еще только зарождался, и само понятие еще не устоялось, хотя идеи швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра во втором десятилетии XX в. все чаще воздействовали на ряд смежных и несмежных с лингвистикой наук.

Как и всякому другому направлению, евразийству была свойственна неоднородность (Карсавин, 1926, с. 124). Ее природа

заклучалась в том, что его основателями были представители разных школ и даже разных областей научного знания, а дальнейшее развитие направления, в которое включились представители некогда разных политических течений, лишь усугубило это разнообразие. Но неоднородность не девальвировала основ течения, добавив евразийству дополнительные грани и выводя его на новый уровень герменевтического потенциала. Вместе с тем «всеядность» раннего евразийства привела движение к кризису 1930-х гг., когда различия представлений о дальнейшем развитии стали вступать в конфликт друг с другом.

Первоначально, невзирая на разницу подходов, евразийцы двигались в одном направлении. Им было необходимо теоретически обосновать предмет своего изучения. Поэтому на первом этапе, который и будет в фокусе нашего внимания, они старались доказать единство поля исследования, используя методы той науки, в которой каждый из них был сведущ. В данной статье мы, во-первых, затронем весьма важный, с нашей точки зрения, аспект, связанный со структуралистскими основами евразийства. До сих пор на него обращали довольно мало внимания (Глебов, 2010; Дугин, 1999, с. 5—25; Сутормин, 2014, с. 126). Во-вторых, рассмотрим основные элементы разбираемой структуры. И, в-третьих, затронем телеологическую составляющую структуры евразийского учения, которой участники движения придавали большое значение (Савицкий, 1923).

Наша работа направлена на исследование главным образом первоначального евразийства. Мы имеем в виду, прежде всего, взгляды отцов-основателей евразийства — Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, подвергнувшиеся резкой критике сразу после своего появления. Одно из наиболее известных критических определений евразийства принадлежит А.А. Кизеветтеру. В 1925 г. он охарактеризовал евразийство как «настроение, вообразившее себя системой». В качестве пояснения он добавил, что настроение породили ощущения, связанные с Первой Мировой войной и «водворением в России большевизма» (Кизеветтер, 1925, с. 50). Иначе говоря, А.А. Кизеветтер перевел евразийские концепции из

ментального разряда в сензитивный. Мы не разделяем эту точку зрения. Более того, нам кажется, что методология евразийства и отчасти его инструментальность имеют определенный потенциал даже в рамках современной политической парадигмы.

Начнем с разбора упрека А.А. Кизеветтера в отсутствии системности евразийства, поскольку это и упрек в его ненаучности и в том, что этот концепт лишен структуры. Контекст укора известного историка и политического деятеля, представлявшего кадетскую партию, очевиден. В научном мире с начала XX в. остро ощущалась потребность в новых системных теориях, не только объясняющих происходящие общественные феномены и процессы, но и обладающие прогностическими возможностями. Такое положение дел объяснялось многими обстоятельствами. Не входя в подробный разбор этого вопроса, укажем лишь на то, что имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования: контрмарксизм и геополитика.

Первое направление было связано со стремлением создания системной теории, которая могла бы конкурировать с повсеместно распространяющимся учением К. Маркса, претендовавшим на исчерпывающее объяснение всех социальных процессов. Здесь наиболее преуспели В. Зомбарт и М. Вебер, предложившие свои способы структуризации общества и его динамики (Sombart, 1987; Weber, 1934).

Второе направление было порождено желанием создать учение, в котором были бы неразрывно слиты география, политика, история, этнография, экономика, психология и практически все остальные науки, имеющие отношение к социуму. Здесь на первый план выдвинулась геополитика. Ее основатель и систематик, шведский политолог Р. Челлен, выдвинул программу объединения в рамках политической науки всех сторон общественного знания (Kjellén, 1917). Попытка евразийцев совместить в своем учении контрмарксизм и геополитику является в этом отношении весьма показательной.

В России наиболее оригинальная концепция, претендующая на универсальность, была выдвинута одним из известнейших

марксистов А.А. Богдановым, чьи попытки дальнейшего развития марксистского учения вызывали резкую критику В.И. Ленина (Ильин, 1909, с. 295). В 1913 г. А.А. Богданов издал две части «Тектологии — Всеобщей организационной науки», а в 1922 г. опубликовал окончательный вариант из трех частей (Богданов, 1922). В своей работе он задолго до Л. фон Берталанди актуализировал системный подход как универсальный принцип познания, описывая различные типы социальных структур. Возможно, эта работа была знакома А.А. Кизеветтеру, и он в соответствии с ее положениями требовал от евразийцев структурировать свои идеи по преобразованию России с тем, чтобы они приобрели явные системные свойства. Но, как бы то ни было, упоры историка были напрасны — в недостатке системности евразийцев было трудно упрекнуть.

Мы не будем подробно разбирать известную концепцию П.Н. Савицкого, раскрывавшую идею России-Евразии посредством метода месторазвития. Концепция основана на исследовании историко-политических и географо-экономических особенностей России, что уже указывает на системные признаки (Савицкий, 1921а). Заметим только, что системность тут вполне очевидна и спорить можно лишь о ее уровне, сложности предложенной системы или ее соответствии российской действительности. В последующих работах структура описываемой евразийской системы усложнялась (Савицкий, 1921б, с. 119—124), чтобы достичь своей полноты как в охватывающей все стороны социально-политического бытия (вплоть до санитарно-гигиенических мероприятий и вопросов озеленения) «Формулировке 1927 г.»¹, так и в «Научных задачах евразийства» (Логовиков, 1931б, с. 53—63).

Не меньшей системностью отличалась и концепция Н.С. Трубецкого. В ней развивались идеи, которые в дальнейшем будут использованы исследователями-структуралистами. Н.А. Бердяев, в целом критиковавший евразийцев, признавал в их учении в качестве

оригинальной лишь «туранско-татарскую концепцию» Н.С. Трубецкого (Бердяев, 1925, с. 134). Начало этой концепции положила книга Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (Трубецкой, 1920). Она послужила основой для семинара, в ходе которого перед участниками, в частности П.П. Сувчинским, Г.В. Флоровским и П.Н. Савицким, был поставлен вопрос о необходимости создания евразийской идеологии. Естественно, наибольшее влияние на разработку методологических основ оказал «зачинщик» семинара Н.С. Трубецкий. В дальнейшем он в рамках теории онтологического структурализма разработал с другим выдающимся лингвистом и евразийцем Р.О. Якобсоном концепцию о зависимости евразийского языкового союза от географических особенностей.

С этими, на первый взгляд, исключительно лингвистическими изысканиями, которые в то время уже были им вполне оформлены, связана концепция Н.С. Трубецкого об устойчивости славяно-туранских взаимодействий. По мере развития она, перейдя в политическую плоскость, приобрела структурную форму Россия-Евразия и на этой основе стала одной из идей, породивших концепцию многополярного мира. Отметим, что в дальнейшем это приобрело даже специальное внешнеполитическое следствие, заключавшееся в евразийском призыве освобождения народов Азии и Африки от колониальной зависимости (Трубецкой, 1925б, с. 57—58; Трубецкий, 1922, с. 305—306).

Смысл концепции заключался в следующем. Исследуя древнейшие состояния индоевропейских языков, их дальнейшее развитие и взаимовлияние, Н.С. Трубецкий на основании анализа лексических особенностей пришел к выводу, что в ценностном отношении славянские народы ощущают близость со своими восточными соседями, а особенности соседства с западноевропейцами сказываются на сходстве в сфере жизнедеятельности: «“Душой” славяне тянули к индоиранцам, “телом”, в силу географических и материально-бытовых условий — к западным индоевропейцам» (Трубецкой, 1921а, с. 92).

В дальнейшем, после разделения славян на три ветви, восточные славяне в силу

¹ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 3—14.

особенностей месторазвития оказались менее всего затронуты западным влиянием. Подтверждение тому Н.С. Трубецкой находит даже в особенностях музыкальной культуры, обращая внимание на восточный элемент в обрядовых и свадебных русских песнях (Трубецкой, 1921а, с. 97—99). В этой связи заметим, что вопросам музыкальной культуры евразийцы придавали особое значение, считая ее важным элементом евразийского сознания. Природа такого внимания заключается также и в том, что такие видные представители движения, как П.П. Сувчинский и А.С. Лурье, будучи деятельными музыковедами и публицистами, активно пропагандировали евразийские ценности в музыкальной среде. Они утверждали, что ни военным, ни политическим путем Россию освободить невозможно. Взамен этого в качестве альтернативы продвигалась идея культурного освобождения, которая должна была избавить страну от большевистского плена. Большую роль в культурном освобождении П.П. Сувчинский и А.С. Лурье отводили идеологическому и пропагандистскому потенциалу музыкальных произведений (Сувчинский, 1922, с. 127). В издаваемой ими в 1928—1929 гг. газете «Евразия» они печатали статьи, в которых музыкальные произведения трактовались в евразийском контексте. Собственные оперы и симфонии А.С. Лурье сочинял так, чтобы они, как он говорил, максимально соответствовали «евразийскому мировидению». И он был не одинок — схожих позиций придерживался и ряд знаменитых в западных странах русских композиторов. В.А. Дукельский стал автором нескольких статей в евразийских изданиях, а А.Н. Черепнин в одном из интервью 1933 г. выразил убеждение, что «он, как русский в искусстве, должен выполнить евразийскую миссию» (Корабельникова, 1999, с. 203). Служение миссии выразилось в том, что музыкальная трактовка симфоний приобрела у композиторов И.Ф. Стравинского, С.С. Прокофьева, В.А. Дукельского и А.Н. Черепнина черты, отвечавшие задачам национального музыкального строительства (Вишневецкий, 2005, с. 7—15, 153).

Возвращаясь к анализу структуралистского подхода Н.С. Трубецкого, отметим, что помимо целого ряда аргументов этнографического и

психологического свойства, характеризующих особые отношения русских с туранским миром (Трубецкой, 1925с, с. 370—375), ученый обращал особое внимание на языковой аспект взаимодействия. Специальному исследованию этого вопроса посвящена работа «Вавилонская башня и смешение языков». В ней Н.С. Трубецкой постулировал социолингвистический принцип «языковых союзов», в соответствии с которым языки народов, издревле соседствующих друг с другом, приобретают общие черты. Развивая эту мысль, ученый сформулировал морфологическую концепцию. Ее новизна заключалась в том, что все языки структурируются не только генетически — по семействам, но и негенетически, то есть по союзам (Трубецкой, 1923а, с. 116—117).

Концепция Н.С. Трубецкого была поддержана историком П.М. Бицилли, выступавшим за синхронность и внутреннее единство истории Старого Света. В этой связи культурную задачу своего времени он видел в поиске путей к синтезу культур Евразии, который должен представлять собой единство в многообразии. Особую роль в решении этой проблемы П.М. Бицилли уделял России, которая, по его словам, является не только посредницей, но и образцом синтеза восточных и западных культур (Бицилли, 1922, с. 334—335, 339).

Хотя сотрудничество П.М. Бицилли с евразийским движением было недолгим, оно способствовало дальнейшему развитию идей Н.С. Трубецкого и оказало влияние на структуралистскую концепцию Р.О. Якобсона. Этот исследователь, рассматривая Евразию целокупно, открыл существование евразийского языкового союза (Лубенский, 1931, с. 288). Фонологическими признаками этого союза являются отсутствие политонии (монотонии) и различия тембра согласных (Якобсон, 1931а, с. 8). На этом основании Р.О. Якобсон выделил в Старом Свете «центровые явления», обладающие кроме фонологических особенностей выраженными формами склонения, и периферийные, характерные для Западной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии (Якобсон, 1931b, с. 51—52).

Предложенная Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном семантическая картина мира

показала лингвистическую общность евразийского социума — как на изначальном, так и на благоприобретенном уровнях. Она указывала на глубинное аксиологическое единство населяющих материк народов, что создавало аргументационную базу для выводов политического порядка. В целом следует отметить, что Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон выступили продолжателями направления, предложенного за сто лет до них немецким географом В. фон Гумбольдтом, согласно которому мышление было обусловлено языковой спецификой (Humboldt, 1822). Используя эту идею, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон создали структуралистскую фонологию, которая легла в основу российского и западного структурализма. В частности, она задавала структуралистский контекст Н. Хомскому в создании поведенческой науки (*behavioral science*) на основе генеративной, универсальной грамматики (*generative, universal grammar*) и потому была названа им открытием величайшей важности (*discovery of the greatest importance*) (Chomsky, 2006, pp. 62—63, 65).

В учениях Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона были объединены восприятие существующей российской социально-политической реальности и основанные на методе «самопознания» коллективные представления этноса о самом себе (Трубецкой, 1921b, с. 72—78). При этом в качестве доказательств часто использовались аргументы лингвистического свойства. Опора на язык для объяснения социальных феноменов стала с тех пор весьма распространенной. В это время появляется гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, напрямую связывающая все когнитивные процессы со структурой языка (Whorf, 1941, pp. 197—215). Из нее следовало, что структура языка определяет парадигму мышления, что полностью соответствовало идеям Н.С. Трубецкого о природе принципиального различия в мировосприятии западных европейцев и евразийцев (Трубецкой, 1920, с. 13, 25—26, 53—55).

В конце 1930-х гг. схожие аргументы использовал М. Хайдеггер, заявлявший, что именно слово, являясь бытийствующим бытием (*Das Wort ist das wesende Seyn*), делает

сущее сущим (Heidegger, 1998, p. 140). Подобно Н.С. Трубецкому, он полагал, что именно язык во многом формирует наши представления о наличном и должном. Подход Н.С. Трубецкого получил поддержку и известного евразийца-правоведа Н.Н. Алексева, пытавшегося ввести методы структурной лингвистики в поле юриспруденции. Рассуждая об институциональном значении языка, он утверждал, что феномен языка «федералистичнее» феномена права, поскольку язык и культура не столь принудительны, как последнее (Алексеев, 1931, с. 215).

В силу этого, как бы ни развивалась в дальнейшем евразийская теория, ее всегда будут сравнивать с теми структурно-лингвистическими значениями и их культурно-исторической основой, которые заложил в нее Н.С. Трубецкой. Поэтому, рассматривая Евразию как некое семантическое пространство, можно сделать вывод, что она представляет собой не столько номинацию реальности, сколько социально-политическое заявление. Превращенное в политическую декларацию и затем в политическое действие, евразийство «вынужденно» (по словам его создателей) стало оппозицией Европе и «латинству» (Трубецкой, 1923b, с. 127—128).

В этой связи весьма показательны мысли Н.С. Трубецкого о жизненной необходимости евразийского национализма, так как без его объединяющей силы Россия-Евразия обязательно распадется на части, что станет катастрофой для составляющих ее частей. Впоследствии это нашло отражение в «Формулировке 1932 г.», где, основанный на общности судьбы, «патриотизм-национализм» объявляется феноменом, соединяющим все национальности России-Евразии². Такое утверждение, во-первых, показывает, что, хотя евразийцев и упрекали за идейную связь со славянофилами, они не воспринимали русскую общину как основу российской государственности. Строго говоря, они были против любых общин, считая их историческим реликтом. Во-вторых, они отказались от политически не оправдавшего себя славянофильства/панславизма/неославизма.

² Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Издание евразийцев, 1932. С. 24.

От Н.Я. Данилевского, считавшего общину одной из основ народного быта, евразийцы взяли идеи автаркии и извечной вражды Запада по отношению к России, а основания этой вражды лежат в различиях культурно-исторических типов (Данилевский, 2015, с. 480—481). Н.С. Трубецкой заявлял, что будущая Россия-Евразия должна вытравить дух европейской цивилизации и выстроить свою государственность на неевропейской основе (Трубецкой, 1925b, с. 57). В этом отношении евразийцам были ближе воззрения К.Н. Леонтьева, полагавшего, что на смену традиционным крестьянским общинам придут корпорации со строгим уставом, но с «*семейным характером*» (Леонтьев, 1996). В дальнейшем его идеи вкупе с идеями других, близких к народничеству, ученых (А.И. Герцена и др.)³ привели к созданию евразийской концепции демотии. За это евразийцев критиковали либералы (П.Н. Милоков, Н.А. Бердяев). П.Н. Струве воспринимал евразийство как народничество, с которым он постоянно боролся, только несколько модернизированное. Впрочем, он признавал, что евразийство представляло собой многостороннее явление, некоторые стороны которого нужно приветствовать (Струве, 1922, с. 228—229).

Одной из таких сторон евразийства, хотя и не в понимании П.Н. Струве, было его геополитическое содержание. Евразийцы истолковывали социально-политические процессы пространственно. Их отличительной чертой стало то, что геопропространственное восприятие социального мира они дополнили лингвофонологическим концептом. Н.С. Трубецкой, формально не относя себя к геополитикам, в отличие от П.Н. Савицкого, стремился дать четкий ответ на вопрос, что понимать под Евразией в геополитическом смысле. В частности, он указал и попытался обосновать пространственные характеристики геополитической Евразии, выходить за пределы которых считал нецелесообразным. В этом отношении

проявилось его отрицательное отношение к талассократическим концепциям англосаксонской геополитики, направленным на контроль всего мирового пространства, и концепциям расширения жизненного пространства (*Lebensraum*), задававшим тон в германской геополитике.

В общетеоретическом отношении у Н.С. Трубецкого и других евразийцев (П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.) есть определенное сходство с идеями французской геополитики, ведущими свое начало от П. Видаля де ла Блаша. В работах этого географа основное внимание было сосредоточено на освоении своей (в данном случае французской) территории. В качестве географического критерия евразийского пространства Н.С. Трубецкой предложил широтную доминанту, определяющую евразийские границы в рамках северной части материка. Внешнеполитическая экспансия в меридиональном отношении, с его точки зрения, теоретически неверна (там находятся государства-цивилизации с собственной традиционной культурой — Персия, Китай и др.) и потому крайне нежелательна. Выход за круг территорий, некогда входивших в состав Российской империи, он считал нежелательным и ошибочным. В этом смысле учение евразийцев было интенционно герметично, и его суть можно выразить архимедовским призывом: не трогай мои круги (*Noli tangere circulos meos!*).

Таким образом, геополитика евразийцев представляла собой смешение цивилизационного подхода, связанного с идеями Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, с некоторыми западноевропейскими концептами начала XX в. Особую приверженность геополитической концептуализации евразийского учения проявлял П.Н. Савицкий. По словам Р.О. Якобсона, он был «даровитым провидцем структурной географии» (Якобсон, 1996, с. 244) и, естественно, более других был склонен поверять политику географией. Поэтому на нем в большей степени, нежели на других евразийцах, сказалось влияние идей П. Видаля де ла Блаша и Х. Маккиндера. Эти географы заложили основу для французской и английской геополитических школ, а

³ Вступление // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921. С. IV.

их концепции в то время пользовались большой известностью. Хотя у П.Н. Савицкого можно найти лишь отдельные следы влияния POSSIBILITISTской школы П. Видаля де ла Блаша и Х. Маккиндера (концепции *Heartland*), стремление истолковывать евразийство как российскую геополитическую школу у него налицо. П.Н. Савицкий говорил о желании написать книгу по геополитике, составлял геополитические таблицы (Савицкий, 1931b, с. 102—104) и в письмах он определял себя как геополитика⁴.

С П. Видалем де ла Блашем евразийца П.Н. Савицкого сближает то, что первый называл «вопросом географии человека». Суть этого вопроса заключалась в идее, что каждый регион представляет собой громадный природный потенциал, и в раскрытии тех или иных его сторон состоит миссия народов, в разное время этот край населяющих. Именно народ, как утверждает П. Видаля де ла Блаш, задает то направление использования природы, что позволяет раскрыться ее индивидуальности (Видаля де ла Блаш, 2020). П.Н. Савицкий, рассуждая похожим образом, говорит о новом значении, которое приобрела бескрайняя евразийская степь в связи с включением ее в состав Российского государства. На смену кочевому скотоводству пришло оседлое земледелие, задавшее не только новый уровень взаимодействия с природой, но и заложившее основу целостности евразийского пространства (Савицкий, 1922, с. 350—354). Сходство концепций П.Н. Савицкого и Х. Маккиндера, во-первых, заключается в следующем: оба исходили из того, что Россия-Евразия представляет собой мировой *Heartland* (Maskinder, 1919, p. 191), или «ядро», «сердцевину» Старого Света (Савицкий, 1922, с. 355). Во-вторых, оба противопоставляют политические цели морских и сухопутных держав, рассуждают о роли кочевников в мировой политике, которых Х. Маккиндер называл номадами, и считают Россию

наследницей Монгольской империи (Maskinder, 1904, pp. 426—428, 436).

По словам П.Н. Савицкого, «на пространстве всемирной истории *западноевропейскому ощущению моря* как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно *монгольское ощущение континента*». То же ощущение континента П.Н. Савицкий приписывает и русским землепроходцам, что, с его точки зрения, объясняет размах освоения громадных пространств Евразии (Савицкий, 1928; 1922, с. 345). Наиболее точно эту идею выразил один из видных деятелей движения К.А. Чхеидзе в своих работах, посвященных русской геополитике. Он показал, что тема геополитического анализа России, как государства-материка, является чрезвычайно важной для русского евразийства (Чхеидзе, 1931, с. 114; 1927, с. 32—35). В этой связи заметим, что рассматриваемая К.А. Чхеидзе тема государства-материка представляла собой развитие идеи М.Ф. фон Таубе о феномене, калькированном им с немецкого языка как «великовладычество» или «миромощество» (*Gross und Weltmacht*) (Таубе, 1910, с. 3). Такая «историческая сверхличность», по утверждению М.Ф. фон Таубе, сверхгосударственна и сверхнародна, то есть представляет собой союзное государство или союз государств (Таубе, 1910, с. 6). Это государство столь обширно, что распространяется на целый материк, а в пределе и на два материка — возможны варианты с «двучленной Америкой» и «трехчленной Евразией, состоящей из Европы, Азии и Африки» (Таубе, 1910, с. 37—38). Сформулированная в 1904 г. идея М.Ф. фон Таубе предвосхищала концепцию панрегионов Ф. Науманна (Naumann, 1916, pp. 231—261) и К. Хаусхофера (Хаусхофер, 2001, с. 255—261) и оказалась весьма востребованной у евразийцев.

В целом, несмотря на несомненное влияние на евразийцев современных им геополитических идей, они находились в большей концептуальной зависимости от структуралистской теории Ф. де Соссюра. Его мысль, что «у языковой деятельности есть сторона индивидуальная и сторона социальная, причем одну нельзя понять без другой» (Соссюр, 2000, с. 18), была творчески переработана

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 366. Л. 75. П. Н. Савицкий — Переписка с представителями евразийского течения по редакционно-издательским, агитационным вопросам и вопросам личного характера. 28 июля — 14 марта 1928 г.

Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном. Опираясь на гумбольдтовскую идею, они перенесли сосюрговскую теорию морфофонологии в социально-политическую сферу. В итоге лингвоаксиологическое пространство Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, дополненное этногеографическим измерением П.Н. Савицкого, стало основой социально-политического конструкта евразийства. Его основными элементами стала триада идеократия — демотия — совет. Эту триаду, состоящую из взаимодополняющих политических понятий, следует воспринимать в духе сосюрговских идей о синтагматике. В данном случае мы имеем дело с конструктом, являющимся телеологической синтагмой или, если мы сменим сосюрговские категории на терминологию Р.О. Якобсона, — синтагматической смежностью телеологических компонентов (Барт, 1975, с. 140). В этой универсалии идеократия представляет собой определяющее, а определяемыми по нисходящей являются демотия и совет.

Каждый компонент синтагмы имел в мыслимой евразийцами социальной структуре специальное значение. Однако первоначально присутствие в этом конструкте «совета» вызывало у современников удивление и даже неприятие, поскольку рождало прямые ассоциации с большевистской Россией. Включение в структуру евразийского государства института советов объяснялось, с одной стороны, возможностью использовать готовую форму, уже повсеместно распространенную на российских просторах. С другой стороны, представители движения верили в способность евразийского социума к реверсивности и надеялись на переход советов к исходной основе. В силу этого евразийцы пристально вглядывались в институт советов, в котором видели наряду с демотией одну из форм народного самоуправления и отмечали его глубокую историческую укорененность. В соответствии с необходимостью сочетания диахронического и синхронического подхода Ф. де Соссюра (Saussure, 1971, pp. 129—134) большевистские советы воспринимались Н.С. Трубецким и Р. Якобсоном как текущее состояние элементов сложившейся системы, эволюционирующей в направлении евразийства. При этом в политическом отношении их

больше интересовал не диахронический (эволюционный, горизонтальный) аспект феномена советов, а синхронический (вертикальный).

Идея советов привлекала евразийцев как готовая форма организации, выработанная исторически и оправдавшая свою эффективность в ходе радикальной перестройки государственного аппарата. Разумеется, такой подход уже на категориальном уровне вызывал неприятие у значительной части русской эмиграции, поскольку признание советов как легальной формы управления представлялось ей совершенно неприемлемым. Поэтому перед евразийцами наряду с задачей объявления своего политического кредо стояли проблемы доказательного объяснения инструментов и форм будущей политической реформации. В этом ряду к институту советов было приковано особое внимание, поскольку на его примере нужно было показать целесообразность части проведенных большевиками социальных изменений.

Примечательно, что, хотя сами большевики как инициаторы революционных преобразований претендовали на то, что следовали сценарию К. Маркса, объяснения случившегося разнились даже в марксистской среде. Одна часть мировой социал-демократии встала на сторону большевиков, поверив их марксистской фразеологии о победе в России социалистической революции и пролетариата, диктатура которого в дальнейшем приведет к появлению бесклассового государства. Другая — засомневалась в возможности построения социализма в отдельной и к тому же среднеразвитой по тем временам стране, где доля рабочего класса была совсем невелика.

В результате появилось два наиболее распространенных марксистских объяснения произошедшего. Согласно первому, который в России считался большевистским, уровень технологического и социального развития общества не имел принципиального значения для осуществления пролетарской революции и дальнейшего построения социализма. Чтобы не слишком расходиться с учением К. Маркса, следовало всячески стимулировать революционные процессы в развитых странах, а после их успеха объединиться с ними, сняв, таким образом, и теоретические расхождения. Для второго подхода, который

в России рассматривали как меньшевистский, было характерно не слишком отдаляться от революционных критериев К. Маркса. В силу этого меньшевики уделяли первостепенное внимание уровню социального развития и были в большей степени ориентированы на формационные, а не ситуативные условия реализации революционной ситуации.

Советы появились в России в качестве результата революционных процессов и сразу после своего возникновения стали представителями рабочих масс (Парвус, 1906, с. 215). Трудно сказать, как отреагировал бы на эти события сам К. Маркс. С одной стороны, он был ярким сторонником социалистической революции, но он напряженно ожидал ее в другой части Европы. К русскому революционному движению К. Маркс относился не слишком серьезно, так как не видел для него сколько-нибудь значимой социальной опоры и вообще его представления о России сложились в 30—40-х гг. XIX в., когда она воспринималась частью европейцев в качестве жандарма Европы. Кроме того, К. Маркс, по собственному признанию, не являлся марксистом⁵. К этой декларации его привело знакомство с деятельностью его французских сторонников конца 1870-х гг., которые, по его мнению, неверно трактовали его теорию. Возможно, это лишний раз показывает его авторитаризм и нетерпимость к взглядам, отличающимся от его собственных, в чем его не раз упрекали А.И. Герцен и М.А. Бакунин (Герцен, 1957, с. 157—160, 165—167).

В этой связи отметим, что одним из важных отличий большевистской практики от классической марксистской теории было как раз создание советов, выполнявших функцию органов самоуправления. К. Маркс о таких органах как форме политической власти не писал. Возможно, это связано с тем, что он, как и многие пророки до него, при предсказании будущего редко входил в детали. Поэтому большевики обратились к французам как законодателям революционной моды XVIII и XIX столетий, на которых во многом ориентировался и сам К. Маркс. У французских

большевики переняли идеи комитетов, коммун, революционного террора и врагов народа, но советы были французам не знакомы.

Советы как способ самоуправления, причем, естественно, непартийного, возникли в России в ходе революционного движения 1905 г. В Февральскую революцию они вновь оказались востребованы (Милуков, 1921, с. 66). Давая интервью 19 марта 1917 г., глава революционной России князь Г.Е. Львов выразился так: «В области местного самоуправления программа Временного правительства составлена властными указаниями самой жизни. В лице местных общественных комитетов и других подобных организаций она уже создала зародыш местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущим реформам. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания новых его органов. Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления» (цит. по: Милуков, 1921, с. 67).

Описывая эти события по горячим следам, член кабинета князя Г.Е. Львова и некогда его товарищ по партии конституционных демократов П.Н. Милуков в 1920 г. выказал большой скепсис в отношении советов, считая их сочетанием утопизма и отвлеченной идеологии. В силу этого он призывал к пересмотру демократических программ, связанных с самоуправлением, посредством которых либералы, «ничего не давши народу, хотели “все” создавать “через народ”» (Милуков, 1921, с. 15).

Большевики думали по-другому. Политический потенциал советов был им хорошо известен, и в дальнейшем они пытались использовать их как опору для продвижения коммунистических идей. Крупный успех был достигнут в 1917 г., когда им удалось «большевизировать» Петроградский совет, создав тем самым предпосылку для Октябрьской революции. Пытаясь развить этот успех, большевики хотели включить «советское»

⁵ Энгельс Ф. Конраду Шмидту в Берлин. Лондон, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. Москва: Госполитиздат, 1965. С. 370.

движение в большевистскую социальную модель, стремясь поставить знак равенства между коммунистической и советской властью. Однако разница между ними была слишком очевидна. Крестьянские восстания 1918—1921 гг., охватившие целый ряд центральных губерний России, Западной Сибири и Алтая, были одновременно антибольшевистскими и просоветскими. Наибольшую известность получило беспощадно подавленное в 1921 г. Кронштадтское восстание революционных матросов, выдвинувших среди прочих требование очистить советы от коммунистов и превратить их в беспартийный орган самоуправления. Ликвидацией восстания занимался бывший лидер Петросовета в 1905 и 1917 гг. Л.Д. Троцкий. На момент подавления восстания он был одним из руководителей большевистского государства, часто именовавшегося Советской Россией. Л.Д. Троцкий определил восстание не только как контрреволюционный, но и как антисоветский мятеж. При этом он и в дальнейшем, даже будучи изгнан политическими противниками из Страны Советов, отстаивал свою правоту⁶.

Иной точки зрения придерживались евразийцы. Внимательно наблюдая за ходом гражданской войны, а затем за ходом строительства нового государства, они тоже увидели в советах большой потенциал национальной самоорганизации в масштабе всей страны. Единственное, что им не нравилось в коммунистическом подходе, — большевизация советов. По мнению евразийцев, этот инструмент взаимодействия между центральной властью и населением был лишен того, ради чего он изначально создавался. По сути, у советов была отнята не только свобода принятия решений на местном уровне, но и свобода выражения мнения по отношению к действиям вышестоящих властей. Евразийцы считали, что под личиной народовластия советы используются большевиками как инструмент воздействия на население страны. Поэтому, выступая за создание всеклассового и наднационального государства, евразийцы

заявляли о своем неприятии и даже необходимости борьбы с большевистским содержанием «форм, насильственно навязываемым коммунистической властью национальностям Союза»⁷. В то же время они ценили институт советов, видя в них важный элемент структуры будущего евразийского государства. Согласно «Формулировке 1927 г.», советский строй евразийцы рассматривали как орган установления народной воли и подбора представителей в высшую структуру евразийского государства⁸. «Основы соответствующего культуре России-Евразии государственного строя уже заложены, — писал Л.П. Карсавин. — Этим облегчена задача нашего поколения» (Карсавин, 1927, с. 239).

Отметим, что советским евразийцы признавали строй, а не власть. Власть, по их мнению, должна быть демотической. Они воспринимали демотическую власть как единственно возможную в России-Евразии, так как только такая власть смогла бы обеспечить решение тех социальных и религиозно-культурных задач, которые ставили перед собой евразийцы. Подобно власти, должны были измениться и законы. Причем, как и в случае с советской властью, первоначально за отправную точку могло быть принято и большевистское законодательство. Его следовало очистить от классово направленной и сделать демотическим, то есть общенародным (Алексеев, 1927а, с. 22). Тогда советы выполняли бы функцию отбора правящего слоя для идеократического государства, на которое в качестве цели указал Н.С. Трубецкой (Логовиков, 1931а, с. 134).

Необходимо отметить, что среди возникающих в 1918—1921 гг. политических субъектов идея советов как инструментов реализации своих идей была весьма популярна. В Германии после событий ноября 1918 г. многие революционеры стали ориентироваться на российский опыт. В силу этого концепция советской власти получила у немцев большое распространение. Власть советов

⁶ Троцкий Л. Д. Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66—67.

⁷ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага : Издание евразийцев, 1932. С. 24.

⁸ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 7.

была провозглашена в Гамбурге, Бремене, Лейпциге, Хемнице, Саксен-Готе. Даже в Гейдельберге возник совет рабочих, в который в качестве представителя местного университета был включен знаменитый социолог Макс Вебер. Однако распространявшийся в Германии институт советов получил неожиданный удар от Собрания советов империи (*Reichsrätekongress*), которое пыталось взять на себя роль рейхстага. Добившиеся в нем большинства социал-демократы, опасаясь победы российской модели, которую они сочли чрезмерно радикальной, выступили против закрепления советов в качестве конституционной основы для молодой немецкой республики.

Несмотря на поражение в Берлине, идея советов продолжала победно шествовать по городам и странам. Казалось, что советские республики появляются повсеместно. Помимо территорий бывшей Российской империи, включая Польшу, Прибалтику и Финляндию, они возникали в Германии (Бавария, Эльзас, Бремен), Румынии (Банат), Словакии (Прешов), Венгрии (Венгрия, Баранья-Байя), Италии (Лабин), Персии (Гилян). Даже на далекой европейской окраине — в Ирландии — появилась эфемерная советская республика (Лимерик). Хотя период существования советов и советских республик за пределами бывшей Российской империи исчислялся неделями и месяцами, а иногда днями, сам институт казался весьма перспективным. Крупнейший, по мнению Р.О. Якобсона (Якобсон, 2012), поэт XX в. Велемир Хлебников даже пытался вычислить время появления новых советских республик⁹.

К феномену советов присматривались и представители немарксистских направлений российской социальной мысли. В особенности это касалось тех, кто считал радикальный слом прежних императорских устоев политической власти в России неизбежным, но при этом ориентировался не на гегемонистский марксизм или демократический либерализм, а на многовековой опыт народа, являющийся естественной основой коллективного творчества.

⁹ Хлебников В. Предсказания // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Кн. 1 / под общ. ред. Р. В. Дуганова. Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2005. С. 286.

С таких позиций пытались оценивать российские события сменовеховцы. Так, бывший «кадет» Н.В. Устрялов, сменивший к 1921 г. направление на близкое евразийцам «сменовеховство», считал, что входящая в мир новая сила определяет себя только своими собственными целями. Она «обрастает» правом лишь в случае победы, что Н.В. Устрялов определял как «нормативную силу фактического» (Устрялов, 1921, с. 7). В то же время в вышедшей в одной из харбинских газет, а затем перепечатанной в пражском сборнике сменовеховцев статье Н.В. Устрялова «Patriotica» он в связи с большевистской советизацией России пишет, что «невольно приходит на память недавний лозунг кронштадтцев насчет “свободно избранных советов”»¹⁰. Из этого следовало, что Н.В. Устрялов, принимая идею советов, выступал против форм ее реализации, то есть его устраивала «негативная» деятельность большевиков, та ее часть, что соответствовала началу второго куплета русского перевода «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья». Однако он выражал неприятие продолжения «позитивной» части: «А затем мы наш, мы новый мир построим».

В этом со сменовеховцами были согласны и евразийцы. Они тоже придерживались мнения о нежизнеспособности прежнего самодержавного режима, но построение нового мира представляли отлично от большевиков, хотя были не против использовать целый ряд сложившихся при них институтов. Евразийцы предполагали сохранить советский строй со всеми его учреждениями (съездами и Центральным исполнительным комитетом) «как орган определения народной воли». Но власть должна быть передана демотическим, то есть народным, объединениям. По представлениям евразийцев, свободно изъявляемая воля граждан должна была реализовываться свои политические решения через территориальные объединения (демотии)¹¹. Принципиальным

¹⁰ Устрялов Н. «Patriotica» // Новости жизни. 1920. 17 июня.

¹¹ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 6—7.

отличием новых объединений было то, что взаимоотношения между демотией и советом осуществлялись бы на новой идеологической основе: место коммунизма должно было занять евразийство. Отличие демотии от демократии заключалось в полном народном контроле по принятию и исполнению решений, делавшем невозможным популизм и коррупцию, свойственную демократическим режимам Европы (Садовский, 1923, с. 170; Савицкий, 1931а, с. 43—44).

Евразийцы видели государство России-Евразии идеократическим. Это означало, что его высшим принципом должна была стать евразийская идея, которую Н.С. Трубецкой назвал «идеей-правительницей» (Трубецкой, 1927а, с. 3—20). Данной идее будут подчинены политика, культура, хозяйство и все остальные сферы жизнедеятельности. Опорой идеи являлись Бог, государство и народ. Не выступая против религий восточного происхождения, евразийцы особое место уделяли православию, считая, что на громадных евразийских просторах именно эта вера имеет особое объединяющее во всех смыслах значение (Савицкий, 1925а, с. 18—19). В хозяйственной сфере, по их мнению, должно разумно сочетаться плановое и индивидуальное начало, создавая условия для государственно-частной экономики, поскольку высшим призванием личности является служение общему делу. П.Н. Савицкий называет этот тип, сопрягающий лично-хозяйственное и державное начало, хозяйнодержавием (Савицкий, 1925b, с. 427—438).

Еще одной важной характеристикой хозяйственного уклада России-Евразии должна была стать автаркия. П.Н. Савицкий напрямую связывает автаркию с евразийским учением о России как «симфонической личности» и тезисом о ее географической, исторической, этнографической и лингвистической специфике (Савицкий, 1932, с. 51). Нацеленность на автаркию не подразумевала изоляцию страны от окружающего мира. Она указывала на стремление к полной от него независимости и особую роль евразийского государства. Пытаясь показать отличия евразийства от существующих режимов на

Западе Европы и в СССР, П.Н. Савицкий объявляет евразийство не только автаркичным, но и «сверхсоциалистическим» (Савицкий, 1931а, с. 8).

Отметим, что социализм принимали не все евразийцы. Н.С. Трубецкой отвергал его на том простом основании, что он являлся продуктом западной цивилизации и, значит, ничего хорошего из этого конструкта выйти не может (Трубецкой, 1925а, с. 72). Но у большинства других социализм идиосинкразии не вызывал (Карсавин, 1929).

Сверхсоциализм, о котором писал П.Н. Савицкий, означал не столько антикапитализм, сколько этатизм, под которым подразумевалась особая роль государства в идеологическом и социальном отношениях, а также его самодостаточность. Из этого следовало, что большевистская система, с точки зрения евразийцев, нуждалась в сильной коррекции, особенно в идеологическом отношении. Здесь они предполагали заменить коммунистическую идею на евразийскую. При этом значительную часть новой структуры, сложившейся при большевиках, евразийцы хотели оставить, используя в своих целях. Путем выдвижения своих депутатов в вышестоящий совет, нижестоящие, по мнению евразийцев, могут контролировать высшую власть. Совет видит в делегируемом депутате не функцию отвлеченной партийной программы, а живую «личность, выражающую их соборное сознание». Тем самым совет воплощает в жизнь подлинно демотический принцип: выражение воли и «миросозерцания целого организованным меньшинством» (Карсавин, 1927, с. 217).

Иными словами, евразийцы предполагали, сохранив во многом прежнюю структуру, задать новую цель развития, меняя тем самым смысл и характер связей среди элементов структуры. В итоге место коммунистической системы (в ее большевистском варианте) должна была занять евразийская система. По мнению евразийцев, она воплощала бы в жизнь одну из моделей континентальных суперсубъектов, восходящих к идеям Чингисхана (Вернадский, 1927, с. 157—158). Объединяющей идеей этого суперсубъекта России-Евразии являлась евразийская идея,

имеющая религиозные (православие), лингвистические (евразийский языковой союз), географические (единство евразийского пространства) и культурные (сходство культурных и хозяйственных типов) основания. Евразийская идея, воспринимая народы, населяющие Евразию, как симфоническую личность, многонародную нацию (Трубецкой, 1927b, с. 28), должна была переформатировать пространство России-Евразии на новых началах, сопрягая посредством принципа демотии две важнейшие государственные основы — божественную и народную. Также подразумевалось, что федеративная власть, воплощающая идеократию в государственную практику, будет иметь опору в выборных советах разных уровней, которые контролируются посредством демотии.

Таким образом, участники евразийского движения хотели на основе идеократии создать новый феномен политического бытия: федерацию как форму объединения евразийских народов, демотию как власть, советы как способ самоорганизации. В этом нашла бы свое проявление евразийская симфония, воплощавшая соборное начало евразийства (Карсавин, 1926, с. 124) и как онтологическая целостность представляющая духовную сплоченность всего российского сообщества (Карсавин, 1927, с. 201).

Концепция целостности стала результатом развития идеи о взаимосвязи отдельных лингвистических единиц. Ф. де Соссюр распространял эти связи через оппозицию означаемого и означающего на общественные явления, что привело к концепции взаимовлияния лингвистических и социальных феноменов. В структурном отношении это подразумевало, что означаемое может влиять на означающее или, говоря иначе, элемент языка может формировать общественное явление. В евразийском лингвогеографическом социальном пространстве это сказалось на придании особой роли трем уже упомянутым социальным понятиям: идеократии, демотии и советам.

Идеократия понималась евразийцами двояко. Во-первых, они именовали идеократией высшую власть будущего государства, основанную на служении Богу и народу

евразийских пространств. Во-вторых, под идеократией понималась форма устройства евразийского государства, представлявшаяся им как гармоничная структура будущей социальной системы, в основе которой была триада «идеократия — демотия — советы». Евразийцы полагали, что, перенеся эту структуру на поле России-Евразии, они сумеют инициировать желаемые системные изменения. При этом их вполне устраивало, что один из необходимых элементов структуры — советы — уже был легитимизирован большевиками. Оставалось вдохнуть в советы дух евразийской идеократии и подчинить их демотическому контролю.

Завершая на этом наш разбор структуралистского влияния на евразийскую социально-политическую концепцию, укажем на параллель евразийской триады с еще одним сосюровским конструктом, на который, вероятно, ориентировались евразийцы. Ранее мы обращали внимание на связь триады с синтагматической концепцией Ф. де Соссюра, где триада трактуется как телеологическая синтагма. Теперь укажем на коллинеарность триад *langage — langue — parole* (языковая деятельность — язык — речь) и *идеократия — демотия — совет*. Ф. де Соссюр понимал *langage* как систему, *langue* — как инструмент, а *parole* — как знак (Золотухин, 2016, с. 331). Из заданной парадигмы следовало, что система посредством языка предопределяет речь. Р.О. Якобсон продолжил развитие этой идеи, указав на телеологическое значение высказывания и свойственную ему внутреннюю иерархию: «Это центральное место в структурной лингвистике так, как я ее определил вслед за Трубецким» (Якобсон, 1996, с. 183).

Сочетание элементов евразийской структуры истолковывается аналогично: идеократическая система, поверяемая демотией, обусловливает совет. В этом случае телеологическая синтагма евразийцев «идеократия — демотия — совет» является антитезой большевистской синтагме «коммунизм — советская власть — совет». Идеократия здесь является оппозицией коммунизму, а демотия — советской власти. Таким образом, структура евразийского государства окончательно

определяется. Идеократия понимается полняют во многом знаковую роль «мощного евразийцами как политическая система, де- орудия» (Алексеев, 1927b, с. 259), объединя- мотия — как инструмент социального кон- ющего структуру евразийского государства тrolля системы, а советы в данном случае вы- снизу доверху.

Поступила в редакцию / Received: 31.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 04.10.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Алексеев Н. Н.* Записка о суде // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927a. С. 16—22.
- Алексеев Н. Н.* Советский федерализм // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского и Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927b. С. 240—262.
- Алексеев Н. Н.* Современные задачи правоведения // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издание евразийцев, 1931. С. 213—220.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. Москва : Прогресс, 1975. С. 114—163.
- Бердяев Н. А.* Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134—139.
- Бицилли П. М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 317—340.
- Богданов А. А.* Тектология — Всеобщая организационная наука. Берлин — Санкт-Петербург : б/и, 1922.
- Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 153—164.
- Видал де ла Блаш П.* Географические картины Франции. Москва : ООО «ВАШ ФОРМАТ», 2020.
- Вишневецкий И. Г.* «Евразийское уклонение» в музыке 1920—1930-х годов. Москва : Новое литературное обозрение, 2005.
- Герцен А. И.* Былое и думы : собр. соч. в 30 т. Т. 11. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. Москва : Новое издательство, 2010.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва : Академический Проект, 2015.
- Дугин А. Г.* Преодоление Запада (Эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Москва : Аграф, 1999. С. 5—25.
- Золотухин Д. С.* Терминологическая триада «langue — language — parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель XXI век. 2016. № 3—2. С. 329—334.
- Ильин Вл.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва : Звено, 1909.
- Карсавин Л. П.* Основы политики // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 185—239.
- Карсавин Л. П.* Ответ на статью Бердяева об евразийцах // Путь. 1926. № 2. С. 124—127.
- Карсавин Л. П.* Социализм и Россия // Евразия. 1929. № 8. С. 1—2.
- Кизеветтер А. А.* Евразийство // Русский экономический сборник. Вып. 3 / под ред. С. Н. Прокоповича. Прага : Издание Экономического кабинета при Культурно-просветительском отделе Земгора, 1925. С. 50—65.
- Корабельникова Л. З.* Александр Черепнин. Долгое странствие. Москва : Языки русской культуры, 1999.
- Леонтьев К. Н. А. И.* Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль» // Восток, Россия и славянство. Т. II. Москва : Республика, 1996. С. 262—267.
- Логовиков П. В.* Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931a. С. 129—134.
- Логовиков П. В.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931b. С. 53—63.

- Лубенский С. Евразийская библиография 1921—1931. Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931. С. 285—317.
- Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. I. Вып. I: Противоречия революции. София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
- Парвус А. Л. Россия и революция. Санкт-Петербург : б/и, 1906.
- Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-ых годах // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931а. С. 1—52.
- Савицкий П. Н. Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931б. С. 87—104.
- Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925а. С. 5—23.
- Савицкий П. Н. Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество») // Русская мысль. 1921а. Кн. 1—2. С. 119—138.
- Савицкий П. Н. Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921б. С. 104—125.
- Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага : Евразийское книгоиздательство, 1928.
- Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 9—17.
- Савицкий П. Н. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град. 1932. № 5. С. 43—55.
- Савицкий П. Н. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 341—356.
- Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925б. С. 406—445.
- Садовский Я. Д. Оппонентам евразийства (Письмо в редакцию Я. Д. Садовского) // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 149—174.
- Сосюр Ф., де. Заметки по общей лингвистике. Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000.
- Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Русская мысль. 1922. Кн. 1—2. С. 222—231.
- Сувчинский П. П. Вечный устой // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 99—133.
- Сутормин С. О. Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 126—131.
- Таубе М. Ф., фон. Образование великодержавных единиц. Петроград : б/и, 1910.
- Трубецкой Н. С. «Русская проблема» // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 294—316.
- Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923а. С. 107—124.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921а. С. 86—103.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София : б/и, 1920.
- Трубецкой Н. С. Мы и другие // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925а. С. 66—81.
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин : б/и, 1925б.
- Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927а. С. 3—20.
- Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925с. С. 351—377.

- Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921b. С. 71—85.
- Трубецкой Н. С.* Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927b. С. 24—30.
- Трубецкой Н. С.* Соблазны единения // Россия и латинство: сборник статей / под ред. М. Н. Бурнашева. Берлин : б/и, 1923b. С. 9—15.
- Устрялов Н.* Фрагменты (О разуме права и праве истории) // Смена веков. 1921. № 1. С. 6—8.
- Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. Москва : Мысль, 2001.
- Чхеидзе К. А.* Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931. С. 105—114.
- Чхеидзе К. А.* Лига Наций и государства-материки // Евразийская хроника. Вып. VIII / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 32—35.
- Якобсон Р. О.* Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. Москва : Гилея, 2012.
- Якобсон Р. О.* Доклад Р.О. Якобсона. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. Прага : б/и, 1931a. С. 7—12.
- Якобсон Р. О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж : б/и, 1931b.
- Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное (Работы разных лет). Москва : Гнозис, 1996.
- Chomsky N.* Language and Mind. New York : Cambridge University Press, 2006.
- Heidegger M.* Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte abhandlungen Vorträge — Gedachtes. Band 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1998.
- Humboldt W., von.* Über die Entstehung der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. Berlin, 1822.
- Kjellén R.* Der Staat als Lebensform. Leipzig : S. Hirzel, 1917.
- Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York : Holt, 1919.
- Mackinder H. J.* The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII, no. 4. P. 421—437.
- Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1916.
- Saussure F., de.* Cours de linguistique générale. Paris : Payot, 1971.
- Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1—3. Munich : Dtv Reprint, 1987.
- Weber M.* Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus. Tübingen : Mohr, 1934.
- Whorf B. L.* The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Language, Culture, and Personality: Essay in Memory of Edward Sapir / ed. by L. Spier, A. I. Hallowell, S. S. Newman. Menasha, Wisconsin : Sapir Memorial Publication Fund, 1941. P. 197—215.

Сведения об авторе: *Шаблага Андрей Владимирович* — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7610-9721; e-mail: shabaga-av@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76

Научная статья / Research article

Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан

А. Вахшитех¹, **М.В. Лапенко²**, **А. Мукашева³**¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация³Международный научный комплекс Астана, Нур-Султан, Республика Казахстан
✉lapenkomv@mail.ru

Аннотация. Идея создания Евразийского союза принадлежит первому президенту Республики Казахстан Нурсултану Назарбаеву. До 2011 г. данная инициатива была популярна в академической и экспертной среде Республики Казахстан (РК) и пользовалась широкой общественной поддержкой. Частично она нашла воплощение в создании таких региональных организаций, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С 2011 г. Астана утратила лидерство в продвижении евразийской интеграции, и хотя Казахстан является активным участником Евразийского экономического союза (ЕАЭС), инициатива постепенно перешла к Российской Федерации. Статья посвящена анализу генезиса евразийской идеи и евразийской практики в РК, выделению качественных этапов в распространении идей евразийства и евразийской интеграции в этом государстве. Используются методы сравнительного анализа, ивент-анализа, политического мониторинга и отслеживания процессов. Авторы приходят к выводу, что идейное наполнение евразийства в РК прошло определенный генезис и практически исчерпало себя на данном этапе. В настоящее время Казахстан занял позицию жесткого экономического детерминизма в реализации проекта ЕАЭС и отошел от широкого комплекса задач евразийской интеграции в том виде, в каком их первоначально сформулировал Н. Назарбаев. Во многом это обусловлено внутривнутриполитическим развитием РК, изменением этнического состава населения, приходом нового поколения управленцев, а также началом нового этапа формирования национального государства и нациестроительства, что нашло отражение в новых концептуальных документах и национальных программах. При этом именно евразийство отвечало специфике казахстанского общества, способствовало межэтническому взаимодействию и межнациональной гармонии, точно так же как на данном этапе евразийская интеграция способствует сохранению суверенитета Казахстана и укреплению его позиции в системе мировых экономических отношений. Однако присутствует существенный понятийный и смысловой разрыв между пониманием сути евразийства и современной практикой построения устойчивого евразийского интеграционного ядра, активным участником которого мог бы стать Казахстан.

Ключевые слова: евразийство, евразийская идея, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Республика Казахстан, Нурсултан Назарбаев

Благодарности: Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования МОН РК BR10965282 «Казахстано-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

© Вахшитех А., Лапенко М. В., Мукашева А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Вахшитех А., Лапенко М. В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 60—76. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76>

Genesis of the Eurasian Idea and Eurasian Practice in the Republic of Kazakhstan

Ahmad Vakhshiteh¹ , Marina V. Lapenko² , Aisha Mukasheva³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Saratov State University, Saratov, Russian Federation

³International Scientific Complex Astana, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

lapenkomv@mail.ru

Abstract. The idea of creating the Eurasian Union belongs to the First President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. Until 2011, this initiative was popular in the academic and expert community of Kazakhstan. There has been a groundswell of support. It was partially embodied in the foundation of such regional organizations as the Eurasian Economic Community, the Shanghai Cooperation Organization, and the Collective Security Treaty Organization. Astana has lost leadership in promoting Eurasian integration since 2011. Although Kazakhstan is an active participant in the Eurasian Economic Union (EAEU), the initiative is gradually being transferred to the Russian Federation. This article is devoted to the analysis of the genesis of the Eurasian idea and Eurasian practice in Kazakhstan, highlighting the qualitative stages in the dissemination of the ideas of Eurasianism and Eurasian integration in Kazakhstan. Comparative analysis, event analysis, political monitoring and process of tracking were used in the article. The authors conclude that the ideological content of Eurasianism in Kazakhstan has undergone a certain genesis and has almost exhausted itself at this stage. Kazakhstan has now taken a stand on rigid economic determinism in the implementation of the EAEU project and has moved away from the broad set of tasks of Eurasian integration, as originally presented by N. Nazarbayev. This is largely due to the internal political development of the Republic of Kazakhstan, the changes in the ethnic composition of the population, the arrival of a new generation of managers, the beginning of a new stage in the formation of a national state and nation-building, which are reflected in new conceptual documents and national programs. At the same time, it was Eurasianism that corresponded to the specifics of Kazakhstani society and contributed to interethnic interaction and harmony, just as at this stage, Eurasian integration helps to preserve Kazakhstan's sovereignty and strengthen its position in the system of global economic relations. However, there is a significant conceptual and semantic gap in understanding the essence of Eurasianism and the current practice of building a sustainable Eurasian integration core, an active participant of which Kazakhstan could become.

Key words: Eurasianism, Eurasian idea, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev

Acknowledgements: The article has been prepared within the framework of the program of targeted financing of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan BR10965282 “Kazakhstan-Russian border: historical context and new geopolitical reality”.

For citation: Vakhshiteh, A., Lapenko, M. V., & Mukasheva, A. (2022). Genesis of the Eurasian idea and Eurasian practice in the Republic of Kazakhstan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 60—76. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76>

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет один из наиболее успешных примеров развития региональной интеграции на евразийском пространстве, поскольку он создан уже независимыми государствами, имеющими четкие представления о тенденциях развития мировой экономики и

своём месте в системе международных экономических отношений. Даже в условиях пандемии COVID-19 интеграционное взаимодействие не прекращается, а, наоборот, приобретает новую динамику, например, растёт доля электронной торговли. При этом дальнейшее развитие Евразийского экономического союза будет зависеть от наличия

определенной идеологии или стратегии развития евразийской интеграции, а также устойчивого интеграционного ядра, которое будет задавать темпы интеграции и определять ее перспективы.

Таким интеграционным ядром могла бы стать так называемая «евразийская тройка» — Республика Казахстан, Российская Федерация и Республика Беларусь, поскольку именно эти страны дальше всего прошли по глубине интеграции еще в рамках Евразийского экономического сообщества (а Россия и Беларусь — Союзного государства), именно эти страны лидируют по темпам экономического развития и интеграционному потенциалу. Однако для того, чтобы сформировалось данное интеграционное ядро, необходима не только политическая воля лидеров стран, которая имеется, но и широкая поддержка всех евразийских интеграционных инициатив среди общества, экспертов и бизнеса. И здесь находится самая большая проблема — это отсутствие единого подхода к определению того, что мы считаем «евразийской интеграцией», ее целей и задач, и как мы определяем евразийскую идею и евразийскую идеологию.

В каждой из стран «евразийской тройки» существуют разные подходы к определению евразийства и евразийской интеграции, а также присутствует как большое количество сторонников углубления интеграции, так и достаточно весомое число критиков и противников расширения сотрудничества. И в России, и в Беларуси, и в Казахстане можно выделить идейное и теоретическое течения евразийства, которые при этом находятся в серьезном разрыве с практической реализацией евразийской интеграции и принципами функционирования Евразийского экономического союза (Ларюэль, 2015).

Предпосылки и истоки развития евразийской идеи в Казахстане

Точкой отсчета идеи евразийского проекта в Казахстане принято считать выступление первого президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева 29 марта 1994 г. в стенах Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и

анонсирование проекта «О формировании Евразийского союза» для представителей российского бизнеса, творческой интеллигенции и СМИ¹. Однако еще двумя месяцами ранее, 22 марта 1994 г., президент Казахстана выступил в Королевском институте международных отношений *Chatham House* (Лондон, Великобритания) с анализом тенденций развития постсоветской интеграции и обоснованием необходимости создания нового эффективного и реально работающего союза на основе интеграционного «ядра» с возможным названием «Евро-Азиатский союз» (Назарбаев, 1997, с. 26).

Известно, что Н.А. Назарбаев был противником распада Советского Союза, и именно он первым из политиков постсоветского пространства выступил с инициативой создания Евразийского союза (ЕАС). Большинство экспертов сходятся во мнении, что именно Н. Назарбаев заложил основы нового этапа в развитии евразийства как политико-философской концепции, так и интеграционной практики.

В проекте ЕАС на 11 страницах дан объективный анализ развития интеграционных процессов на пространстве СНГ и убедительно доказано, что необходим новый этап интеграции, направленный как на экономические преобразования, так и на широкий спектр взаимодействия в сфере культуры, науки, образования и даже территориальной целостности, региональной безопасности и создания общего оборонного пространства. Проект инициировал создание Евразийского союза как «союза независимых равноправных государств, направленного на реализацию национальных интересов каждой страны-участницы», объединения, имеющего «совокупный интеграционный потенциал» (Назарбаев, 1997, с. 44). Союз, по мнению Н. Назарбаева, должен строиться вокруг трех главных опор: общих наднациональных органов управления экономикой, обороной и внешней политикой; единого экономического пространства (ЕЭП); общего оборонного комплекса (Назарбаев, 1997, с. 44—50).

¹ Евразийский проект Нурсултана Назарбаева // Известия. 13.05.2014. URL: <https://iz.ru/news/570751> (дата обращения: 05.10.2021).

После анонсирования проекта «О формировании Евразийского союза» президент Казахстана дал развернутое интервью под названием «Евразийскому союзу нет альтернативы» в российской «Независимой газете», которое положило начало широкому обсуждению проекта ЕАС среди политиков, ученых и творческой интеллигенции².

3 июня 1994 г. президент Казахстана поставил свою подпись на «Проекте о формировании Евразийского союза государств». Документ был направлен всем главам стран — участниц СНГ, а также опубликован в казахстанской и российской прессе в течение следующей недели. 6 июня 1994 г. в президентской резиденции состоялась пресс-конференция Марата Тажина (руководителя информационно-аналитического центра аппарата президента Казахстана) и Имангали Тасмагамбетова (помощника Н. Назарбаева). Поводом для проведения пресс-конференции послужило стремление дать адекватную и развернутую оценку предложенному проекту для казахстанцев.

На встрече подчеркивалось, что ЕАС — это не попытка возрождения СССР, как многие могли бы это интерпретировать, а создание принципиально нового интеграционного объединения, которое будет отличаться от СНГ наличием парламента и прямых выборов. М. Тажин заявил, что совокупность структурных и функциональных характеристик Евразийского союза в оборонной и экономической сферах, а также в сфере науки, культуры и образования позволяет рассматривать его как более реалистичный и прогрессивный проект по сравнению с СНГ (Назарбаев, 1997, с. 52). Он также отметил, что проект не является окончательным и будет изменяться в процессе публичного обсуждения.

С этого момента дискуссия вокруг евразийской идеи в Казахстане приобрела качественно новое звучание. Появился новый интерес к произведениям русских мыслителей-евразийцев конца XIX — начала XX в.

² Панфилова В. Евразийскому союзу нет альтернативы // Независимая газета. 29.04.2014. URL: https://www.ng.ru/cis/2014-04-29/6_nazarbaev.html (дата обращения: 05.10.2021).

Среди политиков и общественников шла оживленная дискуссия по вопросу дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и возможных сценариев реализации евразийского проекта (Головнин и др., 2016).

Для разъяснительной работы в Россию прибыл целый «десант» казахстанских политических и дипломатических деятелей. На круглом столе «Перспективы евразийской интеграции» (г. Москва, 14 июня 1994 г.) в Дипломатической академии МИД России выступил М. Тажин. На слушаниях в Государственной Думе РФ (г. Москва, 5 июля 1994 г.) суть проекта Евразийского союза изложил Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Казахстан в России Таир Мансуров, а министр иностранных дел Казахстана Канат Саудабаев сделал специальное сообщение о сути евразийской инициативы Н. Назарбаева на заседании Совета министров иностранных дел стран — участниц СНГ (г. Москва, 18 июля 1994 г.). Так начался период нового развития евразийской идеи в Казахстане и за его пределами.

Данная идея была новаторской и прогрессивной, но при этом неспособной быть услышанной и реализованной в тот исторический промежуток времени, поскольку все бывшие советские республики в начале 1990-х гг. «брали столько суверенитета, сколько могли проглотить»³.

Н.А. Назарбаев же, являясь человеком с масштабным мышлением и стратегическим видением, продолжил развитие евразийской идеи в своих публичных выступлениях, многочисленных статьях и печатных изданиях.

19—21 сентября 1994 г. в г. Алматы состоялась международная научно-практическая конференция «Евразийское пространство:

³ 6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин, выступая в Казани, произнес хрестоматийную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», которая положила начало «параду суверенитетов» союзных республик. См.: Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Ельцин Центр. 06.08.2015. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/> (дата обращения: 05.10.2021).

интеграционный потенциал и его реализация», в которой приняли участие ведущие эксперты, общественные и государственные деятели, политики, дипломаты, ученые, писатели и публицисты из всех стран СНГ, но больше всего было участников от Казахстана и России. Российская делегация была самой многочисленной, в нее вошли известные и авторитетные политические деятели, парламентарии, лидеры политических партий и движений, главные редакторы ведущих СМИ.

В своем выступлении на конференции Н.А. Назарбаев еще раз подробно разъяснил основные положения своего евразийского проекта. Он отметил, что в Евразийском союзе «найден цивилизованная формула сочетания национальных интересов с необходимостью интеграции на новой основе, прежде всего, в экономической сфере»⁴.

В итоговой резолюции участники конференции предложили ряд практических шагов по укреплению интеграционного потенциала СНГ и реализации евразийского проекта Н. Назарбаева, в частности создать институт правового обеспечения экономической интеграции, сформировать международный неправительственный фонд по проблемам евразийской экономической интеграции и осуществлению проекта «Евразия — XXI век», а также открыть Евразийский университет.

В октябре 1995 г. Н.А. Назарбаев привел теоретическое осмысление евразийства в своем интервью газете «Россия». Президент Казахстана обратил внимание на то, что в Евразии существует ряд стран, которые еще не определили свою принадлежность ни к Востоку, ни к Западу, и назвал это пространство «поясом выжидания». При этом, по его мнению, будущее Европы и особенно Азии в значительной степени зависит от того, как определяют свои позиции страны этого геополитического пояса. Именно евразийский проект, по убеждению Н.А. Назарбаева, явля-

ется той конструктивной силой, которая могла бы вывести регион из состояния геополитического «выжидания»⁵.

Среди наиболее значимых изданий того периода можно назвать путеводитель «Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация» под редакцией М. Тажина (Евразийское пространство..., 1994) и книгу Н. Назарбаева «Евразийский союз: идеи, практика, перспективы», которая включила его статьи и выступления по теме евразийской интеграции в период с 1994 по 1997 г. (Назарбаев, 1997). Книга была опубликована при поддержке Фонда содействия развитию социальных и политических наук и обращена, прежде всего, к российской общественности, поскольку в то время евразийская идея в России не получила широкого распространения. Н.А. Назарбаев в очередной раз отметил необходимость сближения постсоветских республик в экономической, оборонительной, экологической, культурной и информационной сферах. При этом казахстанский лидер подчеркнул, что России принадлежит особая роль в реинтеграции евразийского пространства, и она может стать ее «стержнем» (Назарбаев, 1997).

Под евразийским пространством Нурсултан Назарбаев понимал пространство, образовавшееся в результате распада Советского Союза (Дугин, 2004). Предложенный евразийский проект должен был стать основой нового межгосударственного объединения, созданного на принципах равноправия и добровольности и призванного решить две ключевые задачи: «формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики»⁶.

В целом необходимо отметить, что на протяжении пятилетнего периода с 1995 по 2000 г. почти все наиболее значимые

⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на конференции «Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация» (20 сентября 1994 года) // Online.zakon.kz. 20.09.1994. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30007146#pos=3;-88 (дата обращения: 05.10.2021).

⁵ Евразийская идея главы государства // Kazportal. 23.09.2015. URL: <https://www.kazportal.kz/evraziyskaya-ideya-glavyi-gosudarstva/> (дата обращения: 05.10.2021).

⁶ Президент Назарбаев об евразийской интеграции. Избранное // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 109—111. URL: <https://www.ejournal.ru/jour/article/view/149/134> (дата обращения: 05.10.2021).

интеграционные инициативы на постсоветском пространстве исходили именно от Казахстана и лично от Нурсултана Назарбаева (Mostafa, 2013).

Высказывания Н. Назарбаева на тему евразийской интеграции повысило интерес к трудам классического евразийства. Особенно популярными в Казахстане тогда стали труды Льва Николаевича Гумилева. Были опубликованы его отдельные работы в соавторстве с его учениками — К.П. Ивановым и В.Ю. Ермолаевым. Однако особенностью распространения идей евразийства в Казахстане являлось то, что ученые и эксперты, интересующиеся идеями Л.Н. Гумилева, в основном акцентировали внимание на его концепциях «этноса» и «этногенеза», «пассионарности», «комплементарности» и придавали им намного большее значение, чем собственно основам евразийства, а труды отцов-основателей евразийства не пользовались там особой популярностью.

Выбор в пользу Л.Н. Гумилева объясняется тем, что формирование казахстанского евразийства совпадает по времени с поиском модели национального государства, осмыслением истории казахского народа и казахстанской государственности, а также обоснованием основ внешней политики Казахстана, основанной на многополярности.

Л.Н. Гумилев внес значимый научный вклад в изучение истории кочевых народов и их культуры. Анализ трудов Гумилева по истории народов Евразии («Древние тюрки», «Хунны», «Открытие Хазарии», «Этногенез и биосфера Земли», «География этноса в исторический период», «Древняя Русь и Великая Степь», «Тысячелетие вокруг Каспия» и др.) подводит нас к осмыслению истории и происхождения казахского народа.

Особо значимой в этой связи является работа «Происхождение казахского этноса», в которой Л.Н. Гумилев анализирует историю его предков: хуннов, тюрков, кипчаков. Опираясь на концепцию Л.Н. Гумилева, современные казахстанские ученые рассматривают этногенез казахского народа, доказывая, что кочевая цивилизация имела свою собственную систему государственного управления на громадной территории Евразии и была

апробирована в Тюркском каганате, государстве кипчаков, Монгольском улусе, Казахском ханстве; что есть целостный цивилизационный процесс в Евразийском регионе; что Евразия имеет самодостаточную культуру и самостоятельный путь исторического развития.

Еще одна идея Л.Н. Гумилева была очень востребованной в Казахстане в начальный период формирования независимого государства — это наличие положительной комплементарности между представителями российского и степного суперэтносов. На момент распада Советского Союза этнические казахи не составляли абсолютного большинства населения, происходил интенсивный отток русского и русскоязычного населения из Казахстана, и поэтому важно было найти самую эффективную формулу взаимодействия с русскими внутри страны и с Россией как соседним государством, минимизировать риски и достичь межнациональной гармонии и баланса. Идеи Льва Николаевича во многом позволяли решить эти задачи.

Теоретическое наследие Л.Н. Гумилева соответствовало и основному принципу внешней политики Казахстана, подразумевающему развитие дружественных и предсказуемых взаимоотношений со всеми государствами, поскольку в своих трудах ученый не разделял, не противопоставлял, а сближал народы Европы и Азии, Запада и Востока (Дружинин, 2021).

Именно поэтому творчество Л.Н. Гумилева было востребовано в Казахстане в тот период. Казахский лидер часто цитировал мыслителя в своих книгах и выступлениях. Именно по инициативе Нурсултана Назарбаева 23 мая 1996 г. был открыт Евразийский национальный университет (ЕНУ), который получил имя Льва Николаевича Гумилева. В ЕНУ был создан музей Л.Н. Гумилева, который принимал гостей со всего мира. С 2003 г. на базе Евразийского национального университета стал ежегодно проводиться Евразийский форум.

Евразийская идея частично находила отражение и в программных стратегиях Казахстана. В послании президента «Казахстан — 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев»

говорится: «Мы — евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Наша модель не будет похожа ни на чью другую, и она впитает в себя достижения разных цивилизаций»⁷.

Евразийская инициатива Н. Назарбаева получила свое дальнейшее развитие в статье «Евразийский экономический союз: теория или реальность», опубликованной в российской газете «Известия» в марте 2009 г.⁸ Статья стала ответом на последствия мирового экономического кризиса и обоснованием того, что евразийское сообщество в XXI в. может стать глобальным фактором мировой политики и экономики⁹. «Сейчас я еще более твердо убежден в том, что в долгосрочной перспективе альтернативы евразийской интеграции не существует», — утверждал президент и выделял три измерения евразийского пространства: экономическое, военно-политическое и культурно-гуманитарное¹⁰.

С 1 января 2012 г. был введен в действие базовый блок документов по Единому экономическому пространству (ЕЭП) Беларуси, Казахстана и России (Боришполец, Чернявский, 2012, с. 142—143.). В статье, приуроченной к началу работы ЕЭП, Нурсултан Назарбаев отметил, что предлагал построить интеграцию, прежде всего, на основе экономического прагматизма. «Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги — вот главный драйвер интеграционных процессов». Здесь он также заявил, что Евразийский союз для него — «союз государств, основанный на принципах равноправия, уважения, суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»¹¹.

⁷ Казахстан — 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года // Adilet.zan.kz. 1997. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030> (дата обращения: 05.10.2021).

⁸ Назарбаев Н. А. Евразийский экономический союз: теория или реальность? // Известия. 19.03.2009. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1237881900> (дата обращения: 05.10.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В начале второго десятилетия XXI в. идея евразийской интеграции обретает реальные черты Единого экономического пространства — Нурсултан Назарбаев // Kazinform. 26.10.2011. URL:

В 2012 г. в Казахстане широко отмечался 100-летний юбилей со дня рождения Льва Николаевича Гумилева. Под эгидой празднования юбилея прошло большое количество мероприятий, издано более двадцати монографий в серии «Мир Гумилева» и «Вопросы Евразии», посвященных выдающемуся тюркологу и историку, проблемам евразийства. Вышел отдельный номер журнала «Диалог Евразии», полностью посвященный творчеству Л.Н. Гумилева и идеям евразийства.

Евразийский национальный университет выступил координатором всех праздничных мероприятий и принял на своей площадке IX Евразийский международный научный форум «Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция», который стал завершающим мероприятием юбилейного года. В работе форума приняли участие более 150 ведущих экспертов, ученых, общественных деятелей ближнего и дальнего зарубежья: России, Венгрии, Болгарии, США, Франции, Украины и других государств. Казахская делегация, в составе которой были представители ЕНУ, также приняла активное участие в торжественном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ, посвященном 100-летию Льва Гумилева в г. Санкт-Петербурге.

Определенной рубежной датой в оценке и развитии евразийского проекта Н. Назарбаева стало 20-летие евразийской идеи. Символично, что именно в год 20-летия идеи создания Евразийского союза в Астане был подписан учредительный Договор о ЕАЭС. «Казахстан внес исторический вклад в продвижение идей евразийской интеграции. Именно здесь в начале века создавалось Евразийское экономическое сообщество, принят ряд важных решений, определивших ход и динамику нашего интеграционного процесса. Поэтому закономерно, что колыбелью Евразийского экономического союза стала Астана»¹², —

https://www.inform.kz/ru/v-nachale-vtorogo-desyatiletija-hhi-veka-ideya-evraziyskoy-integracii-obretet-realnye-nyecherty-edinogo-ekonomicheskogo-prostranstva-nursultan-nazarbaev_a2414670 (дата обращения: 05.10.2021).

¹² Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на церемонии подписания Договора о Евразийском экономическом союзе // Президент Республики

заявил Н. Назарбаев на церемонии подписания договора.

Авторитетный казахстанский политический деятель, дипломат, работавший в должности Чрезвычайного и Полномочного Посла Казахстана в России, Таир Мансуров в своей книге «Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта» отмечает, что «продвижение евразийской интеграции стало делом всей жизни казахстанского лидера, и он сумел убедить в эффективности своих интеграционных идей Владимира Путина, Александра Лукашенко и других лидеров постсоветских государств, при участии которых теперь евразийский проект реализуется поступательно»¹³.

К 25-летию евразийской идеи в Казахстане был издан целый ряд публикаций, посвященных инициативе Н.А. Назарбаева по созданию Евразийского союза, в них он назывался автором евразийской интеграции и ее идейным вдохновителем, одним из основоположников современного евразийства, адекватного вызовам XXI в.¹⁴ «Именно выдающиеся лидерские качества Елбасы, его неутомимая энергия, пассионарная воля шаг за шагом создавали евразийскую интеграцию, помогли добиться успеха в создании ЕврАзЭС, Таможенного союза, Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза»¹⁵, — пишет Таир Мансуров.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) опубликовал сборник

материалов «25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК)», который включил в себя как собственно статьи Н. Назарбаева, так и экспертные оценки сотрудников КИСИ, спектр которых разнится, однако в целом носит позитивный характер¹⁶.

Официальная позиция Н.А. Назарбаева во многом повлияла и на практическую реализацию евразийской идеи в период формирования Евразийского экономического сообщества и региональных объединений в сфере безопасности. Например, казахстанский лидер являлся убежденным сторонником создания наднациональных органов интеграционного объединения, и в итоге была создана Евразийская экономическая комиссия. Н. Назарбаев также выступал за создание евразийской системы безопасности, и она получила частичное воплощение в создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) (Курьлев и др., 2021).

Выступая перед студентами и профессорско-преподавательским составом Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в 2000 г., Нурсултан Назарбаев отмечал: «Евразийская идея как теория была рождена в прошлом веке. Но я уверен, что евразийская Идея как практика организации новой жизни будет воплощена в этом веке. Евразийство — одна из главных идей XXI века»¹⁷. «Три кита евразийской идеи практически реализованы по инициативе Казахстана, — это ЕврАзЭС, СВМДА и ШОС. И это — три разных практических выражения одного невыразимого Центра, Единой Евразийской Идеи»¹⁸.

Казахстан. 29.05.2014. URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nazarbaeva-na-ceremonii-podpisaniya-dogovora-o-evraziiskom-ekonomicheskom-soyuze (дата обращения: 05.10.2021).

¹³ См.: Евразийский проект Нурсултана Назарбаева // Известия. 13.05.2014. URL: <https://iz.ru/news/570751> (дата обращения: 05.10.2021); Мансуров Т. Евразийцы XXI века // Евразийское экономическое сообщество. 26.03.2014. URL: <http://www.evrzazes.com/print/smi/79> (дата обращения: 05.10.2021).

¹⁴ 25 лет Евразийскому проекту Нурсултана Назарбаева // Казахстанская правда. 26.03.2019. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/25-let-evraziiskomu-proektu-nursultana-nazarbaeva> (дата обращения: 05.10.2021).

¹⁵ Там же.

¹⁶ 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). Нур-Султан : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2019.

¹⁷ Нурсултан Назарбаев: «Евразийство — одна из главных идей XXI века» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 2. С. 85—87. URL: <https://www.ejournal.ru/jour/article/view/114/99> (дата обращения: 05.10.2021).

¹⁸ Главная идея века // online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30389723 (дата обращения: 05.10.2021).

Первоначально евразийская идея Н. Назарбаева не исключала и геополитического контекста. Нурсултан Абишевич неоднократно говорил и писал, что альтернативы евразийской интеграции в долгосрочной перспективе не существует, а евразийское сообщество в XXI в. может стать глобальным фактором мировой экономики и политики¹⁹. В 2016 г. казахстанский лидер даже выдвинул инициативу создания Объединенного Евразийского экономического пространства, выступая в Вашингтоне²⁰, однако эта идея так и не получила своего развития (Султанов, 2017, с. 38).

Некоторые исследователи считают, что евразийство было предложено президентом Казахстана в качестве «конструктивной геополитической доктрины», которая предлагала новый механизм реинтеграции постсоветских государств. «Евразийство стало одним из основополагающих принципов внутренней и внешней политики» (Фаизова, 2011, с. 42). «Инициатива Президента Казахстана Н.А. Назарбаева превратила евразийство из теоретической и интеллектуальной конструкции в действенный политический институт» (Гребениченко, Сагиндинов, 2015, с. 67). «Концепция евразийства и евразийская политика в Казахстане превратилась в государственную идеологию, которая находила отражение во внутренней, региональной и внешней политике, а также в процессе региональной интеграции» (Mostafa, 2013, p. 160). Исследователь А. Сариева писала, что «идея евразийства Н. Назарбаева признана важной идеологической предпосылкой развития стран Евразийского региона» (Сариева, 2016, с. 416).

Отдельные казахстанские ученые пошли еще дальше, выдвинув идею о том, что существует «казахстанский вариант евразийства». «Казахстанское евразийство — это не сухая идеологическая схема, а широкий международный и межцивилизационный подход» (Мармонтава, 2015, с. 25). По мнению

¹⁹ Евразийский Экономический Союз: теория или реальность // Известия. 19.03.2009.

²⁰ Президент Казахстана: Мы призываем сформировать географию устойчивого мира // Kazinform. 01.04.2016. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2887645/> (дата обращения: 05.10.2021).

доктора политических наук Таира Мансурова, «идея “практического евразийства” Н.А. Назарбаева стала основой многих политических и экономических практик» (Мансуров, 2012, с. 202). Однако это достаточно дискуссионные утверждения, поскольку доктринальные основы евразийства не вошли ни в один программный документ или внешнеполитическую концепцию Республики Казахстан, хотя были популярны.

Позиция Н.А. Назарбаева по развитию евразийского пространства в первое двадцатилетие независимости Республики Казахстан находила отклик и в академической среде, и в обществе (Мансуров, 2014). До 2011 г., того момента, когда Россия начала форсировать создание Евразийского экономического союза, тема евразийства, евразийской идеи была достаточно актуальной в республике (Sadykova, 2013).

Утрата лидерства Казахстана в реализации евразийской идеи

Осенью 2011 г. на страницах российской газеты «Известия» развернулась новая дискуссия вокруг евразийского проекта. Первой вышла статья Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», затем были опубликованы статьи Александра Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» и Нурсултана Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»²¹. Евразийский проект с этого момента получил новое смысловое содержание и выражение в конкретных инициативах, которые, с одной стороны, способствовали созданию в 2015 г. Евразийского экономического союза, с другой — привели к утрате инициативы Казахстана (Dyussebekova & Dossymkhan, 2018).

²¹ См.: Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Эхо Москвы. 04.10.2011. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/> (дата обращения: 05.10.2021); Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 17.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504081> (дата обращения: 05.10.2021); Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 25.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 05.10.2021).

Данные статьи вызвали неоднозначную реакцию в казахстанском обществе, а публикация российского лидера на тему евразийской интеграции имела сильный резонанс. Становилось понятно, что инициатива по реализации евразийского проекта переходит от Казахстана к России (Laruelle et al., 2019).

Во многом это было предопределено и внутренними политическими процессами в РК. За 20 лет независимого развития в Казахстане так и не сформировались евразийская идентичность (как гражданская идентичность всех казахстанцев) или национальная идентичность казахстанцев. Отток русского и русскоязычного населения, а также реализация программы возвращения соотечественников (оралманов) привели к изменению этнического состава населения в пользу этнических казахов. На первый план стали выходить задачи развития национального государства, возрождение казахской нации, развитие казахского языка и этнической культуры казахов. Острая дискуссия развернулась вокруг проекта принятия Доктрины Национального единства Казахстана (2008—2010 гг.)²². Протест представителей казахоязычной интеллигенции вызвала идея создания единой казахстанской нации на основе гражданских ценностей. Они требовали от государства защиты этнической культуры казахов со стороны других культур, а также защиты суверенитета и независимости Республики Казахстан от посягательства со стороны других государств.

Данный импульс впоследствии нашел отражение в государственной программе «Рухани жаңғыру», направленной на модернизацию общественного сознания и ориентированной на возрождение духовных ценностей казахстанцев с учетом всех современных рисков и вызовов глобализации, а также на сохранение национальной идентичности. Программа включает несколько основных мероприятий: перевод казахского языка на латиницу, «100 новых учебников на казахском языке», «100 новых лиц Казахстана», «Сакральная география Казахстана» и др.

²² Доктрина Национального единства Казахстана // Online.zakon.kz. 29.04.2010. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 05.10.2021).

Внутренние процессы нациестроительства находили отражение и в реализации внешней политики и интеграционных инициатив. С этого момента в политическом дискурсе РК стали преобладать идеи о суверенитете, создании и укреплении основ государственности, а также строительстве национального государства. Безусловно, данный процесс требует более глубокого анализа, например, на основе метода отслеживания процессов. Однако открытых источников, которые бы позволили провести такой анализ, пока нет, в Казахстане отсутствует традиция публикации, в частности слушаний в Сенате или Мажилисе или публичного обсуждения той или иной внешнеполитической инициативы.

Казахстан принял активное участие в формировании Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), но все чаще казахстанские эксперты стали акцентировать внимание на необходимости интеграции исключительно в экономической сфере. Поэтому любые инициативы России по форсированию интеграции, развитию ее политической или финансовой составляющих вызывали в Казахстане настороженность и даже критику (Isaacs et al., 2020).

Так, например, резко негативную реакцию вызвало предложение бывшего спикера Государственной Думы РФ Сергея Нарышкина о формировании наднационального парламента Евразийского союза, которое он вынес на обсуждение 20 сентября 2012 г. на первом заседании Рабочей группы по вопросам парламентского измерения евразийской экономической интеграции. Казахстанские участники встречи заявили о том, что подобные инициативы вообще не могут обсуждаться и нужно использовать уже имеющийся потенциал межпарламентского взаимодействия в рамках ЕврАзЭС. Отдельные депутаты, лидеры национал-патриотического толка в Казахстане, также очень резко и негативно отреагировали на выступление С. Нарышкина.

Известный казахстанский политолог, в то время — секретарь правящей партии «Нур

Отан», Ерлан Карин в своем интервью по итогам встречи заявил, что, несмотря на попытки России форсировать создание наднациональных политических структур, ни в ближайшей, ни в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе нет повестки создания Евразийского парламента. Он также особо подчеркнул, что «создание наднациональной политической структуры нами не может обсуждаться в принципе, поскольку это напрямую затрагивает суверенитет нашей страны». Со своей стороны редакция газеты добавила, что это уникальный прецедент, когда Казахстан впервые смог отстоять свою позицию²³.

Большинство исследователей отмечают, что к 2013 г. первоначальный проект Н.А. Назарбаева постепенно был лишен таких составляющих, как наднациональный макроэкономический контроль, координация оборонных инициатив и идея валютного союза²⁴.

Идея евразийской интеграции с тенденцией в сторону экономического детерминизма нашла отражение в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014—2020 гг. «Казахстан будет укреплять Таможенный союз и Единое экономическое пространство с целью создания Евразийского экономического союза, рассматривая евразийскую экономическую интеграцию в качестве одного из эффективных способов продвижения страны в системе мирохозяйственных связей», — отмечается в документе в разделе «Приоритеты и задачи внешней политики»²⁵. Далее подчеркивается, что «в рамках этого процесса будут соблюдаться такие основополагающие принципы, как незыблемость политического суверенитета, экономическая обоснованность принимаемых

решений, поэтапность, прагматизм и взаимная выгода, равное представительство сторон во всех органах интеграции и консенсус на всех уровнях интеграционного взаимодействия»²⁶. При этом в качестве приоритетов также рассматриваются китайский проект Экономического пояса Шелкового пути, американский проект Нового Шелкового пути и ассоциация с ЕС.

Евразийская практика на современном этапе развития Республики Казахстан

С началом украинского кризиса и политического конфликта России и «коллективного Запада» тренд на то, что сотрудничество на евразийском пространстве должно носить прежде всего экономический характер и не должно повлиять на суверенитет Казахстана, стал ведущим в казахстанском истеблишменте. Несмотря на то что Россию продолжали называть стратегическим союзником, предложения о политической интеграции практически исчезли из публичных выступлений первых лиц Казахстана.

Определенная эволюция произошла и во взглядах Н. Назарбаева. В августе 2014 г. в интервью национальному телеканалу «Хабар» Нурсултан Назарбаев отметил, что «ЕАЭС — исключительно экономический союз», более того, Казахстан всегда имеет право выйти из этого союза, если возникнет угроза его независимости. «Казахстан не будет частью организации, которая представляет угрозу для нашей независимости. Наша независимость является высшей ценностью, за которую сражались наши предки. Мы никогда никому не сдадимся и сделаем все, чтобы защитить себя», — заявил Н.А. Назарбаев²⁷.

11 ноября 2014 г. президент Казахстана анонсировал новую экономическую программу развития «Нурлы Жол» на основе послания народу «Нурлы Жол — путь в будущее».

²⁶ Там же.

²⁷ Косенов А. Назарбаев напомнил о праве Казахстана на выход из ЕАЭС // Tengrinews. 25.08.2014. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-prave-kazahstana-na-vyihod-iz-eaes-260719/ (дата обращения: 05.10.2021).

²³ Ахматова З. И не мечтайте! // Время. 19.09.2012. URL: <https://time.kz/news/archive/2012/09/19/i-ne-mechtayte!> (дата обращения: 05.10.2021).

²⁴ Akimbekov S. Needless Rush // Russia in Global Affairs. 2014. No. 1 (January/March). URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/needless-rush/> (accessed: 20.11.2020).

²⁵ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014—2020 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741 // Adilet.zan.kz. 21.01.2014. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 05.10.2021).

Прежде всего, это программа инфраструктурного развития²⁸. Лейтмотивом послания стала переориентация экономической политики Казахстана в свете новых вызовов и угроз мировой экономики. В этой связи были пересмотрены некоторые подходы к достижению экономического роста, а также внесены корректировки в планы развития на предстоящий период. При этом евразийская идея не нашла никакого отражения в данной программе, хотя на момент ее принятия уже был подписан Договор о создании ЕАЭС.

С рубежа 2015—2016 гг. «евразийская тематика» вновь обретает дополнительные грани и импульсы. Запад усилил давление на Россию в виде санкционной политики, обострилась конкуренция трансконтинентальных интеграционных инициатив, и ответной реакцией на эти процессы стала инициатива «Большой Евразии» как нового вектора и формата внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества.

Впервые о «Большой Евразии» на официальном уровне было заявлено в 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Тогда президент Российской Федерации В.В. Путин обрисовал возможные контуры будущего сотрудничества. Казахстан, безусловно, был заинтересован в развитии новых форматов взаимодействия, однако имел собственные представления о том, как развивать отношения с Западом и Китаем.

В 2018 г. был принят Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 г. в качестве «документа первого уровня системы государственного планирования и реализации долгосрочной Стратегии развития Казахстана до 2050 года»²⁹. Предполагалось, что в результате реализации данного плана Казахстан

должен преодолеть «точку невозврата» и перейти к новой модели развития. План предусматривал реализацию мер по десяти «общенациональным» приоритетам. Евразийская интеграция рассматривалась в приоритете № 9 «Активное развитие экономической и торговой дипломатии»³⁰. Из формулировок данного приоритета вытекает вывод, что Казахстан будет и дальше продвигать экономические интересы в Евразийском экономическом союзе наряду с другими интеграционными объединениями. Одна из важных задач — это обеспечение свободного доступа казахстанских товаров на рынки стран ЕАЭС, устранение барьеров, изъятий и ограничений на внутреннем рынке объединения. Другая — это обеспечение преференциального выхода казахстанских экспортеров на рынки третьих стран путем заключения соглашений о Зоне свободной торговли.

При этом в документе подчеркивается, что «дальнейшее развитие и углубление сфер взаимодействия в рамках ЕАЭС, как и прежде, будут рассматриваться с учетом национальных интересов и приоритетов внутренней экономической политики на основе прагматичного подхода, равенства и экономического приоритета»³¹. Так, например, запуск в 2025 г. общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, энергетического и финансового рынков требуют определенной подготовки со стороны Казахстана и должны отвечать национальным интересам страны³².

В новой Концепции внешней политики Казахстана на 2020—2030 гг., утвержденной 6 марта 2020 г., говорится, что «Республике Казахстан необходимо закрепить статус ответственного участника мирового сообщества, ключевого элемента системы геополитических и геоэкономических координат Евразийского континента, лидирующего государства в регионе Центральной Азии». При этом идея евразийской интеграции отражена только в разделе «Приоритеты в области региональной и многосторонней

²⁸ Госпрограмма «Нұрлы жол»: задачи, итоги, перспективы // Премьер-министр Республики Казахстан. 28.12.2017. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/gosprogramma-nurli-zhol-zadachi-itogi-perspektivi-15854> (дата обращения: 05.10.2021).

²⁹ Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан // Adilet.zan.kz. 15.02.2018. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636> (дата обращения: 05.10.2021).

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

дипломатии» в пункте 4.3. как необходимость продолжения тесного взаимодействия со странами — участницами Евразийского экономического союза в сферах, установленных Договором о ЕАЭС. Здесь также отмечено, что в целях полноценного учета долгосрочных национальных интересов Казахстана необходима «оптимизация подходов к ведению переговорного процесса в рамках ЕАЭС»³³.

Ежегодные послания президента народу Казахстана в 2020—2021 гг. были целиком и полностью посвящены проблемам преодоления последствий пандемии COVID-19 и необходимости развития и консолидации казахстанского общества и не затрагивали евразийский проект³⁴.

К настоящему моменту прошло уже 6 лет с момента создания Евразийского экономического союза, но дискуссия о целесообразности участия Казахстана в данной международной организации продолжается, так же как и обсуждение возможностей и вызовов, связанных с членством Казахстана в ЕАЭС (Shkurkin et al., 2016; Tashtemkhanova et al., 2019).

Сложность заключается в том, что, во-первых, в Казахстане не сформировано сильное гражданское общество, и значимость общественного мнения крайне низкая; во-вторых, в казахстанском обществе нет единства, граждане разделены на отдельные

группы интересов, которые конкурируют между собой, и не все группы одинаково воспринимают евразийскую интеграцию; у нее есть как сторонники, так и откровенные противники в лице национал-патриотов.

В предшествующий период фигура Н.А. Назарбаева и его авторитет играли главную консолидирующую роль в сохранении евразийской интеграции как одного из главных приоритетов внешней политики Казахстана. Представление о Нурсултане Назарбаеве как «архитекторе» евразийской интеграции, ее главном инициаторе и активном стороннике преобладало среди зарубежных исследователей и до недавнего времени активно продвигалось на официальном уровне, в частности Библиотекой Первого Президента Республики Казахстан-Елбасы (Isaacs et al., 2020). В казахстанской историографии также преобладала точка зрения, что Казахстан и его первый президент являются основоположниками и идейными вдохновителями созданного Евразийского экономического союза (Saltybayev & Parkhomchik, 2020; Yuneman, 2020). Поэтому неслучайно, что подписание Договора о ЕАЭС произошло именно в столице Казахстана.

В самом Евразийском экономическом союзе также признается выдающийся вклад Н.А. Назарбаева в развитие евразийской интеграции, подтверждением чему стало его назначение на должность председателя Высшего Евразийского экономического совета ЕЭК после его ухода с поста президента Казахстана (Мансуров, 2014).

В соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан «О Первом Президенте Республики Казахстан — Елбасы» Н. Назарбаеву в силу его исторической миссии пожизненно принадлежит право обращаться к народу Казахстана, государственным органам и должностным лицам с инициативами по важнейшим вопросам внешней политики³⁵. Таким образом, до настоящего

³³ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020—2030 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Президент Республики Казахстан. 09.03.2020. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstana-2020-2030-gody (дата обращения: 05.10.2021).

³⁴ См.: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г. // Президент Республики Казахстан. 01.09.2020. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 05.10.2021); Послание Главы государства народу Казахстана: Единство народа и системные реформы — прочная основа процветания страны // Премьер-министр Республики Казахстан. 01.09.2021. URL: <https://primeminister.kz/ru/addresses/01092021> (дата обращения: 05.10.2021).

³⁵ О Первом Президенте Республики Казахстан — Елбасы. Конституционный закон Республики Казахстан от 20 июля 2000 года № 83-III // Adilet.zan.kz. 20.07.2000. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000083_ (дата обращения: 05.10.2021).

момента он является гарантом продолжения курса на развитие евразийской интеграции. При этом в политической повестке Казахстана в настоящее время преобладает линия на создание национального государства и развитие основ суверенитета, формирование национальной или гражданской, но никак не евразийской идентичности.

Уже покинув пост главы государства, Нурсултан Назарбаев, выступая на заседании Высшего Евразийского экономического совета 21 мая 2021 г., предложил вариант снятия противоречия между понятиями «сотрудничество» и «независимость», отметив, что «только в сотрудничестве с надежными проверенными партнерами-союзниками можно обеспечить экономическую безопасность и независимость наших стран». «В сегодняшних условиях нам требуется еще большая интеграция, еще большее взаимопонимание, еще больше идти навстречу друг другу», — заключил он³⁶. Тем не менее евразийская идея в Казахстане стала развиваться по нисходящей линии.

В 2021 г. отмечалось 100-летие развития евразийского движения. Однако никаких значимых событий в Казахстане к этой дате не приурочено. В рамках масштабного XVII Евразийского медиафорума под председательством Дариги Назарбаевой был рассмотрен широкий круг современных вызовов и международных вопросов. Много внимания было уделено 30-летию независимости Республики Казахстан. Однако евразийская идея и евразийство как философско-политическое течение не нашли свое отражение в повестке медиафорума.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что идейное наполнение евразийства в Казахстане практически исчерпало себя в его клас-

сическом и современном виде. Если в начале пути, в момент приобретения суверенитета, еще можно было рассчитывать на широкую общественную поддержку идей евразийства, формирование евразийской идентичности, принятие идеи сотрудничества «казахской степи» и «европейской равнины», новой славяно-тюркской интеграции как основы доминирования в Евразии, а также существование Евразийской цивилизации и евразийского региона (Кошель, 2014. с. 51), то в настоящее время классические основы евразийства утратили свою значимость и уступили место экономическому детерминизму как основе развития взаимоотношений Казахстана с партнерами по интеграции.

Евразийская идея для Нур-Султана в настоящее время играет роль фактора региональной (а не глобальной), внешней (а не внутренней) повестки (Буторина, 2021). Поэтому вряд ли следует ожидать того, что в ближайшей перспективе Казахстан будет лидером евразийской интеграции, частью интеграционного ядра или локомотивом создания Большой Евразии. Это отчасти связано и с определенной эволюцией в подходе России к развитию евразийского проекта, который отражается в действующей редакции «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной в ноябре 2016 г.³⁷ Так, углубление и расширение евразийской интеграции отнесено в этом документе к разделу «Региональные приоритеты внешней политики РФ». Инициатива «Большой Евразии», озвученная президентом России В.В. Путиным, так и не получила своего концептуального или институционального оформления. Хотя, по мнению многих экспертов, в том числе зарубежных, ЕАЭС, как международная организация, способен сыграть серьезную роль в геополитике и формировании Большой Евразии, а евразийство / неоевразийство как идеология может внести свой теоретический

³⁶ Елбасы о ЕАЭС: В сегодняшних условиях нам требуется еще большая интеграция // Kazinform. 21.05.2021. URL: https://www.inform.kz/ru/elbasy-o-eaes-v-segodnyashnih-usloviyah-nam-trebuetsya-esche-bolshaya-integraciya_a3790941 (дата обращения: 05.10.2021).

³⁷ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения: 05.10.2021).

вклад в появление многополярного мира (Дынкин и др., 2018; Pizzolo, 2020).

При этом, безусловно, Казахстан принадлежит к числу активных участников интеграционных объединений, по-прежнему заинтересован в продвижении евразийской интеграции и сохранит ЕАЭС «как приоритетное направление развития региональной торговли и способа повышения своей конкурентоспособности». Прагматичный подход Нурсултана к ЕАЭС, ориентация на реализацию прежде всего национальных интересов РК нашли свое отражение в приоритетах председательства Казахстана в ЕАЭС в 2021 г., таких как развитие промышленной кооперации, устранение сохраняющихся барьеров во взаимной торговле, развитие транспортных и инвестиционных возможностей, цифровизация и расширение торгово-экономических отношений с третьими странами и интеграционными объединениями³⁸.

На данный момент отсутствует возможность создания общей для всех стран евразийской идеологии, или евразийской объединительной идеи. При том что экономический потенциал России, Казахстана и Беларуси позволяет создать «сильное интеграционное ядро», общественная поддержка и заинтересованность бизнеса в развитии евразийской интеграции остаются крайне низкими.

Евразийский экономический союз имеет возможность стать конкурентоспособным интеграционным объединением, однако внутри ЕАЭС, в частности в Республике Казахстан, необходимо проводить серьезную

просветительскую, аналитическую и информационную работу для создания надежного смыслового фундамента и поддержки среди населения и предпринимателей, в целом необходимо актуализировать развитие интеграции «снизу». Необходима разъяснительная работа на тему того, что такое «евразийство» в современном контексте. Хорошим поводом для актуализации интереса к евразийству может стать 110-летие со дня рождения Л.Н. Гумилева, которое будет отмечаться в 2022 г.

Понятия «евразийство», «Евразия», «Большая Евразия» и проект Евразийского экономического союза требуют нового концептуального и теоретического осмысления. На данном этапе ситуация складывается таким образом, что евразийская идея (евразийская идеология, евразийская доктрина) и практическая реализация евразийского проекта не имеют прямой или причинно-следственной связи. В понятие «евразийство» вкладывается иной смысл и дается различное его толкование в контексте создания Евразийского экономического союза. Чем глубже мы анализируем евразийство и практику реализации проекта ЕАЭС, тем очевиднее становится критический диссонанс. Евразийство в Казахстане получило довольно широкое распространение в силу определенного идейного и терминологического вакуума. При этом оно не стало платформой какой-либо политической партии или политического движения, оно носит персонафицированный характер и получает свою легитимность за счет авторитета первого президента РК Н. Назарбаева. Поэтому на современном этапе участие Казахстана в ЕАЭС приобретает политизированный характер, становясь инструментом политической конкуренции.

Поступила в редакцию / Received: 27.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 12.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

Боришполец К., Чернявский С. Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана: реальность и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 1. С. 142—152.

- Буторина О. Цели региональной интеграции: современное понимание // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 10. С. 5—14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14>
- Головнин М., Захаров А., Ушкалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 4. С. 61—69. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-4-61-69>
- Гребениченко С. Ф. Сагиндиков Р. Е. Евразийская идея Н.А. Назарбаева в условиях Содружества Независимых Государств // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2015. № 1. С. 65—72.
- Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону, Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021.
- Дугин А. Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. Москва : Евразия, 2004.
- Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 4. С. 5—24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24>
- Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация* / отв. ред. М. М. Тажин. Алматы : Казахстан, 1994.
- Кошель А. С. Реализация концепции евразийства в XXI веке // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2014. № 2 (16). С. 50—58.
- Курьлев К. П., Малышев Д. В., Хотивришвили А. А., Шабловский В. С. ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 2. С. 81—88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
- Ларюэль М. Евразия, евразийство, Евразийский союз. Терминологические пробелы и совпадения // *ПОНАРС. Евразия*. 2015. № 366. С. 1—6.
- Мансуров Т. А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта. 1994—2014. Москва : Реал-Пресс, 2014.
- Мансуров Т. А. На пути к Евразийскому экономическому союзу // *Россия и современный мир*. 2012. № 1 (74). С. 191—202.
- Мармونتова Т. В. Евразийская идея — от теории к практике воплощения // *Современные евразийские исследования*. 2015. Т. 2. С. 21—26.
- Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. Москва : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
- Сариева А. Т. Идея евразийства в политике Республики Казахстан // *Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: сборник статей участников Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 25—26 октября 2016 года)*. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. С. 416—421.
- Султанов Б. Казахстан и евразийское экономическое пространство: фобии, санкции и перспективы // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № 3. С. 29—45.
- Фаузова Р. С. Идея евразийства в политике Республики Казахстан: теория и практика // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2011. № 7. С. 42—45.
- Dyussebekova M., Dossymkhan Y. The Role of Kazakhstan in Modern Integration Processes in the Eurasian Space // *Concorde*. 2018. No. 1. P. 74—77.
- Isaacs R., Lemon E., Jardine B., Anceschi L. Russia — Kazakhstan Relations and the Tokayev — Nazarbayev Tandem // *Russian Analytical Digest*. 2020. No. 248. P. 2—12. <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000401980>
- Laruelle M., Royce D., Beysembayev S. Untangling the Puzzle of “Russia’s Influence” in Kazakhstan // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60, iss. 2. P. 211—243. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1645033>
- Mostafa G. The Concept of ‘Eurasia’: Kazakhstan’s Eurasian Policy and Its Implications // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4, iss. 2. P. 160—170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006>
- Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. Lanham : Lexington Books, 2020.
- Sadykova R. Eurasian Idea of N.A. Nazarbayev as the Basis of modern integration // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013. Iss. 89. P. 377—386. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.863>
- Saltybayev Y., Parkhomchik L. The Eurasian Idea of Nursultan Nazarbayev // *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2020. P. 193—208.

Shkurkin D. V., Ryazantsev S. V., Gusakov N. P., Andronova I. V., Bolgova V. V. The Republic of Kazakhstan in the System of International Regional Integration Associations // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6, iss. 6. P. 174—179.

Tashtemkhanova R. M., Zhanbulatova R. S., Zhiyenbayev M. B. Kazakhstan in the World Integration Processes. Paris: Editions du JIPTO, 2019.

Yuneman R. A. Kazakhstan and the Eurasian Economic Union // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, no. 4. P. 37—55. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-37-55>

Сведения об авторах: *Вахшитех Ахмад* — кандидат политических наук, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-1128-2448; e-mail: ahmadvakhshiteh@gmail.com

Лапенко Марина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; ORCID: 0000-0003-1946-5521; e-mail: lapenkomv@mail.ru

Мукашева Айша — магистр государственного управления, научный сотрудник международного научного комплекса Астана, г. Нур-Султан, Казахстан; e-mail: mukasheva.ad@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-77-93

Научная статья / Research article

Евразийский компонент во внешней политике Республики Беларусь в 1991—2021 гг.

А.В. Тихомиров Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
 tihomirow@list.ru

Аннотация. Раскрываются сущность и особенности евразийского компонента во внешней политике Республики Беларусь. Научная новизна исследования обусловлена выявлением роли и места евразийского компонента во внешнеполитической стратегии белорусского государства на двух уровнях — евразийского пространства как такового и отдельных государств, принадлежащих к этому пространству. Используя инструментарий неоклассического реализма, увязывающего осуществление внешнеполитического процесса с состоянием развития государства, и теории внешнеполитического анализа, автор приходит к выводу о повышении значимости евразийского компонента во внешней политике Белоруссии во второй половине 1990-х гг. и первых двух десятилетиях XXI в. По мнению автора, курс на развитие сотрудничества Республики Беларусь с государствами Евразии предопределялся экономическими интересами, хотя определенную роль в его осуществлении сыграли политические установки белорусского руководства (сохранение стабильности в белорусском государстве, подкрепление тезиса об эффективности многовекторной внешней политики, расширение диапазона общения на мировой арене). Специфической чертой белорусской евразийской политики являлось отсутствие фундаментальной концептуальной проработки действий на этом направлении и превалирование ситуативных решений при выстраивании отношений с отдельными государствами Евразии. Вплоть до начала 2020-х гг. Евразийский регион рассматривался белорусскими властями и экспертами преимущественно функционально-географически, без восприятия в качестве самобытного цивилизационного объединения. На современном этапе развития белорусского государства его ключевыми партнерами в Евразии являются Россия, отношения с которой выстраиваются в рамках интеграционных объединений (Союзного государства, ЕАЭС, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)), и Китай, который продвигает инициативу «Пояса и пути». Однако в концептуальном плане вопрос геостратегического позиционирования Белоруссии в Евразии все еще нуждается в доработке.

Ключевые слова: Республика Беларусь, государства Евразии, внешнеполитический приоритет, внешняя торговля и инвестиции, евразийская интеграция, инициатива «Пояса и пути»

Для цитирования: Тихомиров А. В. Евразийский компонент во внешней политике Республики Беларусь в 1991—2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 77—93. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-77-93>

© Тихомиров А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Eurasian Component in the Foreign Policy of the Republic of Belarus, 1991—2021

Aliaksandr V. Tsikhamirau

Belarus State University, Minsk, Belarus

 tihomirow@list.ru

Abstract. The article discloses the essence and features of the Eurasian component in the foreign policy of the Republic of Belarus. The scientific novelty of the article lies in revealing the role and place of the Eurasian component in the foreign policy strategy of the Belarusian state at two levels — the Eurasian space as a whole and individual states belonging to this space. Using the tools of neoclassical realism, linking the implementation of the foreign policy process with the state of development of the state, and the theory of foreign policy analysis, the author comes to the conclusion about the increasing importance of the Eurasian component in the foreign policy of Belarus in the second half of the 1990s and the first two decades of the 21st century. According to the author, the course for the development of cooperation between the Republic of Belarus and the Eurasian states was predetermined by its economic interests, although a certain role in its implementation was played by political guidelines of the Belarusian leadership (maintaining stability in the Belarusian state, reinforcing the thesis of the effectiveness of a multi-vector foreign policy, expanding the range of communication in the world arena). A specific feature of the Belarusian Eurasian policy was the absence of a fundamental conceptualization of actions in this direction and the prevalence of situational solutions in building relations with individual Eurasian states. Until the early 2020s, the Eurasian region was considered by the Belarusian authorities and experts mainly in functional and geographical terms, without being perceived as a distinctive civilizational association. At the current stage of development of the Belarusian state, its key partners in Eurasia are Russia, relations with which are being built within the framework of integration associations (the Union State, the EAEU, the CSTO), and China, which is promoting the Belt and Road initiative. However, conceptually, the issue of Belarus' geostrategic positioning in Eurasia still needs to be finalized.

Key words: Republic of Belarus, Eurasian States, foreign policy priority, foreign trade and investment, Eurasian integration, Belt and Road Initiative

For citation: Tsikhamirau, A. V. (2022). The Eurasian component in the foreign policy of the Republic of Belarus, 1991—2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 77—93. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-77-93>

Введение

Актуальность исследования предопределяется повышением значимости азиатских государств (прежде всего Китая и Индии) в современных международных отношениях, а также стремлением России утвердиться в качестве самостоятельного центра силы на мировой арене и евразийском пространстве. Соответствующие тренды оказывают влияние на политику Республики Беларусь, которая географически расположена в восточной части Европы, но традиционно находится под воздействием стран Запада и Востока.

Цель данного исследования заключается в оценке места и роли евразийского компонента во внешней политике Белоруссии с

момента ее выхода на мировую арену в качестве независимого государства в 1991 г. до начала третьего десятилетия XXI в. Задачи исследования: выявить интересы Беларуси на евразийском пространстве, раскрыть особенности политики белорусского государства в отношении стран данного региона в 1990—2010-х гг., оценить степень значимости государств Евразии для Белоруссии и определить перспективы развития отношений с этими государствами.

Объектом исследования является внешняя политика Республики Беларусь, предметом исследования — политика белорусского государства в отношении государств Евразии в 1991—2021 гг.

Исследование выполнено на основе методологии неоклассического реализма, увязывающего осуществление внешнеполитического процесса с состоянием развития государства, и теории внешнеполитического анализа. Роль и место евразийского компонента во внешнеполитической стратегии белорусского государства оцениваются на двух уровнях — евразийского пространства в целом и отдельных государств, принадлежащих к этому пространству. При проведении исследования использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, системный подход). Применены методики описательного анализа, контент- и ивент-анализа, а также количественного анализа.

Источниковой базой исследования являются официальные заявления и выступления президента Республики Беларусь, политических партий и общественных движений Белоруссии; документы, опубликованные в сборниках по истории внешней политики Беларуси; аналитическая информация посольств Республики Беларусь в странах Евразии; интервью и мемуары белорусских дипломатов; текущая информация СМИ; статистические сборники по внешней торговле Белоруссии.

Проблематика, связанная с действиями Республики Беларусь на евразийском пространстве, нашла отражение в ряде научных статей и монографий, опубликованных в Белоруссии и за ее пределами. В центре внимания находились белорусско-российские отношения (Астахова, 2014; Боришполец, Чернявский, 2012; Орлова, Андреева, 2018; Петровская, 2018; Пимошенко, 2001; Русакович, 2019; Снапкоўскі, 2009; Четверикова, 2016; Eberhardt, 2008; Timmermann, 2002). Исследователей, которые занимались соответствующей проблематикой, в первую очередь волновал вопрос об условиях, особенностях и перспективах развития белорусско-российской интеграции.

В 2000—2010-х гг. появились научные публикации, в которых рассматривались

формы и результаты сотрудничества Белоруссии с отдельными азиатскими государствами. Наибольший интерес у исследователей вызывала проблематика взаимодействия белорусского государства с Казахстаном, Азербайджаном, Туркменистаном, Китаем, Турцией, арабскими государствами Ближнего Востока, Израилем (Александрович, 2008; Дудик, 2007; Ганбаров, 2014; Мацель, 2002; 2004; Рупакова, 2013; Свилас, Евсейчик, 2009; Турарбекова, 2020; Филипюк, 2005; Шадурский, 2012; 2014; 2018; Ших, 2017; Chasnouski & Khudayberdiyeva, 2016).

В 2010-х гг. были проанализированы основные аспекты участия Белоруссии в евразийских интеграционных процессах и ее отношение к китайской инициативе «Пояса и пути» (Достанко, Рубо, 2021; Кузьмина, 2018; Косов, Юрчак, 2021).

Однако, несмотря на наличие большого количества научных публикаций, посвященных действиям Белоруссии на евразийском пространстве, евразийский компонент как таковой в ее внешней политике не вычленялся и не анализировался как комплексное явление. Как правило, отношения Республики Беларусь с отдельными государствами Евразии рассматривались фрагментированно, в контексте осуществления многовекторности во внешней политике белорусского государства. Соответствующий подход был характерен даже для фундаментальных исследований по внешней политике Белоруссии в условиях независимости (Гарнет, Легволд, 1998; Годин, 2014; Улахович, 2009; Шадурский, 2010; Шапапо, 2012; Czachor, 2011; Mironowicz, 2011).

Данная статья призвана ликвидировать существующий пробел в знаниях относительно политики Белоруссии в отношении евразийского пространства в 1990-х — начале 2020-х гг.

Формирование евразийского компонента во внешней политике Республики Беларусь в 1992—2000 гг.

В начале 1990-х гг. евразийский компонент не входил в число важных приоритетов

внешней политики Республики Беларусь ни в теории, ни на практике. Белорусские политики и эксперты исходили из того, что Белоруссия является частью Европы и субъектом европейской политики. Азиатский компонент рассматривался как вспомогательный элемент белорусской внешней политики. В проекте концепции внешнеполитической деятельности, подготовленном МИД Республики Беларусь в конце 1992 г., среди азиатских стран, представляющих интерес для Белоруссии, были выделены Китай, Индия и Республика Корея (Мацель, 2002, с. 183). В первой половине 1990-х гг. в Азии (за пределами СНГ) были открыты лишь два белорусских посольства — в Китае и Израиле.

В центр общественной дискуссии относительно внешнеполитических приоритетов, развернутой в Белоруссии в 1991—1994 гг., был вынесен вопрос об отношениях с Россией. Сторонники Белорусского народного фронта (БНФ), связывавшие будущее Белоруссии с Европой, воспринимали Россию как азиатское государство. В январе 1994 г. лидер БНФ З. Пазыняк назвал русских «лоскутным народом без очерченной национальной территории, перемешанным с финно-угорскими, тюркскими, монгольскими и другими анклавами, распыленным в сибирских и азиатских колониях»¹.

Политические оппоненты БНФ рассматривали Россию как славянское государство, близкое Белоруссии культурно и исторически. Глава белорусского правительства В. Кебич обосновывал необходимость сохранения тесных связей с Россией потребностями нормального функционирования белорусской экономики (в рамках СССР именно Россия являлась основным потребителем белорусской продукции и поставщиком энергоносителей в Белоруссию)². В 1993 г. он добился присоединения Белоруссии к системе коллективной безопасности СНГ, заручившись

поддержкой парламентского большинства. Осенью 1993 г. В. Кебич выразил готовность ввести российский рубль в качестве денежной единицы Белоруссии, но воплотить в жизнь данное решение не смог.

Курс на сближение с Россией поддерживал и А. Лукашенко, одержавший победу на первых президентских выборах в Белоруссии летом 1994 г. Процесс белорусско-российского сближения начался в 1995 г. В апреле 1996 г. возникло Сообщество России и Белоруссии, в 1997 г. — Союз Белоруссии и России. В декабре 1999 г. руководители Белоруссии и России подписали Договор о Союзном государстве. К договору прилагалась Программа действий, сориентированная на создание Союзного государства к середине 2000-х гг.

В 1995—2000 гг. белорусско-российский товарооборот увеличился с 5 до 9,3 млрд долл. США³. В конце 1990-х гг. на Россию приходилось 84,4 % экспорта и 92,3 % импорта Республики Беларусь⁴. Отсутствие полноценной государственной границы облегчило перемещение граждан двух стран и способствовало укреплению связей Белоруссии с городами и регионами Российской Федерации. Немаловажным было и то, что Белоруссия смогла приобретать российские энергоресурсы (прежде всего нефть и природный газ) на льготных условиях.

Стабильная работа белорусских предприятий, ориентированных на сотрудничество с Россией, обеспечивала поддержку интеграции в белорусском обществе. 14 мая 1995 г. большинство белорусских граждан одобрило курс на углубление экономической интеграции с Россией на референдуме, проведенном по инициативе А. Лукашенко (в поддержку интеграции высказалось около 82,4 % участников голосования⁵; результаты референдума

³ Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. 1995—2000. Минск, 2001. С. 32, 34.

⁴ Там же. С. 33, 35.

⁵ Аб выніках галасавання на рэспубліканскім рэфэрэндуме 14 мая 1995 года // Цэнтральная камісія Рэспублікі Беларусь па выбарам і правядзенню рэспубліканскіх рэфэрэндумаў. URL: <https://rec.gov.by/>

¹ Позняк З. О русском империализме и его опасности // Народная газета. 15—17.01.1994. С. 2.

² Кебич В. Выход из кризиса — в союзе с Россией // Правда. 29.04.1994. С. 1—2.

стали убедительной победой белорусского президента над сторонниками БНФ). Осенью 1996 г. Россия поддержала переформатирование политической системы Белоруссии, выступив на стороне А. Лукашенко во время его противостояния с частью депутатского корпуса и руководством Верховного Совета Республики Беларусь.

Ориентируясь на создание славянского союза, белорусское руководство не придавало большого значения евразийскому компоненту на пространстве СНГ. Инициативу президента Казахстана о создании Евразийского союза, выдвинутую в 1994 г., в Минске восприняли без энтузиазма⁶.

Впрочем, отказ от поддержки проекта Евразийского союза не свидетельствовал о нежелании белорусской стороны развивать отношения с азиатскими государствами Содружества. Во второй половине 1990-х гг. официальный Минск сохранял дружественные контакты с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. 29 марта 1996 г. Белоруссия совместно с Казахстаном, Киргизией и Россией подписала Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В 2000 г. на основе указанного объединения было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

В 1995 г. Белоруссия начала расширять взаимодействие с азиатскими государствами за пределами СНГ. Изначально к наиболее перспективным государствам региона были отнесены Китай, Япония, Южная Корея, Вьетнам, Индия и Иран⁷.

В 1995 г. президент Республики Беларусь осуществил первый визит в Китай, в 1996 г. — в Турцию (24 июля 1996 г. Республика Беларусь и Турецкая Республика подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, причем

uploads/folderForLinks/archive-referenda-1995-itogi.pdf (дата обращения: 12.02.2021). (На белорусском языке).

⁶ Жданко В. Беларускі прэзідэнт упершыню сеў за “круглы стол” з адзінаццацю іншымі рэспублікамі // Звязда. 22.10.1994. С. 1. (На белорусском языке).

⁷ Шаг за шагом на Восток // Белорусская газета. 30.10.1995. С. 25.

Турция стала первой страной «дальней» Азии, с которой Белоруссия подписала правовой документ подобного рода). В 1995—1996 гг. белорусские правительственные делегации высокого уровня побывали с визитами в Иране и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). В 1995 г. открылось посольство Республики Беларусь в Японии. По линии внешнеполитических ведомств поддерживался диалог с Вьетнамом и Монголией.

Осложнение отношений Белоруссии со странами «коллективного Запада» в конце 1996 г. сопровождалось дальнейшим ростом активности на азиатском направлении. Соответствующая активность объяснялась необходимостью найти новые рынки сбыта белорусской продукции, хотя временами звучала и геополитическая аргументация. Так, в марте 1997 г. А. Лукашенко заявил о возможности создания оси Минск — Москва — Пекин в качестве ответной меры на расширение НАТО на Восток⁸.

В 1997—2000 гг. президент Республики Беларусь осуществил визиты в Китай, Вьетнам, Республику Корея, Индию, Иран, Сирию, Турцию, ОАЭ, Израиль и Палестинскую национальную администрацию. В эти же годы состоялись визиты главы правительства Республики Беларусь в Сингапур, членов белорусского правительства — в Индонезию, Ирак, Сингапур, Таиланд, главы президентской Администрации — в Японию, белорусских парламентариев — в Израиль, Индию, Иран, Китай. Министры иностранных дел Белоруссии посещали Бахрейн, Индию, Иран, Йемен, Кувейт, Малайзию, ОАЭ, Пакистан, Сирию, Турцию, представители белорусского МИД — Китай и Монголию. До конца 1990-х гг. Белоруссию посетили руководители Вьетнама и Ливана, представители правительств Вьетнама, Индии, Кувейта, Непала, глава внешнеполитического ведомства Сирии,

⁸ Волкова М., Караманов Ю. Александр Лукашенко попытался в очередной раз перехватить у Бориса Ельцина интеграционную инициативу // Независимая газета. 13.03.1997. С. 1.

первый заместитель министра иностранных дел Ирака.

Визиты сопровождались констатацией близости подходов Белоруссии и азиатских государств в отношении перспектив мирового развития, формированием политико-правовых основ сотрудничества и определением перспектив его развития. Укреплению связей со странами Азии поспособствовало вступление Белоруссии в Движение неприсоединения в 1998 г.

Продолжалась работа по расширению белорусского дипломатического присутствия в Азиатском регионе. В 1997 г. посольства Республики Беларусь появились во Вьетнаме, Иране, Южной Корее, Турции, в 1998 г. — в Индии и Сирии.

В 1995—2000 гг. объем товарооборота со странами Азии увеличился с 563 до 874,2 млн долл. США, причем в это время Белоруссия больше вывозила своей продукции в страны Азии, чем ввозила товаров из стран региона⁹. Однако в общем объеме белорусской внешней торговли товарами доля азиатских стран к концу 1990-х гг. составляла всего лишь 5,5 % внешнего товарооборота Белоруссии (на долю стран ЕС во внешней торговле Белоруссии в это же время приходилось около 25 %) ¹⁰.

Евразийский компонент во внешней политике Беларуси в 2001—2021 гг.

В 2001 г. Республика Беларусь преодолела экономические и политические трудности 1990-х гг. и перешла к новому этапу существования, который А. Лукашенко в апреле 2001 г. охарактеризовал как этап «сильного государства, способного успешно решать сложные задачи экономического и социального развития страны»¹¹. В первой половине

⁹ Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. 1995—2000. Минск, 2001. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 56—57.

¹¹ «Беларусь окончательно оформила свою государственность и приобрела реальный суверенитет» // Рэспубліка. 11.04.2001. С. 2.

2000-х гг. белорусское руководство сформулировало новые установки в части осуществления внешней политики. Сутью нового подхода являлось обоснование идеи сохранения Белоруссии в качестве суверенного и независимого *европейского* государства, равноудаленного в политическом отношении от России и ЕС и сохраняющего свободу действий на мировой арене, в том числе на евразийском пространстве¹².

Осуществляя внешнюю политику в функционально-географическом контексте, белорусское руководство не проявляло интереса к разработке ее теоретических аспектов. Соответствующим образом это отразилось на восприятии Евразии. В Минске предпочитали выстраивать отношения с отдельными странами евразийского пространства, воздерживаясь от признания евразийства в качестве самобытного культурно-цивилизационного компонента системы международных отношений.

Соответствующий подход проявлялся даже в экспертной среде. Говоря о евразийской интеграции, белорусские исследователи признавали наличие исторических связей между странами, входящими в интеграционные объединения, указывали на их институциональную принадлежность к восточной матрице общественного устройства и использование русского языка в качестве языка межнационального общения. Однако они делали акцент на необходимости развития экономического компонента в интеграционных объединениях (заключения договоров о преференциальной и свободной торговле, а также экономических соглашений от имени союза с третьими странами и т. п.)¹³.

Зачастую евразийский компонент замещался идеей о приоритетности сохранения славянского союза в качестве основы политики на евразийском пространстве.

¹² Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 9. Мінск: БДУ, 2013. С. 426, 431. (На белорусском языке).

¹³ Турлай И. С. Предпосылки развития евразийской интеграции // Беларуская думка. 2000. № 1. С. 64—67.

Весьма показательной в этом отношении стала статья белорусского политолога В. Шимова, опубликованная в апреле 2020 г. Автор поставил под сомнение продуктивность евразийского концепта, указывая на то, что он подрывает русоцентричность постсоветского пространства, стимулируя всплеск национализма и панидей у других народов (тюрков, финно-угров и др.), и подталкивает Россию к осуществлению политики, выходящей за рамки ее ресурсных, экономических и моральных возможностей. С точки зрения В. Шимова, евразийство снижало значимость белорусско-российских отношений, лишая их эксклюзивности, присущей славянскому союзу. Ученый призывал сделать приоритетным направлением внешней политики консолидацию русского мира как пространства, объединенного русским языком и культурой, и решение его внутренних задач, а не реализацию глобалистских и панконтинентальных мегапроектов¹⁴.

Вышеуказанные установки определяли специфику участия Белоруссии в евразийских интеграционных процессах. Белорусская сторона не отказалась от проектов Союзного государства и ЕврАзЭС. В 2002 г. А. Лукашенко поддержал создание Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в 2010 г. — Таможенного союза, в 2014 г. принял участие в учреждении ЕАЭС. Однако деятельность в евразийских интеграционных объединениях была сориентирована преимущественно на извлечение экономических дивидендов (облегченного доступа к ресурсам и рынкам стран-участниц интеграционных объединений) и сохранение военно-политической стабильности в белорусском государстве.

Изменение подхода к интеграции привело к фактической приостановке процесса белорусско-российского сближения. Белорусская сторона отказалась принять Конституци-

¹⁴ Шимов В. Евразийство и интеграция на постсоветском пространстве // *Западная Русь*. 28.04.2020. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/pubru/2118-evrazijstvo-i-integratsiya-na-postsovetskom-prostranstve.html> (дата обращения: 28.04.2020).

онный акт Союзного государства, высказалась против формирования союзного парламента и использования российского рубля в качестве валюты Союзного государства, свернула деятельность по созданию совместных финансово-промышленных групп, ограничила возможности российского политического и информационного воздействия на белорусское общество. В 2013 г. руководство Республики Беларусь отвергло предложение об усилении политического компонента в деятельности ЕАЭС¹⁵.

Пересмотр интеграционной политики сопровождался возникновением ряда конфликтных ситуаций, связанных с условиями получения российских энергоресурсов, доступа белорусской продукции на российский рынок и российского капитала в белорусскую экономику. Однако в конечном счете конфликтные ситуации были урегулированы на основе компромисса.

В 2000—2010-х гг. Россия оставалась ключевым партнером Белоруссии в сферах безопасности, экономики, транспорта и энергетики. В 2019 г. объем белорусско-российского товарооборота достиг 35,7 млрд долл. США¹⁶. Несмотря на то, что в условиях пандемии 2020 г. он снизился до 29,5 млрд долл. США, на долю России приходилось 47,9 % общего объема внешней торговли товарами, 45,2 % экспорта (в 2019 г. — 41,5 %) и 50,2 % импорта (в 2019 г. — 55,8 %)¹⁷. В торговле с Россией Белоруссия сохраняла отрицательное сальдо, объем которого во второй половине 2010-х гг. стабильно превышал 4 млрд долл. США. В 2019 г. отрицательное

¹⁵ Лукашенко не видит необходимости в единой валюте и политической надстройке в ЕЭС // *Tengrinews.kz*. 02.10.2013. URL: <https://tengrinews.kz/sng/lukashenko-vidit-neobhodimosti-edinoy-valyute-politicheskoy-242805/> (дата обращения: 16.09.2020).

¹⁶ Внешняя торговля Республики Беларусь, 2020 : статистический сборник. Минск, 2021. С. 59, 64.

¹⁷ Об итогах внешней торговли Беларуси с Россией в 2020 году // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. 2021. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade/ (дата обращения: 12.09.2021).

сальдо превысило 8 млрд долл. США, в 2020 г. сократилось до 3,3 млрд долл. США¹⁸. Из России Белоруссия импортировала преимущественно нефть и газ, в Россию экспортировала главным образом продукты питания и технически сложную продукцию¹⁹.

В конце 2018 г. глава российского правительства Д.А. Медведев призвал белорусскую сторону ускорить процесс белорусско-российского сближения. Ответом на этот призыв стало заявление А. Лукашенко о нерушимости белорусского суверенитета, нежелании перенимать российские правовые нормы и проводить приватизацию по российскому образцу. Белорусское руководство в очередной раз увязало углубление интеграции с Россией с предоставлением «компенсационной поддержки» с российской стороны²⁰.

В сентябре 2019 г. главы белорусского и российского правительств завизировали Программу действий по углублению интеграции, утвердив перечень из 31 дорожной карты. Изначально предполагалось завершить процесс согласования дорожных карт к 2021 г.²¹ Однако в силу разных причин в обозначенный срок этого не произошло.

Помимо сотрудничества с Россией в рамках СНГ в 2000—2010-х гг. наиболее продвинутым выглядело сотрудничество Белоруссии с Казахстаном, чему в немалой степени способствовало совместное пребывание в евразийских интеграционных объединениях.

¹⁸ Об итогах внешней торговли Беларуси с Россией в 2020 году // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. 2021. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade/ (дата обращения: 12.09.2021).

¹⁹ Там же.

²⁰ Встреча с представителями российского медийного сообщества // Президент Республики Беларусь. 14.12.2018. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-rossijskogo-medijnogo-soobshchestva-20062 (дата обращения: 23.05.2021).

²¹ Михович С. Семашко прокомментировал ход согласования дорожных карт по интеграции // СБ-Беларусь сегодня. 29.11.2019. URL: <https://www.sb.by/articles/semashko-prokommentiroval-khod-soglasovaniya-dorozhnykh-kart-po-integratsii.html> (дата обращения: 02.09.2020).

Объем белорусско-казахстанской торговли товарами увеличился с 36,8 млн долл. США в 2001 г. до 920 млн долл. США в 2019 г.²² В 2020 г. он составил 847,9 млн долл. США²³. В торговле с Казахстаном Республика Беларусь сохраняла положительное сальдо, объем которого в 2019 г. достиг 610 млн долл. США, а в 2020 г. — 646,3 млн долл. США²⁴. Структура белорусского экспорта в Казахстан напоминала структуру экспорта в Россию: в 2020 г. в Казахстан экспортировались преимущественно тракторы, комбайны, мебель, продукты питания и лекарства. В импорте из Казахстана преобладали каменный уголь, нефтепродукты, хлопковое волокно, рельсы, плоский прокат из легированной стали²⁵.

Во второй половине 2000-х гг. расширилось сотрудничество Белоруссии с Азербайджаном. На рубеже 2000-х и 2010-х гг. оно было выведено на уровень стратегического партнерства. В 2011 г. в Белоруссию начала поступать азербайджанская нефть, дополнившая поставки нефти из России. Товарооборот с Азербайджаном в 2001—2019 гг. увеличился с 8,5 до 307,8 млн долл. США, в 2020 г. составив 447,1 млн долл. США²⁶. До 2020 г. Белоруссия больше экспортировала

²² Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. Минск, 2020. С. 58, 63. См. также: (Александрович, 2008, с. 7).

²³ Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Республике Казахстан. 2021. URL: https://kazakhstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 20.09.2021).

²⁴ См.: Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. Минск, 2020. С. 58, 63; Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Республике Казахстан. 2021. URL: https://kazakhstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 20.09.2021).

²⁵ Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Республике Казахстан. 2021. URL: https://kazakhstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 20.09.2021).

²⁶ Торгово-экономические отношения // Посольство Республики Беларусь в Азербайджанской Республике. 2021. URL: https://azerbaijan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 20.09.2021).

товаров в Азербайджан (основу экспорта составляли продукция машиностроения, нефтепереработки, деревообработки, продовольственные товары), чем импортировала товаров оттуда. Однако в 2020 г. торговый баланс изменился в пользу Азербайджана, что было связано с увеличением закупок азербайджанской нефти (объем отрицательного сальдо составил 66,9 млн долл. США)²⁷.

Стабильный характер сохраняли отношения Белоруссии с Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Отношения с Киргизией несколько омрачило предоставление официальным Минском политического убежища президенту этой страны К. Бакиеву, свергнутому в 2010 г. Однако к существенному ухудшению белорусско-киргизских отношений это не привело.

Реальной проблемой было то, что белорусская сторона не смогла существенно расширить объем торговли с указанными странами. В 2019 г. совокупный объем товарооборота с ними составил 366,7 млн долл. США при экспорте в 297,9 млн и импорте в 68,8 млн долл. США²⁸.

Продолжалась работа по расширению политического диалога и экономического взаимодействия с азиатскими государствами за пределами СНГ. В публичных выступлениях и программных заявлениях главы белорусского государства соответствующее направление неизменно включалось в число важных компонентов многовекторной внешней политики Белоруссии.

Ключевое место в белорусской стратегии на азиатском треке занимали отношения с Китаем. В течение первых двух десятилетий XXI в. президент Республики Беларусь осуществил десять визитов в эту страну (в 2001, 2005, 2008, 2010, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018 и 2019 г.). В публичных выступлениях он

²⁷ Торгово-экономические отношения // Посольство Республики Беларусь в Азербайджанской Республике. 2021. URL: https://azerbaijan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 20.09.2021).

²⁸ Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. Минск, 2020. С. 58—59, 63—65.

оценивал Китай как быстро развивающуюся сверхдержаву, без которой невозможно решить ни один вопрос в мире²⁹.

В декабре 2005 г. белорусско-китайские отношения впервые были охарактеризованы как отношения «всестороннего развития и стратегического сотрудничества»³⁰. В 2015 г. для их характеристики был использован термин «всестороннее стратегическое партнерство», в 2016 г. — «доверительное всестороннее стратегическое партнерство и взаимовыгодное сотрудничество»³¹.

10 мая 2015 г. во время визита в Минск председателя КНР Си Цзиньпина был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой (в силу он вступил в сентябре 2016 г.). Курс на развитие сотрудничества с Китаем был подкреплен специальной Директивой, утвержденной президентом Республики Беларусь 31 августа 2015 г.

Белорусско-китайский диалог развивался на различных уровнях. В 2001 и 2015 гг. Белоруссию посещали высшие государственные руководители КНР. Активно и результативно сотрудничали парламенты двух стран,

²⁹ См.: Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 22.04.2014. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549 (дата обращения: 15.08.2021); Послание к белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 21.04.2017. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059 (дата обращения: 15.08.2021); Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 24.04.2018. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594 (дата обращения: 01.09.2021).

³⁰ Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов: к 25-летию установления дипломатических отношений. Минск : Звезда, 2017. С. 124.

³¹ О политических отношениях Беларуси и Китая // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. 2019. URL: <http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/political/> (дата обращения: 01.08.2020).

министерства иностранных дел, обороны и т. п. В 2014 г. приступил к работе Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. До конца 2010-х гг. Республика Беларусь открыла два Генеральных консульства в Китае: в Шанхае (2009 г.) и Гуанчжоу (2018 г.).

Доля Китая в белорусской внешней торговле неуклонно возрастала. В 2000 г. объем белорусско-китайского товарооборота составлял 197,8 млн долл. США, в 2010 г. — 2 159,9 млн долл. США, в 2019 г. — 4 480,9 млн долл. США, в 2020 г. — 4 457,1 млн долл. США³². По итогам 2020 г. Китай стал вторым торговым партнером Белоруссии после России³³. Однако особенностью белорусско-китайской торговли после 2006 г. стал явный дисбаланс в сторону Китая. В конце 2010-х гг. объем отрицательного сальдо в торговле Белоруссии с Китаем приблизился к 3 млрд долл. США³⁴.

В 2000-х гг. КНР оказывала содействие в модернизации минских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5, белорусских цементных заводов, строительстве отеля «Пекин» в Минске. Наиболее масштабным инвестиционным проектом стал Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», созданный в Смолевичском районе Минской области (в 25 км от Минска) в 2015 г.

Следует отметить, что предоставленные китайские кредиты увязывались с приобретением китайского оборудования, материалов, лицензий и т. п. Однако белорусское руководство считало, что эффект сотрудничества превышает издержки³⁵.

³² См.: Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. Минск, 2017. С. 50, 56; Республика Беларусь в цифрах : статистический справочник. Минск, 2019. С. 62.

³³ Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. 2021. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁴ Республика Беларусь в цифрах : статистический справочник. Минск, 2019. С. 62.

³⁵ См.: Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 24.04.2018. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/

В 2010-х гг. официальный Минск проявил интерес к китайской инициативе «Пояса и пути», оценив ее как новую модель межгосударственного взаимодействия, построенную на принципах поддержки и совместного развития³⁶. С 2014 по 2020 г. объемы железнодорожных контейнерных перевозок по территории Белоруссии по маршруту Китай — Европа — Китай увеличились в 14 раз³⁷. Также белорусское руководство поддерживало идею сопряжения ЕАЭС с инициативой «Пояса и пути». В 2016 г. А. Лукашенко поручил белорусскому правительству занять активную позицию по этому вопросу³⁸.

Позитивные изменения наблюдались в отношениях Белоруссии с Индией. В XXI в. эту страну дважды посещал президент Республики Беларусь (в 2007 и 2017 гг.) и руководители белорусского правительства (в 2002 и 2012 гг.), трижды — главы белорусского внешнеполитического ведомства (в 2002, 2007 и 2015 гг.). В 2015 г. состоялся первый визит в Белоруссию президента Республики Индия. В том же году А. Лукашенко пообщался с премьер-министром Индии во время

[poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594](https://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594) (дата обращения: 01.09.2020); Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 19.04.2019. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903> (дата обращения: 20.08.2020).

³⁶ Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 24.04.2018. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594 (дата обращения: 01.09.2020).

³⁷ Лукашенко рассчитывает на либерализацию торговли услугами и видит перспективы в онлайн-площадках Китая // Белорусское телеграфное агентство (БелТА). 02.09.2021. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-rasschityvaet-na-liberalizatsiju-torgovli-uslugami-i-vidit-perspektivy-v-onlajn-ploschadkah-458081-2021/> (дата обращения: 02.09.2021).

³⁸ Обращение с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 21.04.2016. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517 (дата обращения: 15.09.2020).

саммитов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС в Уфе. Продолжало расширяться сотрудничество между белорусскими и индийскими парламентариями.

Если в 2000 г. объем белорусско-индийского товарооборота составлял лишь 55,4 млн долл. США, то в 2019 г. он увеличился до 569,6 млн, а в 2020 г. достиг 575,7 млн долл. США³⁹. В торговле с Индией Белоруссия сохраняла положительное сальдо, объем которого в конце 2010-х гг. превышал 200 млн долл. США⁴⁰.

В марте 2020 г. в Нью-Дели состоялся первый Белорусско-индийский инвестиционный форум с участием представителей 9 белорусских и более 70 компаний и организаций⁴¹. В том же году были созданы совместные рабочие группы по сотрудничеству в текстильной промышленности, фармацевтике, торговле и инвестициям⁴². Успешнее всего развивалось двустороннее инвестиционное сотрудничество в сфере фармацевтики⁴³.

Третьим по значимости партнером Белоруссии в «дальней» Азии являлась Турция. Политическое сотрудничество с этой страной в XXI в. развивалось без каких-либо проблем. По два раза Турцию посещали с визитами президент Республики Беларусь (в 2010 и 2019 гг.) и главы правительств Белоруссии (в 2014 и 2015 гг.). В 2016 г. в Минске побывал с визитом президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган, в 2018 г. — глава турецкого правительства Б. Йылдырым. Активность сохранял межпарламентский диалог, подкрепленный созданием групп дружбы в парламентах двух стран. Устойчивые контакты сохранялись по линии министерств иностранных дел, иных органов государственного управления. Успешно функционировали

³⁹ Сотрудничество с Индией в сфере торговли и инвестиций // Посольство Республики Беларусь в Республике Индия. 2021. URL: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 26.09.2021).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Межправительственная экономическая комиссия, Совет делового сотрудничества, двусторонние комиссии по сотрудничеству в области оборонной промышленности, туризму, международному автомобильному сообщению, по линии МВД. В 2011 г. приступило к работе Генеральное консульство Республики Беларусь в Стамбуле.

Объем белорусско-турецкого товарооборота в 2009—2019 гг. увеличился с 266,7 млн до 900 млн долл. США, в 2020 г. составил 863,8 млн долл. США⁴⁴. Однако в торговле товарами с Турцией в XXI в. Белоруссия имела отрицательное сальдо. В 2001 г. его объем составлял 7,3 млн долл. США, в 2010 г. — 153,1 млн долл. США, во второй половине 2010-х гг. — стабильно превышал 600 млн долл. США, сократившись лишь в 2020 г. до 477,4 млн долл. США⁴⁵. В белорусском экспорте в Турцию в конце 2010-х гг. преобладали нефтехимическая продукция, продукция металлообработки, легкой и деревообрабатывающей промышленности⁴⁶. В импорте из Турции лидировали сельхозпродукция, трикотажные полотна и ткани, синтетические нити, одежда и обувь, части и принадлежности для автотракторной техники⁴⁷.

Среди стран Азии Турция стала вторым по значимости инвестиционным партнером Белоруссии после Китая. К началу 2021 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано более 130 субъектов хозяйствования с турецким капиталом, а объем турецких инвестиций в белорусскую экономику достиг 61,7 млн

⁴⁴ Беларусь в цифрах, 2021 : статистический справочник. Минск, 2021. С. 68.

⁴⁵ Белорусско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. 2021. URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/torgovo_ekonomicheskaya_slujba/bel_turk/ (дата обращения: 17.09.2021).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ерохина О. В Турцию Беларусь продает химикаты и сливочное масло, а покупает — томаты и трикотаж // Комсомольская правда в Беларуси. 15.02.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26795.4/3830019/> (дата обращения: 18.09.2020).

долл. США⁴⁸. Турецкие инвесторы проявляли повышенный интерес к сферам телекоммуникаций и гостиничному бизнесу в Белоруссии. При финансовой поддержке Турции в Минске была построена Соборная мечеть⁴⁹.

Турция являлась одним из наиболее популярных направлений выезда белорусских туристов и самым популярным местом их отдыха в Азии. В немалой степени этому способствовала договоренность о безвизовом режиме, вступившая в силу в 2014 г. Если в 2013 г. Турцию посетили около 99 тыс. туристов из Белоруссии, то в 2019 г. — свыше 155 тыс.⁵⁰

Работа велась и с другими азиатскими государствами. В программных заявлениях, озвученных до 2021 г., президент Белоруссии включил в число перспективных партнеров в Азии Вьетнам, Южную Корею, Сингапур, Индонезию, Малайзию, Пакистан, Иран, Ирак, Сирию, Кувейт, ОАЭ, Катар, Ливан, Оман и Саудовскую Аравию⁵¹.

⁴⁸ См.: Белорусско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. 2021. URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/torgovo_ekonomicheskaya_slujba/bel_turk/ (дата обращения: 17.09.2021); Беларусь в цифрах, 2021. Статистический справочник. Минск, 2021. С. 68.

⁴⁹ Белорусско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. 2021. URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/torgovo_ekonomicheskaya_slujba/bel_turk/ (дата обращения: 17.09.2021).

⁵⁰ См.: Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : статистический сборник. Минск, 2014. С. 35; Беларусь в цифрах, 2020 : статистический справочник. Минск, 2020. С. 54.

⁵¹ См.: Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 9. Мінск: БДУ, 2013. С. 75, 437; Там же. Т. 10. Мінск: БДУ, 2014. С. 520; Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Президент Республики Беларусь. 21.04.2011 URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-5804> (дата обращения: 18.08.2020); Доклад Президента Беларуси на пятом Всебелорусском народном собрании // Президент Республики Беларусь. 22.06.2016. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-rjatom-vsebeloruskom-narodnom-sobranii-13867 (дата обращения: 22.08.2020).

В 2008 г. Республика Беларусь открыла посольство в ОАЭ, в 2011 г. — в Индонезии, в 2014 г. — в Катаре, Монголии и Пакистане. Президент Республики Беларусь посещал с визитами Бахрейн (2002 г.), Вьетнам (2008, 2015 гг.), Индонезию (2013 г.), Иран (2006 г.), Катар (2001, 2011, 2016 гг.), Кувейт (2002 г.), Ливан (2005 г.), ОАЭ (2007, 2013, 2014, 2016, 2017, 2019 гг.), Пакистан (2015, 2016 гг.), Сингапур (2013 г.). Главы и представители правительства Республики Беларусь в 2001—2020 гг. осуществили визиты во Вьетнам, Иорданию, Иран, Ливан, Пакистан, Сингапур, Южную Корею, руководители белорусского парламента посещали Вьетнам, Иран, Пакистан, Таиланд, Шри-Ланку, Южную Корею. Министры иностранных дел Республики Беларусь побывали с визитами во Вьетнаме, Индонезии, Иордании, Лаосе, Малайзии, Сирии.

В 2001—2020 гг. Белоруссию посещали главы государств и правительств Вьетнама, Ирана, Камбоджи, Катара, Лаоса, Ливана, Пакистана, Сирии, Шри-Ланки; члены правительств Бангладеш, Израиля, Индонезии, Ливана, Монголии, ОАЭ, Сирии, Шри-Ланки, Южной Кореи; парламентские делегации Вьетнама, Индонезии, Иордании, Ирана, Камбоджи, Малайзии, Мьянмы, Пакистана, Сингапура, Таиланда, Южной Кореи, Японии; главы внешнеполитических ведомств Бангладеш, Монголии, Мьянмы, Сирии.

В XXI в. белорусская сторона стала уделять больше внимания деятельности региональных и субрегиональных объединений в Азии — ШОС, Лиге арабских государств, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 2005 г. руководство Республики Беларусь поставило перед белорусскими дипломатами задачу добиться статуса наблюдателя в ШОС. Эта задача была решена в 2015 г. В 2016—2019 гг. А. Лукашенко принимал участие во всех саммитах ШОС (показательно, что в то же самое время он отказывался от участия в саммитах «Восточного партнерства»). На саммите ШОС в Бишкеке в июне 2019 г. он высказал мнение, что Организация должна содействовать нейтрализации

угроз в области безопасности, определению точек соприкосновения и взаимодействия в экономической сфере⁵². С АСЕАН и Лигой арабских государств Белоруссия сотрудничала в диалоговом формате.

Белоруссия не испытывала больших проблем в общении с азиатскими государствами, но беспроблемный политический диалог не всегда подкреплялся успехами в развитии экономических связей. Даже в лучшие годы объем товарооборота с отдельными азиатскими государствами (за исключением Китая, Индии и Турции) не превышал 300 млн долл. США. В ряде случаев развитию сотрудничества препятствовали внешние факторы, прежде всего военные конфликты и экономические санкции. Именно так обстояло дело с Ираком, Ираном, Ливаном и Сирией. Некоторые страны Азии (Япония, Сингапур, Малайзия, Саудовская Аравия) не проявляли большого интереса к расширению сотрудничества с Белоруссией, несмотря на попытки белорусской дипломатии добиться этого.

В целом торговля товарами между Белоруссией и странами Азии увеличилась с 745,5 млн долл. США в 2001 г. до 9,8 млрд долл. США в 2019 г. Доля указанных стран во внешней торговле Белоруссии возросла с 4,7 % в 2001 г. до 13,5 % в 2019 г., хотя по-прежнему уступала доле стран Европы (в 2019 г. на страны ЕС приходилось около 22 % белорусской внешней торговли)⁵³. Однако специфика торговых операций в XXI в. заключалась в сокращении экспорта белорусской технически сложной продукции. В конце 2010-х гг. основу белорусского экспорта в страны Восточной и Южной Азии (Китай, Индию, страны АСЕАН) составляли минеральные удобрения⁵⁴.

⁵² Матвеев В. Лукашенко на саммите ШОС: система глобальной безопасности трещит по швам // БелТА. 14.06.2019. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-na-sammite-shos-sistema-globalnoj-bezopasnosti-treschit-po-shvam-351064-2019/> (дата обращения: 07.08.2020).

⁵³ Внешняя торговля Республики Беларусь : статистический сборник. Минск, 2020. С. 19, 52.

⁵⁴ См.: Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Китайской

Активность белорусского руководства на азиатском треке критически воспринималась белорусской оппозицией. Так, партия БНФ в феврале 2012 г. выразила намерение воспрепятствовать превращению Белоруссии в «китайский остров в центре Европы»⁵⁵. Схожей точки зрения придерживались белорусские либералы, утверждавшие, что сотрудничество с далекими азиатскими странами препятствует проведению реформ в Белоруссии и развитию ее диалога с ЕС⁵⁶.

Политические потрясения в Белоруссии в 2020 г. существенно изменили ее международное положение. В ноябре 2020 г. А. Лукашенко на совещании по вопросам внешней политики обвинил «коллективный Запад» в организации «неприкрытой агрессии» в отношении белорусского государства⁵⁷. Исходя из этого, он потребовал усилить евразийский компонент во внешней политике Белоруссии, прежде всего за счет расширения сотрудничества с Россией и Китаем⁵⁸. Соответствующая установка была подтверждена на VI Всебелорусском собрании 11 февраля 2021 г.⁵⁹

Народной Республике. 2021. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/> (дата обращения: 20.09.2021); Сотрудничество с Индией в сфере торговли и инвестиций // Посольство Республики Беларусь в Республике Индия. 2021. URL: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения: 26.09.2021); Аб супрацоўніцтве Рэспублікі Беларусь з Асацыяцыяй дзяржаў Паўднёва-Усходняй Азіі (АСЕАН) // Пасольства Рэспублікі Беларусь у Рэспубліцы Інданезія. 2021. URL: <https://indonesia.mfa.gov.by/be/asean/> (дата обращения: 20.09.2021). (На белорусском языке).

⁵⁵ Ператварэнне Беларусі ў “кітайскую выспу ў Эўропе” супярэчыць нашым нацыянальным інтарэсам // Партыя БНФ. 2012. URL: <http://narodny.org/?p=1808> (дата обращения: 09.07.2020). (На белорусском языке).

⁵⁶ Геваркин А. Принесет ли пользу Беларуси сотрудничество с ШОС // UDF.by. 14.07.2015. URL: <https://udf.by/news/sobytie/125056-prineset-li-polzu-belarusi-sotrudnichestvo-s-shos.html> (дата обращения: 30.09.2020).

⁵⁷ Совещание по актуальным вопросам внешней политики // Президент Республики Беларусь. 17.11.2020. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-vneshney-politiki> (дата обращения: 01.12.2020).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании // Президент Республики

Указания главы государства были выполнены. В конце 2020 г. Белоруссия и Россия согласовали принципы визовой политики (данную проблему не удавалось решить с 2017 г.). Весной 2021 г. из портов стран Балтии в российские порты был перенаправлен транзит белорусской нефти. Возобновились транспортные сообщения между двумя странами. В сентябре 2021 г. Белоруссия и Россия перешли на сниженные тарифы роуминга. Ускорились работы по согласованию «дорожных карт» (союзных программ).

С Китаем были начаты переговоры по вопросам упрощения торговых процедур и расширения доступа белорусской продукции на китайский рынок, ветеринарного и карантинного надзора, совершенствования логистических цепочек, упрощения торговли услугами⁶⁰. В январе 2021 г. к действующим консульским учреждениям Белоруссии в Китае добавилось Генеральное консульство в Чунцине.

Можно предполагать, что при сохранении действующей политической и социально-экономической системы тренд на расширение сотрудничества Белоруссии с государствами Евразии в новом десятилетии XXI в. усилится. Ценности соответствующих государств более понятны и значимы для белорусского руководства в сравнении с ценностями «коллективного Запада». Однако в настоящее время евразийский компонент во внешней политике Белоруссии все еще недостаточно проработан в теоретическом плане.

Заключение

Евразийский вектор во внешней политике Республики Беларусь не являлся

Беларусь. 11.02.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 05.05.2021).

⁶⁰ Беларусь и КНР создали площадку для отработки вопросов доступа на китайский рынок // Белорусское телеграфное агентство (БелТА). 16.12.2020. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-i-knr-sozdali-ploschadku-dlja-otrabotki-voprosov-dostupa-na-kitajskij-gynok-420487-2020/> (дата обращения: 16.12.2020).

естественным в силу ее географического положения и особенностей исторического развития. Изначально в качестве основного партнера Белоруссии в Евразии выступала только Российская Федерация, и лишь во второй половине 1990-х гг. к ней добавились прочие азиатские акторы. Активность белорусского государства на евразийском пространстве предопределяли экономические интересы, хотя определенное воздействие оказывали политические факторы (стремление сохранить стабильность, доказать эффективность многовекторной внешней политики, расширить диапазон общения на мировой арене).

В XXI в. евразийская политика Белоруссии формировалась с учетом представлений белорусского руководства относительно значимости соответствующих государств в мировой политике и экономике. Высокая степень субъективного фактора при выборе внешних партнеров в Евразии предопределяла возникновение ситуаций, когда отсутствие проблем с тем или иным государством на политическом уровне не подкреплялось значимыми результатами в экономической и иных сферах.

Специфической чертой деятельности Белоруссии на евразийском пространстве являлось отсутствие запроса на концептуальную проработку вопросов взаимодействия с акторами указанного пространства. Белорусские политики и эксперты не воспринимали Евразию в качестве самобытного культурно-цивилизационного компонента и отдавали явное предпочтение функционально-географическим аспектам сотрудничества (в первую очередь просматривалось желание получить конкретные экономические и политические дивиденды при развитии двусторонних связей с государствами Евразии). В белорусской экспертной среде можно было встретить утверждения, что реализация евразийского мегапроекта приводит к снижению значимости белорусско-российского союзничества.

Политические и экономические реалии, в которых существует Белоруссия на текущем этапе ее развития, дают основание предполагать, что значимость государств евразийского пространства в ее внешней политике возрастет. В настоящее время ее ведущим партнером в Евразии является Россия, отношения с которой выстраиваются не только на двусторонней основе, но и в рамках интеграционных объединений (Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ). Значимость России для Белоруссии предельно высока в сферах торговли и инвестиций, энергетики, транспорта, безопасности. Вторую позицию в иерархии евразийских приоритетов Белоруссии занимает Китай, взаимодействие с которым успешно осуществляется в области торговли, инвестиций и транспорта в контексте реализации китайской инициативы «Пояса и пути». Исходя из состояния политического диалога и результатов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, перспективным выглядит взаимодействие Белоруссии с Индией,

Турцией, Казахстаном и Азербайджаном, которое формируется на основе «стратегического партнерства». Белоруссия будет отдавать предпочтение расширению и углублению связей с государствами Евразии на двусторонней основе. В многостороннем формате приоритетным направлением ее внешней политики станет развитие отношений со странами-партнерами в рамках ЕАЭС, ОДКБ и ШОС.

Сдерживающим моментом в развитии сотрудничества может стать ужесточение экономических и финансовых санкций ЕС и США в отношении Белоруссии (прежде всего санкции могут затруднить общение со странами «дальней» Азии). Следует обратить внимание и на то, что евразийская политика Белоруссии до сих пор не обрела четкой концептуальной основы и продолжает формироваться на основе ситуативного реагирования, преобладания функционально-географического компонента над культурно-цивилизационным.

Поступила в редакцию / Received: 27.07.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 12.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Александрович А.* Беларуска-казахстанскія ўзаемаасувязі ў 1991—2006 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2008. № 5. С. 3—10. (На белорусском языке).
- Астахова С.* Отношения России и Белоруссии в новых политических реалиях // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 3 (24). С. 72—79.
- Борштолец К. П., Чернявский С. И.* Российско-белорусские отношения: угрозы реальные и мнимые // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 57—63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-11-57-63>
- Ганбаров Б. А.* Республика Беларусь во внешней политике Азербайджанской Республики в 2001—2012 гг. Минск : Право и экономика, 2014.
- Гарнет С., Легволд Р.* Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности. Москва : Московский центр Карнеги, 1998.
- Годин Ю.* Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2014) // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 3. С. 23—35.
- Достанко Е. А., Рубо О. П.* Международное многостороннее сотрудничество Республики Беларусь // Республика Беларусь в современном мире / под ред. Е. В. Пильгун. Минск : Издательский центр БГУ, 2021. С. 43—58.
- Дудик В. Ф.* Развитие белорусско-китайских отношений в начале XXI века // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. 2007. № 4. С. 33—41.

- Косов А. П., Юрчак Д. В. Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021.
- Кузьмина Е. М. Белоруссия в ЕАЭС: проблемы и возможности // Опыт и перспективы белорусско-российских интеграционных проектов : материалы международной научной конференции / отв. ред. О. В. Петровская. Москва : РИСИ, 2018. С. 97—112.
- Мацель В. М. Региональные приоритеты внешней политики Беларуси (на примере двустороннего сотрудничества с государствами Азии) // Внешняя политика Республики Беларусь в исторической ретроспективе : материалы международной научной конференции / под ред. В. Астапенко. Минск : БГУ, 2002. С. 179—190.
- Мацель В. М. Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений. Барановичи : Барановичская укрупненная типография, 2004.
- Орлова И. А., Андреева Е. С. Сотрудничество России и Белоруссии в военно-политической сфере: правовые проблемы и коллизии // Опыт и перспективы белорусско-российских интеграционных проектов : материалы международной научной конференции / отв. ред. О. В. Петровская. Москва : РИСИ, 2018. С. 205—217.
- Петровская О. В. Российско-белорусский интеграционный проект: достижения, проблемы, потенциал // Опыт и перспективы белорусско-российских интеграционных проектов : материалы международной научной конференции / отв. ред. О. В. Петровская. Москва : РИСИ, 2018. С. 8—41.
- Пимошенко И. И. Белорусско-российские военные отношения: от нейтралитета до коллективной безопасности // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 3. С. 68—70.
- Рупакова Е. А. Формирование договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений (1992—2012 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. С. 57—62.
- Русакович А. В. Союзное государство Беларуси и России: опыт и уроки политических дискуссий в начале 2000-х гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2019. № 1—2. С. 29—36.
- Свилас С. Ф., Евсейчик Т. В. Отношения Республики Беларусь со странами арабского мира. Минск : БГУ, 2009.
- Снапкоўскі У. Е. Беларуска-расійскія адносіны: зб. навук. артыкулаў. Мінск : БДУ, 2009. (На белорусском языке).
- Турарбекова Р. М. Белорусско-китайские отношения: эволюция и фактор COVID-19 // Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 1—2. С. 72—78.
- Улахович В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991—2005 гг.). Минск : Харвест, 2009.
- Филипюк А. Н. Развитие внешнеполитического диалога и экономических связей Беларуси и Китая // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3. С. 75—82.
- Четверикова А. С. Российско-белорусские отношения в новых политико-экономических реалиях // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 5. С. 16—28.
- Шадурский В. Г. Арабские государства во внешней политике Республики Беларусь (1992—2013 гг.) // Труды факультета международных отношений : научный сборник. Вып. 4 / под ред. В. Г. Шадурского. Минск : БГУ, 2014. С. 38—47.
- Шадурский В. Г. Белорусско-пакистанское сотрудничество: формирование правовых и институциональных основ // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 26 октября 2018 г. / под ред. В. Г. Шадурского. Минск : БГУ, 2018. С. 69—72.
- Шадурский В. Г. Нужен нам берег турецкий // Белорусская думка. 2012. № 4. С. 21—27.
- Шадурский В. Г. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // Труды факультета международных отношений: научный сборник. Вып. I / под ред. В. Г. Шадурского. Минск : Тесей, 2010. С. 47—51.
- Шарано А. В. Республика Беларусь в контексте геополитики XXI века: сборник статей. Минск : БГУ, 2012.
- Ших К. В. Современное состояние белорусско-израильских отношений: тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 1. С. 111—121. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-1-111-121>

- Chasnouski M., Khudayberdiyeva N.* Belarus and Turkmenistan as CIS states — an evolving relationship (1991—2015) // Труды факультета международных отношений: научный сборник. Вып. 7 / под ред. В. Г. Шадурского. Минск : БГУ, 2016. С. 39—46.
- Czachor R.* Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991—2011. Studium politologiczne. Polkowice : Wyd. Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach, 2011. (На польском языке).
- Eberhardt A.* Gra pozorów: Stosunki rosyjsko-białoruskie. 1991—2008. Warszawa : PISM, 2008. (На польском языке).
- Mironowicz E.* Polityka zagraniczna Białorusi. 1990—2010. Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2011. (На польском языке).
- Timmermann H.* Die Widersprüchlichen Beziehungen Russland-Belarus im europäischen Kontext // SWP-Studien. 2002. S 37. 44 s. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/S37_02_sicher.pdf (accessed: 20.06.2021).

Сведения об авторе: *Тихомиров Александр Валентинович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; ORCID: 0000-0002-0441-3377; e-mail: tihomirow@list.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-94-110

Research article / Научная статья

Comparative Analysis of the EAEU and the EU Common Labour Markets

Kubatbek Rakhimov¹, Akbermet Azizova²✉¹ Fund “Applicata — Center for Strategic Solutions”, Bishkek, Kyrgyz Republic² Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

✉azizova.akbermet@gmail.com

Abstract. The embodiment of the pragmatic school of the 100 years old Eurasianism movement — the Eurasian Economic Union — took inspiration from the European Union to create a single internal market. Hence, the EU and the EAEU both aim to liberalize economic relations between their member states despite their fundamentally distinct histories and development levels. Both unions have achieved some degree of success in establishing the common labour market. As the integration process continues in the context of the global pandemic there are new barriers to abolish. This article examines the European Union (EU) and Eurasian Economic Union’s (EAEU) major accomplishments and challenges in establishing a single labour market. The research used a systematic approach to outline two regional labour markets’ policy context and mechanisms. Comparative analysis is used to highlight the similarities and differences of the EAEU and EU’s practice and current challenges in the framework of the single labour market. We found that despite the similar concept and legal basis the practice of a common labour market is distinctive. We have identified the similarities and differences in challenges the unions are facing currently. They vary from individual to global, including linguistic and cultural barriers, skill gaps, aging population, socioeconomic inequalities, etc. We conclude that the ongoing global pandemic has exposed and further aggravated the existing problems for both unions, which requires revisiting and enhancing the legal basis and creating more favorable conditions for migrants, for instance, better social protection.

Key words: Eurasian Economic Union, EAEU, European Union, EU, common labour market, labour migration

For citation: Rakhimov, K., & Azizova, A. (2022). Comparative analysis of the EAEU and the EU common labour markets. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 94—110. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-94-110>

Сравнительный анализ единого рынка труда ЕС и ЕАЭС

К. Рахимов¹, А. Азизова²✉¹Общественный фонд «Аппликата — Центр стратегических решений», Бишкек, Киргизская Республика²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉azizova.akbermet@gmail.com

Аннотация. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — это прагматичная форма евразийского движения со столетней историей. Идея создания единого рынка в рамках ЕАЭС была вдохновлена опытом Европейского союза (ЕС). Таким образом, ЕС и ЕАЭС, несмотря на их фундаментально разные истории

© Rakhimov K., Azizova A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

становления и последующего развития, поставили задачу обеспечить интеграцию государств-участников в рамках союзов. В ходе процесса интеграции были достигнуты существенные успехи в создании общего рынка труда. Вместе с тем в условиях глобальной пандемии возникают новые барьеры, требующие устранения. В статье рассмотрены ключевые достижения и вызовы для ЕС и ЕАЭС в контексте развития единого рынка труда. Для этого применен системный подход в целях описания правовой базы и механизмов рынка труда двух региональных союзов. Метод сравнительного анализа используется для выявления сходств и различий практики ЕАЭС и ЕС, а также определения современных вызовов развитию единого рынка труда в рамках данных объединений. Установлено, что, несмотря на схожую концептуальную и правовую базу, на практике между двумя объединениями наблюдаются существенные отличия. Авторами выделены сходства и различия в вызовах, с которыми сталкиваются союзы в настоящее время. Они варьируются от индивидуальных до глобальных, включая языковые и культурные барьеры, трудовую квалификацию, старение населения, социально-экономическое неравенство и т. д., а нынешняя глобальная пандемия обнажила и усугубила существующие вызовы общих рынков труда ЕС и ЕАЭС. Все это требует от объединений активизации работы по совершенствованию правовой базы и создания более благоприятных условий для трудовых мигрантов, в частности предоставления им дополнительной социальной защиты.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, Европейский союз, ЕС, общий рынок труда, трудовая миграция

Для цитирования: Рахимов К., Азизова А. Сравнительный анализ единого рынка труда ЕС и ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 94—110. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-94-110>

Introduction

The Eurasian Economic Union (EAEU) is a regional organization founded by the Treaty on the Eurasian Economic Union that came into force in 2015 and now has five member states.¹ The European Union (EU) is also a regional organization of 27 states with a single market established by the 1992 Maastricht Treaty.² These unions have been firmly set on establishing economically integrated regional units. Even though they have distinctive histories of emergence, economic patterns, geographic features, and population size, there is a common approach to regional integration that presumes the establishment of the common market with four freedoms — the free movement of goods, services, capital, and people. Both unions have remarkable achievements in abolishing the barriers to the free movement of people. The legal foundation in both unions is based around the same fundamental provisions; however, the EU has

better functioning mechanisms and has gone forward and established a separate body — European Labour Authority — to deal with labour issues, whereas the EAEU lacks one.

Some of the challenges the two common labour markets face are relatively similar, while others are unique. The obstacles extend from the individual (linguistic and cultural) to the global scale (the current pandemic). Both the EU and the EAEU face interstate disparities and socioeconomic inequality, resulting in disproportions in migrant flows. Worldwide, the current pandemic has exacerbated this issue, emphasizing the need for the more equitable development of the member states. Such disproportional allocation of workers within the unions is also a cause of ‘peripheralization.’ The technological and economic development disparities usher in the outflow of large numbers of workers, particularly the low — skilled, in search of employment opportunities outside their host countries. In peripheral regions of Kyrgyzstan, primarily older people stay with the children whose parents migrate. Unlike the EAEU, the movement of skilled labour is on the rise in the EU, which causes brain drain. Along with an increase in the unemployment rate and a

¹ Eurasian Economic Union. URL: <http://www.eaeunion.org/?lang=en#about> (accessed: 31.11.2021).

² History of the EU // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu_en (accessed: 31.11.2021).

decrease in job openings, existing structural issues have deteriorated, and common legislation has been generally neglected at the start of the pandemic crisis in both unions. The new realities necessitate the revision of legislative instruments that preserve labour mobility in the face of economic and social uncertainty.

History, Policy Context, and Mechanisms of the Common Labour Markets in the EAEU and the EU

For the EAEU, the free movement of labour is one of the fundamental components of integration. The policy recommendations found in the Treaty on the EAEU propose abolishing the barriers to the free movement of people, obliging the members to cooperate on harmonization of their labour migration policies, encouraging them to assist in recruiting and promoting labour mobility within the member states.³ The Treaty on the Eurasian Economic Union has paved a foundation for the free movement of labour within the entity. Section XXVI of the Treaty is the basic regulatory document for labour migration in the EAEU, including article 96 on cooperation between the Member States, article 97 on employment processes of workers, and article 98 that outlines the rights and obligations of the workers.⁴ The Treaty protects the workers from discrimination, recognizes the education certificates (apart from educational, legal, medical, or pharmaceutical sectors), provides a “temporary residence” status until their employment contracts expire, provides social services without discrimination, and entitles the children to attend schools.

³ Treaty on the Eurasian Economic Union // The UN. URL: https://www.un.org/en/ga/sixth/70/docs/treaty_on_eeu.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁴ Section 26 “Labour Migration” of the Treaty on the Eurasian Economic Union // Eurasian Commission. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/act/finpol/migration/tm/Documents/Раздел%20XXVI%20Договора.pdf> (accessed: 31.11.2021).

A separate section of the Treaty ensures the functioning of the single labour market and outlines the conditions favourable for citizens of member states to work throughout the entire union. Korneev and Leonov (2021) point out that the EAEU “home-grown” regionalism represents economic rationality aimed to address problems of labour migration by providing indiscriminate access to labour markets and conditions for free movement within the region. According to Vinokurov (2018), all the measures shall improve working conditions within the union and promote the legalization of their stays since all the advantages the Treaty provides are available only to workers under employment agreements.

The digital facilities for the EAEU workers are under development. There is a website “Working without borders” — a system for job search and recruiting personnel for the EAEU countries.⁵ Another digital platform is “Work in the EAEU,” which is aimed to help people looking for employment in the EAEU countries. The platform was scheduled to be launched in late 2021. Such digital assistance could simplify the process of employment and registration for the workers.⁶

Unlike the EAEU, the European Union has a long history of the free movement of workers. It has applied a variety of mechanisms, developed networks, and established a legal body responsible for the common labour market. In 2018, the EU celebrated the 50th anniversary of the fundamental regulations on the freedom of movement for workers.⁷ The

⁵ Work without Borders [Работа без границ]. (In Russian). URL: <https://trudvsem.ru/rbg/> (accessed: 31.11.2021).

⁶ Work in EAEU will ease the lives of labor migrants [Приложение «Работа в ЕАЭС» облегчит жизнь трудовых мигрантов] // 24kg. October 19, 2021. (In Russian). URL: https://24.kg/obschestvo/210931_prilozhenie_rabota_veaes_oblegchit_jizn_trudovyih_migrantov/ (accessed: 31.11.2021).

⁷ Free Movement of Workers – The Fundamental Freedom Ensured but Better Targeting of EU Funds Would Aid Worker Mobility // European Court of Auditors. 2018. URL: <https://op.europa.eu/webpub/eca/special-reports/eu-labour-mobility-6-2018/en/> (accessed: 31.11.2021).

legal basis for the free movement of persons has been in existence since 1957 with the first provisions set out by the treaties establishing the European Economic Community (EEC). The 1992 Maastricht Treaty paved the way for the idea of the EU citizenship and its availability to each national of its member states.⁸ The most outstanding achievement in establishing the free movement of persons has been the Schengen area.⁹ It guarantees the free movement of EU citizens and visitors. The 1997 Amsterdam Treaty enabled every EU citizen to travel, work and live in an EU country without special formalities.¹⁰

The opportunities to work, study, reside and retire in another EU member state bring various social, cultural, and economic benefits for the EU nationals.¹¹ The host countries cannot practice any discriminatory acts. The mobile workers can have social and tax benefits and access to housing. Their children have the right to access educational and vocational institutions. These rights are guaranteed by the Treaty on European Union (TEU)¹² and the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU).¹³

⁸ Treaty on European Union. (92/C 191/01) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11992M/TXT&from=EN> (accessed: 31.11.2021).

⁹ Schengen Area // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/policies/schengen-borders-and-visa/schengen-area_en (accessed: 31.11.2021).

¹⁰ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts (97/C 340/01) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11997D/TXT&from=EN> (accessed: 31.11.2021).

¹¹ Benton M., Petrovic M. How Free Is Free Movement? Dynamics and Drivers of Mobility within the European Union // Migration Policy Institute. February, 2013. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/how-free-free-movement-dynamics-and-drivers-mobility-within-european-union> (accessed: 31.11.2021).

¹² Consolidated Version of the Treaty on European Union // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 31.11.2021).

¹³ Consolidated Version of the Treaty of the Functioning of the European Union // EUR-Lex. URL:

Hence, the free movement of workers has become an essential principle of the European single market. Some directives introduce the measures that recognize the professional qualifications, such as issuing of the European Professional Card, guaranteeing the provision of the European Health Insurance, acquisition and preservation of supplementary pension rights, legal rights of the workers in the host countries, etc.¹⁴

There are other labour mobility supportive tools, such as social funds that aim to improve the mobility of workers within the European Union¹⁵ or digital platforms. Among them, the most prominent is “Your Europe,” the website that provides information on labour rights and security,¹⁶ “Your Europe Advice” which provides aid by legal experts¹⁷; EURES — a portal of available job vacancies of the EU states.¹⁸ At last, there is the European Labour Authority (ELA) — a body responsible for the

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=en> (accessed: 31.11.2021).

¹⁴ See: Regulation (EU) No 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on Freedom of Movement for Workers within the Union Text with EEA Relevance // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A32011R0492> (accessed: 31.11.2021); Regulation (EU) 2019/1149 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 Establishing a European Labour Authority, Amending Regulations (EC) No 883/2004, (EU) No 492/2011, and (EU) 2016/589 and Repealing Decision (EU) 2016/344 (Text with relevance for the EEA and for Switzerland) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32019R1149> (accessed: 31.11.2021).

¹⁵ Europe 2020: A European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth // European Commission. 2010. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (accessed: 31.11.2021).

¹⁶ Your Europe // European Union. URL: <https://europa.eu/youreurope/> (accessed: 31.11.2021).

¹⁷ Your Europe Advice // European Union. URL: https://europa.eu/youreurope/advice/index_en.htm (accessed: 31.11.2021).

¹⁸ EURES // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/eures/public/index_en (accessed: 31.11.2021).

enforcement of the EU rules on labour mobility and social security.¹⁹

Some scholars have conducted comparative research on the two unions' development. Vinokurov (2018) emphasizes that creating a common labour market has only been achieved by the EU and the EAEU. Some researchers point out that the EAEU can be compared to the early stages of the EU law development. "So far we have noted quite a remarkable convergence between EAEU law and the early stages of EU law concerning the free movement of workers before the advent of EU citizenship" (Pirker & Entin, 2020). Benton and Petrovic claim that the EU's experience of integration, including its success and failures, can serve as a lesson for others: "The European Union provides the closest thing to a 'laboratory' on open borders."²⁰ Karliuk compared the legal systems of the EAEU and the EU in 2015; he found different starting points and revealed the distinctions in the development of institutional structures of these two organizations.²¹ According to Tsibulina, the EAEU and the EU set similar economic objectives.²² The EAEU adopted the same integration model as the EU, intending to establish a single regional market. It borrowed the idea of "four freedoms" (the free movement of goods, services, capital, and labour) from the EU. Kondrat'eva (2016) concludes that the EAEU has followed the EU's

model of the common market with "four freedoms" as well as the main organizing principles of the EU. Meanwhile, she argues that it is the intense state involvement in the EAEU that distinguishes it from the EU (Kondrat'eva, 2016, p. 23).

Other researchers questioned how comparable the labour law in the EU and EAEU was: "...although two systems are comparable, they are so different that they look like mirror images of each other in certain respects" (Lyutov & Golovina, 2018). The authors suggested that the EAEU has not reached the point when it becomes necessary to harmonize the labour law. Tsibulina claimed that the lack of common administrative procedures in the EAEU was one of the obstacles to the functioning of the EAEU's labour market. However, the EU only established the European Labour Authority (ELA) in 2019 to ensure enforcement of the EU laws on the provision of services that support mobile workers and employers.²³ Regardless of these debates, the EAEU ranks second on integration advancement indicators with 55.6% of market freedom, only behind the EU at 82.7%.²⁴

The EU Common Labour Market Challenges

The EU created all necessary conditions to create the common labour market. The recent Annual Report on Intra-EU Labour Mobility showed that in 2019 there were 17.9 mln intra-EU migrants. The data demonstrated that the number of Union citizens of working age (20—64) living in another EU member state increased from 2.4 to 3.3%.²⁵ Nevertheless,

¹⁹ European Labour Authority. URL: <https://www.ela.europa.eu/en> (accessed: 31.11.2021).

²⁰ Benton M., Petrovic M. How Free Is Free Movement? Dynamics and Drivers of Mobility within the European Union // Migration Policy Institute. February, 2013. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/how-free-free-movement-dynamics-and-drivers-mobility-within-european-union> (accessed: 31.11.2021).

²¹ Karliuk M. The Eurasian Economic Union: An EU-like Legal Order in the Post-Soviet Space. WP BRP 53/LAW/2015 // National Research University Higher School of Economics. 2015. URL: <https://wp.hse.ru/data/2015/09/23/1075393178/53LAW2015.pdf> (accessed: 31.11.2021).

²² Tsibulina A. Labour Migration in the EAEU: Any Similarities with the EU // SSRN. February 11, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3509288> (accessed: 31.11.2021).

²³ Ibid.

²⁴ Eurasian Economic Union: Facts and Figures // Eurasian Economic Commission. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_ЕЭК_ЦИФ%20-%20%20Интег.%20и%20макроэ-ка_англ.pdf (accessed: 31.11.2021).

²⁵ Annual Report on intra-EU Labour Mobility 2020 // European Website on Integration. February 19, 2021. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/library->

with the COVID-19 pandemic outbreak labour mobility has declined.

This mechanism of the intra-EU labour migration serves various purposes. It certainly addresses the demographic problems by offsetting aging and population decline. Brucker Juricic, Galic and Marenjak (2021) claim that the majority of the EU member states face labour shortages due to a declining and aging workforce, as well as skill shortages in some sectors. Hence, the EU is in the midst of a demographic crisis — by 2050, the working-age population is expected to shrink by 37 mln people, while many positions already cannot be filled by local candidates, and the COVID-19 pandemic has shown how dependent Europe is on the third-world labour force.²⁶ According to Eurostat, people aged 65 and older accounted for 20.6% of the European population in 2021 (0.4% more than in 2020).²⁷ Cristea, Noja, Dănciică and Ștefea (2020) explain the causes of demographic pressures. The medical achievements have increased life expectancy, and low fertility and birth rates have resulted in a lower share of the younger working-age population. All European countries face demographic decline, and the labour mobility within Europe cannot solely counteract the demographic challenges.²⁸ Thus, the EU needs

document/annual-report-intra-eu-labour-mobility-2020_en (accessed: 31.11.2021).

²⁶ ICMPD Migration Outlook 2022: Twelve Migration Issues to Look Out for in 2022 // International Centre for Migration Policy Development. 2020. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/56783/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%25202022.pdf> (accessed: 31.11.2021).

²⁷ Population Structure and Aging // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_agein&#The_share_of_elderly_people_continues_to_increase (accessed: 31.11.2021).

²⁸ Bonin H., Eichhorst W., Florman C., Hansen M.O., Skiöld L., Stuhler J., Tatsiamos K., Thomasen H., Zimmermann K.F. Geographic Mobility in the European Union: Optimising Its Economic and Social Benefits. IZA Research Report No. 19 // Institute for the Study of Labor (IZA). July, 2008. URL: https://ftp.iza.org/report_pdfs/iza_report_19.pdf (accessed: 31.11.2021).

to attract labour force from the Third World: “More international migration from third countries and a greater degree of mobility between EU countries remains only one possible answer to future EU mismatches between supply and demand of labour and skills”.²⁹ For instance, according to Kurylev and co-authors (Kurylev et al., 2018), the European countries are interested in recruiting cheap yet qualified labour from Central Asia, since the number of migrants (particularly from Kazakhstan and Kyrgyzstan) has increased, and that trend is likely to persist.

Another major challenge is the uneven share of the citizens who benefit from the privileges of the common labour market. This phenomenon has been widely explained by the theory of labour force attraction and expulsion since the early stages of the formation of the EU’s common labour market (Tatuzov, 2020). The theory defines the factors that push the people out of the country (low living standards, inequality) and the pull factors (high wages and employment opportunities) that attract labour migrants. In 2019, almost half of the mobile workers (46%) resided in the UK or Germany, other 28% in France, Italy, and Spain. Key sending countries — Romania, Poland, Italy, Portugal, and Bulgaria — account for 58% of the movers. These disproportions reflect the economic inequality within the Union.

The 2017 European Commission Final Report on Economic Challenges of Lagging Regions determined two types of “lagging regions” in the EU. “Low-growth regions” are the less developed and transition regions that fall below the EU average per capita GDP.³⁰ This group covered almost all the less

²⁹ Munz R. The Global Race for Talent: Europe’s Migration Challenge // Bruegel. March 14, 2014. URL: <https://www.bruegel.org/2014/03/the-global-race-for-talent-europes-migration-challenge/> (accessed: 31.11.2021).

³⁰ Final Report on Economic Challenges of Lagging Regions // European Commission. April, 2017. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/challenges_lagging/econ_challenges_lagging_en.pdf (accessed: 31.11.2021).

developed and transition regions of the south — Greece, Italy, Spain, and Portugal. Another group is “low-income regions”. This group includes mostly the eastern EU member states — Bulgaria, Hungary, Poland, and Romania. They remain far below 50% of the EU average GDP per capita. These regions differ in productivity, education, and employment rates. Empirical analysis found the main factors creating economic opportunities and amenities in leading “pull” areas and the lack of access to basic public services in rural and lagging regions that “push” migration decisions (Lall et al., 2009). As the innovation systems lag behind and labour skills do not correspond to the competition requirements in the Union, there is an out-migration of young and skilled groups that hinders the development of the southern and eastern regions. Widuto from the European Parliamentary Research Service discovered the increase in disparities within the EU countries, mainly in the number of low-growth regions in southern Europe and low-income regions in Eastern Europe.³¹ This is reflected by international remittances volumes, which are more important for countries with lower GDP, for instance, Croatia (7.3% of GDP), Latvia (3.2% of GDP), and Romania (3.1% of GDP) ranked the highest in the EU in terms of remittances received relative to GDP in 2020.³²

Regarding the employment sectors, in 2019, manufacturing, wholesale and retail trade were the most popular ones, employing 15 and 12% of EU-28 migrants as reported by the European Commission. Also, the majority was employed in the service sector,

³¹ Widuto A. Regional Inequalities in the EU // European Parliamentary Research Service. May, 2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637951/EPRS_BRI\(2019\)637951_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637951/EPRS_BRI(2019)637951_EN.pdf) (accessed: 31.11.2021).

³² Personal Remittances Statistics // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Personal_remittances_statistics#Western_European_countries_are_the_focal_point_for_cross-border_remittances (accessed: 31.11.2021).

including accommodation, food, construction, administrative, and support. As regards skills, in 2011—2019, the movement of highly skilled workers increased by 4%, promoting the movement of knowledge in the region. In 2019, 34% of EU movers had a tertiary level of education.³³ “Yet they are often employed in unskilled or low-skilled jobs despite the professional training and education in Europe.”³⁴ Language could be one of the main reasons, as many scholars find that it is one of the obstacles for labour migration. Speaking a country’s language increases the likelihood of migrating to that country, whereas linguistic heterogeneity across European nations may partly explain why European labour is relatively immobile.³⁵ Marques (2010) mentions that shared language and borders, and macroeconomic factors such as higher average income level as well as larger migrant communities in the destination country function as migration drivers.

Digitalization and automation processes brought forth new challenges. In Europe, new economic policies focusing on the knowledge economy have become a new factor driving migrations trends. The OECD explains that such policies have new challenging implications for all sectors, not only migration: “the confinement of the knowledge economy to fringes in all sectors of production has similarly powerful

³³ Annual Report on intra-EU Labour Mobility 2020 // European Website on Integration. February 19, 2021. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/annual-report-intra-eu-labour-mobility-2020_en (accessed: 31.11.2021).

³⁴ Brenke K. Labor Mobility in Central and Eastern Europe: The Migration of Workers to Germany Has Been Limited in Scope. DIW Weekly Report // DIW Berlin. URL: https://www.diw.de/de/diw_01.c.455826.de/publikationen/economic_bulletins/2011_03_3/labor_mobility_in_central_and_eastern_europe_the_migration_of_workers_to_germany_has_been_limited_in_scope.html (accessed: 31.11.2021).

³⁵ Fenoll A. A., Kuehn Z. Does Foreign Language Proficiency Foster Migration of Young Individuals within the European Union? IZA Discussion Paper No. 8250 // Institute for the Study of Labor (IZA). June, 2014. URL: <https://docs.iza.org/dp8250.pdf> (accessed: 31.11.2021).

implications for inequality.”³⁶ The concept of a knowledge-based economy is applied to services, research, and development as well as high-technology industries. However, in each sector, it sets borders and excludes the majority of the labour force. According to the 2018 study by ESPON, “such knowledge-based migration is highly age-selective, with young, skilled and mobile people moving and leaving behind older and less-educated workers. This is a key factor in explaining growing public discord and anti-EU politics.”³⁷

Unger explains the relationship between knowledge economy and migration. The high-skilled workers from the regions with inadequate job opportunities in science and technology fields concentrate in the regions with advanced knowledge economies that offer higher wages.³⁸ While analyzing the inequalities in Europe, the researchers of the European Investment Bank determined that inequality of income is determined by the workers’ skills, as there has been a small income increase for low-skilled jobs and a larger income increase for high-skilled jobs in the EU labour market. Moreover, new technologies and automation affect the low-skilled workers and threat to replace them, while the high-skilled workers mostly benefit from increased productivity.³⁹ The 2019 annual review of the Job Market and Development of Wages in Europe by the European Commission acknowledged the threat that advancing technologies could replace

human labour in routine tasks and cause job polarization. According to the review, the non-routine cognitive tasks are on increase in all EU regions, which requires skill development: “The demand for workers performing routine tasks is falling relative to that of workers performing non-routine tasks. There is a clear need for policies that smooth the transition between jobs.”⁴⁰

The researchers often consider education as a solution when the jobs are undergoing automation. However, analysis by the OECD indicates that highly educated migrants tend to concentrate in the regions where the highly educated natives concentrate.⁴¹ This causes further exacerbation of intra-regional and intra-state disparities. While the economically dynamic cities and metropolitan regions have to deal with the social and political challenges and impacts of an inflow of labour migrants, the lagging regions, mainly Southern and Eastern Europe, have to deal with the continuous out-migration, which causes economic and demographic decline and “brain drain.”

These trends have long been predicted by scholars, and they urged to apply proper policies. In 2009, while the EU was expanding to the East, Rangelova predicted “the outflow of skilled workers to the labour market of the ‘old’ EU countries unless an economic catching up occurs” (Rangelova, 2009). Rodríguez-Pose (2018) introduced the concept of “places that don’t matter,” which recognizes that, along with other factors, the lagging behind of some regions is caused by the current European migration patterns. The exacerbation of the

³⁶ Unger R. M. *The Knowledge Economy* // OECD NAEC. 2014. URL: <https://www.oecd.org/naec/THE-KNOWLEDGE-ECONOMY.pdf> (accessed: 31.11.2021).

³⁷ *Addressing Labour Migration Challenges in Europe: A Enhanced Functional Approach* // ESPON. June, 2019. URL: <https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/ESPON%20Policy%20Brief%2C%20Labour%20migration%20challenges.pdf> (accessed: 31.11.2021).

³⁸ Unger R. M. *The Knowledge Economy* // OECD NAEC. 2014. URL: <https://www.oecd.org/naec/THE-KNOWLEDGE-ECONOMY.pdf> (accessed: 31.11.2021).

³⁹ Bubbico R. L., Freytag L. *Inequality in Europe* // European Investment Bank. January, 2018. URL: https://www.eib.org/attachments/efs/econ_inequality_in_europe_en.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁴⁰ *Labour Market and Wage Developments in Europe: Annual Review 2019* // European Commission. 2019. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/439aaf5c-0435-11ea-8c1f-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 31.11.2021).

⁴¹ Diaz Ramirez M., Liebig T., Thoreau C., Veneri P. *The Integration of Migrants in OECD Regions: A First Assessment. Regional Development Working Papers 2018/01* // OECD. 2018. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/the-integration-of-migrants-in-oecd-regions_fb089d9a-en (accessed: 31.11.2021).

territorial disparities as a result of migration is one of the vital political issues for the EU today. The research by the ESPON finds the likelihood of the “peripheralization” of some EU states along with the urbanization of other states as adverse migration trends may be witnessed in Central European nations such as the Baltic states, Poland, Romania, Croatia, and Bulgaria, as well as Hungary. Hence Eastern and Southern Europe still lag significantly behind in immigration attractiveness compared to Western Europe. Nevertheless, the European Union is aware of this and has put effort into bettering the case. For instance, the EU has funded the implementation of the EU cohesion policy 2014—2020⁴² and 2021—2027⁴³ that are primarily intended to reduce regional disparities and enforce social, economic, and territorial cohesion.

The EAEU Common Labour Market Challenges

Free movement of people is a tool of integrating the states from the social perspective. According to Belashchenko, Tolkachev and Shodzhonov (2020), the level of impact of social factors on integration, such as effective migration policy, creation of common job opportunities, support and guidance for the migrants will define the EAEU development direction. Despite the established legal framework, the EAEU’s efforts to establish a common labour market are faced with some challenges.

The economic inequality of the states determines the disproportions in the labour movement, thus, the theory of attraction and expulsion of labour force seems to be relevant in explaining migration patterns in the EAEU.

Russia attracts workers from its less economically developed partner states. According to the Labour Migration Department, Russia receives the highest percentage of labour migrants from the EAEU, accounting for more than 97.1%. In contrast, Kyrgyzstan and Armenia are the main donor countries in the Union, accounting for 48 and 27.1% respectively of the labour migrants within the EAEU over 2014—2018.⁴⁴ The formation of such a regional migration subsystem results from uneven economic development and employment opportunities, different demographic potentials, geographical proximity and liberalization (Dzhunisbekova et al., 2017).

Kofner warns that such disproportions might threaten the proper functioning of the common labour market.⁴⁵ However, Gaeva (2019) thinks that such disproportional distribution of human capital and socio-economic potentials between the EAEU countries have strengthened incentives for migration within the union. Abrosimov and Shevchenko (2017) describe the asymmetric type of cooperation, in which a leader or a dominant group in the region pulls the rest of the countries. They provide examples of the EAEU led by Russia and the EU led by the group represented by its largest economies — Germany, France, Italy, and Spain. As for the “pull” factors within the EAEU, they are primarily rooted in socioeconomic issues of the donor countries. For instance, Todorov, Kalinina and Rybakova (2018) identified unemployment in the weaker states and wage differences between the urban and rural areas as major pull factors.

Russia and Kyrgyzstan are significantly interdependent in the labour sector. Russia is a

⁴² An Introduction to EU Cohesion Policy 2014—2020 // European Commission. June, 2014. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/basic/basic_2014_en.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁴³ Cohesion Policy 2021—2027 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/2021_2027/ (accessed: 31.11.2021).

⁴⁴ Statistics // Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/en/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx (accessed: 31.11.2021).

⁴⁵ Kofner J. C. Did the Eurasian Economic Union Create a Common Domestic Market For Goods, Services, Capital, and Labor? // MIWI-Institute for Market Integration and Economic Policy. October 30, 2019. URL: <https://miwi-institut.de/archives/1176> (accessed: 31.11.2021).

destination country for almost 90% of labour migrants from Kyrgyzstan.⁴⁶ The inflow peak dates back to 2015 after Kyrgyzstan obtained the membership of the EAEU. When analyzing the perspective of Kyrgyzstan on Eurasia, Nurmatov (2019) underlined the importance of a common labour market, taking into account the country's dependence on external employment opportunities and remittances, which are comparable to the entirety of state revenue. Another interesting perspective is that the large outflow seems to be a result of obtained capital (legal, economic, social, and cultural) by the migrants from Kyrgyzstan in the past thirty years (Gabdrakhmanova, Sagdieva & Fryer, 2020).

The empirical research conducted in Moscow by Sagynbekova found that low wages, unemployment, and limited living standards are primary push factors for the citizens of Kyrgyzstan to look for employment opportunities abroad.⁴⁷ This trend does not seem to slow down. In 2020, there was still a drastic wage difference; the average wage in Kyrgyzstan was KGS 18,940 (USD 223),⁴⁸ whereas in Russia it was RUB 69,278 (USD 985).⁴⁹ Thus, the influx of labour migrants from the donor countries is likely to increase along

with the new opportunities the EAEU provides for the citizens of its member states.

Some researchers (Ryazantsev et al., 2017) believe that some countries benefit from having as many people as possible working abroad due to high dependence on the remittances, yet the remittances are not solely able to stimulate these states' economies. For instance, remittances account for 30% of GDP in Kyrgyzstan and 11% of GDP in Armenia.⁵⁰ The governments of the EAEU states rely on labour migration to compensate for the employment gaps, but it has not brought noticeable success yet. The experiences of regional unions show that the positive effect of remittances is short-term and requires rational use. For example, the governments could influence the effective use of remittances for the benefit of specific sectors of the national economy such as infrastructure or education (Dzhunisbekova et al., 2017). Thus, the "weaker" members of the union should consider sustainable ways of development to remain competitive with its current and future allies, as Todorov, Kalinina and Rybakova (2018) claim that high outflow of the working-age population might cause problems in the national labour markets of the donor states.

Throughout the process of development of the single labour market of the EAEU, the labour migrants of the member states have received a good deal of advantages regarding the formal procedures that expand employment opportunities. For instance, *Gazeta.ru* reports that subsequent to Kyrgyzstan's accession to the EAEU and the mutual recognition of driver licenses, Kyrgyz migrants began to acquire jobs as taxi and municipal transport drivers more

⁴⁶ Statistics // Department of External Migration under the Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic [Статистика // Департамент внешней миграции при Министерстве иностранных дел Киргизской Республики]. (In Kyrgyz). URL: <http://ssm.gov.kg/ru/main/page/39/0> (accessed: 31.11.2021).

⁴⁷ Sagynbekova L. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia. Working Paper No. 39 // University of Central Asia — Institute of Public Policy and Administration (IPPA). August 23, 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3023259 (accessed: 31.11.2021).

⁴⁸ Monthly Average Wage // National Statistics Committee of Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg/en/opendata/category/112/> (accessed: 31.11.2021).

⁴⁹ Labour Market, Employment and Wages [Рынок труда, занятость и заработная плата] // Rosstat. (In Russian). URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed: 31.11.2021).

⁵⁰ Migrant Remittances Account for 30% of GDP in Kyrgyzstan and Tajikistan, 11% of GDP in Armenia [В Кыргызстане и Таджикистане трансферты трудовых мигрантов составляют около 30% ВВП, а в Армении — порядка 11% ВВП] // Eurasian Development Bank. September 10, 2020. (In Russian). URL: <https://eabr.org/press/news/v-kyrgyzstane-i-tadzhikistane-transferty-trudovykh-migrantov-sostavlyayut-okolo-30-vvp-a-v-armenii-p1009/> (accessed: 31.11.2021).

often.⁵¹ Other popular employment sectors in Russia among migrants from Kyrgyzstan are trade, construction, transport services, etc.⁵² However, there are challenges related to the qualification of labour migrants in the EAEU. Sagynbekova's survey shows that the majority of the interviewed workers were employed in the trade and service sectors, primarily in unskilled positions.⁵³ The International Organization for Migration in Kyrgyzstan and the Tian Shan Policy Center study indicates that a lack of language skills creates barriers in obtaining proper jobs as little over half of the Kyrgyz migrants working in Russia are fluent in Russian.⁵⁴

⁵¹ Falyakhov R. Can't Survive at Home: How the Kyrgyzs Are Earning a Living in Russia [Фалыхов Р. На родине не выжить: как киргизы зарабатывают в России] // *Gazeta.ru*. March 31, 2019. (In Russian). URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/02/12219025.shtml> (accessed: 31.11.2021).

⁵² Poletaev D. V., Zlobina T. A. Monitoring of Implementation of the Labor Migrants' Rights from Kyrgyzstan in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in Accordance with the Terms of Accession of the Kyrgyz Republic to the EAEU Protocol // Tian Shan Policy Center (TSPC) of the American University of Central Asia (TSPC AUCA). 2018. URL: https://auca.kg/uploads/tspc%20images/Monitoring%20of%20implementation%20of%20the%20labor%20migrants'%20rights%20from%20Kyrgyzstan%20in%20Russia%20and%20Kazakhstan%20in%20EAEU_TSPC_2017-2018.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁵³ Sagynbekova L. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia. Working Paper No. 39 // University of Central Asia — Institute of Public Policy and Administration (IPPA). August 23, 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3023259 (accessed: 31.11.2021).

⁵⁴ Poletaev D. V., Zlobina T. A. Monitoring of Implementation of the Labor Migrants' Rights from Kyrgyzstan in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in Accordance with the Terms of Accession of the Kyrgyz Republic to the EAEU Protocol // Tian Shan Policy Center (TSPC) of the American University of Central Asia (TSPC AUCA). 2018. URL: https://auca.kg/uploads/tspc%20images/Monitoring%20of%20implementation%20of%20the%20labor%20migrants'%20rights%20from%20Kyrgyzstan%20in%20Russia%20and%20Kazakhstan%20in%20EAEU_TSPC_2017-2018.pdf (accessed: 31.11.2021).

Thus, low professional qualifications and poor language skills reduce the opportunities for migrant workers in foreign labour markets and lead to an exacerbation of socioeconomic problems. “The quality of education in the EAEU sending countries does not often correspond to the labour market demands of the destination countries.”⁵⁵ The experts in economics explain that labour migration does not always bring about convergence in the development level among member economies as long as there is a severe gap in technological development. Even though there is a system of recognition of education documents and qualifications (apart from medical, pedagogical, and legal), access to all types of job opportunities does not apply to the entire workforce within the integrated space. Therefore, new mechanisms to abolish the barriers for better job opportunities for the workers should be brought up soon.

As emphasized in the analysis of the EU single labour market, the qualification of the workers for various job positions is important to ensure equality and better integration. Ryazantsev and his colleagues (Ryazantsev, Ter-Akopov, Pismennaia & Khramova, 2017) described a favourable scenario for the EAEU common labour market, in which the quality of the labour force would be put in the first place as low level of professional qualification narrowed the employment prospects for the migrants. They offered to establish better conditions for the immigration of highly qualified workers within the EAEU. Ensuring effective employment of the population and improving the workforce's quality and competitiveness should be an essential social principle for the EAEU and its member states.

⁵⁵ Poletaev D. Addressing the Challenges of Labour Migration within the EAEU // International Centre for Migration Policy Development. May, 2019. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/48453/file/Analytical%2520report%2520%25E2%2580%259CAddressing%2520the%2520Challenges%2520of%2520Labour%2520Migration%2520within%2520the%2520Eurasian%2520Economic%2520Union%25E2%2580%259D%2520EN.pdf> (accessed: 31.11.2021).

The EAEU has established “Work without borders” platform as a search engine to provide access to data on vacancies and job seekers in the joint portal. In most cases, however, the migrant workers rely on the relatives or acquaintances: “Migrants from Kyrgyzstan are mostly looking for work through ‘their acquaintances’ (74%), 9% are looking for a job through an ad in the media, 8% through an ad or online advertisement, 4% through an intermediary.”⁵⁶ Thus, migrant workers are vulnerable and risk getting deceived. The EAEU labour market still needs some time to adjust to the newly adapted portal. Yet, such strong ties of migrants in their diasporas have caused another challenging trend which Poletaev (2020) termed “parallel migrant communities” which could pose a major challenge for Russia in the future. He claimed that the trust gap had occurred between the local Russian and migrant societies: “The crisis of trust in Russian society is further exacerbated by feelings of alienation between foreign migrant workers and local residents.”⁵⁷ He compared this phenomenon to the “glass wall” between both local communities and migrants. Poletaev (2020) believes such metaphoric walls prevent migrants from fully adapting and integrating into Russian society.

Delving further into the social security aspect of labour migration, the EAEU workers are challenged by unsatisfactory social

protection. The International Organization of Migration (IOM) touched upon the women labour migrants, most of whom worked in the service sector, catering, textiles, and as domestic workers. They worked more than 10 hours per day and had scarce access to social protection services. The “broken family” phenomenon is another relevant problematic social outcome in Kyrgyzstan caused by the considerable outflow of citizens abroad for employment. Parents of more than 61,000 children are working away from their children. This might have severe implications for these families that could entail long-term consequences on families and society in general.⁵⁸ Protecting ethnic integrity is likely to become an important issue soon for Kyrgyzstan. Poletaev and Zlobina found that it is unsafe to take children abroad as they are likely to face difficulties accessing schools, medical, and other social services.⁵⁹

Overall, the EAEU labour market challenges are complex and require comprehensive action on behalf of the states, as well as the EAEU’s respective departments. In the 2019 report, the Higher School of Economics researchers recommended borrowing the EU’s approach to migrant workers integration via language and

⁵⁶ Poletaev D. V., Zlobina T. A. Monitoring of Implementation of the Labor Migrants’ Rights from Kyrgyzstan in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in Accordance with the Terms of Accession of the Kyrgyz Republic to the EAEU Protocol // Tian Shan Policy Center (TSPC) of the American University of Central Asia (TSPC AUCA). 2018. URL: https://auca.kg/uploads/tspc%20images/Monitoring%20of%20implementation%20of%20the%20labor%20migrants%20rights%20from%20Kyrgyzstan%20in%20Russia%20and%20Kazakhstan%20in%20EAEU_TSPC_2017-2018.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁵⁷ Poletaev D. From Mistrust to Solidarity or More Mistrust? Russia’s Migration Experience in the International Context // Valdai Discussion Club. December, 2018. URL: <https://valdaiclub.com/files/21924/> (accessed: 31.11.2021).

⁵⁸ Bruni V. Regional Overview: Survey on the Socioeconomic Effects of COVID-19 on Returnees and Stranded Migrants in Central Asia and the Russian Federation // International Organization for Migration. March, 2021. URL: <https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/Regional-Overview-Survey-on-the-Socioeconomic-Effects-of-COVID-19.pdf> (accessed: 31.11.2021).

⁵⁹ Poletaev D. V., Zlobina T. A. Monitoring of Implementation of the Labor Migrants’ Rights from Kyrgyzstan in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in Accordance with the Terms of Accession of the Kyrgyz Republic to the EAEU Protocol // Tian Shan Policy Center (TSPC) of the American University of Central Asia (TSPC AUCA). 2018. URL: https://auca.kg/uploads/tspc%20images/Monitoring%20of%20implementation%20of%20the%20labor%20migrants%20rights%20from%20Kyrgyzstan%20in%20Russia%20and%20Kazakhstan%20in%20EAEU_TSPC_2017-2018.pdf (accessed: 31.11.2021).

professional training, exchange programs, harmonizing education systems, and other social programs.⁶⁰

The Impact of COVID-19 on Common Labour Markets of the EU and EAEU

The global pandemic has brought about a major crisis in modern history forcing nearly all countries to enact restrictive measures. To prevent the virus from spreading, several businesses were temporarily shuttered, and many employees were confined and isolated in their homes. It has challenged not only the health sector but the economic markets of every region, particularly the labour markets as a result of new governmental restrictions intended to control and counteract the virus. Gavriluță, Grecu and Chiriac (2022) emphasized the importance of human sustainability in the context of the COVID-19 pandemic, considering the challenges and changes in the labour market. Lupton and Willis (2020) provided social perspectives on the effects of the pandemic as many people were isolated, which resulted in an economic downturn. Hodder (2020) stated that the COVID-19 crisis is a chance to rethink the future of work and focus on the skills, the value of work, and structural inequality.

The pandemic strains the EU's single labour market, exposing several existing flaws. Considering the severity of the crisis, it has been generally noticed that unemployment in Europe has grown surprisingly little, only by 5% in 2020, and the average unemployment rate in the EU-27 increased by less than 1.1%, from 6.5 to 7.6%.⁶¹ However, according to Gavriluță,

Grecu and Chiriac (2022) estimates, the young workers of the EU-28 with primary or secondary levels of education have been the most vulnerable to the challenges, while tertiary education has been observed as an important element for sustaining human development in times of crisis. Thus, the crisis caused additional tension for individuals seeking employment and companies or countries seeking skills. Regarding the situation of external migrants in the EU, it was found that labour migrants are often employed in key occupations in the fight against the COVID-19 despite the restrictive measures, high unemployment rate, and low economic growth (Podra et al., 2021).

Van Eijken and Rijpma (2021) argue that in times of crisis, the current legal system has proven insufficient to respond to the pandemic's challenges. As a result, national action has taken prevalence. Even though the EU institutions were actively engaged in coordinating national responses and bringing them into compliance with the EU legislation, more binding coordination and regulation seem to be necessary. Moreover, already existing deficiencies in the European labour market seem to be exacerbated by the crisis as the people with low-wage and low-skilled occupations have been struck harder than those with high ones.⁶² The knowledge economy and the pandemic crisis have increased the demand for a high-skill workforce across the EU, which requires careful reconsideration of the current migration policies. Finally, given that COVID-19 is unlikely to go away anytime soon "EU law will need to provide legal certainty in the face of scientific uncertainty if it wishes to effectively safeguard EU's citizens'

⁶⁰ Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Goals for Russia [Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России] // National Research Institute Higher School of Economics. 2019. (In Russian). URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/262128617> (accessed: 31.11.2021).

⁶¹ Gros D., Ounnas A. Labour Market Responses to the COVID-19 Crisis in the United States and Europe. CEPS Working Document No. 2021-01 // CEPS. April, 2021.

URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2021/04/WD2021-01_Labour-market-responses-to-Covid.pdf (accessed: 31.11.2021).

⁶² Hogarth T. COVID-19 and the Demand for Labour and Skills in Europe: Early Evidence and Implications for Migration Policy // Migration Policy Institute. February, 2021. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpie-hogarth_covid19-labour-final.pdf (accessed: 31.01.2021).

fundamental freedom of movement and open borders” (Van Eijken & Rijpma, 2021).

The labour relations have been one of the most vulnerable areas of the economy during the pandemic in the EAEU as well. The EAEU member states implemented the same measures as the EU countries, such as travel restrictions, entry bans, and quarantines to prevent the spread of the infection. However, some regulations related to “social distancing” contradicted the international acts and principles of labour law. Golovina, Ramankulov, Tomashevski and Khassenov (2020) conclude that the COVID-19 has put forth public demand for updated legal mechanisms that enhance labour mobility of the population and transform modern labour relations into a more resilient form. The restrictions also suspended the private sector activities. As a result, the number of unemployed in the EAEU rose almost four times in the first half of 2020 compared to the previous year. In the EAEU, 2.096,8 thousand citizens were left without work since the beginning of the pandemic,⁶³ two times higher than in 2019. Moscow lost 40% of its migrant labour force due to shrinking job opportunities.⁶⁴ Russian GDP shrank by 2.7% in 2020.⁶⁵ The economic crisis in Russia led to a drop in the GDP of Kyrgyzstan and Armenia, as they supply the labour force to Russia, and remittances play a key role in their economies.

⁶³ On Unemployment in the Eurasian Economic Union [О безработице в Евразийском экономическом союзе] // Eurasian Economic Commission. March, 2021. (In Russian). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_Unemployment/expressunemp202103.pdf (accessed: 31.01.2021).

⁶⁴ How COVID-19 Affected Labour Markets in the EAEU States [Как COVID-19 повлиял на рынок труда в странах ЕАЭС] // 24kz. November 1, 2020. (In Russian). URL: <https://24.kz/ru/news/top-news/item/433388-kak-covid-19-povliyal-na-rynok-truda-v-stranakh-eaes> (accessed: 31.11.2021).

⁶⁵ Rosstat Revisited the Results of the 2020 [Росстат пересмотрел итоги пандемийного 2020 года] // Vedomosti. December 30, 2021. (In Russian). URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/12/30/903433-rosstat-peresmotrel-itogi> (accessed: 31.11.2021).

The total losses of the donor economies due to the outflow of migrants could be more devastating than those of Russia.⁶⁶ Hundreds of thousands of Kyrgyz labour migrants in Russia lost their jobs following the outbreak of the virus. For most of them, employment in Russia is the only livelihood option as finding stable work is difficult back home.⁶⁷ These challenging outcomes reveal the impact of disproportions between the member states.

Conclusion

The authors reviewed the policy context, historical development, achievements and challenges of common labour markets of the two regional organizations, the EU and the EAEU. According to the treaties on coordination and regulation of the free movement of workers across the unions' borders, the EU and the EAEU share the same concept. There are more employment opportunities for the unions' citizens due to the simplified formal barriers and provisions, such as removal of visa regimes, anti-discrimination policies, protection of families and children, etc. The extent and quality of such practices seems to be different, e.g., the labour migrants of the EAEU have modest social package, which is determined independently by the host states. The EAEU took inspiration from the EU to

⁶⁶ Malakhov V. S., Morin A. S. Impact of the COVID-19 on Migration Processes and Policies in European Union and Russia // Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-economic Development. 2020. No. 17. [Малахов В.С., Морин А.С. Влияние пандемии COVID-19 на миграционные процессы и миграционную политику в Европейском Союзе и России // Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17]. (In Russian). URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/e20/4.pdf> (accessed: 31.11.2021).

⁶⁷ Ryskulova N. The Coronavirus Has Returned Migrants Home. This Threats Families and Local Economies [Рыскулова Н. Коронавирус вернул мигрантов домой. Это грозит нищетой их семьям и резким спадом — местным экономикам] // BBC. June 25, 2020. (In Russian). URL: <https://www.bbc.com/russian/features-53167907> (accessed: 31.11.2021).

liberalize its labour market and borrowed the EU strategy. However, the EU is ahead of the curve in terms of integrating and addressing issues, hence it may serve as a model for the EAEU. There are more successful practices in the EU toolkit that the EAEU may consider, such as granting the status of a “union citizen”, forming a special zone similar to the Schengen area, launching “professional cards” and common health insurance, creating digital tools for effective navigation and settlement of the workers in the hosting states, and, most importantly, considering the set up of a separate authority like the European Labour Authority (ELA) fully responsible for the coordination of the single labour market.

Both unions’ labour markets have been dealing with complex challenges extending from individual to global level, e.g., the recent global pandemic. The uneven distribution of the total number of workers is a result of the disparities between the receiving and donor states’ levels of social and economic development. On the one hand, such labour flows are beneficial for both donor and receiving states as one gets to compensate for its aging and declining population, while the other offsets the high unemployment rate in the country and fuels the economy with the remittances. Yet, such disparities in labour migration cause peripheralization of some regions of the unions. The recent pandemic has

also demonstrated that countries that rely heavily on migration are more vulnerable to economic downturns. Therefore, traditional methods of development, such as concentrating on production and investment, appear to be still an effective approach for donor countries to catch up economically with the rest of the union as the remittances alone fail to give impetus to economic development. Moreover, current trends, such as the development of the knowledge economy and the ongoing pandemic crisis have increased the demand for high-skilled labour mobility throughout the EU, causing additional brain drain. Meanwhile, the low-skilled labour flows dominate in the EAEU. This is a challenge as the automation and digitalization processes are likely to take away many manual jobs and offer new ones that would require an adjustment of skills. Finally, for both unions, labour relations have been one of the most sensitive economic issues during the COVID-19 pandemic. Apart from the increase in the unemployment rate and decline in job opportunities, the existing structural challenges have been aggravated, and common legislation was largely ignored at the outbreak of the crisis in both unions. The new reality demands revising legislative instruments that protect labour mobility and making modern labour relations more robust in face of economic and social uncertainties.

Received / Поступила в редакцию: 16.11.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 01.12.2021

Accepted / Принята к публикации: 21.12.2021

References / Библиографический список

- Abrosimov, N., & Shevchenko, D. (2017). Diverse-speed integration in regional associations. *Economy: External and Internal Dynamics*, (5), 36—41. (In Russian).
- Belashchenko, D. A., Tolkachev, V. V., & Shodzhonov, I. F. (2020). Eurasian Economic Union: Prospects and problems of integration in the post-Soviet space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(3), 543—559. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559>
- Brucker Juricic, B., Galic, M., & Marenjak, S. (2021). Review of the construction labour demand and shortages in the EU. *Buildings*, 11(1), 17. <https://doi.org/10.3390/buildings11010017>
- Cristea, M., Noja, G. G., Dănaicică, D. E., & Ștefea, P. (2020). Population aging, labour productivity, and economic welfare in the European Union. *Economic Research — Ekonomika Istraživanja*, 33(1), 1354—1376. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1748507>

- Dzhunisbekova, L., Tlepina, S., Sabyrov, A., Yessirkepova, M., & Kostyanaya, Y. (2017). International labour migration: Concept and modern trends of its development within the framework of EAEU. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 20(3). Retrieved from <https://www.abacademies.org/articles/international-labour-migration-concept-and-modern-trends-of-its-development-within-the-framework-of-eaeu-6949.html>
- Gabdrakhmanova, G., Sagdieva, E., & Fryer, P. (2020). An experience from studying Kyrgyz migration in post-Soviet Russia: Strategies, practices, forms of capital. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 54—70. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086954150010048-2>
- Gaeva, A. S. (2019). Migration processes in the Eurasian space. *Russian and the Contemporary World*, (1), 207—219. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.14>
- Gavriliuță, N., Grecu, S.-P., & Chiriac, H. C. (2022). Sustainability and employability in the time of COVID-19. Youth, education and entrepreneurship in EU countries. *Sustainability*, 14(3), 1589. <https://doi.org/10.3390/su14031589>
- Golovina, S., Ramankulov, K., Tomashevski, K., & Khassenov, M. (2020). Labour law and social security in the EAEU states during the COVID-19 pandemic: Experience of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia. *Russian Law: Education, Practice, Research*, (4), 13—33. (In Russian). <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-4-13-33>
- Hodder, A. (2020). New technology, work and employment in the era of COVID-19: Reflecting on legacies of research. *New Technology, Work and Employment*, 35(3), 262—275. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12173>
- Kondrat'eva, N. B. (2016). Eurasian Economic Union: Achievements and prospects. *World Economy and International Relations*, 60(6), 15—23. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23>
- Korneev, O., & Leonov, A. (2021). 'Home-grown' vs. 'imported' regionalism? Overlapping dynamics of regional migration governance in post-Soviet Eurasia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 1—19. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2021.1972566>
- Kurylev, K. P., Kurbanov, R. M., Makenova, A. B., & Khotivirshvili, A. A. (2018). Migration flows from Central Asia to European Union countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 315—327. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327>
- Lall, S. V., Timmins, C., Yu, S., Anas, A., & Brueckner, J. K. (2009). Connecting lagging and leading Regions: The role of labour mobility. *Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs*, 151—174.
- Lupton, D., & Willis, K. (2021). *The COVID-19 crisis: Social perspectives*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003111344>
- Lyutov, N., & Golovina, S. (2018). Development of labour law in the EU and EAEU: How comparable? *Russian Law Journal*, 6(2), 93—117. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2018-6-2-93-117>
- Marques, H. (2010). Migration creation and diversion in the European Union: Is Central and Eastern Europe a 'natural' member of the single market for labour? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 48(2), 265—291. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2009.02052.x>
- Nurmatov, T. (2019). Perspectives of the Kyrgyz Republic on Eurasia. *India Quarterly*, 75(1), 108—113. <https://doi.org/10.1177/0974928418821472>
- Pirker, B., & Entin, K. (2020). The free movement of persons in the Eurasian Economic Union — between civis eurasiaticus and homo oeconomicus. In N. Cambien, D. Kochenov, & E. Muir (Eds.), *European citizenship under stress* (pp. 508—532). Leiden: Brill. https://doi.org/10.1163/9789004433076_021
- Podra, O., Petryshyn, N., Bayik, O., Bobko, U., & Levkiv, H. (2021). The impact of COVID-19 pandemic on the volume of labour migration, employment, and remittances. *Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijic" SASA*, 71(2), 195—202. <https://doi.org/10.2298/IJGI2102195P>
- Poletaev, D. V. (2020). Adaptation and integration of labour migrants from the EAEU in Russia on the example of migrants from Kyrgyzstan. *Population and Economics*, 4(1), 20—37. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e50747>
- Rangelova, R. (2009). Labour migration from East to West in the context of European Union integration. *SEER: Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe*, 12(1), 35—58. <https://doi.org/10.5771/1435-2869-2009-1-35>
- Rodríguez-Pose, A. (2018). The revenge of the places that don't matter (and what to do about it). *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11(1), 189—209. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsx024>
- Ryazantsev, S., Bogdanov, I., Dobrokhleb, V., & Lukyanets, A. (2017). Migration from Central Asian countries to Russia and Kazakhstan in the context of integration processes in the Eurasian Economic Union. *Central Asia and the Caucasus*, 18(1), 39—49.

- Ryazantsev, S., Ter-Akopov, A., Pismennaia, E., & Khramova, M. (2017). Scenarios of migration within the EAEU in conditions of enhancing economic integration. *Central Asia and the Caucasus*, 20 (3), 47—56. (In Russian).
- Tatuzov, V. (2020). Free migration of factors of production: EU experience. *World Economy and International Relations*, 64(12), 63—69. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-63-69>
- Todorov, G. N., Kalinina, A. V., & Rybakova, A. I. (2018). Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: A case of Eurasian Economic Union. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5(4), 992—1007. [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4\(20\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4(20))
- Van Eijken, H., & Rijpma, J. J. (2021). Stopping a virus from moving freely: Border controls and travel restrictions in times of corona. *Utrecht Law Review*, 17(3), 34—50. <http://doi.org/10.36633/ulr.686>
- Vinokurov, E. (2018). *Introduction to the Eurasian Economic Union*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-92825-8>

About the authors: *Rakhimov Kubatbek* — PhD (Economics), Executive Director, Public Fund “Applicata — Center for Strategic Solutions”; ORCID: 0000-0003-3756-9375; e-mail: kubat.rakhimov@gmail.com
Azizova Akbermet — Master Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-5992-1045; e-mail: azizova.akbermet@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125

Research article / Научная статья

Turkey and the Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism?

Emre Erşen

Marmara University, Istanbul, Turkey

 eersen@marmara.edu.tr

Abstract. While Eurasianism as a political ideology has made a remarkable comeback to the Russian political scene following the dissolution of the Soviet Union in 1991, it has also attracted considerable interest among Turkish political and intellectual circles since the early 1990s. Yet, Eurasianism in the Turkish context has acquired different ideological meanings in time. In this regard, it is possible to highlight two main strands of Eurasianism in Turkey: one focusing on the prospects for advanced integration between Turkey and the Turkic republics of the Caucasus and Central Asia, and other concentrating on Turkey's strategic cooperation with Russia and China as an alternative to its long-standing ties with the West. While the first approach mainly appeals to nationalist-conservative groups in Turkey, the second is supported by the so-called national-patriotic groups. The article aims to discuss Turkey's role in two Eurasia-based international organizations — the Organization of Turkic States and the Shanghai Cooperation Organization — as they respectively correspond to the two versions of Eurasianism in Turkey. By analyzing the Turkish governments' policies towards these two organizations, it would also be possible to reveal the influence of Eurasianism as an ideology on Ankara's official approach to the idea of Eurasian integration, in which pragmatic political and economic concerns play an equally important role.

Key words: Turkey, Eurasianism, Eurasian integration, Organization of Turkic States, Shanghai Cooperation Organization

For citation: Erşen, E. (2022). Turkey and the Eurasian integration: Ideology or pragmatism? *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 111—125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125>

Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм?

Э. Эршен

Университет Мармара, Стамбул, Турция

 eersen@marmara.edu.tr

Аннотация. Евразийство как политическая идеология вновь проявилось на российской политической сцене в 1991 г. после распада СССР. При этом в это же время идеи евразийства вызывали немалый интерес среди турецких политических и интеллектуальных кругов. Однако со временем в турецком контексте евразийство приобрело различные идеологические значения и измерения, которые в настоящее время оформились в два основных направления: первое ориентировано на задачи углубленной интеграции между Турцией и тюркскими республиками Кавказа и Центральной Азии, второе — на стратегическое сотрудничество Турции с Россией и Китаем в качестве альтернативы ее давним связям с Западом. Хотя первый подход в основном привлекает националистически-консервативные группы в Турции, второй подход

© Erşen E., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

поддерживается так называемыми национально-патриотическими группами. В сложившемся контексте цель статьи — проанализировать роль Турции в двух международных организациях, базирующихся в Евразии, — Организации тюркских государств и Шанхайской организации сотрудничества, так как они соответствуют двум версиям евразийства в Турции. Посредством анализа политики турецких правительств в отношении данных организаций можно проследить влияние евразийства как идеологии на официальную стратегию Анкары к идее евразийской интеграции, в которой прагматические политические и экономические соображения играют одинаково важную роль.

Ключевые слова: Турция, евразийство, евразийская интеграция, Организация тюркских государств, Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Эршен Э. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 111—125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125>

Introduction

Eurasianism, which is a political ideology introduced by a number of Russian émigré intellectuals in the 1920s, has made a remarkable comeback to the Russian political scene following the dissolution of the Soviet Union. Yet, it should be noted that the appeal of this ideology has not only been confined to Russia in the post-Cold War period. Particularly in Turkey, Eurasianism has attracted considerable interest among political and intellectual circles since the early 1990s (Erşen, 2013a; Yanık, 2019). This has been partly due to the unique geographical location of Turkey, which makes it a truly Eurasian country with territories lying both in the European and Asian continents. At the same time, however, the growing interest in Eurasianism in Turkey has also been closely related with the uneasy relationship between Turkey and the West, which has become even more visible in the 2000s. In the last few years in particular, the widening gap between the security interests of Turkey and the US regarding some regional political issues as well as Turkey's problematic relations with the EU have been important factors that boosted the interest of Turkish policymakers in Eurasianism.

Some scholars in Turkey view Eurasianism as some kind of alternative geopolitical vision that reflect the anti-Western and pro-Russian tendencies in the Turkish politics (Akçalı & Perinçek, 2009; Aktürk, 2015). The improvement of the political, economic and

military relations between Turkey and Russia in the post-Cold War period has become an indispensable part of this debate particularly since 2014 when tensions between Moscow and the West have rapidly escalated following the crisis in Ukraine. Even though it is difficult to argue that Turkey and Russia have achieved to resolve all their disagreements regarding geopolitical issues in a vast region extending from the Middle East and the East Mediterranean to the Black Sea and the Caucasus, the governments of the two countries have nevertheless striven to maintain their strategic dialogue about regional conflicts including Syria, Libya and Nagorno-Karabakh.

At the same time, it should be noted that Turkish and Russian leaders have become much more open to perceive each other as partners also in ideational terms — particularly in their criticism of the Western-led liberal international order. For instance, Russian President Vladimir Putin's strong emphasis on the significance of a multipolar world order is also shared by Turkish President Recep Tayyip Erdoğan, even though Erdoğan is critical about the membership structure of the UN Security Council and believes that the international decision-making system should be more inclusive as also indicated by his slogan “the world is bigger than five.” In this sense, not only Russia, but also other rising powers like China and India have become more important in Turkey's foreign political and economic relations in the last few years (Erşen & Köstem, 2019). The strategic

rapprochement between Russia and China in particular has provided the Turkish leaders with the opportunity to draw greater attention to the Eurasian pillar of Turkish foreign policy especially at a time when Ankara finds it more difficult to solve its complicated problems with the West.

In recent years, the Turkish policymakers have also demonstrated greater interest in the BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) — the two most prominent symbols of a multipolar world that has been defended vehemently by Russian and Chinese leaders for many years as an antithesis of the Western-led liberal international order. While the BRICS is mainly focused on fostering cooperation on economic, financial and developmental problems, the SCO has become a strong inspiration for the supporters of Eurasianism in Russia and elsewhere mainly due to its security-oriented agenda and distinctively regional scope which includes not only most of the former Soviet states, but also the major actors of Eurasian geopolitics like China, India, Pakistan and Iran. In this sense, it is not surprising that some Turkish analysts tend to make particular reference to Turkey's expanding ties with the SCO whenever they attempt to explore the meaning of Eurasianism in the Turkish political (Erşen, 2013b) context¹. In particular, the Patriotic Party (*Vatan Partisi* in Turkish), which is regarded as the leading supporter of Eurasianism in Turkish politics, pays special attention to the development of a geopolitical axis between Turkey and the Russia-China bloc as an alternative to Turkey's long-standing strategic ties with the West.

Yet, it should be emphasized that Eurasianism as a geopolitical idea has not been introduced to the Turkish political agenda by national-patriotic groups. In fact, the rightist

politicians and intellectuals have played a more significant role with their quest to present economic and cultural integration with the Turkic republics in the Caucasus and Central Asia as a viable foreign policy option for Turkey since the early 1990s. This distinctively Turkish version of Eurasianism has also been influential in the establishment of the Turkic Council — recently renamed as the Organization of Turkic States (OTS) — as a regional organization in 2009. While it is clear that pragmatic economic interests have played a more important role than ideological concerns in the development of the OTS, this multilateral platform nevertheless represents a model of Eurasianism which is quite different from the one proposed by the Russian Eurasianists. This is also why the Turkish Nationalist Movement Party (MHP) has been quite supportive of the OTS, ever since it was launched as a presidential summit mechanism in 1992.

With a goal to shed light on Turkey's position regarding the ongoing debates on Eurasianism as well as the idea of regional integration in the Eurasian space, this article seeks to explore the Turkish role in the OTS and the SCO — two Eurasia-based regional organizations that respectively correspond to the two different geopolitical approaches about Eurasianism in Turkey. Especially by focusing on the Turkish governments' policies toward these two organizations, it would be possible to reveal the influence of Eurasianism as an ideology on Turkey's official approach to the Eurasian integration in which pragmatic political and economic concerns play an equally important role.

The methodology of research in this sense is qualitative as the article aims to conduct a historical-comparative analysis of Turkey's relations with the OTS and SCO, which would also be helpful in revealing the extent to which these two regional organizations reflect Eurasianist considerations of the Turkish policymakers. To this end, following a general discussion on the historical evolution of Eurasianism as a political ideology in Turkey in

¹ Also see: Çolakoğlu S. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its Pro-Western Orientation? // Middle East Institute. April 16, 2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/rise-eurasianism-turkish-foreign-policy-can-turkey-change-its-pro-western-orientation> (accessed: 11.11.2021).

the aftermath of the end of the Cold War, the article seeks to compare the official Turkish approach to the OTS and SCO in light of three research questions: a) What role has Turkey played in the establishment and/or evolution of these two organizations? b) Which version of the Eurasianist ideology has more visibly influenced Turkey's perspective about the OTS and SCO? c) What kind of pragmatic political and economic concerns come into play in evaluating the influence of Eurasianism on Turkey's policies towards these organizations?

Eurasianism in Turkey: Contending Visions

Even though Russian Eurasianism influenced to a certain extent the Turkish political debates in the post-Cold War period, the first geopolitical ideas regarding the definition of Eurasia as a geographical region in Turkey emerged independently from the respective developments in Russia. While the dissolution of the Soviet Union in 1991 presented a significant security relief for the Turkish policymakers, it also caused concerns as to how NATO in particular and the West in general would perceive the strategic importance of Turkey in this new period. The European Community's negative response to Turkey's application for full membership in 1989 also exacerbated such fears in Ankara. In short, the geopolitical anxiety about the sustainability of Turkey's strategic ties with the US and Europe in the post-Cold War world was a major factor that compelled the Turkish leaders to start paying attention to other regions after years of following the priorities of the West in critical foreign policy issues (Özcan, 1998).

Against this background, it was no surprise that the independence of six Turkic republics in the Caucasus and Central Asia in 1991 was warmly welcomed in Ankara. Even though the Turkish governments had neglected this region for more than sixty years in order not to antagonize the Soviet Union, the emergence of a Turkic world was perceived by Ankara as a

golden opportunity to prove the West that Turkey's strategic importance has not diminished with the disintegration of the Soviet Union, since Turkey could now present itself as a model for these newly independent states (Aydın, 1996). Moreover, Turkey's historical, cultural, religious and linguistic links with the region added a strong psychological dimension to the Turkish leaders' enthusiasm to find a new mission for their country in the emerging post-Cold War world (Robins, 1993).

Turkish leaders like Turgut Özal and Süleyman Demirel were quite vocal about Ankara's interest in establishing new ties with this region, which they have also started to refer to as "Eurasia." Demirel for instance claimed that Central Asia and Azerbaijan have become crucial parts of a "Eurasian community populated by the Turks" (Winrow, 1995, p. 18). It is quite remarkable in this regard that Eurasia, which had rarely been attributed a special geographical meaning by the Turkish policymakers until the end of the Cold War, immediately became a catchword to make reference to the Turkic republics in Turkish foreign policy. For instance, in a parliamentary session held in May 1992, the region of Eurasia was emphasized at least sixteen times by delegates from different Turkish political parties.²

Turkish leaders additionally made reference to the emergence of a "Turkic world stretching from the Adriatic Sea to the Great Wall of China," which inevitably caused suspicion particularly among the Russian policymakers regarding the real meaning of this version of Eurasia.³ However, despite Moscow's concerns about Pan-Turkism, Eurasia soon became the focus of Turkey's ambitious policy that aimed to establish extensive

² TBMM Tutanak Dergisi. 1992. Dönem 19. Cilt 10. Birleşim 74. URL: <https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/c010/tbmm19010074.pdf> (accessed: 11.11.2021).

³ Altın O. Adriyatik'ten Çin'e Türkiye // Cumhuriyet. November 30, 2021. URL: <https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/192/1992-02-24/0> (accessed: 04.02.2022).

political, economic and cultural links with the Turkic republics. Many delegations from Turkey visited these six countries and many bilateral cooperation agreements were signed particularly in the 1991—1994 period (Aydın, 1996).

Turkey's renewed interest in the region was also warmly welcomed by the leaders of the Turkic republics as they visited Ankara many times and publicly praised the positive role Turkey could play in the post-Soviet space (Winrow, 1995, p. 13). Turkish officials also convinced the leaders of the Turkic republics to meet on a regular basis in the so-called "Turkic Summits" and hold special Turkic general assembly meetings attended by delegates from all around the Turkic world. More importantly, the MHP leader was included in one of the first official Turkish delegations visiting the region, although he held no official post in the government, which gave rise to claims that Turkey sought to promote Pan-Turkism in the region. It could even be argued in this sense that the Turkish leaders' understanding of Eurasia during this period was actually based on the idea of "Turan" — the ancient homeland of the Turkic peoples in the steppes of Central Asia — which has traditionally been one of the most powerful symbols of the Turkish nationalist ideology (Landau, 1995, p. 38).

It is worth mentioning that Turkey's own version of Eurasianism that focused on the integration of the Turkic world was sharply criticized — and at times even attacked — by the proponents of Eurasianism in Russia. Alexander Dugin, who is regarded as the most well-known ideologue of Eurasianism in post-Soviet Russia, for example, viewed Turkey's policies to develop relations with the Turkic world as quite dangerous for Russia's geopolitical interests in the Caucasus and Central Asia and labelled Turkey as a "scapegoat" which should be punished because of its Pan-Turkist approach as well as its military alliance with the West (Dugin, 2000, p. 138, 246). He also advocated the formation of a geopolitical bloc between Russia, Iran and

Armenia to prevent Turkey from extending its influence in the region.

However, it seems that Russian Eurasianists at the time were largely unaware of the emergence of another group in Turkey which perceived the geopolitical meaning of Eurasia in a significantly different light from Pan-Turkism. Advocating an ideology which could be defined as a blend of Turkish nationalism, Kemalism and socialism, the so-called national-patriots (*ulusalcılar* in Turkish) have been quite skeptical about the policies of the West toward Turkey in the post-Cold War period and supported Turkey's inclusion in a geopolitical bloc with states like Russia and China to form an anti-imperialist camp in world politics. Doğu Perinçek, the charismatic leader of the Workers' Party (which later turned itself into the Patriotic Party) and his *Aydınlık* newspaper played a key role in the development of this anti-Western version of Eurasianism in Turkey, which was also in conformity with Dugin's ideas (Perinçek, 2000). It was no surprise in this regard that Dugin and Perinçek have gradually formed a close personal relationship with each other that also led to Perinçek's active participation in the "International Eurasia Movement" founded by Dugin in 2001 to promote Eurasianism in other countries.

Apart from the activities of Perinçek, renowned Turkish poet and intellectual Attila İlhan also played an important role in the development of a geopolitical vision about Eurasia in Turkey that was based on the intensified political and cultural cooperation between the Russian and Turkish peoples. To this end, İlhan paid special attention to the works of Mirsaid Sultan-Galiev, a Tatar Bolshevik revolutionary who introduced the idea of Muslim national communism in the early years of the Soviet Union (İlhan, 2000). İlhan also focused on the political dialogue that emerged between Vladimir Lenin and Mustafa Kemal Atatürk in the 1920s and argued that such an anti-imperialist dialogue could once again become the main pillar of the Turkish-

Russian rapprochement — this time through the ideology of Eurasianism (Aktürk, 2004).

The visibly anti-Western version of Eurasianism started to attract more interest in Turkey particularly in the post-2003 period in parallel with new problems that emerged in Ankara's relations with the US and EU regarding a number of foreign policy issues including Cyprus and Iraq. Since 2003, Dugin has visited Turkey many times in order to attend high-profile academic conferences and met with influential Turkish politicians as a result of his strengthened links with Perinçek and the Workers'/ Patriotic Party (İmanbeyli, 2015). He became even more popular in the Turkish media after the failed coup attempt that took place in Turkey in July 2016, which has started a new period in Turkey's relations not only with the West, but also with Russia (Erşen, 2019). As Turkey's relations with the US and EU have significantly deteriorated in the 2016—2021 period, the intensified strategic cooperation between Ankara and Moscow in issues like the Syrian civil war and the Turkish purchase of Russian-produced S-400 missiles has been perceived by some as the proof of the emergence of a Eurasianist orientation in Turkish foreign policy (Talbot, 2018).

Yet, one should be careful while evaluating the influence of Eurasianism in the Turkish political context. For instance, the Workers'/ Patriotic Party has never been able to attract significant support from the voters in the general elections held in Turkey since the 1990s. Most recently, for instance, Perinçek ran as one of the candidates in the Turkish presidential elections of 2018, but could only receive less than 100,000 voters in comparison to Erdoğan, who was elected the president of Turkey with the support of more than 26 million people. Even though some analysts claim that Perinçek's influence has become more visible in the last few years on the Turkish government's policies toward Russia, the ongoing disagreements between Ankara and Moscow regarding a number of critical issues in Syria, as well as Russia's concerns about Turkey's

strengthened military ties with Ukraine and Georgia make it difficult to talk about the emergence of a strategic Eurasianist bloc between the two countries.

The MHP in contrast has achieved to keep at least 40 seats in the Turkish parliament since 2007. However, this is mainly due to the party's long history in Turkish politics as well as its leader's ability to form coalitions with different political parties in a pragmatic manner to implement the nationalist agenda rather than the appeal of MHP's traditional pan-Turkist or Turanist discourse. It should be noted in this regard that the main focus of the foreign policy vision of the People's (Cumhur) Alliance, a political coalition formed between the MHP and Erdoğan's Justice and Development Party (AKP) that also holds the majority in the Turkish parliament, is currently the Middle East rather than the Caucasus and Central Asia.

In short, it could be claimed that neither of the two versions of Eurasianism in Turkey have so far been influential enough to determine the general trajectory of Turkish foreign policy — except for a short period in the 1990s when Turkish leaders seemed to be quite excited about the prospect of establishing new ties with the newly independent Turkic states in the Caucasus and Central Asia (Neziroğlu & Yılmaz, 2015). However, particularly in spheres where their expertise is required by the government, the proponents of both versions have been able to play a greater role in foreign policy even though the governmental actions have still been taken in accordance with pragmatic political and economic concerns rather than ideological motivations. Turkey's evolving role in two Eurasia-based regional organizations — the OTS and the SCO — could be used as a proper example to support this argument.

The Organization of Turkic States

The OTS was first established as the Cooperation Council of Turkic Speaking States — also known as the Turkic Council —

in 2009 by Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan and Kyrgyzstan as an intergovernmental organization to promote extensive cooperation among the member states. Uzbekistan joined the organization as a full member in October 2019, while Hungary became the first observing member in September 2018. Since 2011, the heads of state of the members have met annually in various summit meetings to discuss prospects of cooperation on many issues ranging from trade, education and tourism to transportation, sports and customs. At the 8th summit held in Istanbul in November 2021, the organization officially changed its name to the OTS.

The main organs of the OTS are the Council of Heads of State, the Council of Foreign Ministers, the Council of Elders, the Senior Officials Committee and the Secretariat, which all conduct their activities in coordination with a number of related and affiliated institutions such as the Parliamentary Assembly of Turkic Speaking Countries (TURKPA), the International Organization of Turkic Culture (TURKSOY), the International Turkic Academy, the Turkic Culture and Heritage Foundation, the Turkic Business Council, the Turkic University Union and the Turkic Chamber of Commerce and Industry.⁴ It should be noted that TURKSOY and TURKPA are even older than the OTS as they were founded in 1993 and 2008 respectively.

As stated before, Turkey played a crucial role for the establishment of the OTS, which could be regarded as the culmination of the Turkish leaders' decades-long efforts to promote cooperation between the Turkic republics. In fact, the very first summit of the heads of Turkic states was held in Ankara as early as 1992, while the second summit was held in Istanbul. Until the Turkic Council came into existence as a formal organization in 2009, six more summit meetings of this kind were held in various cities of the Turkic

world including Baku, Astana, Tashkent and Bishkek.

As stated before, in the 1990s the element of Pan-Turkism was much more visible in the Turkish leaders' discourse towards the Turkic republics which is probably best symbolized by the statement made by President Özal in his inaugural speech at the first Turkic summit in Ankara that the “twenty-first century would be the century of the Turks.”⁵ Even though the Turkish foreign ministry officials insisted at the time that “Turkey has never sought to shape some form of commonwealth or union with the newly independent Turkic states of the former Soviet Union”, as also emphasized by Winrow (1995, p. 16), “key Turkish politicians may have hoped... to establish a much more institutionalized form of cooperation, perhaps along the lines of the kind of Turkic Commonwealth.” However, Ankara's enthusiasm to promote institutionalized cooperation between the Turkic states apparently irked Russia, which even accused Turkey of brainwashing the leaders of the Turkic states with ideas of Pan-Turkism.⁶ Moscow was also concerned about the newly formed Turkic general assembly meetings — the first of which was held in Antalya in March 1993 with the attendance of Özal and Demirel — joined not only by the representatives of the Turkic republics, but also delegates from Russia's own Turkic-populated regions (Winrow, 2001, p. 213).

Despite Russia's reactions, Ankara was particularly excited about the convening of the first Turkic summit. However, the Turkic presidents' reluctance to antagonize Russia and accept the emergence of Turkey as a new “Big Brother” in the region resulted with a very vague summit declaration that did not even make reference to the possibility of the

⁵ Hepimiz Türküz, Ev Sahibi Sayılırız // *Milliyet*. October 31, 1992. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/Arsiv/1992/10/31> (accessed: 04.02.2022).

⁶ The Central Asian Community Can Become an Alternative to the CIS // *Nezavisimaya gazeta*. October 21, 1992. URL: <https://www.ng.ru/archive> (accessed: 04.02.2022).

⁴ For details, see the organizations's official website. URL: <https://www.turkkon.org/en> (accessed: 04.02.2022).

formation of a Turkic common market or a Turkic investment bank as proposed by the Turkish leaders (Winrow, 1995). The declaration also failed to condemn Armenia as the aggressor in the Nagorno-Karabakh dispute and recognize the political rights of the Turkish community in Cyprus, although Ankara worked hard to include these issues in the final document (Aydın, 2002, pp. 388—390).

The disappointing results of the first Turkic summit did not prevent the Turkic leaders from agreeing to hold a second summit in Baku in January 1994. However, the second Turkic summit had to be postponed to October 1994 and even then it could only be organized in Istanbul — allegedly due to the Russian government's pressure on some of the Turkic presidents.⁷ All these developments have compelled the Turkish policymakers to readjust their bold expectations about the Turkic world and develop a much more pragmatic policy in the post-1995 period that focused on strengthening Turkey's economic and cultural links with the Caucasus and Central Asia without openly challenging Moscow in the former Soviet space (Köstem, 2017). This new Turkish approach inevitably weakened the significance of the Turkic summit meetings, even though they were still organized on a regular basis. The emergence of a number of political problems between the Turkish and Uzbek governments in the second half of 1990s also undermined the slogan of Turkic solidarity as Uzbekistan grew increasingly distant from the Turkish-led platform.⁸

The OTS in contrast has been built on much more modest goals. As Köstem (2019, p. 111) argues, “unlike the 1990s, Turkey no longer seeks an active leadership role in the post-Soviet space,” where it has “gradually but

decisively recognized the limits to its political and economic influence.” This is also due to the fact that the Middle East — rather than the Caucasus and Central Asia — has become the focus of Turkish foreign policy under the rule of the AKP since 2002. Turkey's less ambitious agenda in the region is also reflected by the activities of the OTS, which focuses on promoting economic, scientific, educational, social and cultural cooperation between the member states, rather than directly addressing complicated political-security issues in the Caucasus and Central Asia. This does not mean that the OTS completely ignores the foreign policy sphere. In fact, a special meeting was held in Istanbul in September 2021 to discuss the latest developments in Afghanistan, while other regional issues like Egypt, Cyprus and Nagorno-Karabakh have been mentioned in some of the statements or declarations of the OTS organs in the past (Kocaman, 2021). However, the standing of the OTS in the political-security issues is considerably low-profile particularly when it is compared with other regional organizations in post-Soviet Eurasia such as the SCO or the Collective Security Treaty Organization (CSTO). This could also be regarded as a major reason why Moscow has not viewed the activities of the OTS as a threat to its own interests in the former Soviet space. Even though some analysts point out to the concerns of the Russian leaders regarding the OTS, it should be noted that these concerns have not yet been acknowledged at the level of the government.⁹

The disappointments of the early 1990s when Turkey's policy toward the Turkic republics was guided by a degree of Pan-Turkism seem to have played a significant role in how Ankara perceives the role of the OTS in Eurasia today. For instance, the Turkish

⁷ Davos'ta Türk Zirvesi // Milliyet. January 27, 1994. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/Arsiv/1994/01/27> (accessed: 04.02.2022).

⁸ Özbekistan'la İnişli Çıkışlı İlişkiler // Aljazeera Turk. September 9, 2016. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/ozbekistanla-inisli-cikisli-iliskiler> (accessed: 16.11.2021).

⁹ Sukhankin S. The Great Turan: Russia's Concerns about Turkey's Growing Reputation in Caucasus and Central Asia // Politics Today. May 20, 2021. URL: <https://politicstoday.org/the-great-turan-russia-turkey-caucasus-central-asia/> (accessed: 11.11.2021).

leaders have been quite careful to make sure that the activities of the OTS do not challenge Russia's geopolitical agenda in the region. This is because there has also been a remarkable rapprochement between Ankara and Moscow in the last few years, which is a crucial factor for the protection of Turkey's security interests in a vast region extending from the Middle East and East Mediterranean to the Caucasus and Central Asia (Erşen & Köstem, 2020; Balta & Çelikpala, 2020; Kubicek, 2021).

More importantly, it seems that Turkey has been rather seeking to turn its special relations with the Turkic world into an advantage in order to strengthen its role in the Chinese-led Belt and Road Initiative (BRI). Such a role also corresponds to at least two of the main principles of Turkish foreign policy during the AKP period: proactive and pre-emptive peace diplomacy and a multi-dimensional foreign policy approach.¹⁰ Ankara particularly promotes the Middle Corridor (also known as the Trans-Caspian East-West-Middle Corridor) initiative, which is a transportation route connecting Turkey with China via the Caucasus and Central Asia with the goal of reviving the ancient Silk Road. As also indicated at the website of the Turkish foreign ministry, "The establishment of logistical centers and free trade zones at the ports of Turkmenistan, Kazakhstan and Azerbaijan will facilitate the development and deepening of Trans-Caspian cooperation."¹¹ To this end, a common cooperation protocol has already been signed by the ministers of transport of the OTS member states, and they are currently working on finalizing a combined transport agreement to facilitate the Middle Corridor. These developments once again prove that Turkey's policies toward the OTS

are now guided by pragmatism rather than ideological concerns.

The Shanghai Cooperation Organization

Compared with the OTS, Turkey's role in the SCO has been less significant, which is not surprising when one considers that the SCO has been established in 2001 as an intergovernmental platform between Russia, China and four Central Asian states for cooperation on combating the so-called "three evils" in the security sphere — terrorism, extremism and separatism (Aris, 2009). To this end, the SCO members established a Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) in 2004 with headquarters in Tashkent. In addition, they have been holding joint military exercises since 2003. Yet, the greatest achievement of the SCO has been its ability to present itself as some kind of geopolitical counterbalance to the West in global politics, even though it is not a military alliance like NATO or a political-economic integration project like the EU.

While it is true that "institutional weaknesses, a lack of common financial funds for the implementation of joint projects and conflicting national interests have prevented the SCO from achieving a higher level of regional cooperation", the accession of India and Pakistan as full members in 2017 and the latest decision to elevate Iran's status from an observing member to a full member in 2021 have nevertheless turned the SCO into one of the most notable regional organizations in the Eurasian space.¹² Even though security issues still dominate its agenda, advancing cooperation in the economic and cultural spheres has also become a main objective of the SCO in the recent years. This is also why it was highlighted as a key institution in the joint Russian-Chinese

¹⁰ Davutoğlu, A. Turkey's Zero Problems Foreign Policy // Foreign Policy. May 20, 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy> (accessed: 10.02.2022).

¹¹ Turkey's Multilateral Transportation Policy // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa (accessed: 04.02.2022).

¹² Grieger G. The Shanghai Cooperation Organization // European Parliamentary Research Service. 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/564368/EPRS_BRI\(2015\)564368_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/564368/EPRS_BRI(2015)564368_EN.pdf) (accessed: 18.11.2021).

declaration in June 2016, in which the two countries underlined their willingness to promote “a comprehensive Eurasian partnership based on the principles of openness, transparency, and mutual interests.”¹³ In this sense, the SCO has become one of the main pillars of the Greater Eurasian Partnership (GEP) initiative that has been promoted by the Russian leaders since 2015, which additionally includes the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).

The fact that it includes all of the main regional powers of Eurasia has been one of the reasons for the Turkish policymakers’ rising interest in the SCO in the 2010s (Contessi, 2019). In July 2012, Turkey was accepted as a “dialogue partner” as the first — and so far only — NATO member state to enjoy a special institutional relationship with the SCO, which even compelled the analysts to argue at the time that this was “a step with unclear practical consequences but substantial symbolic importance.”¹⁴ More importantly, Erdoğan publicly announced in a televised interview in January 2013 that his government would be willing to join the SCO as a full member as a reaction to Turkey’s stalled EU membership process — a desire he reiterated once again in November 2016.¹⁵ Ankara’s efforts to build a closer relationship with the SCO eventually culminated in the Turkish presidency at the SCO Energy Club in 2017, which was a very remarkable development, since Turkey became

the first non-member state to assume such a key role in one of the SCO organs.

In November 2016, in response to Erdoğan’s remarks about Turkey’s interest in joining the SCO as a full member, the spokesperson for Chinese foreign ministry Geng Shuang stated that a possible Turkish application for full membership in the organization would be favorably assessed by the members.¹⁶ However, General Leonid Ivashov, a leading Russian figure who was in charge of military cooperation between the members of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the 1996—2001 period and also played an important role for the establishment of the SCO, stated that Turkey first needed to start its departure process from NATO, since he did not believe the accession of a NATO-member state to the SCO could be possible under the current circumstances.¹⁷

In this sense, despite Erdoğan’s conviction that the SCO could become some kind of alternative to the EU in Turkish foreign policy, it is actually Turkey’s long-standing military ties with NATO that complicate the development of its strategic relations with the SCO. Yet, as also indicated by the high-profile representation of Turkey at the latest NATO summits, the Turkish leaders do not consider leaving the alliance anytime soon. For instance, Turkish foreign minister Mevlüt Çavuşoğlu has also made it clear that Turkey did not need to make a choice between Russia and NATO and wanted to develop its relations with both parties simultaneously.¹⁸

¹³ Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China // President of Russia. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed: 11.11.2021). (In Russian).

¹⁴ Kucera J. Turkey Makes It Official with SCO // Eurasianet. April 28, 2013. URL: <https://eurasianet.org/turkey-makes-it-official-with-sco> (accessed: 15.11.2021).

¹⁵ See: Putin’e ‘Şanghay Beşlisi’ Teklifi // Anadolu Agency. January 25, 2013. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/putine-sangay-beslisi-teklifi/281518> (accessed: 18.11.2021); Erdoğan: ‘Şanghay Beşlisi İçerisinde Türkiye Niye Olmasın?’ Diyorum // Sputnik Turkey. November 20, 2016. URL: <https://tr.sputniknews.com/20161120/erdogan-ab-sanghay-beslisi-1025892702.html> (accessed: 12.11.2021).

¹⁶ Çin: Türkiye, Şanghay İşbirliği Örgütü’ne Üyelik Başvurusu Yaparsa Değerlendiririz // BBC Turkish. November 21, 2016. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-38051010> (accessed: 22.10.2021).

¹⁷ Russia, China Give Green Light after Ankara Highlights SCO Option // Daily Sabah. November 21, 2016. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2016/11/21/russia-china-give-green-light-after-ankara-highlights-sco-option> (accessed: 15.11.2021).

¹⁸ Çavuşoğlu Moskova İle Yakınlaşma Eleştirilerine Yanıt Verdi: NATO ya da Rusya, Niye Seçmek Zorunda Kalalım // Hürriyet. November 5, 2021. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/cavusoglu-moskova->

Despite such statements by the government officials, the national-patriotic groups in Turkey still continue to view the SCO as a viable alternative to the West. Perinçek for instance argues that the SCO represents the modern Eurasian civilization that Turkey should embrace instead of the outdated Western civilization.¹⁹ Particularly after the failed coup attempt that took place in Turkey in July 2016, strengthening the Eurasian axis in Turkish foreign policy has also been advocated by other political groups due to the widespread belief in the Turkish government and the public that the US was somehow linked with the coup attempt.²⁰ This is not only due to the fact that Fetullah Gülen, a Turkish Muslim cleric who is accused by Ankara of orchestrating the coup attempt has been living in self-imposed exile in the US since 1999, but also because the immediate reactions of the US — and also EU — officials regarding the coup attempt have been quite muted and hesitant. The Western leaders have also been quite critical about the Turkish government's measures to deal with the repercussions of the coup attempt following the declaration of a state of emergency in the country. The European Parliament, for instance, took a decision in November 2016 advising temporary suspension of the EU's accession talks with Turkey due to Ankara's "disproportionate repressive measures."²¹

In stark contrast to the mixed reactions of the West regarding the July 2016 incident, both

ile-yakinlasma-elistirilerine-yanit-verdi-nato-ya-da-rusya-
niye-secmek-zorunda-kalalim-41908729 (accessed:
12.11.2021).

¹⁹ Perinçek D. Niçin Şanghay İşbirliği Örgütü? // Aydınlik. November 24, 2016. URL: <https://vatanpartisi.org.tr/genel-merkez/rota-yazilari/dogu-perincek-nicin-sanghay-Isbirligi-orgutu-21695> (accessed: 16.11.2021).

²⁰ Darbenin Arkasında ABD Var: %79, OHAL Hayatımı Değiştirmede: %75 // Haberturk. November 29, 2016. URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1329969-darbenin-arkasinda-abd-var--79-ohal-hayatimi-degistirmede--75#> (accessed: 11.11.2021).

²¹ European Parliament Votes to Suspend Turkish Membership Talks // Financial Times. November 24, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/afa9ecd8-c324-303a-b203-2073ff1a6da6> (accessed: 15.11.2021).

the Russian and Iranian presidents quickly declared support to the Turkish government against the coup plotters, while the Chinese vice foreign minister paid a visit to Ankara only two weeks after the coup attempt. In this sense, it was no surprise that the coup attempt provided a significant boost to Turkey's relations with these three countries. Some analysts have even drawn attention to the emergence of a loosely-organized, but influential "pro-Russian lobby" in the Turkish state institutions and emphasized the rising influence of Perinçek's Eurasianist group regarding key political issues after July 2016.²²

Even before July 2016, Russia had already become one of the top trade partners of Turkey and played a crucial role in the Turkish energy market as symbolized by grand energy projects like the TurkStream natural gas pipeline launched in 2020 and the Akkuyu nuclear power plant which is still under construction by the Russian state company Rosatom. After the coup attempt Turkish-Russian rapprochement gained even greater momentum and the two countries established a political-military dialogue mechanism in Syria together with Iran, which eventually enabled Ankara to conduct a number of large-scale cross-border military operations to eliminate the security threats posed by ISIS and PYD/YPG (Köstem, 2020). In addition, Turkey made a deal with Russia in September 2017 to purchase the advanced S-400 Triumf missile defense system despite Washington's threats that such an action could trigger US sanctions against Ankara.

Turkish-Chinese relations have also developed particularly in the economic sphere in the post-2016 period. Ankara sought to take

²² See: Akyol M. What the 'Russian Lobby' in Ankara Wants // Al-Monitor. December 15, 2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/12/turkey-russia-what-russian-lobby-wants.html> (accessed: 08.10.2021); Yetkin M. PKK Saldırısı, Avrasya Lobisi ve Ürperten Senaryoya Güç Kattı // Hürriyet. December 14, 2016. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/murat-yetkin/pkk-saldirisi-avrasya-lobisi-ve-urperten-senaryoya-guc-katti-40306102> (accessed: 14.11.2021).

active part in the BRI after the initiative was announced by President Xi Jinping in 2013 with a goal to attract greater Chinese investment. To this end, Turkey became one of the founding members of the Asian Infrastructure and Investment Bank (AIIB) which is led by China, while Erdoğan attended the Belt and Road International Cooperation Forum held in Beijing in May 2017. These efforts seem to have paid off as the Chinese investments in Turkey were estimated to have surpassed 2.6 billion US dollars as of 2019.²³ In addition, as stated earlier, Turkey has been very much interested in developing the Middle Corridor initiative. The launch of the Baku — Tbilisi — Kars railway in October 2017 has been a milestone in this regard as the first train carrying goods from Turkey to China reached its final destination in December 2020.²⁴

The latest Turkish foreign trade figures also show that China and Russia are among the top three trade partners of Turkey. Even though there is a significant trade deficit working against Turkey in its economic relations with these two countries, it is clear that they both continue to play a very important role for the Turkish economy. For instance, the Turkish central bank made an agreement with China in June 2021 to increase an existing currency swap facility to 6 billion US dollars in order to boost Turkey's foreign reserves.²⁵ This could also be regarded as a major reason why the Turkish leaders have become more interested in international platforms in which Russia and

China play a dominant role like the SCO. In addition, the SCO could potentially build a new bridge between Turkey and India, which became a more important trade partner for Turkey in the last few years.

Yet, in addition to such pragmatic economic concerns, ideational factors should also be taken into consideration for understanding Turkey's rising interest in the SCO. This is where discussions about Eurasianism become relevant as this ideology is usually associated with an authoritarian type of government, as well as an "Eastern" model of development based on "a strong state, a weak opposition and emaciated checks and balances" in contrast to the liberal democratic Western model.²⁶ It should be noted in this regard that the Turkish political system in the post-2016 period became much more reminiscent of this Eastern model, as the Turkish president's powers have been greatly strengthened vis-à-vis the judiciary and the executive with the referendum held in 2017. Erdoğan's harsh criticisms against the Western liberal order and efforts to promote Turkey's autonomy in foreign policy are also in conformity with the Eurasian ideals that have been associated with the SCO. This could be regarded as another indication that ideas — if not the Eurasianist ideology — continue to play an important role in Turkey's relations with this organization.

Conclusion

As Turkey's ties with the West are becoming increasingly complicated due to the growing rift between Ankara and its NATO allies due to a number of political and economic problems, other regional and global actors are getting more significant in Turkey's external relations particularly since the failed coup attempt of July 2016. Some analysts (Dursun-

²³ Çinliler Türkiye'de Yatırım Peşinde // Ekonomist. February 8, 2020. URL: <https://www.ekonomist.com.tr/arastirmalar/cinliler-turkiyede-yatirim-pesinde.html> (accessed: 18.11.2021).

²⁴ Sahin T. 1st Turkey — China Freight Train Completes Historic Trip // Anadolu Agency. December 19, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/1st-turkey-china-freight-train-completes-historic-trip/2082512> (accessed: 16.11.2021).

²⁵ Erdogan Says Turkey Has Raised FX Swap Deal with China to \$6 Bln // Reuters. June 13, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-says-turkey-has-raised-fx-swap-deal-with-china-6-bln-2021-06-13/> (accessed: 15.11.2021).

²⁶ Puddington A. Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians // Freedom House. June 2017. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/June2017_FH_Report_Breaking_Down_Democracy.pdf (accessed: 12.11.2021).

Özkanca, 2019) even point out to a visible shift of axis that has been taking place in Turkish foreign policy²⁷. As the two main powers that represent the emergence of a multipolar world order — Russia and China — naturally play a key role in how Turkish policymakers perceive the contemporary world politics. This also gradually changes the meaning of the concept of Eurasia, which until very recently has been largely associated with the former Soviet space in Turkish foreign policy. In this sense, China has also lately become prominent in the Turkish debates with regard to Eurasia and Eurasianism (Üngör, 2019).

Turkey's rising interest in the Eurasia-based organizations could be evaluated against this geopolitical background. It is clear that the OTS and the SCO in particular have become more important in Turkish foreign policy in the last few years. While pragmatic economic concerns such as taking active part in the BRI, maintaining the special energy dialogue with Russia or attracting greater investment from China seem to have played a more prominent role in the shaping of Turkey's policies toward these two organizations, ideological considerations should not go unnoticed either. For instance, the OTS is still a purely Turkic organization which inevitably underscores some of the popular slogans of Pan-Turkism, even if Ankara is quite careful not to alienate Russia regarding this issue. On the other hand, "the Turkish leaders' frustration with the Western

values as well as their enthusiasm to embrace an alternative model where strong leaders and state-led reforms are essential for political, economic and social development" seem to have been a major factor in Turkey's efforts to develop its relations with the SCO (Erşen & Köstem 2019, p. 8).

In short, it could be argued that both pragmatism and ideology influences Turkey's policies towards regional integration in the Eurasian space. Today, especially in light of the domestic economic difficulties that became much more visible in the last few years, the Turkish leaders seem to rely more on pragmatism than ideology in redefining their regional priorities. This is why Ankara should be expected to continue developing its political and economic ties with the Eurasian states as well as Eurasia-based regional organizations, even though its membership in NATO and customs union with the EU could make it hard for Turkey to reach out to organizations like the EAEU or the CSTO. In this sense, the OTS and the SCO are likely to remain as the two most important platforms shaping Turkey's Eurasian strategy in the foreseeable future. At the same time, however, it should be noted that it is not yet clear whether Turkey can play a meaningful role in the Russia-promoted GEP project which is a grand — though yet ambiguous — regional cooperation initiative attracting greater interest from China and other Eurasian states. Turkey's possible inclusion in the GEP in this regard will be closely related with how Ankara defines its foreign policy interests — not only in Eurasia, but also vis-à-vis the West — in light of pragmatic concerns and ideological motivations.

²⁷ Also see: Nasi S. Turkey's Shift of Axis // *Hürriyet Daily News*. August 1, 2016. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/selin-nasi/turkeys-shift-of-axis-102315> (accessed: 11.11.2021).

Received / Поступила в редакцию: 20.11.2021
Revised / Доработана после рецензирования: 11.12.2021
Accepted / Принята к публикации: 21.12.2022

References

- Akçalı, E., & Perinçek, M. (2009). Kemalist Eurasianism: an emerging geopolitical discourse in Turkey. *Geopolitics*, 14(3), 550—569. <https://doi.org/10.1080/14650040802693564>
- Aktürk, Ş. (2004). Counter hegemonic visions and reconciliation through the past: The case of Turkish Eurasianism. *Ab Imperio*, (4), 215—236.

- Aktürk, Ş. (2015). The fourth style of politics: Eurasianism as a pro-Russian rethinking of Turkey's geopolitical identity. *Turkish Studies*, 16(1), 54—79. <https://doi.org/10.1080/14683849.2015.1021246>
- Aris, S. (2009). The Shanghai Cooperation Organisation: 'Tackling the three evils'. A regional response to non-traditional security challenges or an anti-Western bloc? *Europe — Asia Studies*, 61(3), 457—482. <https://doi.org/10.1080/09668130902753309>
- Aydın, M. (1996). Turkey and Central Asia: Challenges of change. *Central Asian Survey*, 15(2), 157—177. <https://doi.org/10.1080/02634939608400943>
- Aydın, M. (2002). Kafkasya ve Orta Asya'yla İlişkiler. In B. Oran (Ed.), *Türk Dış Politikası Cilt II* (pp. 366—439). İstanbul: İletişim.
- Balta, E., & Çelikpala, M. (2020). Turkey and Russia: Historical patterns and contemporary trends in bilateral relations. In G. M. Tezcür (Ed.), *The Oxford handbook of Turkish politics* (pp. 1—20). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.12>
- Contessi, N. P. (2019). Turkey and the Shanghai Cooperation Organization: Common values, economics or pure geopolitics? In E. Erşen & S. Köstem (Eds.), *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order* (pp. 93—110). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-7>
- Dugin, A. G. (2000). *Foundations of geopolitics: The geopolitical future of Russia*. Moscow: Arktogeya-tsentr publ. (In Russian).
- Dursun-Özkanca, O. (2019). *Turkey — West relations: The politics of intra-alliance opposition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Erşen, E. (2013a). The evolution of 'Eurasia' as a geopolitical concept in post-Cold war Turkey. *Geopolitics*, 18(1), 24—44. <https://doi.org/10.1080/14650045.2012.665106>
- Erşen, E. (2013b). Türk Dış Politikasında Avrasya Yönelimi ve Şanghay İşbirliği Örgütü. *Ortadoğu Analiz*, 5(52), 14—23. Retrieved from https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/1emreersen.pdf
- Erşen, E. (2019). The return of Eurasianism in Turkey: Relations with Russia and beyond. In E. Erşen & S. Köstem (Eds.), *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order* (pp. 31—47). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-3>
- Erşen, E., & Köstem, S. (2020). Turkey's interest in closer relations with Russia: Global, regional and domestic dynamics. *Siyasal: Journal of Political Sciences*, 29(2), 231—245. <https://doi.org/10.26650/siyasal.2020.29.2.0026>
- Erşen, E., & Köstem, S. (Eds.). (2019). *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order*. London: Routledge.
- İlhan, A. (2000). *Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayalet*. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- İmanbeyli, V. (2015). "Failed Exodus": Dugin's networks in Turkey. In M. Laruelle (Ed.), *Eurasianism and European far right: Reshaping the Europe — Russia relationship* (pp. 145—174). Lanham: Lexington Books.
- Kocaman, Ö. (2021). Adjusting to the "new normal" of post-COVID 19: The role of Organization of Turkic States in multilateral cooperation. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 26(2), 189—215.
- Köstem, S. (2017). When can idea entrepreneurs influence foreign policy? Explaining the rise of the "Turkic World" in Turkish foreign policy. *Foreign Policy Analysis*, 13(3), 722—740. <https://doi.org/10.1093/fpa/orw016>
- Köstem, S. (2019). Geopolitics, identity and beyond: Turkey's renewed interest in the Caucasus and Central Asia. In E. Erşen & S. Köstem (Eds.), *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order* (pp. 111—128). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-8>
- Köstem, S. (2020). Russian-Turkish cooperation in Syria: Geopolitical alignment with limits. *Cambridge Review of International Affairs*, 1—23. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Kubicek, P. (2021). Strictly pragmatism? Prospects for a Russian-Turkish partnership. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 23(2), 233—250. <https://doi.org/10.1080/19448953.2020.1867810>
- Landau, J. M. (1995). *Pan-Turkism: From irredentism to cooperation*. London: Hurst & Company.
- Neziroğlu, İ., & Yılmaz, T. (Eds.). (2015). *Koalisyon Protokolleri, Hükümet Programları ve Genel Kurul Görüşmeleri Cilt 3*. Ankara: TBMM.
- Özcan, G. (1998). Doksanlı Yıllarda Türkiye'nin Değişen Güvenlik Ortamı. In G. Özcan & Ş. Kut (Eds.), *En Uzun Onyıl: Türkiye'nin Ulusal Güvenlik ve Dış Politika Gündeminde Doksanlı Yıllar* (pp. 13—44). İstanbul: Boyut.
- Perinçek, D. (2000). *Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika*. Ankara: Kaynak.

- Robins, P. (1993). Between sentiment and self-interest: Turkey's policy toward Azerbaijan and the Central Asian states. *Middle East Journal*, 47(4), 593—610.
- Talbot, V. (Ed.). (2018). *Turkey towards a Eurasian shift?* Milano: Ledizioni LediPublishing.
- Üngör, Ç. (2019). Heading towards the East? Sino-Turkish relations after the July 15 coup attempt. In E. Erşen & S. Köstem (Eds.), *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order* (pp. 64—78). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429023064-5>
- Winrow, G. (1995). *Turkey in post-Soviet Central Asia*. London: Royal Institute for International Affairs.
- Winrow, G. (2001). Turkey and Central Asia. In R. Allison & L. Jonson (Eds.), *Central Asian security: The new international context* (pp. 199—218). London: Royal Institute of International Affairs.
- Yanık, L. K. (2019). Debating Eurasia: Political travels of a geographical concept in Turkey. *Uluslararası İlişkiler*, 16(63), 33—50. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.621290>

About the author: *Erşen Emre* — PhD, Professor, Department of Political Science and International Relations, Marmara University; ORCID: 0000-0001-6984-9908; e-mail: eersen@marmara.edu.tr

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-126-141

Research article / Научная статья

Eurasian Connectivity: Interests of Regional and Great Powers

Shoaib Khan^{1,2} ¹ALFAAZ Education and Cultural Society, Mumbai, India²University of Mumbai, Mumbai, India shoaibk_92in@yahoo.com

Abstract. This article analyses the structure of trading networks in Eurasia and raises important questions on the relationship between these networks and the geopolitical contexts they navigate. Obviously, the geopolitical ambitions of multiple nation-states directly affect the lives and activities of the traders. Besides, nation-states also seek to instrumentally use the trading networks and communities that operate across their territories in order to expand their geopolitical reach and influence. The ultimate goal of these efforts is to dismantle trade barriers among regional players and invigorate intra-regional trade and investments in such a spirit that it would serve their interests. This leaves researchers and analysts wondering whether there is a need for connectivity in Eurasia and how it can be achieved. Which countries are participating in these projects, and what strategies have they adopted? In this article, the author answers the above questions with the help of the relevant maps reflecting the geopolitical interests of major powers and trade statistical reports. The author analyses the institutional arrangements and frameworks created by regional and great powers of Eurasia with special focus on the ambitions of Russia, the European Union, China, Central Asian states, Turkey, Iran, Pakistan, and India. Neighboring states may take up an interest in developing overland and maritime trade routes. However, to unlock the potential of regional economic cooperation there are conditions to fulfill, such as favorable economic context and political circumstances or the decision by the governments striving to unlock the potential of their economies through cooperation with the neighbors. Naturally, the Eurasian space has room for most players to participate rather than be self-sufficient, with all of them standing to benefit from increased connectivity. Thus, this article offers a broad note on connectivity issues in Eurasia, which denotes physical and non-physical linkages between continental geographies, politics, economies, and populations. Despite the potential benefits of securing a higher level of connectivity in Eurasia, related initiatives have become a competitive factor. Eurasian powers, both great and regional, have made no secret of their goals to reshape regional and continental integration in accordance with their interests.

Key words: Eurasia, connectivity, Russia, Central Asia, China, European Union, Turkey, Iran, South Asia

For citation: Khan, S. (2022). Eurasian connectivity: Interests of regional and great powers. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 126—141. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-126-141>

Связанность Евразии: интересы региональных и великих держав

Ш. Хан^{1,2} ¹Образовательный и культурный центр ALFAAZ, Мумбаи, Индия²Мумбайский университет, Мумбаи, Индия shoaibk_92in@yahoo.com

Аннотация. Анализируется структура торговых сетей Евразии, и поднимаются важные вопросы в отношении взаимосвязи этих сетей и геополитического контекста, в котором они развиваются. Геополитические амбиции национальных государств напрямую воздействуют на международную торговлю. Кроме того, все государства стремятся к тому, чтобы использовать существующие торговые сети, проходящие

© Khan S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

через их территорию, в целях расширения своих геополитических возможностей и влияния. Конечной целью таких усилий является ликвидация торговых барьеров между странами региона и активизация внутрирегиональной торговли и инвестиционных потоков так, чтобы они соответствовали интересам стран-инициаторов. Исследователи и аналитики задаются вопросом, есть ли реальная необходимость в укреплении связанности Евразии и каким образом эта цель может быть достигнута? Какие страны участвуют в подобных проектах и какие стратегии применяют? В статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы, используя картографический материал, отражающий геополитические интересы ключевых держав, а также статистические материалы по региональной торговле. В авторском анализе делается акцент на институциональные структуры, созданные ведущими региональными и великими державами континента при особом внимании к России, Европейскому союзу, Китаю, государствам Центральной Азии, Турции, Ирану, Пакистану и Индии. Соседние государства могут быть заинтересованы в развитии сухопутных и морских торговых путей. Однако для того чтобы раскрыть потенциал подобных инициатив, необходима совокупность условий, в частности благоприятный экономический и политический контекст, приверженность инициаторов раскрытию потенциала сотрудничества с соседями. Очевидно, на евразийском пространстве существует достаточно возможностей для развития сотрудничества всех заинтересованных держав, каждая из которых выиграет от увеличения связанности континента. Представлен широкий обзор проблем связанности Евразии, рассматриваются узлы связей географических, политических, экономических и демографических структур континента. Несмотря на потенциальные выгоды, существующие инициативы, призванные увеличить связанность Евразии, из-за различий в подходах инициаторов среди региональных и великих держав континента стали фактором конкуренции, поскольку державы континента стремятся перестроить в соответствии со своими интересами процессы региональной и континентальной интеграции на евразийском пространстве.

Ключевые слова: Евразия, связанность, Россия, Центральная Азия, Китай, Европейский союз, Турция, Иран, Южная Азия

Для цитирования: Khan S. Eurasian Connectivity: Interests of Regional and Great Powers // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 126—141. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-126-141>

Introduction

Modern international trade is an increasingly complex process. Better trade performance requires connectivity along not only land and railroads and sea routes, but also in telecommunications, financial markets, and information processing. Inefficiency in transportation, logistics, and trade-related infrastructure systems can heavily impede a country's ability to compete globally. These challenges are particularly acute in landlocked developing countries, as trade facilitation and connectivity initiatives are particularly important for them.

Connectivity as a concept encompasses physical facilities, services, and ways to facilitate the movement of goods and people within and across borders regardless of their relative position within a network. A country's economic connectivity is dependent on the connectivity of all its partners. Improved connectivity also requires access to information about trade costs and economic distance, which reflects the

average cost of market access as a buyer or supplier.¹

It is generally agreed that all major economic powers in and around the Eurasian landmass have vital interests in strengthening connectivity. Each of the major continental economies is concerned with the logistics for bilateral trade flows.² The Eurasian states need to expand the operation of continental networks to enjoy network effects that may help improve their economic dynamism, along with the emergence of corporate and regional digital platforms and ecosystems (Walcott & Johnson, 2013). Out of all regions of the global economy, Eurasia would benefit the most from improved digital connectivity, given the prominence of

¹ Connectivity, Logistics & Trade Facilitation // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade-facilitation-and-logistics> (accessed: 30.11.2021).

² Emerson M., Vinokurov E. Optimisation of Central Asian and Eurasian Trans-Continental Land Transport Corridors. EUCAM Working Paper No. 7 // EU — Central Asia Monitoring. December 2009. URL: <http://aei.pitt.edu/13582/1/WP7-EN.pdf> (accessed: 30.11.2021).

distance as a factor that constrains the intensity of economic cooperation within the region. What is more, out of the 44 countries of Eurasia, 26 are landlocked countries.³ For them, the gravity of distance is costly enough to pursue connectivity improving initiatives.

Among the major powers of Eurasia, China remains firmly set on pursuing the ambitious goal of connecting the country with Europe overland by implementing its Belt and Road Initiative (BRI). Russia and the European Union (EU) are indispensable stakeholders (Diesen, 2017; 2021). Without them, this continental connection is unlikely to materialize, so they must develop policy responses to China's initiative that reveal an unexpected willingness to cooperate. There is indeed a possibility of cooperation on connectivity between the EU, China, and Russia in Central Asia (Bossuyt & Bolgova, 2020).

China presented the 'One Belt and One Road' to connect the continent through new "silk-roads on land and sea" while also launching the AIIB (Asian Infrastructure Investment Bank) as a financial institution to implement the initiative. Driven by the commodity booms, Russia enjoyed economic growth and visualized development policy for the Far East and pursued the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU) to strengthen its economic links with Central Asia (Arase, 2015). The ultimate goal of these efforts is to remove trade barriers between the region's countries and invigorate intra-regional trade and investments.

It has been argued that economic integration does not necessarily lead to a higher level of welfare unless it is not one of the natural trading partners.⁴ The analysis of the development of intra-state links in Eurasia reveals that its origins were market-driven. Improved connectivity is

consistently mentioned in major foreign economic policy announcements by the Chinese President, the Belt and Road official documents, and the European Commission "The Connecting Europe and Asia" report.⁵ In any bilateral political debacle, there are chances for the survival of achieved connectivity if the economic foundation is strong (Pomfret, 2021).

Another region of interest is the Eastern European countries' belt that stretches from the Baltic States of Lithuania, Latvia, and Estonia to Belarus, Ukraine, and Moldova. Situated between the European and Asian cores of Eurasia, these regions are geographically located directly where the Eurasian continent is divided into two parts. This region has witnessed both competition and confrontation between the Eurasian states interspersed with periods of cooperation of varying intensity (Libman & Vinokurov, 2021). Politically, Eastern Europe is far from being homogeneous today.⁶

The analysis of the trading networks and their structure should raise important questions on the relationship between them and the geopolitical contexts they navigate. The lives and activities of the traders, on the one hand, are being directly affected by the geopolitical ambitions of the multiple nation-states. They also seek to instrumentally use the trading networks and communities operating across their territories as a means of expanding their reach and influence geopolitically. The actions of such great Eurasian powers and the dynamics of various geopolitical projects can have significant implications for the foreign policies of weaker countries squeezed between more powerful neighbors (Marsden, 2021). Therefore, this article proceeds with an analysis of the interests of great and regional powers in promoting increased connectivity in Eurasia.

³ Lissovnikov Y. A Digital Platform for Eurasia Could Help Overcome Region's Distance and Fragmentation // World Economic Forum. June 28, 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/06/a-digital-platform-for-eurasia/> (accessed: 30.11.2021).

⁴ Kang G. S., Won Y. Eurasian Economic Integration and Regional Connectivity // Researchgate.com. February 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/311707061_Eurasian_Economic_Integration_and_Regional_Connectivity (accessed: 31.11.2021).

⁵ Connecting Europe & Asia: The EU Strategy // European Union External Action Service. September 26, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50699/connecting-europe-asia-eu-strategy_en (accessed: 30.11.2021).

⁶ Preiherman Y. Infrastructure Connectivity and Political Stability in Eurasia // Valdai Discussion Club. May 8, 2018. URL: <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-85-infrastructure-connectivity/> (accessed: 30.11.2021).

Russia's Eurasian Connectivity Strategy

Economically emboldened Russia seeks to restore its place on the international stage with clear ambitions to re-establish the influence in its close neighborhood. Russia needs to occupy an influential position internationally that best fits Russian interests as one of the global centers. At the same time, it should also establish favorable external conditions for the modernization of the Russian economy.⁷

To further enhancement of regional integration, there were already Russian-led organizations that functioned as a launchpad for Putin's Eurasian Union project. First, most Eurasian states maintained historical ties as members of the Commonwealth of Independent States (CIS). The current members are Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, and Uzbekistan. Ukraine is *de jure* a participant but not a member, and Georgia withdrew in 2009, after its brief war with Russia (Gvosdev & Marsh, 2014, p. 168; Trenin, 2009, p. 7). The CIS was formed upon the disintegration of the Soviet Union, aiming at preserving ties amongst former Soviet Union republics (Gvosdev & Marsh, 2014, p. 164; Trenin, 2009, p. 7). The CIS remains a loose association of states with the stated goal of coordinating their economic and foreign policy, although the member states failed to fully institutionalize these ambitions. The CIS, however, still plays a vital role in Eurasia (Gvosdev & Marsh, 2014, p. 165).

External powers such as the US, European Union, and Turkey are also engaged with the post-Soviet countries (Erixon & Srinivasan, 2015; Erşen & Köstem, 2019). They face fierce competition with Russia that traditionally maintains a presence there and the newly entered China.⁸ Russia, being the most significant

economic player in the Eurasian Economic Union, is yet to emerge as a strong economic actor in Asia. Its ties are still mostly focused on the EU, which led to significant damage to its economy due to the Western sanctions.

The focus of Russian policy on the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and RIC triangle (Russia, India, China), aimed at actualizing the Greater Eurasian vision, has increased manifold, as China-India competition intensifies alongside heightening US-China rivalry.⁹

Initially Russia's aim as the leader of the post-Soviet space was to assure more close integration with Europe. The Greater Europe in Moscow's conceptualization stretched from Lisbon to Vladivostok (Diesen, 2017; Vasilyeva & Lagutina, 2016), which is reflected by the orientation of its road network, as shown in Fig. 1. In the aftermath of the 2008—2009 global financial crisis, the primary goal was to attract investments to Siberia and the Russian Far East and promote its opening to China and the Asia-Pacific states.¹⁰

In joint Russian and Chinese efforts, the driving forces behind which are the Central Eurasian Movement led by Kazakhstan, Russia, and Belarus and the Belt and Road Initiative, are expected to transform Central Eurasia.¹¹ As emphasized by the report on the changing role of the Eurasian integration for the Russian economy, the EAEU is expected to establish conditions for sustainable development and uplift

for International Peace. September 16, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693> (accessed: 30.11.2021).

⁹ Kapoor N. The Elusive Character of Eurasia — Will Russia's Plans for Its Integration Finally Materialise? // Observer Research Foundation. December 28, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/elusive-character-eurasia-will-russias-plans-integration-finally-materialise/> (accessed: 30.11.2021).

¹⁰ Trenin D. Russia's Evolving Grand Eurasia Strategy: Will It Work? // Carnegie Moscow Center. July 20, 2017. URL: <https://carnegiemoscow.org/2017/07/20/russia-s-evolving-grand-eurasia-strategy-will-it-work-pub-71588> (accessed: 30.11.2021).

¹¹ Report: Toward the Great Ocean — 3: Creating Central Eurasia // Valdai Discussion Club. June 4, 2015. URL: <https://valdaiclub.com/files/17658/> (accessed: 30.11.2021). See also: (Maçães, 2018).

⁷ See: A Conversation with Sergey Lavrov // Council on Foreign Relations. September 24, 2008. URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-sergey-lavrov> (accessed: 30.11.2021); Reynolds P. New Russian World Order: The Five Principles // BBC. September 1, 2008. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7591610.stm> (accessed: 30.11.2021).

⁸ Stronski P. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia // Carnegie Endowment

Fig. 1. Russian Rail Transportation Network

Source: Mauldin J. 10 Maps That Explain Russia's Strategy // Forbes. February 26, 2016.

URL: <https://www.forbes.com/sites/johnmauldin/2016/02/26/10-maps-that-explain-russias-strategy/?sh=3ca2007f23ec> (accessed: 30.11.2021).

the living standards of its member states.¹² Efforts to improve connectivity with global markets and modernization continue under Western sanctions, which still pose a challenge for the Russian economy. The Belt and Road Initiative and the Silk Road Fund facilitate investments in infrastructure attractive to Russia. It is argued that the BRI and the EAEU together address the connectivity problem for Central Asia's landlocked economies.¹³ The EAEU, for instance, plays a crucial role in improving the accessibility of its members, with 4 out of 5 being landlocked.¹⁴ The Moscow — Beijing cooperation, as argued, is an opportunity to turn Central Asia into a zone of joint development, no

less intensive than the one that exists today amongst the EU member-states.¹⁵ The Eurasian Economic Union and the Belt and Road Initiative are arguably complementary. The conjugation of these initiatives may lay the foundation for an economic cooperation space as envisioned in the idea of the Greater Eurasian Partnership that is as free as possible from all barriers.¹⁶

The EU Approach to Connectivity Projects in Eurasia

In October 2018, The European Council adopted the EU connectivity strategy for Eurasia, which is the Union's response to China's Belt and Road Initiative (BRI) and its increasing

¹² Report: Toward the Great Ocean — 3: Creating Central Eurasia // Valdai Discussion Club. June 4, 2015. URL: <https://valdaiclub.com/files/17658/> (accessed: 30.11.2021). See also: (Vinokurov, 2018).

¹³ Lissovnikov Y. A Geographical Case for the 'One Belt, One Road' and the Eurasian Economic Union // Valdai Discussion Club. May 29, 2017. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/a-geographical-case-for-the-one-belt-one-road/> (accessed: 30.11.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Köstem S. Kennan Cable No. 40: Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Wilson Centre. February, 2019. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/kennan_cable_no_40.pdf (accessed: 30.11.2021).

¹⁶ Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of Russia // President of Russia. July 19, 2018. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58037> (accessed: 30.11.2021).

Fig. 2. Existing and Planned Russian Pipelines

Source: European Energy Security: Conscious Uncoupling // *The Economist*. April 5, 2014.

URL: <https://www.economist.com/briefing/2014/04/03/conscious-uncoupling> (accessed: 30.11.2021).

penetration into Europe and adjacent regions. As stated in May 2019, the cooperation priority for Central Asia is to establish partnerships on sustainable connectivity.¹⁷

Following the disintegration of the Soviet Union, the EU saw the need to prevent chaos and perceived the imperative to influence developments in the region (Erixon & Srinivasan, 2015). The challenge now comes from the rise of a new competitor — China. Therefore, the EU now faces a different situation and has to deal not with a post-Soviet power vacuum but with the new rising power. Compared to Russia in the early 1990s, a country to reckon with but otherwise in overall decline, China projected the image of a successful socialist modernizer, which may serve as an inspiration for Central Asian states.¹⁸

¹⁷ EU — China Trade and Investment Relations in Challenging Times // European Parliament. May, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU\(2020\)603492_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603492/EXPO_STU(2020)603492_EN.pdf) (accessed: 30.11.2021). See also: (Libman & Vinokurov, 2021).

¹⁸ Kassenova N. Central Asia and the EU Connectivity Strategy: Rising to the Good Governance Challenge // PONARS Eurasia. October 9, 2019. URL: <https://www.ponarseurasia.org/central-asia-and-the-eu->

In recent years the vast space of Eurasia, stretching from Eastern Europe to Central and East Asia and from the Baltic Sea to the Indian Ocean, has become a geoeconomic chessboard of the 21st century. The EU can use the opportunities depending on how the circumstances affect China and Russia to adapt its 2018 connectivity strategy for the upcoming era (Diesen, 2021). Currently, Europe gets approximately 40% of its gas from Russia, and part of that (80 bcm a year) passes through Ukraine through the network of Russian pipelines (see Fig. 2). In this problematic triangular relationship, the EU must get more space for action and develop a new Eurasian dimension for its foreign and trade policy based on a geostrategic approach.¹⁹

The 2019 EU Central Asian strategy and related events and declarations, particularly the 2019 Foreign Ministerial Summit and the European Council Conclusions, shed light on the EU approach towards this region. Central Asia

connectivity-strategy-rising-to-the-good-governance-challenge/ (accessed: 30.11.2021).

¹⁹ Pepe J. M. Connectivity in Post-Covid-19 Eurasia: Chances for the EU // *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik*. September, 2020. URL: <https://dgap.org/de/node/34219> (accessed: 31.11.2021).

has always been a critical region for the EU connectivity strategy, as acknowledged by the European Commission in 2019.²⁰ These claims are made even though the scholars on the EU's external relations typically devote little attention to Central Asia (Fawn, 2021). There is room for numerous opportunities in the region; big players have repeatedly become interested in Central Asia and pursue their geopolitical agendas. To diversify their options in international cooperation, the Central Asian states would fancy an opportunity to request, for example, Enhanced Partnership and Cooperation Agreements (EPCAs) with the EU as a balancing factor in the relations with other great powers. Central Asia views the EU as a business market with soft power instruments such as innovative technologies, infrastructure, and investment. This does not necessarily mean that the EU does not have interests of its own.²¹

European perceptions of the “New Silk Roads” passing through Central Asia have evolved gradually since the official launch of the Silk Road Economic Belt project and Maritime Silk Road. The challenges are involved if China fully succeeds in implementing the BRI in the long run. It would have the total capacity to significantly alter economic and social relationships across the whole of Eurasia and even reshape global trading patterns and dynamics.²²

The Chinese Belt and Road Initiative

Through the Connecting Europe Facility (CEF), Connecting Europe and Asia strategy and the Belt and Road Initiative (BRI), the EU

²⁰ Central Asia: Council Adopts a New EU Strategy for the Region // Council of the EU. June 17, 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/> (accessed: 30.11.2021).

²¹ Briefing: The EU's New Central Asia Strategy // European Parliament. January, 2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (accessed: 31.11.2021).

²² Chatzky A., McBride J. China's Massive Belt and Road Initiative // Council for Foreign Relations. January 28, 2020. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed: 31.11.2021).

and China aim to reshape and integrate landscapes at home and abroad. This is where deeper cooperation through government-level consultation, industrial or sectoral joint efforts, and greater societal and interpersonal exchanges could enhance bilateral policy coordination.²³

Holding some of the major Eurasian frontier regions, such as Xinjiang and Tibet, is a great concern for China. To expand its reach, Beijing has placed a bet on strategic opportunities in Central Asia. The economic development of these frontier regions of China needs to be accelerated with a view to achieving their deeper integration into the modern Chinese economy (Sahakyan & Gärtner, 2021). Thus, the geopolitics and domestic state-building imperatives are interwoven in Beijing's Eurasian pivot.²⁴

The “One Belt, One Road” Initiative is comprised of the Silk Road Economic Belt (see Fig. 3), a trans-continental passage that links China with South East Asia, South Asia, Central Asia, Russia, and Europe by land, and a 21st Century Maritime Silk Road, a sea route connecting China's coastal regions with South East and South Asia, the South Pacific, the Middle East, and Eastern Africa, all the way up to Europe.²⁵ Therefore, it is a formation of six major economic corridors that are supposed to serve as the new land bridge of Eurasia, and the corridors connecting China, Mongolia and Russia, China, Central Asia and Western Asia, the Indo-China Peninsula, China and Pakistan,

²³ See: President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries // Consulate-General of the People's Republic of China in San Francisco. September 7, 2013. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgsf/eng/zgxw/t1076334.htm> (accessed: 31.11.2021); The Connecting Europe Facility: Five Years Supporting European Infrastructure // European Commission. July, 2019. URL: https://ec.europa.eu/inea/sites/default/files/cefpub/cef_implementation_brochure_web_final.pdf (accessed: 31.11.2021).

²⁴ Clarke M. Understanding China's Eurasian Pivot // The Diplomat. September 10, 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/09/understanding-chinas-eurasian-pivot/> (accessed: 31.11.2021).

²⁵ Belt and Road Initiative (BRI) // European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/belt-and-road/overview.html> (accessed: 31.11.2021).

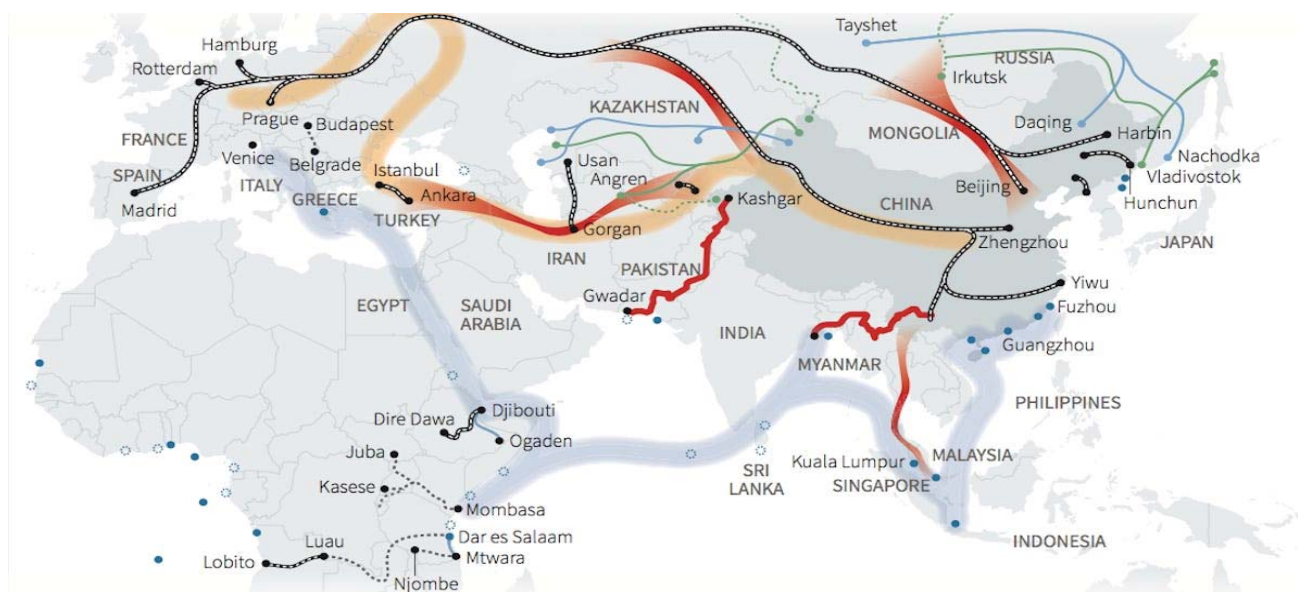

Fig. 3. Rail, Land, and Sea Route of the Belt and Road Initiative

Source: Ma A. Inside 'Belt and Road,' China's mega-project that is linking 70 countries across Asia, Europe, and Africa // *Business Insider*. January 31, 2018. URL: <https://www.businessinsider.in/inside-belt-and-road-chinas-mega-project-that-is-linking-70-countries-across-asia-europe-and-africa/articleshow/62729644.cms> (accessed: 31.11.2021).

and Bangladesh — China — India — Myanmar. The initiative has two tiers — an international and an interior — relating to infrastructure projects undertaken with neighboring countries and those undertaken within China's interior regions.²⁶

China is almost certain to remain the largest investor in Central Asia through the BRI. It is the only country that can mobilize huge investments for the region, far above what Western countries and Russia can offer (Sahakyan & Gärtner, 2021). There are, however, hurdles for this project to attain higher economic impact, which could translate into more local jobs and transfer of knowledge. Regardless, increasing Chinese involvement in Central Asia is likely to be a long-term phenomenon and is a turning point in Central Asia's post-Soviet history and economic development (Laruelle, 2018). The initiative offers an opportunity to enhance local and regional connectivity of the Central Asian countries by constructing infrastructural facilities and when combined with attempts at local

industrialization. The scope of trade coupled with Chinese finance would offer the best chance for lifting the local populations out of isolation, poverty, and marginalization (Chan, 2018).

Central Asia and Its Importance for Eurasian Connectivity

The Belt and Road Initiative now encompasses over 70 partner countries and has expanded to six overland belts and one maritime road. Although Chinese exports have long been transported by rail to reach Europe via the Trans-Siberian railway in limited quantity, following infrastructure investments by China and transit countries, the journey time has been reduced to less than two weeks, three times faster than by sea. Consequently, the road infrastructure has come into much more frequent use.

However, connectivity issues in Central Asia are not limited to interaction with China. For instance, Tashkent is tied to Iran's railroad, and Bandar-Abbas port currently provides the shortest sea access route (less than seven days) for double landlocked Uzbekistan. Also, the trans-Afghan railroad is attractive for a variety of reasons. However, if completed, most crucially, it would provide a shorter route to the sea for Central Asian countries, particularly Uzbekistan.

²⁶ Lu H., Rohr C., Hafner M., Knack A. China Belt and Road Initiative: Measuring the Impact of Improving Transportation Connectivity on Trade in the Region // Rand Corporation. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2625.html (accessed: 31.11.2021).

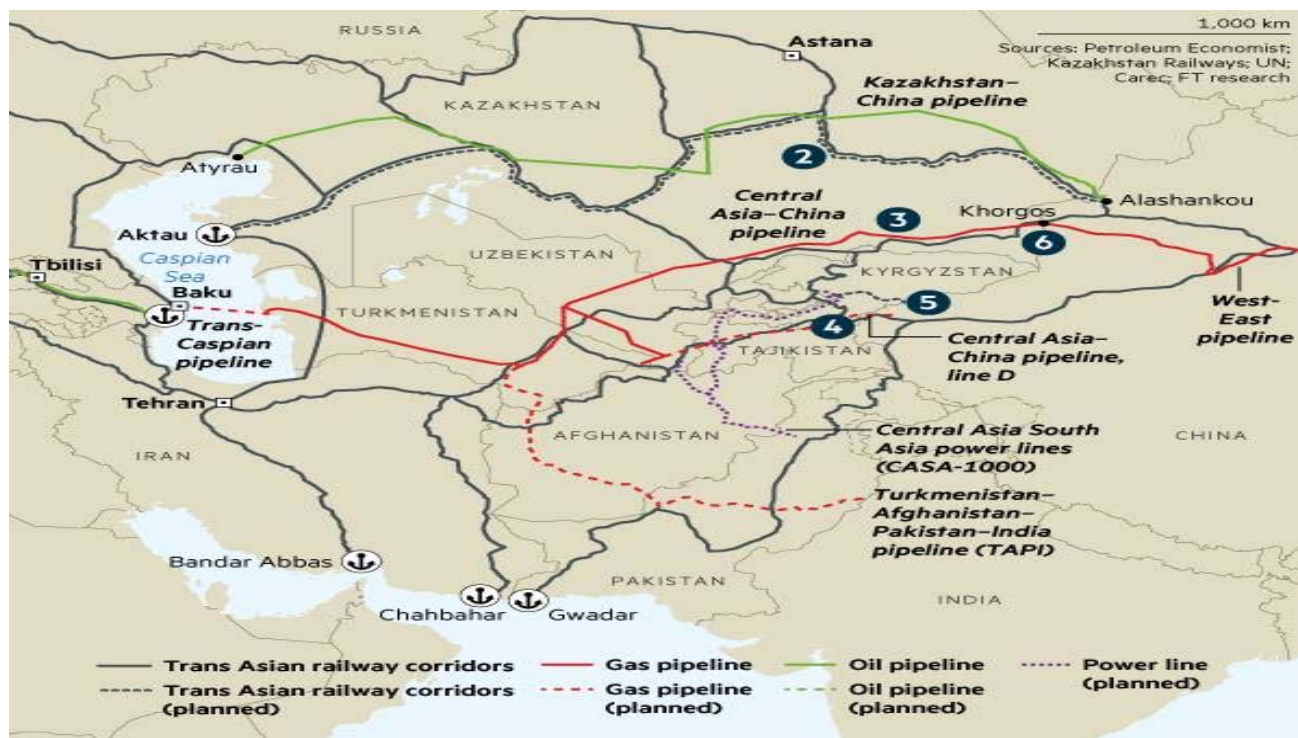

Fig. 4. Central Asia — China Gas Pipeline Network Prior to the Announcement of New Silk Road initiative

Source: Farchy J., Kyngé J. Map: Connecting Central Asia // Financial Times. May 10, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/ee5cf40a-15e5-11e6-9d98-00386a18e39d> (accessed: 31.11.2021).

The construction of the Mazar-i-Sharif — Kabul section of the trans-Afghan railroad was initially scheduled for September 2021 but was postponed allegedly due to security concerns.²⁷ There are existing rails already connecting Uzbekistan to Mazar-i-Sharif (Afghanistan). Tashkent's level of engagement concerning the trans-Afghan railroad, notably collaboration with Afghanistan and Pakistan, indicates heightened interest and readiness for investment from Tashkent.²⁸

Central Asia finds itself at a critical juncture when the geopolitical hotspots are dominating the political and media headlines. Central Asia has been quietly taking advantage of the numerous connectivity initiatives and corridors

²⁷ Uzbekistan Holds Talks with Afghanistan, Other Partners on Trans-Afghan Railway Project // The Tribune. December 14, 2021. URL: <https://www.tribune.com/russia-says-ready-to-offer-technical-advice-for-the-trans-afghan-railway-project-promoted-by-uzbekistan-2-2/> (accessed: 31.11.2021).

²⁸ Hashimova U. Uzbekistan Pushing to Realize the Trans-Afghan Railroad // The Diplomat. April 19, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/04/uzbekistan-pushing-to-realize-the-trans-afghan-railroad/> (accessed: 31.11.2021).

traversing Eurasia (Walcott & Johnson, 2013; Libman & Vinokurov, 2021), China's Belt and Road Initiative being a primary example thereof. As shown in Fig. 4, the Central Asia — China gas pipeline forms the backbone of the infrastructural connections. It can be implied that certain dynamism is emerging in the region in view that Central Asia "counts."²⁹ The region is becoming a new hub of global integration³⁰; a new era of cooperation begins in Central Asia³¹ as foreign investors' confidence has been renewed. The European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) returned to

²⁹ Starr F. S. Why Central Asia Counts // Central Asia — Caucasus Institute. November 6, 2017. URL: <http://silkroadstudies.org/publications/joint-center-publications/item/13265-why-central-asia-counts.html> (accessed: 31.11.2021).

³⁰ Linn J. F. Central Asia: A New Hub of Global Integration // Brookings. November 29, 2007. URL: <https://www.brookings.edu/articles/central-asia-a-new-hub-of-global-integration/> (accessed: 31.11.2021).

³¹ Nakao T. A New Era of cooperation in Central Asia // Asian Development Bank. October 27, 2017. URL: <https://www.adb.org/news/op-ed/new-era-cooperation-central-asia> (accessed: 31.11.2021).

Uzbekistan last year after a decade-long absence.³² Uzbekistan is also on its way to obtaining membership of the World Trade Organisation (WTO), which will further increase trade facilitation and harmonization.³³

Through its Central Asia Regional Economic Programme (CAREC), the Asian Development Bank (ADB) and other international organizations have also actively developed multimodal corridor networks.³⁴

Turkish Participation in Eurasian Connectivity Projects

The existing transportation routes connecting Asia with Europe can be examined in groups. The “Northern Route” comprises those running across China, Kazakhstan, and Russia and connecting the countries with the EU. There is also the Middle Corridor, which includes Turkey’s bearing the same name; this group of routes connects China to Europe through Kazakhstan, the Caspian Sea, Southern Caucasus, and Turkey. There is also the “Southern Route”, which runs from China through Kazakhstan and Iran. These routes are directly related to the economic progress of the countries in question, and therefore, there is high demand for them.³⁵

The Turkish transport plan aims to increase the share of railway transportation both inside the country and internationally and reduce the dependence on land routes. The share of land roads in cargo freight transportation within the country is planned to be reduced from 80.6 to 60% by 2023 under the Turkish Transportation

Plan. The share of railways would increase from 4.8 to 15%, whereas the share of maritime routes from 2.7 to 10%.³⁶

Turkey’s Eurasian policy has been mainly guided by a rational approach to relations with prominent Eurasian actors. Turkey also seeks to reap the benefits of such a pragmatic approach. Turkey expects to gain the economic benefits of partnering with the Eurasian powers, such as Russia and China, as well as the regional organizations they lead, such as the SCO, to sustain Turkey’s rapid economic development strategy centered on export promotion (Lewis & Wigen, 1997).

Ankara considers Central Asia and the Caspian region as a strategic hub for energy and transportation projects connecting the Eurasian region (Atlı, 2018). Ankara’s pivot towards the region seems to be in line with the changing geopolitical environment of the Eurasian continent. Geostrategic, economic, and energy interests have gained greater importance as drivers of Ankara’s external action, including towards Eurasia (Talbot, 2018).

Turkey took advantage of the new geopolitical landscape at the closing stages of the Cold War that presented the country with many risks and opportunities to take control of its fate in its surrounding region and the broader context. While deepening its outreach, Turkey is now more sensitive to the conflicts surrounding its neighborhood and is propelled to play an active role in their resolution.³⁷ Since the beginning of the 1990s, Central Asia and the Caucasus have emerged as a significant focal point of Turkish policy. The opening of Central Asia and the Caucasus has been deemed as a means to offset Turkey’s difficulties with Europe.³⁸

³² Putz C. EBRD Approves the First New Projects for Uzbekistan since 2007 // *The Diplomat*. October 20, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/ebrd-approves-first-new-projects-for-uzbekistan-since-2007/> (accessed: 31.11.2021).

³³ Uzbekistan and IFIs Discuss Country’s Accession to the WTO // *UzDaily*. March 14, 2018. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/post/43112> (accessed: 31.11.2021).

³⁴ Aliyeva K. Turkmenistan Studies the Possibility of WTO Membership // *Azernews*. February 27, 2017. URL: <https://www.azernews.az/region/109221.html> (accessed: 31.11.2021).

³⁵ Report: Toward the Great Ocean — 3: Creating Central Eurasia // *Valdai Discussion Club*. June 4, 2015. P. 14—16. URL: <https://valdaiclub.com/files/17658/> (accessed: 30.11.2021).

³⁶ Turkey Infrastructure Report Q4 // *BMI Foundation Research*. 2016. P. 18.

³⁷ Orphanides A. Turkey’s Regional Perspectives on Eurasia and East Asia // *Wilson Center*. March 1, 2011. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/turkeys-regional-perspectives-eurasia-and-east-asia> (accessed: 31.11.2021).

³⁸ Larrabee S.F., Lesser I.O. *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty* // *Rand Corporation*. 2003. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1612.html (accessed: 31.11.2021).

Fig. 5. Turkey's Position in the Belt and Road Initiative

Source: Devonshire-Ellis C. Turkey's Pivotal Role in China's Belt and Road Initiative with Europe, Central Asia, and the Middle East // Silk Road Briefing. June 22, 2018. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2018/06/19/turkeys-pivotal-role-chinas-belt-road-initiative-europe-central-asia-middle-east/> (accessed: 31.11.2021).

To this extent, Eurasia remains critical for Turkey's energy security, given its dependence on the energy suppliers in the region. It is not only strategic interests driven by trade-offs as per the arguments. A cognitive bias is partly driven by the worldview of the current political leadership and primarily by the national identity conception of the ruling elite that matters to understand and explain Turkey's energy security in Eurasia (Erşen & Köstem, 2019).

Iran and Its Connectivity Interests

As economic integration helps achieving higher economic growth rates in Europe and Asia, it is no longer sufficient to see Iran as just a Middle Eastern nation. In Beijing's Eurasian initiatives, Iran does have a vital role. This fits well with the outlook of Iranian strategic thinkers who have long argued that in a new context of Eurasia, Iran belongs not to the Middle East but West Asia — a space between Europe and Asia.³⁹

³⁹ Batmanghelidj E. Insights: Iran's Bilateral Relations in the New Eurasian Context // Middle East Institute. July, 2020. URL: https://mei.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/07/INSIGHTS_July-2020.pdf (accessed: 31.11.2021).

The China — Central Asia — West Asia Economic Corridor, where Iran is the central hub, forms the web of overland links in the New Silk Road. The West Asia Economic Corridor has high strategic significance since it allows China to reach the warm waters of the Mediterranean Sea, avoiding Russia.⁴⁰

China will achieve a stronger regional position with the inclusion of Iran in the emerging Eurasian order while promoting its alternative, more complex, comprehensive view of global affairs. Such an option appears highly productive for an actor shaping its leadership position in the region and building a westward strategy that has Eurasia at its center.⁴¹ Meanwhile, Iranian leadership emphasizes deepening relations with Asian countries. Such policy stems from their vision of the

⁴⁰ Erdbrink T. For China's Global Ambitions. Iran is at the Center of Everything // The New York Times. July 25, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/middleeast/iran-china-business-ties.html> (accessed: 31.11.2021).

⁴¹ Full Text of Xi's Signed Article on Iranian Newspaper // China Daily. January 21, 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/21/content_23189585.htm (accessed: 31.11.2021).

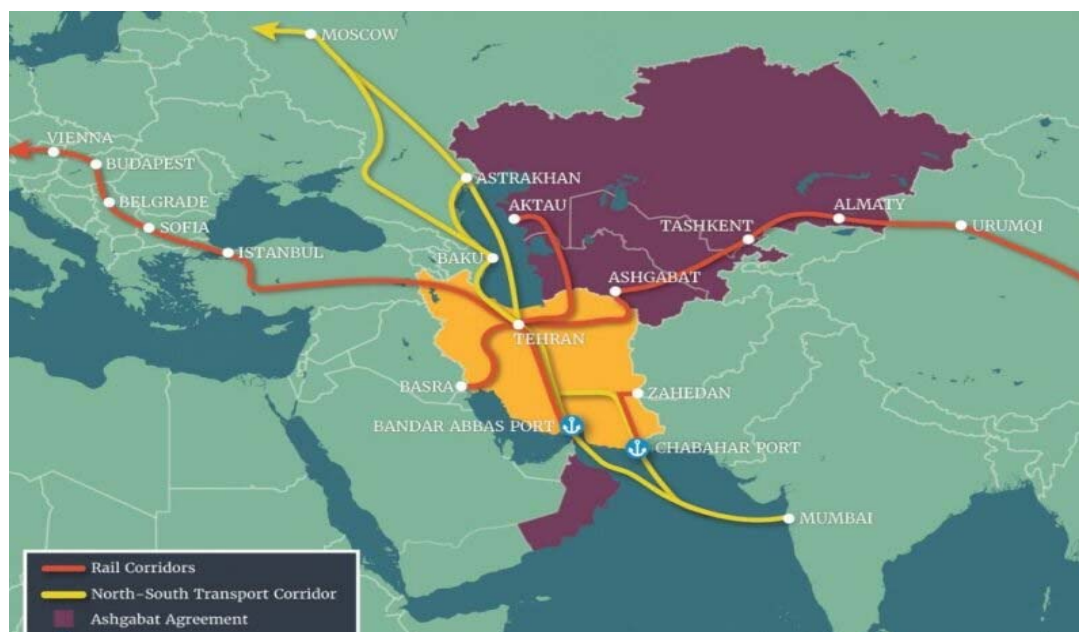

Fig. 6. Iran and the INSTC Route

Source: Cyril M., Kotova M., Devonshire-Ellis C. INSTC to Improve India — Russia Connectivity with Cheaper Multi-Modal Transit Routes // Russia Briefing. June 30, 2021. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/instc-to-improve-india-russia-connectivity-with-cheaper-multi-modal-transit-routes.html/> (accessed: 31.11.2021).

international system as undergoing an era of transition, wherein the pole of economic and political power is gradually shifting from the West to the East towards Asia. In their view, the transition allows rising powers and regional players more space to shape the international order. The incumbent administration in Tehran is looking to step up contacts with Asian countries under the East Policy 2.0 and aims to shift the focus of engagement from oil exports to investment projects.⁴²

Geopolitical and geo-economics realities also give way to strategic cooperation with Russia. After Russia completed Iran's first nuclear power plant in 2014 in the southern port city of Bushehr, the countries signed a contract to build eight more nuclear power plants.⁴³ Iran is also an important player in Russia's

(International North South Transport Corridor) INSTC connectivity initiative (see Fig. 6). The strategic realities in the region are influenced by the cooperation between Russia and Iran on both military and economic fronts. The non-presence in the Caspian Sea of armed forces not belonging to the parties lay to rest their fears of NATO's military presence in the Caspian region. This is an achievement from the Russian and Iranian perspectives.⁴⁴

South Asia on the Path to Connectivity

South Asia has long been one of Asia's least economically connected sub-regions. Recently both India and Pakistan have begun to increasingly look north and west, taking into account increased trade flows between India and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the progress of economic integration in Southeast Asia.

⁴² Russia — Iran Partnership: An Overview and Prospect for the Future // Russian International Affairs Council. 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russia-iran-partnership-an-overview-and-prospects-for-the-fu/> (accessed: 31.11.2021).

⁴³ Bushehr Plants Construction Delayed for 'Technical Issues' // Mehr News. April 3, 2016. URL: <https://en.mehrnews.com/news/115518/Bushehr-plants-construction-delayed-for-technical-issues> (accessed: 31.11.2021).

⁴⁴ Caspian Sea Convention to Ban the Military Presence of Non-Littoral States in the Region // Sputnik. August 6, 2018. URL: <https://sputniknews.com/military/201808061066987252-caspian-sea-military-ban/> (accessed: 31.11.2021).

Fig. 7. North — South Transport Corridor

Source: Robotka B., Sehgal I. North — South Eurasian corridor // The Azb. November 14, 2021. URL: <https://theazb.com/north-south-eurasian-corridor/> (accessed: 31.11.2021).

Until recently, Kabul increasingly courted for Indian trade. Enhancing connectivity has become a key development pillar for Islamabad and New Delhi. Both Pakistan and India increasingly seek corridors into Central Asia, Russia, Turkey, Iran, and eventually Europe using the maritime and land infrastructure.⁴⁵ Promising areas for collaboration involve the development of new transportation corridors that give the countries of Central Asia access to southern seaports, cooperation in the energy sector, facilitation of mutual investment, and the growth and diversification of international trade.⁴⁶ The North — South Eurasian Transport Corridor (see Fig. 7) may help enhance South Asian connectivity with the Eurasian territory.

It is for Pakistan, that the Central Asian countries provide numerous opportunities for

trade in raw material and manufactured goods, securing a stable power supply, and opening up communications. The resource-rich Central Asia is seen as a promising energy source for Pakistan. Pakistan tried to enter the Central Asian landscape immediately after these countries gained independence, but policymakers were divided as to what Pakistan would gain out of Central Asia (Mahmood, 1996). While some wanted a radical religious revolution in Central Asia, others sought to open trade links through Afghanistan. These internal divisions revealed the limits of Pakistan's policy towards the region. As one of the technically advanced Muslim nations with a large labor force, Pakistan needs to adopt the connectivity policy if it wants to gain more from the region (Korybko & Morozov, 2020).

The INSTC International North — South Corridor connects India through Iran, Russia, the Caucasus, Central Asia, and Northern Europe. This multimodal trade corridor of 7,200 km will run from India to Russia and Europe, linking the Indian Ocean and the Persian Gulf to the Caspian Sea. Ships, trains, and road transport will be used in INSTC to transport goods. New Delhi attaches

⁴⁵ Reddy R. Delivering the Eurasian Century: South Asia Looks Northwest // Asian Development Blog. December 14, 2017. URL: <https://blogs.adb.org/blog/delivering-eurasian-century-south-asia-looks-northwest> (accessed: 31.11.2021).

⁴⁶ Interconnectivity of Central and South Asia // The Japan Times. June 24, 2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/2021/06/24/special-supplements/interconnectivity-central-south-asia/> (accessed: 31.11.2021).

great strategic importance to the corridor it plans to build from Chabahar in Iran to Central Asia via Afghanistan. However, there are concerns that the standoff between the USA and Iran following the US withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) and the risk of new sanctions on Russia and Iran could be a deal-breaker (Purushothaman & Unnikrishnan, 2019).

To address weak trade ties, efforts are being made by encouraging cooperation among businesses on both sides, as was evident in the launch of the India — Central Asia Business Council in 2020. India should make more direct investment in the region if it is to benefit from the strategic location of Central Asia that puts it at the crossroads of key trade and commercial routes. Sectors such as IT, pharmaceuticals, sericulture, construction, and tourism offer potential for collaboration.⁴⁷

Conclusion

It is undeniable that the Eurasian Union turns into a competitive force as the main connecting line between Europe and Asia. In contrast, the advancement of the “One Belt, One Road” project further strengthens connectivity and integration with the countries of the Eurasian Economic Union. Landlocked developing countries of Eurasia can overcome geographical constraints and turn their limitations into strengths through establishing a regional economic union. This would allow Eurasian countries to be more competitive to intermediate the flow of investment and trade between the East and the West in such projects as the Eurasian Economic Union or the Belt and Road Initiative.

China advocates Eurasian connectivity through the BRI, which ultimately increases regional integration. This does not have exclusively positive connotations for the Central Asian states. China’s approach has been to strengthen bilateral economic ties and to

recognize that broader regional trade and economic cooperation initiatives must come from the partners themselves. To ensure that these initiatives have commercial ground and facilitate genuine connectivity, they should focus on Central Asian countries, China, and foreign investments.

As for Turkey, its economy is likely to remain focused on the West and the EU. However, the geopolitical influence of Turkey has increased in post-Soviet Central Asia, and Ankara has been able to develop and maintain beneficial economic relations with these countries. The role of Turkish investments is vital in developing infrastructure, which connects Central Asia to Turkey and allows them access to the international markets.

Iran’s best option is to mitigate the imbalance of power in bilateral relations with China to promote integration in the multilateral order of Eurasia. In the Persian Gulf, Chinese interests and the development of the BRI may create a new platform of economic opportunities, infrastructural integration, and the promotion of an alternative security architecture linking Iran and its neighbors through dialogue.

The importance of the Central Asian Republics to Islamabad is to be viewed in the context of the pipeline politics in the region. Nevertheless, given the instability in Afghanistan, the success of these pipelines, however, remains a “big question mark.” Pakistan wishes to engage the Central Asian states even with these uncertainties in the hope of opening a new transit route for their energy resources.

New Delhi’s approach towards connectivity is driven more by geostrategic sensitivities than economic considerations. India has a long way to go before it can be recognized as a consequential actor in Central Asia. Key players like China and Russia have already established a foothold in this region. In the 2020 virtual summits, the ideas discussed bear the potential to form the bedrock of a sustained, balanced, long-term strategy that will allow New Delhi to achieve its policy goals in the region.

Through physical and non-physical linkages, a broad concept of connectivity takes

⁴⁷ Bansal A. Continuity in India’s Ties with Central Asia // Observer Research Foundation. February 9, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/continuity-india-ties-central-asia/> (accessed: 31.11.2021).

shape between geographies, politics, economies, and people. Thus, connectivity has become an organizing economic and foreign policy concept across national capitals. It has been increasingly prevalent in the discourse of international and regional organizations and multilateral financing institutions over the last decade. The

connectivity-related initiatives in Eurasia may still be difficult; in addition to differences in purview and approaches of the initiators, they have also become a source of significant contestation, as various actors aim to reshape regional and global integration processes according to their interests.

Received / Поступила в редакцию: 12.11.2021
Revised / Доработана после рецензирования: 01.12.2021
Accepted / Принята к публикации: 21.12.2021

References / Библиографический список

- Arase, D. (2015). China's two silk roads initiative: What it means for Southeast Asia. *Southeast Asian Affairs*, (2015), 25—45.
- Atlı, A. (2018). Turkey as a Eurasian transport hub: Prospects for inter-regional partnership. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 23(2), 117—134.
- Bossuyt, F., & Bolgova, I. (2020). Connecting Eurasia: Is cooperation between Russia, China, and the EU in Central Asia possible? In M. Lagutina (Ed.), *Regional integration and future cooperation initiatives in the Eurasian Economic Union* (pp. 234—250). Hershey: IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1950-9.ch013>
- Chan, M. H. T. (2018). The Belt and Road Initiative — the New Silk Road: A research agenda. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 7(2), 104—123. <https://doi.org/10.1080/24761028.2019.1580407>
- Diesen, G. (2021). *Europe as the Western Peninsula of Greater Eurasia: Geoeconomic regions in a multipolar world*. London: Rowman & Littlefield.
- Diesen, G. (Ed.). (2017). *Russia's geoeconomic strategy for a Greater Eurasia*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315212227>
- Erixon, F., & Srinivasan, K. (Eds.). (2015). *Europe in Emerging Asia: Opportunities and obstacles in political and economic encounters*. London: Rowman & Littlefield.
- Erşen, E., & Köstem, S. (Eds.). (2019). *Turkey's pivot to Eurasia: Geopolitics and foreign policy in a changing world order*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429023064>
- Fawn, R. (2021). 'Not here for geopolitical interests or games': The EU's 2019 strategy and the regional and inter-regional competition for Central Asia. *Central Asian Survey*, 1—24. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1951662>
- Gvosdev, N. K., & Marsh, C. (2014). *Russian foreign policy: Interests, vectors, and sectors*. Thousand Oaks: CQ Press. <https://doi.org/10.4135/9781506335391>
- Korybko, A., & Morozov, V. M. (2020). Pakistan's role in Russia's Greater Eurasian partnership. *Polis. Political Studies*, (3), 9—22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.02>
- Laruelle, M. (2018). Introduction. China's Belt and Road Initiative. Quo vadis? In M. Laruelle (Ed.), *China's Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia* (pp. x—xii). Washington, DC: The George Washington University.
- Lewis, M. W., & Wigen, K. (1997). *The myth of continents: A critique of metageography*. Berkeley: University of California Press.
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2021). *One Eurasia or many? Regional interconnections and connectivity projects on the Eurasian continent*. Washington, D.C.: George Washington University.
- Maçães, B. (2018). *The dawn of Eurasia: On the trail of the new world order*. New Haven: Yale University Press.
- Mahmood, T. (1996). Pakistan and Central Asia. *Eurasian Studies*, 3(4), 79—92.
- Marsden, M. (2021). Inter-Asian corridor of connectivity (1): The Eurasian world — China, Russia, Ukraine and Western Europe. In M. Marsden (Ed.), *Beyond the Silk roads* (pp. 56—85). Cambridge: Cambridge University Press. <http://doi.org/10.1017/9781108974387.004>
- Pomfret, R. (2021). The Eurasian landbridge: Implications of linking East Asia and Europe by rail. *Research in Globalization*, 3, 100046. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2021.100046>
- Purushothaman, U., & Unnikrishnan, N. (2019). A tale of many roads: India's approach to connectivity projects in Eurasia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 75(1), 69—86. <https://doi.org/10.1177/0974928418821488>

- Sahakyan, M. D., & Gärtner, H. (Eds.). (2021). *China and Eurasia: Rethinking cooperation and contradictions in the era of changing world order*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003109259>
- Talbot, V. (Ed.). (2018). *Turkey: Towards a Eurasian shift?* Milan: Ledizioni LediPublishing.
- Trenin, D. (2009). Russia's spheres of interest, not influence. *The Washington Quarterly*, 32(4), 3—22. <https://doi.org/10.1080/01636600903231089>
- Vasilyeva, N. A., & Lagutina, M. L. (2016). *The Russian project of Eurasian integration: Geopolitical prospects*. Lanham: Lexington Books.
- Vinokurov, E. (2018). *Introduction to the Eurasian Economic Union*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-92825-8>
- Walcott, S. M., & Johnson, C. (Eds.). (2013). *Eurasian corridors of interconnection: From the South China to the Caspian Sea*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203796443>

About the author: *Khan Shoaib* — PhD, President, ALFAAZ Education and Cultural Society, Mumbai; Visiting Faculty, Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai; ORCID: 0000-0002-5558-4854; e-mail: shoaibk_92in@yahoo.com

Сведения об авторе: *Хан Шоайб* — президент Образовательного и культурного центра ALFAAZ; приглашенный преподаватель Центра исследований Центральной Евразии Мумбайского университета; ORCID: 0000-0002-5558-4854; e-mail: shoaibk_92in@yahoo.com

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152

Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук

*Интервью с АЛЕКСАНДРОМ ГЕЛЬЕВИЧЕМ ДУГИНЫМ,
доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором,
лидером Международного Евразийского движения*

Аннотация. Александр Гельевич Дугин — советский и российский философ, политолог, социолог, теоретик, кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, лидер Международного Евразийского движения. Почетный профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева и Тегеранского университета. Приглашенный профессор Южного федерального университета, старший научный сотрудник Фуданьского университета (Шанхай). Александр Гельевич Дугин — автор ряда публицистических материалов, а также научных статей и учебников по геополитике, международным отношениям, теории многополярного мира, занимал пост главного редактора издательского центра «ЭОН», «Милый ангел», журнала «Элементы». С 1991 г. является председателем историко-религиозной ассоциации «Арктогея». С 1997 по 1999 г. являлся автором и ведущим программы «Геополитическое обозрение» (радио «Свободная Россия»). В 1998—2003 гг. — советник Председателя Государственной Думы РФ. С 2001 г. — председатель Политсовета (лидер) Общероссийского общественно-политического движения «Евразия». В 2008—2014 гг. — профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений, директор Центра консервативных исследований при социологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 2016—2017 гг. — главный редактор телеканала «Царьград ТВ». В своем интервью А.Г. Дугин рассказывает о концепции евразийства, его основных школах, направлениях, представителях. Особое внимание уделяется влиянию евразийства на внешнюю политику России, стратегическому партнерству России и Китая. В интервью разбирается специфика евразийских исследований в Казахстане и Турции. Лидер Международного Евразийского движения подчеркивает, что многополярность сопровождается наличием как внешних, так и внутренних полюсов.

Ключевые слова: евразийство, геополитика, Большая Евразия, незападные теории международных отношений, эпистема, многополярность, Россия, Китай, Запад, Глобальный Юг

© Дугин А.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук : интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М. А. Баранник // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 142—152. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>

Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities

*Interview with ALEXANDER G. DUGIN,
Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), Professor,
Leader of the International Eurasian Movement*

Abstract. Alexander Gelyevich Dugin is a Soviet and Russian philosopher, political scientist, sociologist, theorist, PhD in philosophy, Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), professor, leader of the International Eurasian Movement. He is Professor Emeritus at Eurasian National University named after L.N. Gumilev and Tehran University, visiting Professor at Southern Federal University, Senior Research Fellow at Fudan University (Shanghai). Alexander G. Dugin is the author of a number of journalistic publications, as well as scientific articles and textbooks on geopolitics and international relations, theory of a multipolar world. He has served as editor-in-chief of the “EON” publishing center, “Dear Angel” publishing house, and the journal “Elements.” Since 1991, he has been the Chairman of the historical-religious Association “Arktogeya.” From 1997 to 1999, he was the author and host of the program “Geopolitical Review” (Radio Free Russia). In 1998—2003, an advisor to the Chairman of the Russian State Duma. Since 2001, Chairman of the Political Council (leader) of the All-Russian Socio-Political Movement “Eurasia.” In 2008 to 2014, Professor, Head of the Department of Sociology of International Relations, Director of the Center for Conservative Research at the Faculty of Sociology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. In 2016—2017, editor-in-chief of “Tsargrad” TV channel. In his interview, Alexander G. Dugin discusses the concept of Eurasianism, its main schools, directions and representatives. Particular attention is paid to the influence of Eurasianism on Russia’s foreign policy and the strategic partnership between Russia and China. The interview deals with the specifics of Eurasian studies in Kazakhstan and Turkey. The leader of the International Eurasian Movement emphasizes that multipolarity is accompanied by the presence of both external and internal poles.

Key words: Eurasianism, geopolitics, Greater Eurasia, non-Western IR theory, episteme, multipolarity, Russia, China, West, Global South

For citation: Dugin, A. G. (2022). Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities: Interview with Alexander G. Dugin, Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), Professor, Leader of the International Eurasian Movement. Interviewed by M.A. Barannik. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 142—152. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>

— Уважаемый Александр Гельевич, в декабре 2021 г. в РУДН прошла Международная научная конференция «Евразийская идеология и евразийская интеграция в постковидном мире: вызовы и возможности»¹, в которой вы приняли участие. Среди выступавших было немало зарубежных гостей, что свидетельствует об их интересе к данной проблематике. Вы стояли у

истоков возрождения евразийства в России. На ваш взгляд, насколько развито данное направление за рубежом?

— Существует очень много книг, наверное, сотни, посвященных развитию евразийства. Большое внимание евразийству уделяют иностранные ученые. Есть как исторические работы (первое направление), так и целый ряд материалов по неоевразийству (второе направление), которое я представляю (Дугин, 2002). Я видел около полусотни диссертаций, посвященных неоевразийским взглядам конца XX — начала XXI в. Создана целая школа,

¹ Eurasian Ideology and Eurasian Integration in the Post-COVID World: Challenges and Opportunities. International Conference, RUDN University, 10.12.2021. URL: <https://www.cnr.com/> (accessed: 02.01.2022).

огромная, влиятельная. Ее тоже очень последовательно изучают, часто, конечно, с целью критики.

Бруно Масаеш, государственный секретарь Португалии по европейским делам (2013—2015 гг.), написал книгу о евразийской экономике (Maçães, 2018), то есть уже не о евразийстве, а о концепте Евразия, смещении к Востоку главных центров цивилизаций, промышленности, экономики. Таким образом, третье направление — объективное евразийство, в рамках которого рассматривается не только евразийская идеология первой волны — работы П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого (Трубецкой, 2014а) или труды Л.Н. Гумилева — «промежуточного» мыслителя между первой и третьей волной, но очень важного (Гумилев, 1993). Третье направление — изучение евразийского материка, смещения цивилизационных трендов, экономики. Это автономная сфера западных и восточных исследований, авторы которых подчас имеют лишь отдаленное представление о нас (России. — *Прим. ред.*).

В целом вышеуказанное составляет пласт так называемых «евразийских исследований» (*Eurasian Studies*) (*Eurasian Regionalism as a Research Agenda...*, 2020). Более того, очень многие американские советологические центры были переименованы в 1990-е гг. в Центры *Eurasian Studies*. Собственно говоря, вся советология сейчас называется евразийскими исследованиями. Как во время холодной войны советология критически изучала своего противника, так и нас, евразийцев, сегодня изучают атлантисты. Это прекрасно вписывается в логику самого евразийства, поэтому не надо этому удивляться.

На наш взгляд, российским ученым следует более активно развивать атлантистские (атлантистские) исследования, то есть изучать наших противников — либералов, западников, сторонников глобальной западной гегемонии так же, как они изучают нас. И вот здесь как раз наблюдается асимметрия. Я даже думаю, что работ, посвященных евразийству — и историческому, и современному, — гораздо больше на Западе и за границей, чем у нас самих. То есть мы сами должным образом не ценим наши наработки.

— По вашему мнению, кого можно отнести к евразийцам? Что это за люди с точки зрения их профессиональной деятельности и политических взглядов?

— Изучением евразийства занимаются как представители академической науки, так и мозговых центров. Существует целый ряд исследователей исторического евразийства, и даже у нас, в частности историографы евразийства, а также представители академической науки, которые изучают Л.Н. Гумилева. Довольно много материалов, посвященных неоевразийству, мне, моим последователям и сторонникам. В свое время я дружил с Александром Сергеевичем Панариным, профессиональным философом, евразийцем третьей волны, который развивал оригинальные, своеобразные подходы (Панарин, 1995).

Встречаются также евразийцы как таковые, то есть люди, которые не просто изучают, а причисляют себя к евразийскому стилю мышления, евразийскому лагерю. Они абсолютно необязательно должны быть полностью согласны со мной во всем, но разделяют общие векторы, которые объединяют всех евразийцев и первой, и второй волны (как Л.Н. Гумилев), и нас.

То, что отличает евразийца от неевразийца, — вопросы принципиального характера. Евразийцы считают Россию цивилизацией, а не страной, цивилизацией незападной — это самое главное. Отсюда и континент Россия, и евразийский языковой союз Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона (Якобсон, 1931).

Второй признак — противостояние западной гегемонии, отказ западной системе ценностей в ее претензии на универсальность. Это вообще фундаментальный вопрос. Тот, кто так не считает, — не евразиец. Он может быть интересным мыслителем, философом, ученым, но только не евразийцем. Поэтому отвержение западной гегемонии, непризнание претензий Запада на универсальность его цивилизации — фундаментальное евразийское положение.

И третье — понимание интегральной идентичности России, которая не узко эксклюзивно строится вокруг славянско-православного ядра, но признает роль и вклад

других народов, которые вместе с нами строили эту цивилизацию, хотя, конечно, русский народ является главным и центральным в данном процессе. Вот это третий пункт. То, что у Н.С. Трубецкого названо «обще-евразийским национализмом» (Трубецкой, 2014b), — неуклюжее слово, оно мне не нравится, я не люблю национализм вообще. Но в любом случае идея именно такая. С нашими традициями, историческими идентичностями мы являемся полноценными правопреемниками гигантской евразийской территории, мы ее дети и несем за нее ответственность.

Три фундаментальных пункта современного евразийства (России-Евразии) могут проявляться в науке, экспертном сообществе, геополитике. Собственно говоря, российская геополитическая школа, тоже мною созданная (Дугин, 2011), на этом и строится. То есть существует российская геополитика, которая мыслит от лица Хартленда, и — атлантистская геополитика, которая мыслит от лица «морской силы» (*Sea Power*). Нечто подобное мы встречаем уже у основателей геополитики Х.Дж. Маккиндера (Mackinder, 1904) и А.Т. Мэхэна (2002), которые видели Евразию как объект. Мы же видим Евразию как субъект, а их (Запад. — *Прим. ред.*) — как объект. Вот и вся разница. Таким образом, мы дополняем «шахматную доску» «фигурой» России, которая выступает в качестве полноправного легитимного актора в мировой политике, чтобы они не вертели эту доску сами, не играли одновременно и белыми, и черными фигурами, как они привыкли делать в те периоды, когда Евразия была слаба, утратив собственную идентичность. Другими словами, такова евразийская позиция. Это достаточно широкое понятие.

В понятие евразийства можно включить и практиков, среди которых С.Ю. Глазьев, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Глазьев, 2018). Конечно, их взгляды достаточно далеки от того, как свои идеалы трактовали первые евразийцы, но это тоже современная, прикладная часть евразийства. Вместе с тем стратегия наших военных и

самосознание руководства современного Министерства обороны с 1990-х гг. уже тоже евразийские. Сейчас благодаря тому, что и В.В. Путин также разделяет многие евразийские идеи², военно-стратегическое и политическое видения совпали, тогда как раньше, в 1990-е гг., они расходились. Поэтому влияние евразийства в целом очень многомерно, многопланово, охватывает как экспертное сообщество, так и научное, академическое, как политиков, так и военных, а также экономистов.

— Помимо российского евразийства известно, например, о «казахстанском» взгляде на эту идею, а также ее «турецком» понимании. Где еще встречаются сторонники евразийской идеи? В чем их отличия друг от друга? Каковы вообще географические пределы евразийства?

— На самом деле, термины «Евразия» и «евразийство» имеют очень широкое толкование (Базавлук, 2018). Что касается казахстанского евразийства, то я считаю, что попытка была неудачной. Изначально Н.А. Назарбаев пытался найти место Казахстана как общества с евразийской идентичностью в контексте «Большой Евразии»³ и даже предложил создание евразийской конституции. В общем, это было хорошее и правильное начинание. Но постепенно и он, и другие казахстанские интеллектуалы посчитали, что евразийство (в первую очередь в моем лице⁴) является идеологией русского

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 22.02.2022).

³ Выступление Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. // Комитет ГД ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. URL: <https://komitet.info/eurasian-integration/history/148/> (дата обращения: 02.01.2022).

⁴ Александр Дугин: Народы Евразии хотят демократической империи // Известия-Казахстан № 77 (622). URL: <https://znakz.net/2003/04/30/%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%B4%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%8F%D1%82/> (дата обращения: 02.01.2022).

империализма и решили построить альтернативное евразийство⁵.

Сочетание казахского национализма с евразийскими тезисами стало полным фиаско, не сложившись ни в теории, ни в официальной позиции, а сыграв роль простого ресентимента. Можно провести аналогию с «Правым сектором», вооружившимся идеологией украинского нацизма. Казахский вариант не получил своего развития, хотя изначально Н.А. Назарбаев стремился найти место казахов в евразийском контексте. Подобным стремлением было обусловлено то, что Евразийский национальный университет был назван именем Л.Н. Гумилева. Казахский лидер двигался в правильном направлении, но потом несколько с него сошел, а впоследствии и вовсе забросил евразийство. Сейчас в Казахстане оно представлено остаточным. Фактически была предпринята попытка создать что-то вопреки русским, вопреки мне.

В Турции все сложнее. Там, на самом деле, евразийские настроения очень сильны⁶. Ряд турецких евразийцев утверждают евразийскую идентичность Турции, то есть также отвергают западную гегемонию, говорят, что Турция — не часть восточного, западного или исламского мира, а полноценная отдельная цивилизация. В этом они очень похожи на нас. Те же турецкие евразийцы часто выступают за союз с Ираном, Китаем и Россией. Данное направление турецкого евразийства представлено «Партией Родины» (*Vatan*) во главе с Догу Перинчекком, а также рядом турецких военных.

В описанном варианте евразийства нет никакого противоречия с нашим евразийством. Таков турецкий взгляд, тюркская идентичность, но она прекрасно вписывается в гумилевские модели. Это то новое, о чем грешил в свое время К.Н. Леонтьев, — союз двух традиционных обществ (российского и турецкого), двух империй (Российской и Османской) в противостоянии либеральному,

демократическому антиевразийскому, атлантскому Западу (Леонтьев, 2010).

Однако существует и вторая версия турецкого евразийства, которая, собственно говоря, ближе к пантюркизму, турецкому национализму, поскольку развивалась под прямым контролем атлантских центров. Абдулла Гюль, Ахмет Давутоглу — бывшие соратники Р.Т. Эрдогана, продвигавшие данную версию.

Кстати, у меня была полемика лет 15 назад с Девлетом Бахчели, лидером Партии националистического движения Турции. Он утверждал, что Дугин предлагает не Евразию (по-турецки *Avrasya*), а «Авруссию» (*Avrusya*). Авруссия — неологизм, похожий на Евразию, но вместо Азии там Россия. То есть он, как в свое время казахские мыслители, пытался избавиться от явной доминанты русских в евразийстве.

Вместе с тем идеология евразийства была создана, поддержана и развита русскими, а сегодня на глобальном уровне представлена нами, в том числе мной и моими единомышленниками, поэтому русские являются создателями евразийства, хотя нельзя отрицать роли Э. Хара-Давана (Дугин, 2002, с. 448—454), Я.А. Бромберга (2002), К.А. Чхеидзе в формулировании постулатов евразийской идеологии.

Таким образом, в евразийстве есть место для каждого — для калмыка (монгола), еврея или грузина. Но, конечно, это преимущественно русское мировоззрение. И если часть турецких исследователей признает такую позицию, охотно включаясь в развитие концепции, и тогда противоречий нет, то другая часть пытается создать свое, турецкое евразийство, а это, в свою очередь, приводит к такому же фиаско, как и в случае с казахским евразийством. Казахское евразийство — ультранационалистическая версия (например, в рамках него Хартлендом считается Казахстан, а не Россия). У турок, однако, больше концептуальных оснований построить свою самостоятельную евразийскую модель, так как они — имперский народ. Но подобная модель пока до конца не сформирована, а та, что существует, очень напоминает наше евразийство, только в центре нее находится Турция.

⁵ В данном номере журнала опубликовано исследование А. Вахшита, М.В. Лапенко и А. Мукашевой о генезисе казахского евразийства (*Прим. ред.*).

⁶ В данном номере журнала опубликована статья Эмре Эршена о турецком восприятии евразийской интеграции (*Прим. ред.*).

В других странах, например в Иране, внимание к евразийству также возрастает, как и в Китае, хотя не так быстро, как казалось. Тем не менее, когда В.В. Путин провозгласил концепцию «Большой Евразии»⁷, чтобы дополнить китайскую инициативу «Пояса и пути», Китай начал демонстрировать заинтересованность в евразийстве. Я ездил с лекциями в Шанхай и Пекин, где огромные аудитории китайцев очень внимательно слушали мои рассуждения о евразийской идеологии. Туран — не их концепция, а нечто иное, другая цивилизация, но они с большим интересом открывают для себя разные аспекты этого мировоззрения.

В Пакистане и даже в арабском мире, который к Евразии практически не имеет отношения, пробуждается интерес к евразийству. Даже в Европе появляется интерес: некоторые представители патриотических кругов говорят о том, что Европа должна присоединиться к Евразии и отойти от Америки. Такие концепции, как, например, голлизм или проект «Большой Европы», — тоже часть европейского евразийства. Поэтому у евразийства множество версий и направлений. Некоторые из них друг друга дополняют, подходят друг к другу, а некоторые — совершенно взаимоисключающие. Однако здесь прослеживается магистральная линия — все те усилия, которые приложили несколько поколений русских ученых, от первых евразийцев до нас. Это не имеет аналогов, и в каком-то смысле евразийство остается нашей национальной идеей.

— Можно ли говорить о непредубежденном восприятии евразийства за рубежом, в частности на Западе, с точки зрения оценок? Доминируют ли те, кто считает, что российские власти, используя евразийскую тематику, реабилитируют советское и имперское прошлое России и стремятся к восстановлению контроля Москвы над территориями за пределами России?

⁷ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России, 17.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 22.02.2022).

— И Российская империя, и Советский Союз, а до этого империя Чингисхана, Голубая Орда и другие формы государственности, например скифские империи, которые существовали на данной территории, — все это разные форматы единого цивилизационного начала, поскольку Евразия имеет очень древние корни, гораздо более древние, чем только славянские или русские, чем царская Россия или Советский Союз. В этом отношении все формы, объединяющие Евразию, имеют некоторый общий стиль — особую территорию, которая не интегрируется ни в Европу, ни в китайскую, иранскую, индийскую или семитскую цивилизации. Данная территория представляет собой абсолютно отдельную зону, которая объединялась с исторически разными народами и под разными идеологиями. Однако это всегда была Евразия или Великий Туран. Туран, кстати, — название индоевропейское, а не турецкое, оно упоминается в Авесте, когда Турции еще не было. Не было такой страны, а турецкий народ появился гораздо позже, спустя 1 тыс. лет после того, как была составлена Авеста. Тураном назывались иранские кочевые народы Евразии. В таком контексте Евразия — цивилизация, которая имеет очень долгую историю.

Когда сегодня российские власти говорят о Евразийском союзе или евразийской цивилизации, подчас это совпадает с русским миром, русской цивилизацией, хотя евразийство уточняет этот момент, потому что, например, Казахстан — явно нерусский, но евразийский, как и очень многие другие территории. Поэтому отсылка к евразийству — это обращение к особой цивилизации, границы которой намного превосходят Российскую Федерацию (Дугин, 2002). Российская Федерация — некий «обрубок» евразийской цивилизации, это часть, тело, но без рук, ног и головы. Конечно, для евразийской цивилизации естественно восстановить свой исторический объем и исторические границы.

Некорректно также говорить о возрождении Советского Союза, поскольку в евразийском проекте отсутствует коммунистическая идеология. Нельзя говорить и о возрождении царской империи, потому что не

предполагается реставрация монархии. Речь идет о возрождении единого цивилизационного пространства, единого «Большого пространства» (*Großraum*) под новой эгидой, с новыми принципами и ценностями, вернее — новыми формулировками древних евразийских ценностей. В данном контексте мы говорим не об эксплуатации евразийских государств, а о том, что российская власть, российская политика при В.В. Путине становится все более рациональной и последовательной, исторически обоснованной, и концепция евразийства тем больше начинает преобладать в его политике. Это происходит медленно, поскольку влияние атлантизма в 1990-е гг. было очень сильным. Элита остается либеральной, прозападной, и В.В. Путин не может или не стремится этому противостоять. Данный фактор, конечно, существенно тормозит имплементацию евразийской идеологии в российскую действительность, но постепенно этот процесс все равно идет. Я абсолютно убежден, что практически все постсоветское пространство будет интегрировано (рано или поздно) в единый Евразийский союз на различных условиях, в разных формах и в разное время, то есть в рамках разнотемпной интеграции. Однако интеграция постсоветского пространства в любом случае состоится, и Россия будет играть в этом ведущую роль. Данный проект не предполагает ни экспансию, ни новую версию империализма, ни идеологическое продвижение взглядов России. Речь идет о создании братства народов, культур, религий в едином общем контексте, которому можно противодействовать, и даже эффективно, это можно отложить, но этого нельзя избежать. География — это судьба, а Евразия — судьба для всех постсоветских стран. Чем больше некоторые этому сопротивляются, тем болезненнее для них будет проснуться однажды в Евразийском союзе. Как бы они к нему ни относились, его создание неизбежно.

— На ваш взгляд, допустимо ли рассматривать российское евразийство как незападную теорию международных отношений?

— Российское евразийство — незападная теория международных отношений, а также политическая теория, выходящая за пределы трех классических политических западных теорий: либерализма, коммунизма и фашизма. Это четвертая политическая теория (Дугин, 2009), теория многополярного мира (Дугин, 2013), теснейшим образом связанная с евразийством. Более того, евразийство представляет собой особый, универсальный эпистемологический канон, имеющий собственный взгляд на любую гуманитарную дисциплину. У евразийства есть свой подход ко всему, и в этом отношении оно представляет собой универсальную эпистему, которая пока до конца не имплементирована и не развита, но она уже содержится в алгоритме евразийства, поэтому ее достаточно легко обосновать.

Я сам неоднократно демонстрировал, как именно развернуть евразийские принципы в теорию многополярного мира (Дугин, 2013), теорию международных отношений, этносоциологическую концепцию или в представление о социологии русского общества, а также антропологию, военную стратегию или геополитику. На базе взглядов Л.Н. Гумилева можно построить собственную этнологию, на постулатах Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона — культурологию, и это было сделано, что демонстрирует российская школа структуралистов, в рамках которой развивались якобсоновские мысли⁸. Филология и фонология Н.С. Трубецкого — то, на чем основана наша лингвистика. Собственно говоря, филология, лингвистика, теория международных отношений, четвертая политическая теория, особый взгляд на историю и еще много чего — все содержится в нуклеусе (ядре) евразийского мировоззрения. В этом отношении, конечно, евразийство представляет собой законченную эпистему.

— Распад Советского Союза и крушение системы социализма привели к тому, что российские исследователи сделали

⁸ В данном номере журнала опубликована статья А.В. Шабаги, посвященная евразийскому структурализму (*Прим. ред.*).

разворот в сторону западных политологических теорий. Вследствие этого в постсоветском академическом дискурсе стали доминировать концептуальные представления западных авторов, а отечественная социально-философская и политическая мысль была вытеснена на периферию. Можно ли с высоты сегодняшнего дня говорить о преодолении данной тенденции?

— Если говорить об отечественной современной гуманитарной науке, то она, конечно, не развивается в духе евразийской эпистемы. Это не может не вызывать глубокого сожаления, поскольку наука без идеологии невозможна, что прекрасно показали М. Фуко, Т. Кун, Б. Латур. Советская наука была проекцией советской идеологии, и когда советская идеология исчезла из общества в 1990-е гг., построенная на базе данной идеологии наука также рухнула, потому что продолжать использовать те же самые методы и принципы при отсутствии советского, коммунистического, марксистского фундамента было невозможно. Советские люди этого не поняли и продолжали учить новое поколение тому, чему они сами учились, что создало абсолютный эпистемологический кризис и стало своеобразным «догматическим сном»: вне советской ситуации люди продолжали воспроизводить советские лозунги, которые отныне «промахивались» мимо цели. В первую очередь, такая тенденция коснулась гуманитарных наук, где влияние идеологических моделей еще более сильно и всеобъемлюще.

Во-первых, возврат к советской идеологии не служит альтернативой Западу. Это все просто должно умереть. По-другому не скажешь, так как данная идеология больше не имеет жизненной подпитки и будет просто вырождаться, пока не умрет вообще и не освободит пустоту, которую сегодня заполняет.

Во-вторых, на место советской идеологической модели пришел либерализм. Он просуществовал у нас в обществе 10 лет как политическая доминанта, негативно отразившись на многих сферах деятельности, но системно имплементирован в науку не был. Фрагментарно либерализм спорил с советской моделью и вытеснял патриотизм.

Однако большинство советских людей, советских ученых и преподавателей, которые бросились использовать западные источники, строго говоря, ничего в них не поняли. Поэтому возникла парадоксальная ситуация: одна половина мозга в постсоветском образовании мыслит по-советски, что уже не отвечает существующим реалиям, а другая рассуждает либерально. К реальности это не имеет никакого отношения, между собой конфликтуют два полушария.

Евразийская эпистема существует крайне периферийно, точно. На отдельных кафедрах работают люди, которые ее развивают. Однако даже на уровне факультетов, не говоря уже о вузах, евразийской эпистемы нет. Я говорил с В.А. Садовничим, мы даже пытались в МГУ им М.В. Ломоносова внедрить евразийский канон, но кончилось все не так, как ожидалось, и наше начинание «захлебнулось».

Вместе с тем я продолжаю настаивать, что именно евразийство является той матрицей, на которой можно построить науку и образование в гуманитарной сфере, создать нашу отечественную школу. От нее легко «бросить мостик» и к Серебряному веку, русской религиозной философии и славянофильству — ко всему аутентичному, подлинно русскому, что существовало последние 200—300 лет. Этим сейчас практически никто не занимается в должной мере, поэтому большинство сохраняет такое «гибридное» мышление, сочетающее элементы советского и либерального менталитета. Последний, в отличие от 1990-х гг., тоже больше не поддерживается идеологией.

В принципе современная система образования — своеобразный монстр, который не может ничего транслировать, кроме обрывочных, фрагментарных знаний. Никаких последовательных методологий, ничто не бьется друг с другом. Само развитие либеральной матрицы на Западе за последнее время развернулось на 180°, претерпели изменение даже сами либеральные установки. 50—60 лет назад наука на Западе была одна, а сегодня она совершенно иная. За этим процессом не уследить, что добавляет шарма

последовательному вырождению российских либеральных ученых. Подобное сочетание неменяемых западников-либералов с неменяемыми коммунистами создает атмосферу совершенной несопоставимости научной жизни. Евразийство — это альтернатива, которую пока не хотят признать коллеги, продолжающие задавать тон в нашей образовательной сфере.

— Как вы считаете, можно ли рассматривать евразийскую идею как идеологическое ценностное основание российской внешней политики?

— Очень хороший вопрос. Если говорить о том, где влияние евразийства максимально, то, с моей точки зрения, — это внешняя политика России при В.В. Путине. Не декларации, мировоззрение или образовательный процесс, а именно внешняя политика. Либеральные институты никак не влияют на реальную внешнюю политику, которую реализует В.В. Путин сам, самостоятельно, и в ней объективное влияние евразийства очень сильно. В.В. Путин утверждает, что Россия не объект, а субъект мировой политики, и этим все сказано. Здесь наблюдается разрыв с либеральной идеологией, но при этом и не марксистский подход, поскольку марксистский интернационализм мыслит совершенно иначе. Это представление о России как суверенном центре, суверенном полюсе, что отражает главный евразийский принцип: Россия — независимая от Запада, самостоятельная цивилизация, и В.В. Путин строит свою политику именно так, исходя из этого положения, и это фундаментально.

Далее, В.В. Путин все больше и больше балансирует ориентацию на Запад отношениями с Востоком: Китаем, Ираном, Турцией, Пакистаном и Индией. Он реализует интеграцию постсоветского пространства, возможно, не так быстро, эффективно и блистательно, как хотелось бы нам, евразийцам, но делает все очень последовательно, не меняя направления. Он может затормозить на этом пути, может что-то сделать несколько неуклюже, но он движется вперед. Здесь

влияние евразийства на внешнюю политику В.В. Путина является наиболее существенным.

Отчасти В.В. Путин действует как евразиец, отчасти — как реалист. Одно совершенно не противоречит другому, просто реалистское представление связано с государством, а евразийское — с цивилизацией. Однако В.В. Путин все чаще обращается к цивилизации и ценностям, на этом основании отвергая неолиберальную гегемонию, а это уже чисто евразийский подход, государство здесь ни при чем. На уровне государств он утверждает суверенитет, то есть реалистскую модель, не конфликтующую с евразийством. При этом во внешней политике В.В. Путина нет ничего либерального. Даже стремление иметь хорошие отношения с Западом — не либерализм, а прагматизм, расчет, и это вполне допустимо. Я вообще считаю, что во внешней политике евразийство оказывает наибольшее влияние на российскую власть.

— Считаете ли вы, что сегодня мы наблюдаем процесс оформления «новой биполярности» с участием США и КНР? Имеет ли место транзит глобальной власти от США к КНР?

— Нет, конечно, это не так. Я очень хорошо знаю, как мне кажется, китайскую внешнюю политику, поскольку очень много общаюсь с ее идеологами, интеллектуалами, политиками, которые ее строят. Я убежден, что у Китая нет помыслов о глобальной гегемонии, он не хочет заместить собой США. КНР мыслит себя как очень влиятельную, мощную, универсально притягательную цивилизацию, но наряду с другими. Когда китайцы говорят о многополярности, они именно это и имеют в виду. У Китая нет инструментария для того, чтобы предложить всему человечеству какую-то одну идеологию, которая имела бы у Советского Союза или современных либералов-глобалистов. Все-таки китайская идеология остается сугубо китайской. Она очень привлекательна и для стран Южной Азии, где-то она может расширить свое влияние, которое, безусловно, не является глобальным, планетарным.

Я думаю, что мы уже сейчас, сегодня, живем в трехполюсном мире, где существует глобалистский Запад, трещащий по швам, Китай и Россия. Это три цивилизации, они различны и обладают различными объемами, идеями и ориентирами. Между собой они находятся в разных отношениях. У России с Китаем, я думаю, — стратегическое партнерство, что и позволяет трехполюсному миру состояться. С западным полюсом, который продолжает настаивать на единственности и гегемонии, нарастает конфликт и у нас, и у Китая. Остальным предлагается занять свое место: либо на стороне Запада, либо на стороне Китая или России, либо, скорее, на стороне Китая и России, поскольку это один выбор — в пользу многополярности.

Собственно говоря, именно так решается проблема в Казахстане. Казахстану предлагается дружить с Россией и Китаем и сократить свои отношения с Западом, потому что Запад и создает там проблемы. Аналогично для Украины, Грузии или Белоруссии. Не надо выбирать между Россией и Китаем — так вопрос не стоит практически нигде. Необходимо выбирать между Западом либо Россией с Китаем. Подобный выбор есть, и он реально есть везде.

Следует решать, с кем строить свое будущее: в однополярном глобальном либеральном мире или же в многополярном мире, где возможно построить и другие полюса. Если, например, Евросоюз выйдет из-под влияния Запада, то будет еще один полюс — европейский, и это замечательно. Исламский мир имеет все шансы стать самостоятельным полюсом. Африка, Латинская Америка, Индия — могут быть и другие полюса. Таким образом, многополярность — не закрытый клуб участников. То, что мы живем в трехполюсном мире, не значит, что так будет всегда. Россия и Китай готовы принять в свой многополярный клуб другие полюса. Это прекрасно понимают иранцы, пакистанцы, турки, индусы. Поэтому все гораздо сложнее, нежели противостояние отдельных держав. В нынешнем трехполюсном мире линия антагонизма проходит между Вашингтоном, с одной стороны, и Пекином и Москвой — с другой. Промежуточные территории, оспариваемые

зоны, зоны конфликта и противоречий — это, в частности, Тайвань и Украина.

Внутри США наблюдается серьезный антагонизм между нынешней администрацией и практически половиной населения. Таким образом, следует признать, что оппозиция существует и в России в лице западников-либералов, и в Китае — в лице западников, и в США, поэтому трехполюсность сопровождается еще и наличием внутренних полюсов. В России действует атлантистская оппозиция (элита), а в США — антиглобалистская оппозиция (элита). При Д. Трампе мы могли наблюдать, что она может привести к власти своего президента, а это очень серьезно.

В Китае наблюдаются какие-то менее понятные, менее очевидные прозападные тенденции, о чем достаточно обстоятельно рассуждает Н.Н. Вавилов. Существуют «комсомольцы», прозападные либеральные круги, которые были бы не против заключить альянс с США в рамках G2. То есть у всех есть внутренние проблемы, внутренние полюса, поэтому многополярность, о которой мы говорим, имеет как внешнее, так и внутреннее измерения.

— Можно ли говорить о том, что идет процесс складывания «коллективного не-Запада» из числа стран Глобального Юга, для которых западнцентристский мир теряет актуальность, привлекательность и даже несет угрозы и вызовы? Какое место Россия может занять в таком раскладе сил?

— Да, это правильно. Однако «Глобальный Юг» — термин И. Валлерстайна, я не очень жалую марксистских (неотроцкистских) теоретиков международных отношений, поскольку они явно недооценивают того, что называется (в их же модели) «вторым миром» (полупериферией), и считают, что этот «мир» должна постигнуть та же участь, что и всех остальных, так как существует единый полюс развития. «Глобальный Юг» против «Глобального Севера» — ложная дихотомия, поэтому я бы остерегался использовать понятие «Глобальный Юг» и говорил просто о Юге.

Внутри самого «Планетарного Юга» мы можем видеть несколько южных регионов. Так, Латинская Америка все меньше и меньше удовлетворена позицией Северной Америки и Европы. Особенно наглядно это видно на примере таких стран, как Куба, Венесуэла, Никарагуа. То же самое становится очевидно и в Аргентине, и в Бразилии (в ближайшее время как раз планируется визит обоих президентов в Россию). Конечно, Латинская Америка находится в поиске своего собственного пути, и Россия здесь может помочь.

В Африке наблюдается активизация России на западе континента (в Мали, Буркина-Фасо) и в Центральной Африке. Российское присутствие в Африке, как и китайское (которое уже очень масштабно), будет только нарастать. Тем самым Россия и Китай будут помогать странам Африки становиться самостоятельным полюсом. Африка все активнее выступает против неокOLONиальной политики, традиционной для Европы и США. Аналогично можно говорить и об исламском

мире, который также иногда включают в Юг. Исламский мир также ищет своей самостоятельности, и вновь Россия или Китай приходят на помощь, как, например, в Ираке. Россия должна вместе с Китаем организовывать этот незападный мир, помогая ему становиться сильным, полноценным, независимым, в том числе независимым от нас самих.

Мы не хотим поменять зависимость от Запада на зависимость от нас. Мы не несем в себе навязчивую, обязательную либеральную идеологию, не требуем от других принятия каких-то парадигм. Наоборот, мы помогаем цивилизациям Юга (Латинской Америке, исламскому миру, Африке) выработать свою собственную цивилизационную парадигму, отличную как от Запада, так и от нас или китайцев. Подобный подход сделает Россию настолько влиятельным и уважаемым актором мировой политики, насколько это возможно. Мы идем именно к этому. В.В. Путин это понимает, и поэтому все, что он делает, укладывается в эту картину.

Интервью провела М.А. Баранник / Interviewed by M.A. Barannik

Поступило в редакцию / Received: 10.01.2022

Библиографический список

- Базавлук С. В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 273—283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283>
- Бромберг Я. Я. Евреи и Евразия. Москва : Аграф, 2002.
- Глазьев С. Ю. Наука на службе евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2. С. 10—11.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. Москва : АСТ, 1993.
- Дугин А. Г. Геополитика. Москва : Академический проект, 2011.
- Дугин А. Г. Основы евразийства. Москва : Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Москва : Евразийское движение, 2013.
- Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. Санкт-Петербург : Амфора, 2009.
- Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
- Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783. Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002.
- Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. Москва : ИФРАН, 1995.
- Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. Москва : Алгоритм, 2014а.
- Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Русское зарубежье: история и современность. Вып. 3. Москва : ИНИОН, 2014б. С. 198—206.
- Якобсон Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. Прага : Издание евразийцев, 1931.
- Eurasian Regionalism as a Research Agenda. Interview with Dr. Mikhail A. Molchanov, University of Salamanca, Spain // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 560—573. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-560-573>*
- Maçães B. The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. London : Allen Lane, 2018.
- Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 3, no. 4. P. 421—437.

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-153-165

Научная статья / Research article

В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов Индии

А.В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация
[✉ a.kupriyanov@imemo.ru](mailto:a.kupriyanov@imemo.ru)

Аннотация. Проанализированы попытки Индии сформировать экономический базис для своей флагманской внешнеполитической инициативы — концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Автор, используя комплексный подход на базе критической теории, исторической социологии международных отношений, теории стратегической культуры и пространственного подхода, рассматривает эволюцию экономической системы Индо-Тихоокеанского региона в исторической перспективе. Благодаря тому, что Индия исторически играла в этой системе ключевую роль, у индийских политических элит сложилось представление, что ей по праву принадлежит место регионального гегемона. Быстрый рост индийской экономики в начале XXI в. позволил Нью-Дели приступить к реализации своих амбиций, а растущая мощь соседнего Китая и его экспансия в традиционные зоны индийского влияния вынуждала Индию активизировать свою политику в ИТР. Последовательно исследованы возможные варианты выстраивания экономического базиса ИТР. Автор выделяет экономические мегаблоки (Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство), от которых Индия была вынуждена отказаться из-за опасений за стабильность своей экономики; субрегиональные торгово-экономические блоки и инициативы (СААРК, БИМСТЕК, САГАР, Азиатско-Африканский коридор роста), локальные и сравнительно маломощные для того, чтобы на их базе выстраивать экономический базис мегарегиона; наконец, новейшие инфраструктурные проекты («Сеть голубых точек», «Построить заново лучший мир»), в которых Индия пока опасается участвовать, не будучи уверена в их результативности и опасаясь чрезмерного вовлечения в антикитайские проекты. Автор приходит к выводу, что Индия может либо присоединиться к западным инициативам, большая часть которых носит инфраструктурный характер, либо попытаться выстроить экономический базис ИТР на основе набора отдельных субрегиональных инициатив. В последнем случае Российская Федерация могла бы сыграть важную роль, реализуя двусторонние проекты с Индией и участвуя в многосторонних.

Ключевые слова: Индия, Индо-Тихоокеанский регион, мегаблоки, Всестороннее региональное экономическое партнерство, ВРЭП, Транстихоокеанское партнерство, ТТП

© Куприянов А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Куприянов А. В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 153—165. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-153-165>

Searching for an Economic Basis for the Indo-Pacific: Evolution of India's Approaches

Alexey V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[✉a.kupriyanov@imemo.ru](mailto:a.kupriyanov@imemo.ru)

Abstract. The article is devoted to an analysis of India's attempts to form an economic basis for its flagship foreign policy initiative — the concept of the Indo-Pacific. The author, using a multidimensional approach based on critical theory, historical sociology of international relations, the strategic culture approach and spatial approach, examines the evolution of the economic system of the Indo-Pacific in a historical perspective. India has historically played a key role in the system. So the Indian political elites believe that it has to be the regional hegemon. The rapid growth of the Indian economy at the beginning of the 21st century allowed New Delhi to start implementing its ambitions. The growth of neighboring China and its expansion into traditional Indian spheres of influence forced India to intensify the Indo-Pacific policy. Possible options for building the economic basis of the Indo-Pacific have been consistently explored in the article. The author highlights the economic mega blocs (TPP and RCEP), which India refused to join due to concerns about its economy; sub-regional trade and economic blocs and initiatives (SAARC, BIMSTEK, SAGAR, AAGC), local and relatively weak for providing the economic basis of the mega-region on their basis; finally, the latest infrastructure projects (Blue Dots Network, Build Back Better World), in which India is still hesitant to participate, not being sure of their effectiveness and fearing excessive involvement in anti-Chinese projects. The author concludes that India can either join Western infrastructure initiatives, or try to build an economic basis for the Indo-Pacific on a set of sub-regional initiatives. In the latter case, Russia could play an important role by implementing bilateral projects with India and participating in multilateral ones.

Key words: India, Indo-Pacific, mega blocs, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP, Trans-Pacific Partnership, TPP

For citation: Kupriyanov, A. V. (2022). Searching for an economic basis for the Indo-Pacific: Evolution of India's approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 153—165. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-153-165>

Введение

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР, Индо-Пацифика) — один из наиболее динамично развивающихся региональных конструкторов. Среди его отличительных черт — неоднозначность трактовок и определений. В каждой из стран, где экспертное сообщество и политические элиты интересуются темой ИТР, по-разному воспринимаются не только географические рамки Индо-Пацифики, но и ее содержание. Так, американские эксперты и политики основной упор делают на сдерживании амбиций КНР, которые, по мнению Вашингтона, угрожают стабильности в регионе и статусу США как гегемона; японские — на формировании многоярусной экономико-

политической архитектуры, которая позволила бы Японии удержать позиции одного из региональных лидеров. Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) заинтересованы в том, чтобы даже в новых реалиях сохранить центральную роль Ассоциации как локомотива регионального развития. Наконец, Индия выстраивает сложную модель ИТР, в которой сочетается стремление к созданию неофициальных структур, призванных дать ответ на вызовы безопасности, и историко-культурное обоснование возвращения Индии в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), а также расширения сферы ее влияния к востоку от Малаккского пролива.

Индийское экспертное сообщество и политические элиты тщательно разрабатывают

историко-культурный базис Индо-Пацифики, пытаясь обосновать «естественность» ИТР при помощи апелляции к многовековой истории экономических связей этого мегарегиона. При этом у ИТР, флагманского индийского международного проекта, фактически отсутствует реальная экономическая база, что выглядит парадоксально с учетом последовательного стремления Нью-Дели к выстраиванию экономического фундамента для любых международных отношений, переходящего иногда в экономический детерминизм.

Статья посвящена анализу этого феномена. Вначале дается необходимый краткий очерк исторического развития экономики Большого Индийского океана, далее кратко описываются новейшие события, запустившие процесс формирования единой экономической системы на пространстве Индо-Тихоокеанского региона — разработка индийскими экспертами концепции ИТР и продвижение Китаем инициативы «Пояса и пути». Анализируются мегаблоки, к которым Индия изначально проявляла особое внимание (Транстихоокеанское партнерство (ТПП) и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)), и причины, по которым она в них не вступила, а также субрегиональные и локальные проекты с индийским участием. Наконец, рассматриваются новейшие инициативы партнеров Индии по «Квад» («Сеть голубых точек», «Построить заново лучший мир») и перспективы участия в них Нью-Дели. Автор приходит к выводу, что императивом Индии остается создание такой экономической базы ИТР, в которой она будет играть в идеале главенствующую или, по крайней мере, одну из ключевых ролей, что дает России пространство для маневра.

В качестве методологической основы статьи автором избран комплексный подход, сочетающий методы критической теории, исторической социологии, теории стратегической культуры и пространственного подхода. Применение инструментов критической теории необходимо, когда речь идет об анализе решений, принимаемых политиками под влиянием как внутренних и внешних факторов, так и собственных представлений; теория

стратегической культуры помогает выделить и описать эти представления; историческая социология международных отношений предоставляет для этого необходимый базис, позволяя проследить связь между прошлым как формирующим фактором и прошлым как явлением, которое одновременно конструирует сознание правящего слоя и конструируется им. Наконец, пространственный подход позволяет рассматривать океан как пространство социального (в данном случае экономического) взаимодействия, отличающееся по своим характеристикам от суши (свободное движение товаров и услуг, мобильность флотов, особая роль портов как политико-экономических узлов, с опорой на которые выстраиваются сферы влияния, и т. д.).

Экономика Индо-Пацифики через призму истории

Исторически Индийский океан был первым из мировых океанов, где сформировалась единая торгово-экономическая система. Это прежде всего было связано с его очертаниями, позволяющими достичь противоположного берега океана, не отдаляясь от побережья, и специфическим климатическим муссонным режимом, благодаря которому парусные корабли могли дважды в год уверенно пересекать океан. Также большую роль сыграло и быстрое развитие ранних политий в прибрежных регионах, обладающих необходимыми излишками продуктов для торговли.

Изначально торговая система региона Индийского океана включала в себя несколько торговых маршрутов, связывающих Шумер и долину Инда, Египет и Пунт (Alpers, 2014, pp. 19—25). В последующие столетия она расширилась, включив в себя побережье Восточной Африки и Западную Пацифику, и неоднократно трансформировалась под влиянием военных, религиозных, политических и климатических факторов. Во II в. до н. э. был проложен морской маршрут, связавший Китай и Римскую империю. Падение Рима привело к коллапсу всей системы — центр экономической жизни региона сместился к востоку, а индийские государства и Китай начали активную культурную и торговую

экспансию в Юго-Восточную Азию. Восстановление торгового сообщения с постримской Европой и распространение ислама в регионе привело к возрождению старого маршрута. Португальская экспансия в Индийском океане позволила сформировать альтернативный маршрут импорта пряностей и предметов роскоши в Европу вокруг мыса Доброй Надежды (Abu-Lughod, 1989, pp. 274—276).

Британское завоевание Индии и захват ключевых пунктов в регионе Индийского океана вновь изменили структуру региональной торговли, превратив Индию в основной источник импорта опиума в Китай. Эта система просуществовала недолго, уступив место классической колониальной системе с Британией в качестве метрополии, которая экспортировала готовые товары в страны региона, получая взамен сырье. Но как бы ни трансформировалась система, Индия играла в ней ключевую роль. Даже попав под власть Британии и будучи вместе с другими региональными политиями интегрированной в классическую колониальную модель, Индия оставалась экономическим центром региона, хотя сфера ее влияния неуклонно уменьшалась (Metcalf, 2007).

Этот экономический индоцентризм породил среди индийских элит и контрэлит иллюзию естественности такого положения дел: индийские интеллектуалы полагали, что, как только Индия освободится от колониального владычества, она аккумулирует ресурсы, которые из нее выкачивает метрополия, и естественным образом вновь займет место экономического центра региона (Panikkar, 1945). Однако после того как Индия получила независимость, обнаружилось, что мировая экономика за прошедшее столетие трансформировалась настолько, что восстановить разрушенную традиционную экономику региона Индийского океана крайне сложно или в принципе невозможно.

Индо-Пацифика и «Пояс и путь»

Предпосылки для изменения ситуации сложились только в начале XXI в., когда индийская экономика после реформ правительства Нарасимхи Рао продемонстрировала

исключительно высокие темпы роста — до 9,6 % в год¹. Это позволило индийским элитам вновь задуматься об экономическом доминировании в регионе. Однако экономика соседнего Китая к тому моменту на протяжении полутора десятилетий показывала устойчивый рост, превышавший 10 % в год². Пользуясь этим, КНР развернула экономическую экспансию в регионах, которые индийское руководство традиционно считало зоной своего влияния. Это вызывало беспокойство индийских элит, с подозрением относившихся к Китаю еще со времен проигранной пограничной войны 1962 г. и полагавших, что КНР ставит целью доминирование в Азии. Подобное развитие ситуации автоматически означало, что Индии придется довольствоваться местом во «втором эшелоне» государств региона (Володин, 2017, с. 181—182).

Ответом на китайскую экспансию стала разработка концепции Индо-Тихоокеанского региона. Впервые этот термин в современном геополитическом значении был использован осенью 2006 г. отставным вице-адмиралом ВМС Индии П.С. Дасом во время конференции в Японии³. Спустя несколько месяцев другой военно-морской эксперт, Г. Кхурана, в своей статье ввел в научный оборот термин «Индо-Пацифика» (Khurana, 2007). В основе выступления П.С. Даса и статьи Г. Кхураны лежала идея о влиянии географического положения Индии на безопасность линии поставок углеводородов из Персидского залива в Японию. При этом, как признавался позже Г. Кхурана, подразумевалось, что положение Индии позволяет ей влиять и на безопасность аналогичного маршрута

¹ Economy grew 9.6 % in 2006—07 // Mint. February 1, 2008. URL: <https://www.livemint.com/Politics/4NqyoSlhcZl82fPZ4tOboO/Economy-grew-96-in-200607.html> (accessed: 31.01.2022).

² Chinese Economy Grows 10.7 Percent in 2006 // The New York Times. January 25, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/01/25/business/worldbusiness/25iht-yuan.4345858.html> (accessed: 31.01.2022).

³ Das P. Maritime Violence in the Indian Ocean — Challenges and Responses // Indo-Japan Dialogue on Ocean Security. Ocean Policy Research Foundation, 2006. P. 108—121. URL: https://www.spf.org/en/_opri_media/publication/pdf/200703_061105_02.pdf (accessed: 14.07.2021).

поставок углеводородов в Китай, а следовательно — на китайскую внешнюю политику⁴. Идея ИТР в августе 2007 г. была популяризирована премьер-министром Японии Синдзо Абэ, который во время выступления перед парламентом Индии провозгласил начало слияния двух океанов⁵. Концепция Индо-Пацифики была почти сразу воспринята индийскими элитами, которые увидели в ней возможность распространить сферу интересов Индии за Малайский барьер. Но изначально она строилась вокруг вопросов безопасности и касалась проблем экономики лишь в той мере, в которой речь шла об обеспечении поставок нефти и газа в страны Восточной Азии.

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая перед парламентом Индонезии, объявил о запуске инициативы «Морской Шелковый путь XXI века». Масштабный инфраструктурный проект должен был связать порты материкового Китая с портами Юго-Восточной Азии, Африки и Европы. С точки зрения КНР это было логичным расширением провозглашенной годом ранее инициативы «Один пояс, один путь» (позже переименованной в «Пояс и путь»), так как позволяло дополнить сухопутные коридоры южной части «Пояса и пути» морской составляющей. Индийские политические элиты со своей стороны восприняли этот шаг как продолжение китайской стратегии, нацеленной на расширение своего присутствия в Индийском океане (Krupakar, 2017). Еще в 2004 г. американские политологи выдвинули концепцию «Нити жемчуга»: она предполагала, что Китай попытается создать цепь портов, чтобы таким образом поддержать маршрут транзита углеводородов и в перспективе создать цепь

пунктов базирования ВМС (Лебедева, 2018, с. 103—105). Индийские эксперты восприняли и развили эту концепцию, предположив, что КНР планирует в случае конфликта с Индией использовать арендованные порты в качестве полноценных военно-морских баз, чтобы осуществить «стратегическое окружение» Индии (Mohan, 2013, pp. 129—130). Неудивительно, что метод, при помощи которого прокладывался «Морской Шелковый путь», а именно аренда и модернизация портов, лишь укрепил подозрения Нью-Дели.

В результате концепция Индо-Пацифики начала восприниматься в индийском экспертном сообществе и в политических элитах как альтернатива «Морскому Шелковому пути». Это, в свою очередь, потребовало переосмысления самого формата ИТР и наполнения его экономической составляющей, чтобы он мог конкурировать с китайским проектом. Основными императивами Нью-Дели при этом являлись восстановление во всей полноте и сохранение центральной роли Индии в регионе Индийского океана, где она выступала бы в качестве доминирующего игрока, чьи интересы другие страны региона постоянно принимают во внимание. К ним также относятся привлечение государственных и частных инвестиций со стороны внешних игроков без ущерба этой центральной роли, а также задействование ресурсов всех региональных игроков при гарантии, что они не попытаются трансформировать накопленные экономические преимущества в политическое влияние. Так как индийское руководство понимало, что экономически Индия слабее Китая и не может позволить себе тратить сравнимые средства на укрепление позиции в регионе, необходимо было либо умерить амбиции, сосредоточившись на выстраивании субрегионального пространства экономического взаимодействия, ориентированного на Индию, либо попытаться найти альтернативный формат экономического базиса для индийского конструкта.

Мегаблоки как локомотивы развития?

Самым многообещающим вариантом выглядело присоединение к одному из региональных мегаблоков, которые позволяли

⁴ Kuo M.A. The Origin of 'Indo-Pacific' as Geopolitical Construct: Insights from Gurpreet Khurana // *The Diplomat*. January 25, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (accessed: 31.01.2022).

⁵ "Confluence of the Two Seas". Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 22, 2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 14.07.2021).

входящим в них государствам встраиваться в уже существующие торговые и производственные цепочки или выстраивать новые, тем самым стимулируя развитие экономики.

На момент формирования концепции ИТР в регионе существовал один проект мегаблока — Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Перспектива вступления в его ряды вызвала в Индии неоднозначную реакцию: в то время как некоторые экономисты предупреждали, что присоединение к мегаблоку больно ударит по социально значимым и неконкурентоспособным отраслям индийской экономики, которые до того момента были защищены протекционистскими мерами, другие — указывали, что оно положительно скажется на развитии индийского сектора услуг и объемах инвестиций в страну, а социально значимые отрасли придется реформировать в любом случае. Если Индия не присоединится к ТТП, то она стратегически проиграет: из-за снижения тарифов в рамках мегаблока пострадает индийский экспорт товаров и услуг, уменьшатся инвестиции, начнется отток иностранных капиталов из страны.

Тем не менее Индия не присоединилась к мегаблоку даже несмотря на прямое приглашение со стороны США принять участие в переговорах⁶. Индийское руководство рассматривало возможность присоединения к ТТП позднее, рассчитывая сначала компенсировать свое неучастие благодаря наличию зон свободной торговли (ЗСТ) с пятью потенциальными членами ТТП (Японией и четырьмя странами АСЕАН)⁷. В любом случае, как указала министр торговли и промышленности Индии Нирмала Ситхараман, ТТП, в составе которого отсутствовали Индия и Китай, не может считаться региональным торговым

блоком⁸ — и, как следствие, стать экономическим базисом для Индо-Пацифики.

Другой потенциальный мегаблок, Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), переговоры о создании которого начались в 2011 г., в этом качестве смотрелся более перспективно. Хотя вступление во ВРЭП очевидно повлекло бы за собой те же негативные последствия, что и вступление в ТТП, ВРЭП являлся полноценным региональным соглашением. Кроме того, Индия могла рассчитывать на то, что ей удастся обеспечить свои интересы при поддержке большинства потенциальных стран-членов, многие из которых опасались доминирования Китая и были заинтересованы в привлечении в мегаблок еще одной мощной экономики, которая могла бы служить для КНР противовесом. Также высказывались опасения, что в противном случае Пекин сможет обеспечить себе гегемонию в регионе (Doyle & Rumley, 2019, p. 80). Границы ВРЭП в целом совпадали с границами восточного и центрального регионов Большого Индийского океана и полностью включали в себя территорию Индосферы — зоны индийского культурного и религиозного влияния. Учитывая, что для Индии ИТР к тому моменту превратился уже в культурно-цивилизационный конструкт, призванный оправдать широкое участие Индии в делах АТР, опора на ВРЭП, который помог бы прочнее привязать Индию к АСЕАН, Южной Корее, Японии, Австралии и Новой Зеландии, представлялась естественной (Panda, 2014, pp. 55—56).

Неудивительно, что, выступая на «Диалоге Шангри-Ла» в 2018 г., премьер-министр Индии Нарендра Моди заявил, что его страна рассматривает ВРЭП как экономический базис Индо-Пацифики. «Мы будем поддерживать основанную на правилах, открытую, сбалансированную и стабильную торговую среду в Индо-Тихоокеанском регионе, которая поднимет все страны на волне торговли и

⁶ Remarks by Vice President Joe Biden on the U.S. — India Partnership at the Bombay Stock Exchange // The White House. July 24, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/07/24/remarks-vice-president-joe-biden-us-india-partnership-bombay-stock-excha> (accessed: 25.07.2021).

⁷ Vaid M., Vaini T.S. Is There Room for India in the TPP? // East Asia Forum. March 2, 2016. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/03/02/is-there-room-for-india-in-the-tpp/> (accessed: 25.07.2021).

⁸ No Adverse Impact of Joining Trans-Pacific Partnership: Nirmala Sitharaman // India.com. January 11, 2016. URL: <https://www.india.com/news/india/no-adverse-impact-of-joining-trans-pacific-partnership-nirmala-sitharaman-852850/> (accessed: 25.07.2021).

инвестиций, — объявил Моди. — Именно этого мы ожидаем от Всестороннего регионального экономического партнерства. ВРЭП должен быть всесторонним, как следует из его названия и из заявленных принципов. В его рамках должен поддерживаться баланс между торговлей, инвестициями и услугами»⁹.

Тем неожиданнее стал отказ Индии подписывать итоговое соглашение по ВРЭП. Хотя многие эксперты считали, что это было вызвано политическими опасениями Индии в отношении Китая, такой исход, по всей видимости, стал результатом прежде всего трезвого экономического расчета (Gaur, 2020, pp. 8—16). Еще во время обсуждения перспектив вступления в ТТП и ВРЭП в индийском экономическом сообществе все громче звучали голоса тех, кто полагал, что необдуманное заключение соглашений о ЗСТ вредит индийской экономике. Позиции скептиков укрепились после того, как глава Белого дома Д. Трамп объявил о выходе США из переговоров о ТТП. Это было расценено как свидетельство того, что успешная экономика не нуждается в локомотивах для обеспечения развития. Свою роль сыграло и то, что переговоры по ВРЭП шли очень тяжело, и требования Индии об особых условиях и преференциях для социально значимых отраслей своей экономики не были, вопреки ожиданиям, поддержаны Южной Кореей, Японией и странами Юго-Восточной Азии.

В поисках альтернативы: субрегиональные проекты

Альтернативой могло бы стать выстраивание экономического базиса Индо-Пацифики на основе отдельных субрегиональных инициатив и проектов с ключевой ролью Индии. Старейшим из таких проектов является Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), образованная в 1985 г. Однако несмотря на большой

экономический потенциал и долгую историю, это объединение страдает неустрашимым, с точки зрения индийских элит, недостатком: в его состав входит Пакистан, всегда готовый поддержать любые проекты, выдвигаемые другими странами-членами и направленные на ограничение влияния Индии (Sinha, 2019, p. 470). Фактическое прекращение официальной торговли между Индией и Пакистаном после того, как индийские власти изменили административный статус Кашмира, частично парализовало деятельность СААРК. Хотя во время пандемии COVID-19 СААРК был воспринят как площадка для диалога и координации мер по борьбе с болезнью (Брагина, 2020, с. 139—140), Индия все больше переключается на другие форматы экономического взаимодействия.

Своеобразной альтернативой СААРК стала образованная в 1997 г. Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК), куда входят все южноазиатские страны, за исключением Пакистана, а также Таиланд. Это позволило сместить ось экономического взаимодействия в сторону Бенгальского залива, который воспринимается Индией как часть оси Индо-Пацифики — линии Малайского барьера и прилегающих морей, связывающая Индию и страны Юго-Восточной Азии (De, 2020, p. 82). В связи с отсутствием Пакистана в числе стран-участниц формат БИМСТЕК выглядит для Индии куда более комфортным (Chetty, 2007, p. 41). Однако настойчивое стремление КНР к развитию инфраструктурных проектов в регионе, строительство и модернизация портов, которые Пекин планирует связать транспортными магистралями с южными провинциями материкового Китая, тревожит Нью-Дели, тем более что местные политические элиты охотно берут китайские кредиты и санкционируют китайские инфраструктурные проекты.

В 2015 г. премьер-министр Нарендра Моди запустил проект «Безопасность и рост для всех в регионе» (САГАР — *Security and Growth for All in the Region*, SAGAR). Анонсируя новую инициативу, Н. Моди заявил: «Наша цель — сформировать климат

⁹ Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue // Ministry of External Affairs, Government of India. July 1, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (accessed: 25.07.2021).

взаимного доверия и прозрачности; добиться уважения к правилам и нормам поведения на море со стороны всех стран; проявлять чуткость к интересам друг друга; достичь мирного разрешения морских споров; нарастить сотрудничество в морской сфере»¹⁰. Тем не менее, несмотря на амбициозные цели, проект САГАР позже почти исчез из индийского политического дискурса, а сотрудничество в его рамках свелось главным образом к укреплению связей с малыми островными государствами региона Индийского океана, причем особый упор делается на вопросах безопасности.

Еще одним проектом с индийским участием, призванным связать Индо-Пацифику воедино, стала совместная индийско-японская инфраструктурная инициатива «Азиатско-Африканский коридор роста» (*Asia Africa Growth Corridor*, AAGC), запущенная в 2017 г. как альтернатива «Поясу и пути» (Thankachan, 2017, p. 84). Это полноценный индо-тихоокеанский проект, ставящий целью возрождение на новом уровне древнего морского маршрута, соединявшего Африку с Азией: в его рамках планируется создание коридоров Гуджарат — Джибути — Аден, Мадурай — Момбаса — Занзибар и Калькутта — Ситуэ. Таким образом, предполагается не только восстановление обширных азиатско-африканских торговых связей, но и развитие связей между азиатскими странами и их портами. Ряд других проектов с участием европейских и азиатских стран (в частности Южной Кореи), хотя и подразумевают увеличение связности региона и развитие «синей экономики», являются сугубо локальными (Panda, 2020a).

Все эти проекты в определенном смысле можно назвать индо-тихоокеанскими, так как они подразумевают выстраивание экономической основы взаимодействия в отдельных регионах и субрегионах Индо-Тихоокеанского мегарегиона. При этом единственным в полном смысле индо-тихоокеанским проектом,

основанным на взаимодействии ключевых региональных игроков Западной Пацифики и региона Индийского океана, является инициатива «Азиатско-Африканский коридор роста», но ограниченность числа и возможностей его участников не позволяет использовать его как фундамент ИТР.

«Качественные инициативы» и «голубые точки»

В этой связи особый интерес для Индии представляют проекты поддержки инфраструктуры, которые позволили бы одновременно привлечь в регион иностранные государственные и частные инвестиции и сформировать альтернативу китайским проектам в рамках «Пояса и пути», а также позволить самой Индии найти средства для развития своей инфраструктуры, на что в ближайшие годы потребуется около триллиона долларов США¹¹.

Первой инициативой такого рода стало японское «Партнерство ради качественной инфраструктуры» (*Partnership for Quality Infrastructure*, PQI), запущенное Синдзо Абэ в 2015 г. и переименованное в мае 2016 г. в «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры» (*Expanded Partnership for Quality Infrastructure*, EPQI). Эта инициатива предусматривает инвестирование в рамках официальной помощи в целях развития (ОПР) в страны ИТР 200 млрд долл. США в течение пяти лет (2017—2021 гг.)¹². Ее цель состоит как в расширении влияния Японии в ИТР и укреплении стратегической сети союзов, так и в создании новых основ для экономического развития Японии при помощи поощрения проникновения японских компаний на международный инфраструктурный ры-

¹¹ Basu T. Mapping India in Japan's Infrastructure Agenda // East Asia Forum. April 29, 2016. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/04/29/mapping-india-in-japan-infrastructure-agenda/> (accessed: 25.07.2021).

¹² The “Expanded Partnership for Quality Infrastructure” Initiative Directed toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. May 23, 2016. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html (accessed: 25.07.2021).

¹⁰ Jaishankar D. Indian Ocean Region: A Pivot for India's Growth // Brookings. September 12, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/indian-ocean-region-a-pivot-for-indias-growth/> (accessed: 25.07.2021).

нок. Проект включает в себя инвестиции в такие стратегически важные секторы стран Южной и Юго-Восточной Азии (Индонезии, Вьетнама, Мьянмы, Индии), как железные дороги, аэропорты, торговые порты, электростанции, телекоммуникации. Средства выделяются через уже существующие государственные инструменты финансирования инфраструктурных проектов в развивающихся странах, активно привлекаются средства Азиатского банка развития и частные инвестиции.

Основное внимание при этом уделялось Индии. Эта страна являлась постоянным получателем японской ОПР на протяжении десятилетий, однако в последние годы Токио рассматривал укрепление индийско-японских экономических связей как ключевой элемент формирования устойчивого миропорядка в Азии (Sahoo & Bishoi, 2016, p. 54). Нью-Дели, в свою очередь, рассчитывал с активной японской помощью превратить Индию в международный промышленный хаб, на который бы замыкались региональные цепочки добавленной стоимости (Maniyar, 2020, pp. 105—106). Этой цели предполагалось добиться в том числе при помощи японских вложений в высокотехнологичные инфраструктурные проекты: высокоскоростные железные дороги, индустриальные коридоры, скоростную систему общественного транспорта, которые бы спонсировались на крайне выгодных для индийской стороны условиях. В качестве примера можно привести строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Мумбаи — Ахмедабад, которое осуществляется на японские займы, выданные под 0,1 % на срок до 50 лет с льготным периодом 15 лет¹³. Для сравнения: заем на проект аналогичной железной дороги Джакарта — Бандунг, спонсируемый Китайским банком развития, выдавался под 2—3,4 % на 40 лет с льготным периодом 10 лет¹⁴. Тем

¹³ Mumbai — Ahmedabad Bullet Train Loan: State not Keen to Be Guarantor // *The Times of India*. January 21, 2017. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/mumbai/bullet-train-loan-state-not-keen-to-be-guarantor/articleshow/56696200.cms> (accessed: 31.01.2021).

¹⁴ Jakarta — Bandung High-Speed Rail // *Railway Technology*. 18.12.2020. URL: [https://www.railway-technology.com/projects/jakarta-to-bandung-high-speed-](https://www.railway-technology.com/projects/jakarta-to-bandung-high-speed-rail/)

не менее ни «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры», ни аналогичная австралийская инициатива «Партнерства в области инфраструктуры» (*Partnerships for Infrastructure*), нацеленная на развитие инфраструктурных проектов в странах Юго-Восточной Азии¹⁵, не в состоянии соперничать с китайским «Поясом и путем»: для этого нужен сравнимый по масштабу проект, реализуемый либо сверхдержавой, либо группой держав с развитой экономикой.

Таким проектом призвана стать «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network, BDN*), о создании которой было официально объявлено представителями США 4 ноября 2019 г. на Индо-Тихоокеанском бизнес-форуме в Бангкоке. Основными ее участниками стали недавно созданная Американская корпорация по финансированию международного развития (*U.S. International Development Finance Corporation*), Японский банк для международного сотрудничества (*Japan Bank for International Cooperation, JBIC*) и Министерство иностранных дел и торговли Австралии. «Сеть голубых точек» должна была стать альтернативой китайским займам и инфраструктурным проектам для стран региона¹⁶. Предполагалось, что американские, японские и австралийские структуры в рамках этой инициативы будут давать независимую оценку инфраструктурным проектам на предмет финансовой прозрачности, экологической безопасности и воздействия на экономическое развитие государства и региона. Проекты, прошедшие проверку, получают специальный сертификат соответствия, который поможет им привлечь частный капитал. «Сеть

rail/ (accessed 31.01.2022); Jakarta-Bandung high speed railway to get Chinese loans // *The Jakarta Post*. November 10, 2016. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2016/11/10/jakarta-bandung-high-speed-railway-to-get-chinese-loan.html> (accessed: 31.01.2022).

¹⁵ Who We Are // *Partnerships for Infrastructure*. URL: <https://www.partnershipsforinfrastructure.org/who-we-are> (accessed: 25.07.2021).

¹⁶ Гарин А. Инфраструктурная дипломатия Quad: попытка противостоять «Поясу и пути»? // *Международные отношения*. 03.07.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30673> (дата обращения: 25.07.2021). См. также: (Paik & Park, 2020, pp. 44—46).

голубых точек» изначально позиционировалась как многосторонняя инициатива, объединяющая усилия правительств, частного сектора и гражданского общества для продвижения «высококачественных» и надежных «стандартов для развития глобальной инфраструктуры»¹⁷. Усилия по сертификации планировалось сосредоточить на проектах в сферах энергетики, инфраструктуры и цифровой экономики.

В ноябре 2020 г. к инициативе присоединился Тайвань, а месяцем раньше «Сеть» была представлена на съезде Инициативы Трех морей в Таллинне, где получила горячую поддержку. В свою очередь, США пообещали выделить инвестиции в размере 1 млрд долл. США для тех проектов в сферах IT-инфраструктуры, энергетики, дорожного и портового строительства, которые пройдут сертификацию. Таким образом, «Сеть голубых точек» перестала быть исключительно индо-тихоокеанской инициативой. В январе 2021 г. к ней присоединилась Грузия, а в июне 2021 г. о поддержке «Сети» заявила Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что окончательно глобализировало американский проект, превратив его географически в полноценного конкурента «Пояса и пути».

Последний на данный момент шаг к структуризации «Сети» был сделан на июньском саммите «Большой семерки», где было заявлено о запуске инициативы «Построить заново лучший мир» (*Build Back Better World*, B3W), предполагающей до 2035 г. выделение странами «семерки» 40 трлн долл. США на нужды развивающихся стран¹⁸. Антикитайская направленность этой инициативы очевидна. Таким образом, США фактически заручились поддержкой своих ключевых

союзников для противостояния с Китаем не только в Индо-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире.

Индия на распутье

Присоединение к «Сети» Индии — крупнейшей экономики Южной Азии — укрепило бы позиции США в этом противостоянии. В феврале 2020 г. Д. Трамп поднимал эту тему на переговорах с Н. Моди¹⁹, но, вопреки ожиданиям и требованиям многих аналитиков и экспертов, развернувших в прессе²⁰ и на страницах научных журналов (Panda, 2020b) широкую кампанию в пользу американских инициатив, Нью-Дели воздержался от вступления в ряды стран — членов нового проекта. Во время последнего саммита «семерки» Нарендра Моди хотя и присутствовал на встрече, но виртуально, и никаких обязывающих документов не подписывал.

Для Индии конкуренция «Пояса и пути» с «Сетью голубых точек», как и противостояние КНР и США в целом, представляет одновременно вызовы и возможности: так, в условиях американо-китайского соперничества создание финансируемой западными странами и их союзниками сети инфраструктурных проектов дает Индии шанс на размещение на своей территории производств, выведенных США и другими западными странами из Китая. При этом набор этих возможностей по политическим соображениям меньше, чем мог бы быть. Так, индийское руководство не скрывает негативного отношения к проектам «Пояса и пути», рассматривая их прежде всего как инструмент наращивания влияния КНР в критически важных для Индии регио-

¹⁹ Joint Statement: Vision and Principles for India — U.S. Comprehensive Global Strategic Partnership // Ministry of External Affairs, Government of India. February 25, 2020. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/32421/Joint_Statement_Vision_and_Principles_for_IndiaUS_Comprehensive_Global_Strategic_Partnership (accessed: 25.07.2021).

²⁰ См., например: Join Blue Dot Network for Infrastructure // The Economic Times. June 16, 2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-editorials/join-blue-dot-network-for-infrastructure/> (accessed: 26.07.2021).

¹⁷ Blue Dot Network Vision Statement // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/blue-dot-network-vision-statement/> (accessed: 31.01.2022).

¹⁸ Fact Sheet: President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership // The White House. June 12, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed: 25.07.2021).

нах. Явное нежелание Пекина считаться с позицией Нью-Дели и воспринимать его как равного партнера приводит к тому, что Индия отказывается участвовать в китайских инфраструктурных проектах в Южной Азии и регионе Индийского океана. Формально эта позиция обосновывается тем, что один из этих проектов, Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), проложен через принадлежащую Индии территорию Кашмира, находящуюся под пакистанским контролем (Vlah, 2018, p. 318; Chan, 2020, pp. 206—207).

Таким образом, Индия лишена выбора, который стоит перед другими развивающимися странами Южной и Юго-Восточной Азии: если «Пояс и путь» предполагает прямое финансирование и предоставление краткосрочной помощи и представляет собой проверенный и работающий инструмент, но присоединение к нему влечет за собой существенные внешнеполитические риски, то в рамках «Сети» речи о быстром и тем более гарантированном привлечении средств не идет. Даже если инвестор заинтересуется инфраструктурным проектом в развивающейся стране, встанет вопрос об условиях, на которых будут предоставляться инвестиции: не повлечет ли это за собой попадания экономики страны-реципиента в зависимость от частных кредиторов и не будет ли финансирование увязано с необходимостью политических преобразований?

Кроме того, неясно, насколько быстро удастся выработать скоординированное мнение стран — участниц «Сети» в каждом конкретном случае. Очевидно, что каждая сторона будет пытаться минимизировать расходы за пределами зоны своих непосредственных интересов. Опыт взаимодействия и согласования позиций и решений между странами «Большой семерки» в Индо-Тихоокеанском регионе, в первую очередь в рамках «Квад», не дает особых оснований для оптимизма. Помимо этого, роль Нью-Дели в рамках «Сети» неясна: по сравнению с членами «семерки» Индия — развивающаяся страна, которая при взаимодействии с большей частью развитых экономик выступает в основном как реципиент, а не как донор, и в этой ситуации

членство в «Сети» вряд ли поможет Индии нарастить влияние в регионе.

Также расширение «Сети» за счет Европы означает, что эта инициатива выходит за рамки ИТР, превращаясь из потенциального экономического базиса Индо-Пацифики в инструмент борьбы против китайского стремления к экономической гегемонии в глобальном масштабе. Подобная трансформация этой инициативы не способствует решению главной задачи, которую ставит перед собой Нью-Дели в рамках своей Индо-Тихоокеанской концепции, — встраиванию Индии в культурное, политическое и экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Наконец, присоединение к «Сети» — проекту, имеющему явно антикитайскую направленность, — еще больше сузит для Индии окно возможностей, лишит ее возможности внешнеполитического маневра, вынудив сделать еще один шаг от традиционной стратегической автономии в сторону полноценного союза со странами «Квад».

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что ни мегаблоки, ни субрегиональные интеграционные проекты, ни новейшие инфраструктурные концепции не позволяют Индии решить главную задачу: выстроить для ИТР экономический базис, который соответствовал бы ее видению.

Наилучшим решением этой задачи, по мнению индийского руководства, могло бы стать формирование единой торговой системы со многими центрами — Индией, АСЕАН, Японией, КНР, Россией, Австралией, США, где все иностранные игроки признавали бы особые интересы Индии в регионе Индийского океана и готовы были бы открыть границы для индийских товаров и услуг, не требуя взамен от Индии того же. Не говоря уже о том, что создание такой структуры в современном мире в принципе маловероятно, она, даже если бы была сформирована, не сможет функционировать в условиях «новой холодной войны» между США и КНР. Как следствие, Индия, скорее всего, попытается собрать хотя бы относительно устойчивый

фундамент для ИТР при помощи набора двусторонних договоров и многосторонних структур. Возможен и другой сценарий — присоединение Индии к какому-либо мегаблоку или инфраструктурной инициативе, но он реализуется только в том случае, если выгода от него в глазах индийских элит перевесит очевидные минусы. В качестве ключевого критерия выгоды в первую очередь можно выделить быстрый рост экономики Индии, который позволит ей в обозримом будущем занять более весомую позицию в регионе и поставить на повестку дня вопрос о пересмотре своей роли в региональной структуре.

Россия теоретически могла бы выступить с инициативой формирования единой торгово-экономической системы, но очевидно, что Москва не обладает достаточной политической и экономической мощностью, чтобы всерьез претендовать на роль ее локомотива. Представляется, что наиболее выгодной стратегией для России в этих условиях может стать выстраивание новых механизмов взаимодействия со странами Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, которые вместе с другими,

уже существующими и потенциальными, составят комплексный экономический базис ИТР. Речь идет о развитии коридора Ченнаи — Владивосток, привлечении индийских, японских и корейских инвестиций в российские инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке, а также развитию совместных проектов в регионе Северной Пацифики и в третьих странах (Лаос, Вьетнам, Бангладеш, государства Восточной Африки, Сирия).

В целом возникший в регионе хаос, сопровождающий перестройку системы экономических, политических, военных отношений в связи с началом «новой холодной войны», созданием новых военных блоков (АУКУС) и разрывом привычных цепочек производства в результате «декаплинга», отражается на торговых и финансовых процессах не лучшим образом. Однако Россия, сравнительно слабо вовлеченная в экономику АТР, может воспользоваться случаем и благодаря сотрудничеству с ключевыми акторами, в первую очередь Индией, укрепить свои позиции, расширив присутствие в регионе.

Поступила в редакцию / Received: 23.08.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 01.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Брагина Е. А. Экономика Индии под давлением COVID-19 // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13, № 5. С. 128—144. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-8>
- Володин А. Г. Индия в мире регионализации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 4. С. 178—191. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191>
- Лебедева Н. Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия. Москва : ИВ РАН, 2018.
- Abu-Lughod J. L. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250—1350. New York, Oxford : Oxford University Press, 1989.
- Alpers E. A. The Indian Ocean in World History. Oxford : Oxford University Press, 2014.
- Blah M. China's Belt and Road Initiative and India's Concerns // *Strategic Analysis*. 2018. Vol. 42, no. 4. P. 313—332. <https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1482631>
- Chan L.-H. Can China Remake Regional Order? Contestation with India Over the Belt and Road Initiative // *Global Change, Peace & Security*. 2020. Vol. 32, no. 2. P. 199—217. <https://doi.org/10.1080/14781158.2020.1772215>
- Chetty A. L. India's Role in BIMST-EC: Prospects and Problems // *India and Bay of Bengal community, the BIMSTEC experiment: Bangladesh — India — Myanmar — Sri Lanka — Thailand economic cooperation* / ed. by T. N. Devi. New Delhi : Gyan Publishing House, 2007. P. 40—59.
- De P. Act East to Act Indo-Pacific: India's Expanding Neighbourhood. New Delhi : KW Publishers, 2020.
- Doyle T., Rumley D. The Rise and Return of the Indo-Pacific. Oxford : Oxford University Press, 2019. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198739524.001.0001>
- Gaur P. India's Withdrawal from RCEP: Neutralising National Trade Concerns // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2020. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/13547860.2020.1809772>

- Khurana G. S.* Security of Sea Lines: Prospects for India — Japan Cooperation // *Strategic Analysis*. 2007. Vol. 31, no. 1. P. 139—153. <https://doi.org/10.1080/09700160701355485>
- Krupakar J.* China's Naval Base(s) in the Indian Ocean — Signs of a Maritime Grand Strategy? // *Strategic Analysis*. 2017. Vol. 41, no. 3. P. 207—222. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1296622>
- Maniyar J.* Japan in the Indian Ocean: An Integral and Holistic Involvement in South Asia // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2020. Vol. 16, no. 1. P. 98—109. <https://doi.org/10.1080/09733159.2020.1785032>
- Metcalf T.* *Imperial Connections: India in the Indian Ocean Arena, 1860—1920*. Berkeley : University of California Press, 2007.
- Mohan C. R.* *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi : Oxford University Press, 2013.
- Paik W., Park J. J.* The Quad's Search for non-Military Roles and China's Strategic Response: Minilateralism, Infrastructure Investment, and Regional Balancing // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 30, no. 127. P. 36—52. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1766908>
- Panda J. P.* Factoring the RCEP and the TPP: China, India and the Politics of Regional Integration // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38, no. 1. P. 49—67. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.863462>
- Panda J. P.* Framing an Indo-Pacific Narrative in India — South Korea Ties // *Academic Paper Series of Korea Economic Institute of America*. 2020a. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_aps_panda_200106.pdf (accessed: 26.07.2021).
- Panda J. P.* India, the Blue Dot Network, and the “Quad Plus” Calculus // *The Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2020b. Vol. 3, no. 3. P. 3—22.
- Panikkar K. M.* *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. London : Allen & Unwin, 1945.
- Sahoo P., Bishoi A.* Role of Japanese Official Development Assistance in Enhancing Infrastructure Development in India // *Contemporary South Asia*. 2016. Vol. 24, no. 1. P. 50—74. <https://doi.org/10.1080/09584935.2015.1135307>
- Sinha U. K.* Regionalism as the New Realism // *Making of New India: Transformation under Modi Government* / ed. by B. Debroy, A. Ganguly, K. Desai. New Delhi : Wisdom Tree, 2019. P. 465—473.
- Thankachan S.* Japan's “Free and Open Indo-Pacific Strategy”: Reality before the Rhetoric? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2017. Vol. 13, no. 2. P. 84—91. <https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1414831>

Сведения об авторе: *Куприянов Алексей Владимирович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; ORCID: 0000-0002-9041-6514; e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-166-179

Научная статья / Research article

Развитие финансовой интеграции в условиях внедрения финансовых технологий в странах Евразийского экономического союза

Ж.Г. Голодова , **Н.В. Гречкин**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 nazargrechkin@yandex.ru

Аннотация. Глобальный экономический кризис 2008—2009 гг. и все последующие кризисные «волны» обозначили необходимость углубления региональных интеграционных процессов в целях смягчения последствий кризисов и предотвращения финансовых потрясений в будущем. Данный аспект представляется значимым даже для Европейского союза, характеризующегося высоким уровнем финансовой интеграции ввиду наличия единой валюты и создания Европейского центрального банка. Однако в большей степени это значимо для стран с существенно менее развитым уровнем интеграции, в том числе стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Позитивный эффект финансовой интеграции в значительной степени обусловлен усилением глобализации и цифровизации экономики, развитием финансовых технологий (финтех), что трансформирует механизм координации инструментов бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в области финансовых услуг, а также устраняет барьеры на пути трансграничных финансовых операций. Цель исследования заключается в раскрытии предпосылок и тенденций финансовой интеграции стран ЕАЭС в условиях активного развития и внедрения финтех. Возможности их использования раскрываются на примере блокчейна, больших данных, искусственного интеллекта, краудфандинга, способных содействовать оптимизации работы с клиентами, управлению активами финансовых институтов на внутреннем рынке, упрощению и повышению скорости обмена информацией между финансовыми институтами разных стран и процесса возмещения НДС, увеличение объемов инвестиционных потоков, развитию ранее не задействованных направления бизнеса, созданию коллективных проектов. Как следствие, это будет способствовать дальнейшей финансовой интеграции и укреплению взаимовыгодного сотрудничества. Данное исследование построено на синтезе методов сравнительного, структурного, экспертного и статистического анализов. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты ЕАЭС и отдельных стран альянса, отчеты и аналитические материалы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и банковских регуляторов стран ЕАЭС. Выявлено, что внедрение финтех в большинстве анализируемых стран опережает процесс формирования правового поля в данной сфере. В то же время установлено, что распространение финтех способно содействовать реализации всех мер, определенных Концепцией формирования общего финансового рынка стран ЕАЭС. Благодаря Белоруссии, Казахстану и России, являющихся более «продвинутыми» в части внедрения финтех, Армения и Киргизская Республика имеют возможность в более сжатые сроки достичь конкурентоспособного уровня в данной сфере.

Ключевые слова: ЕАЭС, финансовая интеграция, финтех, большие данные, блокчейн, краудфандинг

© Голодова Ж.Г., Гречкин Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Голодова Ж. Г., Гречкин Н. В. Развитие финансовой интеграции в условиях внедрения финансовых технологий в странах Евразийского экономического союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 166—179. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-166-179>

Developing Financial Integration with the Introduction of Financial Technologies in the Eurasian Economic Union Countries

Zhanna G. Golodova , Nazar V. Grechkin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 nazargrechkin@yandex.ru

Abstract. The global economic crisis of 2008—2009 and all subsequent crisis “waves” revealed the need to deepen regional integration processes in order to mitigate the consequences of crises and prevent future financial shocks. This aspect seems significant even for the European Union, which has already achieved a high level of financial integration due to the introduction of a single currency and the establishment of the European Central Bank. However, this problem is even more topical for countries with a significantly less developed level of integration, including the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The positive effect of financial integration is largely due to financial globalization and digitization of the economy, fintech development, which is a transformative mechanism for coordinating fiscal and monetary policy instruments in financial services, as well as removing barriers to cross-border financial transactions. The purpose of the study is to uncover the prerequisites and trends of financial integration of the EAEU countries amid rapid fintech development and application. The possibilities of its use are revealed by blockchain, Big Data, artificial intelligence, crowdfunding, which can contribute to optimizing customer service, asset management of financial institutions in the domestic market, simplify and increase the speed of information exchange between financial institutions of different countries and the VAT refund process, increase investment flows, develop previously unused business lines, create collective projects and, as a result, contribute to further financial integration and mutually beneficial cooperation. The methodology of the study is based on the synthesis of comparative, structural, expert opinions and statistical analysis methods. Regulatory legal acts of the EAEU and individual countries of the alliance, reports and analytical materials of the Eurasian Economic Commission (EEC) and central banks of the EAEU countries served as the primary sources of the research. It has been revealed that the introduction of fintech in most of the analyzed countries outpaces the formation of the legal basis. At the same time, it was found that the spread of fintech can assist the implementation of all measures outlined by the Concept of Forming a Common Financial Market of the EAEU countries. Owing to Belarus, Kazakhstan and Russia, which are more “advanced” in fintech, Armenia and Kyrgyz Republic have the opportunity to achieve a competitive level in this area in a shorter time.

Key words: EAEU, financial integration, fintech, big data, blockchain, crowdfunding

For citation: Golodova, Zh. G., & Grechkin, N. V. (2022). Developing financial integration with the introduction of financial technologies in the Eurasian Economic Union countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), C. 166—179. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-166-179>

Введение

В современных условиях существуют и формируются новые межгосударственные союзы, функционирующие с различной степенью эффективности в зависимости от характера и динамики экономических процессов. Потребность в интеграционных процессах и их периодической трансформации во многом обусловлена не только экономическими, но и политическими причинами. На постсоветском пространстве наиболее существенные качественные изменения в

интеграционных процессах произошли на фоне глобального экономического кризиса 2008—2009 гг.

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на интеграционных процессах отражаются сложные экономические условия в силу обострения глобальных проблем и активизации политического давления. Негативное воздействие оказывает и ограниченность финансовых ресурсов, вызванная как ухудшением общеэкономической ситуации, так и введением санкций в финансовой сфере в

отношении России и Белоруссии. Одним из наиболее перспективных вариантов выхода из сложившейся ситуации могло бы стать ускорение процесса создания общего финансового рынка, включающего банковский и страховой секторы, сектор рынка ценных бумаг, запланированного в соответствии с Договором о создании ЕАЭС на 2025 г.¹ В соответствии с Договором в рамках финансовой интеграции стран ЕАЭС выделены такие направления, как взаимное признание лицензий (взаимный допуск); общее платежное пространство, кибербезопасность; регулирование, надзор, сотрудничество; формирование наднационального органа. Создание общего пространства для финансовых операций и услуг призвано обеспечить взаимный допуск участников финансового рынка, защитить права инвесторов и потребителей финансовых услуг, снизить транзакционные издержки и финансовые риски. Однако политические разногласия и существенные экономические диспропорции сдерживают процесс создания общего финансового рынка.

В данном исследовании впервые рассмотрены возможности применения финансовых технологий (финтех) в целях ускорения финансовой интеграции стран ЕАЭС. Согласно определению Банка России, финтех включает в себя большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, роботизацию, облачные технологии и блокчейн².

Обзор литературы

Целый ряд исследований, опубликованных за последние несколько десятилетий, был посвящен проблеме финансовой интеграции, предусматривающей создание общих финансово-кредитных институтов, единых централизованных фондов ресурсов, межнациональной платежной системы и единых финансовых рынков, а также гармонизацию законодательства в финансовой сфере. При этом большинство авторов признают, что финансовая

интеграция обеспечивает более эффективное распределение финансовых ресурсов и облегчает доступ к капиталу, что в конечном итоге стимулирует экономический рост (Cooper, 1994; Edison et al., 2002; Gehringer, 2013).

В то же время ряд исследователей на основе проведенных расчетов обосновали тезис о том, что международная финансовая интеграция не оказывает положительного влияния на экономический рост в странах с высоким уровнем развития банковского или фондового рынка (Edison et al., 2002). Для стран с развивающимися финансовыми рынками особо подчеркивается значимость такого аспекта финансовой интеграции, как увеличение импорта финансовых услуг и усиление конкуренции (Edison et al., 2002). Причем исследования зарубежных авторов в основном были направлены на изучение процесса финансовой интеграции в ЕС или странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Klein & Olivei, 2005).

Что касается российских ученых, то в их работах, как правило, уделялось внимание изучению факторов, стимулирующих и сдерживающих процесс интеграции стран ЕАЭС, раскрытию достигнутых результатов интеграции в части развития взаимной торговли и в меньшей степени — выявлению задач в области валютно-финансовых отношений и изучению предпосылок отдельных сегментов финансовой интеграции — монетарной или интеграции фондовых рынков (Абрамова, 2016; Головин, 2010; Койбаева, 2018). В то же время практически отсутствуют работы, посвященные исследованию внедрения финансовых технологий (финтех), способных активизировать процесс финансовой интеграции.

Предпосылки и проблемы финансовой интеграции стран ЕАЭС

Финансовая интеграция значима для любого альянса стран. Исследования свидетельствуют о том, что она может способствовать росту ВВП и позитивно влиять на стабильность всей экономической системы³. Создание

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 28.10.2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962> (дата обращения: 15.11.2021).

² Развитие финансовых технологий // Банк России. URL: <https://cbr.ru/fintech/> (дата обращения: 31.11.2021).

³ Giannetti L., Guiso T., Jappelli M. Financial Market Integration, Corporate Financing and Economic Growth: Final Report (22 November 2002). European Commission

ЕАЭС стало новым этапом экономической интеграции на постсоветском пространстве, обозначившим важность углубления финансовой интеграции и создания общего финансового рынка. При этом было не только объявлено о возможных мерах, но и определены этапы развития финансовой интеграции, в частности до 2023 г. — гармонизировать порядок осуществления надзора за деятельностью участников финансового рынка, до 2025 г. — создать единый надзорный орган в банковской сфере, ввести взаимное признание лицензий и других разрешительных документов всех участников финансового рынка⁴.

Как известно, реинтеграция постсоветского пространства в рамках ЕАЭС, проводимая по образцу ЕС, на начальном этапе предполагает создание таможенного союза и формирование общего рынка, а в дальнейшем — финансовую интеграцию (Алексеев, 2019). Опыт стран ЕС показал, что финансовая интеграция — длительный процесс, являющийся одним из заключительных этапов межстранового интеграционного процесса: с 1951 г. (даты начала интеграционных процессов в рамках ЕС) до создания единого наднационального органа монетарного регулирования — Европейского центрального банка — и введения единой валюты прошло около 48 лет.

С одной стороны, странам ЕАЭС было проще реализовывать финансовую интеграцию, поскольку все государства-участницы до этого являлись членами СНГ (Головнин, 2010), в котором были ликвидированы тарифные таможенные барьеры в торговле товарами. Следует учитывать и объективные предпосылки финансовой интеграции стран ЕАЭС, среди которых основными являются схожесть структур банковских систем и финансового рынка, проявляющиеся в доминировании банковского сектора в структуре финансовых рынков (Lvova et al., 2020),

Economic Papers. No. 179 // European Commission. November, 2002. URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication1660_en.pdf (accessed: 31.11.2022). См. также: (Pagano, 1993).

⁴ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия—2025) // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/strategy-2025/Pages/default.aspx> (дата обращения: 31.11.2021).

компетенция национальных центральных банков (регулирование, контроль и надзор за деятельностью кредитных организаций, полномочия по лицензированию, не ограничивающиеся банковскими операциями) и финансово-банковского законодательства (переход на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), либерализация трансграничных операций). Это также наличие существенных трансграничных финансовых потоков в виде портфельных и прямых инвестиций, валютно-расчетных отношений (например, в 2019 г. доля стран ЕАЭС в прямых инвестициях в Армению составила 16,6 %, Белоруссию — 36,1 %, Киргизскую Республику — 10,2 %) ⁵.

С другой стороны, сохраняющиеся диспропорции развития экономики и финансового сектора, наряду с некоторыми другими противоречиями между странами, не позволили существенно продвинуться в части активизации финансовой интеграции (табл. 1). Прежде всего, это отсутствие характерной для ЕС единой финансовой политики, поскольку в странах ЕАЭС действуют единые или дифференцированные нормы, базирующиеся на национальном и наднациональном законодательстве (например, Договор о ЕАЭС, Концепция формирования общего финансового рынка, Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов в сфере финансового рынка и др.). Эти нормы предполагают перераспределение государствами ЕАЭС финансовых потоков без их мобилизации в едином бюджете альянса, нормативное распределение ввозных, специальных и компенсационных пошлин⁶.

⁵ Финансовая статистика Евразийского экономического союза: оперативные данные за 2020 г. : статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. 2021. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2020.pdf (дата обращения: 31.11.2021).

⁶ См.: Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/Pages/conception.aspx> (дата обращения: 31.11.2022); Соглашение о гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в сфере финансового рынка // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 06.11.2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564332914> (дата обращения: 31.11.2022).

Таблица 1

Показатели развития финансового сектора стран ЕАЭС в 2020 г.

Показатели	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизская Республика	Российская Федерация
Активы банковского сектора, млрд долл. США	13	35	74	4	1406
Активы страховых организаций, млн долл. США	139	1 910	3 599	66	53 102
Объем торгов на фондовом рынке, млн долл. США	173	6 771	537 207	153	752 270
Объем торгов на валютно-денежном рынке, млн долл. США	59	11 700	28 107	1 158	10 400 778
Доля депозитов физлиц в иностранной валюте, %	50,2	67,2	38,4	35,6	20,6

Источник: Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе 2019 : статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_3/finstat_3_2019.pdf (дата обращения: 31.11.2021); Финансовая статистика Евразийского экономического союза: оперативные данные за 2020 г. : статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. 2021. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2020.pdf (дата обращения: 31.11.2021).

Table 1

Indicators of Financial Sector Development of the EAEU Countries, 2020

Indicators	Armenia	Belarus	Kazakhstan	Kyrgyz Republic	Russian Federation
Banking sector assets, USD bln	13	35	74	4	1 406
Insurance company assets, USD mln	139	1 910	3 599	66	53 102
Stock market total value traded, USD mln	173	6 771	537 207	153	752 270
Currency and money market total value traded, USD mln	59	11 700	28 107	1 158	10 400 778
Share of foreign currency deposits of individuals, %	50.2	67.2	38.4	35.6	20.6

Source: Financial corporations in the Eurasian Economic Union 2019 : Statistical collection // Eurasian Economic Union. 2020. (In Russian). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_3/finstat_3_2019.pdf (accessed: 31.11.2021); Financial statistics of the Eurasian Economic Union: Operative data for 2020 : Statistical Collection // Eurasian Economic Union. 2021. (In Russian). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2020.pdf (accessed: 31.11.2021).

Некоторые важные правовые акты в финансовой сфере, одобренные Коллегией Евразийской экономической комиссии, уже подписаны, другие находятся в стадии согласования или доработки. Следует выделить:

— соглашение о допуске брокеров и дилеров одного государства — члена ЕАЭС на биржи (организаторов торговли) других государств-членов (документ проходит этап повторного внутригосударственного согласования)⁷;

⁷ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 29.09.2020 № 135 «О проекте Соглашения о допуске брокеров и дилеров одного государства — члена ЕЭС к участию в организованных торгах бирж других государств-членов» //

— соглашение о взаимном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах — членах Евразийского экономического союза (проект документа дорабатывается)⁸;

— соглашение об осуществлении аудиторской деятельности в рамках Евразийского экономического союза, предусматривающее

Альта-софт. 29.09.2020. URL: <https://www.altar.ru/tamdoc/20r00135/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁸ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 29.11.2021 № 198 «О проекте Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах — членах ЕЭС» // Альта-софт. URL: <https://www.altar.ru/tamdoc/21r00198/> (дата обращения: 20.11.2021).

взаимное признание аудиторских заключений и возможность осуществления аудиторскими компаниями аудиторской деятельности на территории стран союза (проект соглашения подписан главами государств на заседании Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2021 г.)⁹;

— соглашение о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации, предоставляющее право открытия счетов (вкладов) в иностранной валюте на территории государства — члена альянса, а также третьих стран, без ограничений и осуществлять операции по ним согласно законодательству страны, на территории которой открыт счет (вклад) (проект соглашения одобрен Советом ЕАЭС, председатель правительства РФ в декабре 2021 г. дал поручение подписать данный документ)¹⁰;

— соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках Евразийского экономического союза (соглашения подписаны в декабре 2021 г.)¹¹;

— дорожная карта по формированию единого биржевого пространства Евразийского экономического союза (утверждена Коллегией Евразийской экономической комиссии в ноябре 2020 г.)¹².

⁹ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.04.2021 № 6 «О проекте Соглашения об осуществлении аудиторской деятельности в рамках ЕЭС» // Альта-софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21s00006/> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰ Распоряжение правительства Российской Федерации от 01.01.2021 № 3409-р «О подписании Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятых мер либерализации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727294178?marker=6540IN> (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Распоряжение правительства Российской Федерации от 11.12.2020 № 3291-р «О подписании Соглашения о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках ЕЭС» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573103460> (дата обращения: 20.11.2021).

¹² Коллегия ЕЭК утвердила дорожную карту по формированию общего биржевого пространства ЕЭС // Евразийская экономическая комиссия. 06.11.2020.

Вместе с тем согласование и принятие таких важных решений, как введение стандартизированной лицензии, создание наднационального органа по регулированию финансовых рынков, взаимный допуск к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах, взаимное признание национальных рейтинговых агентств и др., намечено на период до конца 2025 г.¹³

Отсутствие тесного взаимодействия между национальными финансовыми рынками и достаточно глубокой экономической интеграции стран ЕАЭС не позволяет реализовать позитивное воздействие финансовой интеграции на экономику стран альянса (Койбаева, 2018). Для развития финансовой интеграции большую роль играет достижение монетарной интеграции. Именно такой подход был реализован в ЕС, когда на фоне введения единой валюты странам удалось исключить валютные риски внутри альянса и стабилизировать инфляцию на низком уровне. Вопрос о создании единой валюты, для которой предлагались названия «евраз» или «алтын», изначально присутствовал в проекте декларации о ЕАЭС, но по итогам его обсуждения была учтена отрицательная позиция Казахстана и, как следствие, в итоговый документ данный пункт включен не был¹⁴.

Дискуссии по этому вопросу ведутся постоянно, однако мнения политиков и экспертов разных стран различаются. Так, президент России В.В. Путин поручал правительству РФ и Центральному банку РФ до 1 сентября 2015 г. рассмотреть возможности создания валютного союза ЕАЭС¹⁵, а председатель

URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06_11_2020-2.aspx (дата обращения: 20.11.2021).

¹³ Евразийская экономическая интеграция 2020 // Евразийский банк развития. 2020. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d21/EDB_Integration_2020_2020_08_25.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁴ Единая валюта Евразийского Союза: рубль, алтын, евраз или альтернативный вариант? // Newsland. 23.05.2016. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/edinaia-valiuta-evraziiskogo-soiuza-rubl-altyn-evrazili-alternativnyi-variant/5248967> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁵ Путин поручил ЦБ и кабмину изучить возможности создания валютного союза в ЕАЭС // ТАСС.

правления Евразийского банка развития А.Ю. Бельянинов предположил, что именно российский рубль должен стать единой валютой¹⁶. Однако глава Национального банка Республики Казахстан Е.А. Досаев придерживается противоположной точки зрения и отмечает, что в рамках ЕАЭС не предполагается создания валютного союза, а Казахстан сохранит полномочия в реализации денежно-кредитной политики¹⁷. Близкую позицию озвучил и А.Г. Лукашенко, подчеркнув, что введение единой валюты ЕАЭС — вопрос не сегодняшнего дня¹⁸.

Эти препятствия могут быть устранены по мере укрепления позиций и стабилизации курса российского рубля, совершенствования управления суверенной финансовой системой РФ в целом. Однако валютной интеграции стран ЕАЭС должна предшествовать их интеграция в денежно-кредитной сфере. В этом отношении ситуация еще сложнее, поскольку только Национальный банк Казахстана независим в разработке и реализации денежно-кредитной политики (ДКП), а во всех остальных странах банковский регулятор реализует ее во взаимодействии с правительством¹⁹.

Более того, хотя все страны ЕАЭС объявили о намерении сблизить принципы и подходы к реализации ДКП, позволяющие создать равные условия в области ценовой стабильности для хозяйствующих субъектов,

10.03.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1817884> (дата обращения: 28.11.2021).

¹⁶ Евразийский банк предлагает сделать рубль единой валютой ЕАЭС // Евразийский банк развития. 05.07.2018. URL: <https://eabr.org/press/news/evraziyskiy-bank-predlagaet-sdelat-rubl-edinoy-valyutoy-eaes/> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁷ В Нацбанке Казахстана прокомментировали введение единой валюты в ЕАЭС // Regnum. 13.11.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2776179.html> (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁸ Лукашенко: введение единой валюты ЕАЭС — вопрос не сегодняшнего дня // Белта. 02.04.2015. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-vvedenie-edinoy-valjuty-v-eaes-vopros-ne-segodnjashnego-dnja-153043-2015> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁹ Стратегия денежно-кредитной политики до 2030 года // Национальный банк Казахстана. 09.03.2021. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/novosti/11059> (дата обращения: 27.11.2021).

цели ДКП и режим таргетирования в них различаются (в Белоруссии, в отличие от других государств, применяется монетарное таргетирование), а обеспечение ценовой стабильности в качестве единственной главной цели регулятора выделено в Армении, Казахстане и Киргизской Республике (в Белоруссии она определена в числе двух главных целей, а в России — только в качестве цели ДКП)²⁰. В результате сохранения различий в полномочиях банковских регуляторов тормозится процесс гармонизации банковского законодательства. Высокий уровень долларизации экономик, особенно в части депозитов физических лиц, наиболее значителен в Белоруссии (67,2 %) и Армении (50,2 %), что снижает результативность ДКП и, как следствие, сдерживает возможности управления макроэкономическими показателями (см. табл. 1).

До настоящего времени не согласовано создание единого регулятора финансового рынка (наднационального органа управления), подотчетного Высшему Евразийскому экономическому совету, и единого эмиссионного центра, предварительная договоренность о котором была ранее достигнута. Решение этих вопросов усложняется нежеланием стран альянса терять независимость в реализации денежно-кредитной политики, а также введением санкционного режима в отношении Белоруссии и России (Vulатов, 2021). Поэтому, учитывая противоречия в финансовой сфере, введения единой валюты в рамках ЕАЭС пока не планируется. Скорее, в рамках организации будет выбран вариант постепенного увеличения доли национальных валют во взаимных расчетах (Кузнецов, 2015).

Еще одной проблемной областью является функционирование общего рынка капитала, усложняемое как значительным преобладанием объемов российских инвестиций, так и нестабильностью совокупных инвестиционных потоков (за последние три года они

²⁰ Денежно-кредитная политика государств — членов ЕАЭС: текущее состояние и перспективы координации // Евразийская экономическая комиссия, Евразийский банк развития. 2017. URL: https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/757/EEC_Monetary_Policy_RUS.PDF (дата обращения: 31.11.2021).

сократились более чем в 2,2 раза)²¹. Для решения обозначенных проблем в октябре 2019 г. Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) была утверждена Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС, реализация которой должна обеспечиваться банковскими регуляторами²². После трехлетнего обсуждения в 2020 г. было подписано Соглашение о гармонизации законодательства в финансовой сфере, в котором прописаны этапы по сближению норм и требований национальных законодательств²³.

В 2020 г. в целях взаимного признания лицензий субъектов финансового сектора Центральный банк РФ был объявлен координатором разработки соглашения о стандартизированной лицензии, а казахстанский регулятор (Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка) стал координатором разработки соглашения о наднациональном органе по регулированию общего финансового рынка ЕАЭС²⁴. Проекты соглашений о стандартизированной лицензии и наднациональном органе представлены для согласования в 2021 г. и направлены на углубление экономической интеграции, повышение эффективности финансовых рынков и расширение географии привлечения финансовых средств на всей

территории альянса, в том числе реализуемого на основе финтех²⁵.

Развитие финансовых технологий и возможности их использования для активизации финансовой интеграции

В странах ЕАЭС сохраняются различия макроэкономических показателей как по уровню жизни (в России и Казахстане ВВП на душу населения в 8 раз выше, чем в Киргизской Республике), так и по соотношению государственного долга к ВВП (у Армении и Киргизской Республики соотношение государственного долга к ВВП в 5—6 раз выше по сравнению с Россией)²⁶. Эти различия создают дополнительные трудности для Союза в стремлении к дальнейшей интеграции институтов и рынков. Более того, в 2020—2021 гг. произошло значительное снижение уровня инвестиций по сравнению с 2019 г., что свидетельствует о необходимости проведения восстановительных процедур и поддержки со стороны регуляторов.

Конечно, данный процесс усложняется как экономическими, так и политическими факторами. К экономическим факторам можно отнести нестабильность экономик и различную направленность их преобразований, недостаточный уровень развития финансовых систем, а также наличие различий и барьеров на финансовых рынках (Izotov, Meshkova & Terlov, 2020). Сохраняется также неоднозначность позиций регуляторов и их неготовность учитывать новые возможности блокчейна, искусственного интеллекта, криптовалют и больших данных. Так, в Белоруссии, Казахстане и России отмечена результативность их использования для оптимизации процесса возмещения НДС и работы с

²¹ Инвестиции в основной капитал // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/investments.aspx (дата обращения: 31.11.2021).

²² О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Решение ВЕЭС № 20 от 1 октября 2019 г. // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/Documents/Концепция%20ОФР.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

²³ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 27 «О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств — членов ЕЭС в сфере финансового рынка» // Альта-софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20s00027/> (дата обращения: 29.11.2021).

²⁴ План гармонизации законодательства стран ЕАЭС в финансовой сфере будет рассмотрен до конца года // Евразийская экономическая комиссия. 24.07.2020. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24.07.2020-2.aspx> (дата обращения: 31.11.2021).

²⁵ Формирование общего финансового рынка ЕАЭС — приоритет интеграционного взаимодействия // Альта-софт. 01.02.2021. URL: https://www.alt.ru/ts_news/79124/ (дата обращения: 31.11.2021).

²⁶ Финансовая статистика Евразийского экономического союза: оперативные данные за 2020 г. : статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. 2021. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2020.pdf (дата обращения: 31.11.2021).

клиентами финансовых институтов, при оценке кредитоспособности заемщиков, управлении активами финансовых институтов, в страховой сфере, для обмена информацией (в этих странах приняты нормативно-правовые акты в сфере цифровой экономики)²⁷. Внедрение финтех, которое уже используется в Белоруссии, Казахстане и России, охватывает все направления, определенные ЕЭК в качестве необходимых предпосылок создания общего финансового рынка:

— блокчейн — осуществление межбанковских расчетов вместо SWIFT и расчетов по аккредитиву, а также кредитование под залог, идентификация клиентов;

— большие данные и цифровые валюты — осуществление допуска брокеров и дилеров на рынки стран ЕАЭС, создание единой кредитной площадки, обмен информацией в составе кредитных историй, возможность получения кредитов на территории всего альянса;

— краудфандинг — развитие рынка ценных бумаг и осуществление публичных инвестиций на рынках других стран посредством Интернета;

— цифровая валюта — развитие безналичных расчетов в форме дистанционных платежей и расчетов онлайн, а также в офлайн-режиме при отсутствии доступа к Интернету²⁸.

²⁷ Цифровая повестка ЕАЭС 2016—2019—2025 // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaeu.pdf (дата обращения: 31.11.2021).

²⁸ Руслан Бекетаев: «Цифровые валюты центральных банков могут стать эффективным инструментом для ускоренного проведения трансграничных платежей» // Евразийская экономическая комиссия. 17.09.2021. URL: [https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-beketaev-%C2%ABtsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-mogut-stat-effektivnym-instrumentom-dlya-uskorenogo-provedeniya-transgranichnyh-platezhej%2%BB/#:~:text=%E2%80%93%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B%D0%B0%D0%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B1%D0%B0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%83%D1%82,%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0%D1%85%](https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-beketaev-%C2%ABtsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-mogut-stat-effektivnym-instrumentom-dlya-uskorenogo-provedeniya-transgranichnyh-platezhej%2%BB/#:~:text=%E2%80%93%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B%D0%B0%D0%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B1%D0%B0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%83%D1%82,%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0%D1%85%20%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B0%20%BB)

Более того, в Белоруссии и Казахстане разрешена и сформирована правовая база для операции с криптовалютами²⁹. В то же время в Армении при отсутствии правовой базы некоторые стартапы работают в сфере криптовалют, а в Киргизской Республике еще только изучаются возможности их внедрения³⁰.

В России законом «О финансовых цифровых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу в 2020 г., с одной стороны, урегулировано применение криптовалют, а с другой — запрещено их использование в качестве средства платежа³¹. Так, в начале 2022 г. Банком России были проведены первые переводы в цифровых рублях (в испытаниях приняли участие ВТБ и Промсвязьбанк)³². Банковским регулятором Казахстана объявлено о подведении результатов тестирования цифрового тенге в июле 2022 г., тогда как регуляторы остальных стран ЕАЭС пока только изучают возможности введения цифровой валюты³³.

Современный финансовый сектор, обладающий высоким потенциалом интеграции, развивается на фоне ускорения цифровизации, кардинальным образом меняющей традиционные модели экономики (Еременко, 2021; Ямпольская, Алиева, 2020; Abramova &

20%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B0%20%BB. (дата обращения: 31.11.2021).

²⁹ Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств — членов ЕАЭС, перспективы для применения в ЕЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/704/Doklad.pdf> (дата обращения: 31.11.2021).

³⁰ Там же.

³¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» от 31 июля 2020 года № 259 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 03.12.2021).

³² Цифровой рубль: старт тестирования // Банк России. 15.02.2022. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12685> (дата обращения: 15.02.2022).

³³ Опубликован доклад о результатах пилота по цифровому тенге // Капитал: Центр деловой информации. 15.12.2021. URL: <https://kapital.kz/finance/101214/opublikovan-doklad-o-rezul-tatakh-pilota-po-tsifrovomu-tenge.html> (дата обращения: 31.11.2021).

Thorne, 2021). Финтех, модифицируя традиционные финансовые рынки, предоставляет значительные возможности для расширения доступа к финансовым услугам. Технологии и новые источники данных упрощают, удешевляют и ускоряют доступ к экономическим процессам не только в странах с развитой рыночной экономикой, но и в развивающихся странах (Seidl da Fonseca & Pinheiro-Veloso, 2018).

Финтех позволяет сгладить возможные негативные последствия финансовой интеграции ЕС (помимо потери макроэкономической стабильности), проявившиеся в следующем: сложности доступа менее развитых стран к источникам финансирования, непропорциональном внутреннем распределении финансовых потоков, высокой вероятности изменения потоков капитала, а также рисках проникновения иностранных банков (Agénor, 2003; Edison et al., 2002).

Кроме того, финтех способствует появлению новых способов финансирования и повышению доступности финансовых услуг (Lee & Shin, 2018). Одним из подобных альтернативных способов финансирования является краудфандинг, осуществляемый посредством интернет-площадок или социальных сетей (Vismara, 2016) и доступный для лиц, в кредитовании которых из-за отсутствия кредитной истории или кредитного обеспечения не заинтересованы банки, или неспособных получить финансирование на коммерческих условиях (Cordova, Dolci & Gianfrate, 2015). На основе краудфандинга можно осуществлять финансовую поддержку не только коммерческим проектам, но и социальным предприятиям, проектам в сфере здравоохранения, образования, культуры, искусства, у которых есть свои «стейкхолдеры».

В частности, представляется целесообразным создание общей кредитной платформы, позволяющей благодаря обмену сведениями из кредитных историй привлекать финансирование на территории любой страны альянса. «Пилотным» проектом такой платформы может стать краудфандинговая платформа стран ЕАЭС, на которой будут предусмотрены три группы проектов — на основе кредитования, пожертвований и вознаграждений. Экспертизу (оценку благонадежности) предлагаемых проектов на основе вознаграждений

могут проводить национальные фонды поддержки предпринимательства, а оценку кредитоспособности заемщиков кредитных проектов — национальные банки, предоставляющие сведения Консультативному комитету по финансовым рынкам ЕЭК. Функционирование такой платформы позволит направить ресурсы именно в те сегменты рынка, которые пока непривлекательны для традиционного финансирования, но которые имеют существенное социально-экономическое значение для ЕАЭС.

Юридические лица, не являющиеся финансовыми институтами, и физические лица, будучи уверенными в безопасности своих вложений, получают возможность финансово участвовать в реализации заинтересовавшего их проекта в любой стране союза. Цифровизация определенных сфер предпринимательской деятельности в странах ЕАЭС позволяет обеспечить прозрачность хода реализации проектов финансовой интеграции, а следовательно, и большую их привлекательность, которые могут быть реализованы только в условиях полного доверия и юридического оформления общих целей и интересов участников инвестирования.

Использование более «продвинутого» опыта с точки зрения внедрения финтеха и обеспечения его безопасности в Белоруссии и России позволит Армении, Казахстану и Киргизской Республике ускорить процесс внедрения новых инновационных инструментов и услуг (Ратушняк, Гречков, 2020), а также избежать ошибок и проблем, прежде всего в части качества регулирования информационно-коммуникационных услуг и Интернета, низкой квалификации кадров (табл. 2).

В то же время у отдельных стран возникают как дополнительные возможности развития, так и проблемы, способные дестабилизировать ситуацию. Известно, что потоки инвестиций выгодны как странам — экспортерам инвестиций (Казахстану, России), так и странам — реципиентам ресурсов (Армении, Белоруссии и Киргизской Республике) (Heifetz, 2016; Kostyunina, 2021). Конечно, инвестиции не являются единственным фактором, стимулирующим развитие финтеха, но они характеризуют активность его внедрения. Ведь из-за отсутствия финансирования не

могут реализоваться многие стартапы, прежде всего в Армении, Белоруссии и Киргизской Республике, где запрашиваются менее значительные по объему средства по сравнению с проектами в России и Казахстане. В то же время за счет более низкой стоимости ресурсов в Армении и России реципиенты инвестиций в Белоруссии, Казахстане и Киргизской Республике могут, стремясь привлечь как можно больше средств, превратить допустимое соотношение между собственным и заемным капиталом.

Таблица 2

Индекс Финтеха по странам ЕАЭС за 2021 г.

Страна	Рейтинг	Изменение позиции по сравнению с 2020 г.
Армения	242	Впервые включена в Индекс
Белоруссия	74	-15
Казахстан	218	Впервые включена в Индекс
Киргизская Республика	нет данных	Нет данных
Россия	19	+13

Источник: Global Fintech Rankings Report Bridging the Gap // Colombia Fintech. January 6, 2021. URL: <https://colombiafintech.co/lineaDeTiempo/articulo/global-fintech-rankings-report-bridging-the-gap-2021> (accessed: 16.11.2021).

Table 2

FinTech Index for the EAEU countries for 2021

Country	Rating	Change in FinTech Index
Armenia	242	First inclusion
Belarus	74	-15
Kazakhstan	218	First inclusion
Kyrgyz Republic	n/a	n/a
Russia	19	+13

Source: Global Fintech Rankings Report Bridging the Gap // Colombia Fintech. January 6, 2021. URL: <https://colombiafintech.co/lineaDeTiempo/articulo/global-fintech-rankings-report-bridging-the-gap-2021> (accessed: 16.11.2021).

Опираясь на исследование, проведенное консалтинговой компанией Ernst&Young, в годовом отчете которой представлен анализ ситуации на мировом пространстве финтеха, следует признать, что его развитие невозможно без активной поддержки правительств и органов финансового регулирования стран ЕАЭС, проводящих политику расширения доступа к финансовым услугам и создающих для этого правовую основу³⁴. Именно

³⁴ UK FinTech on the Cutting Edge: An Evaluation of the International FinTech Sector: Executive Summary — Abridged Report // Ernst&Young. 2016. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/>

поэтому важным является ускорение процесса создания наднационального органа, а также активизация обмена информацией об инновациях в сфере финтеха на рынке каждой страны союза, а также проблемах и тенденциях развития механизма регулирования.

Для активизации финансовой интеграции странам ЕАЭС необходимо более оперативно создавать условия для внедрения новых технологий, общих финансовых платформ и цифровой валюты, поскольку в случае их отсутствия потенциальные инвесторы и реципиенты инвестиций будут вынуждены использовать данные инструменты в других юрисдикциях (Абрамова, 2016; Винокуров, Демиденко, Коршунов, 2017). Как справедливо отмечено в докладе Евразийского Банка Развития, интеграция финансовой инфраструктуры позволяет снизить издержки, улучшить управляемость рисками, а также способствовать наращиванию объемов торговли и расширению региональных рынков капитала³⁵.

В странах ЕАЭС имеется понимание необходимости активизации цифровой трансформации на наднациональном уровне. В частности, К.А. Минасян, министр по внутренним рынкам, информатизации и информационно-коммуникационным технологиям Евразийской экономической комиссии, отметила, что цифровая трансформация становится важнейшим фактором конкурентоспособности и признала важность «формирования современной евразийской финансовой инфраструктуры, евразийских цифровых и финансовых платежных платформ, цифровых финансовых инструментов»³⁶.

Позитивные последствия в еще большей степени могут проявиться после завершения периода тестирования цифрового рубля,

[system/uploads/attachment_data/file/502996/UK_FinTech - On the cutting edge - Exec Summary.pdf](https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/502996/UK_FinTech_-_On_the_cutting_edge_-_Exec_Summary.pdf) (accessed: 31.11.2021).

³⁵ Евразийская экономическая интеграция 2020 // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d21/EDB_Integration_2020_2020_08_25.pdf (дата обращения: 31.11.2021).

³⁶ В ЕЭС считают возможным создание евразийской криптовалюты // Белта. 12.02.2018. URL: <https://www.belta.by/economics/view/v-eek-schitajut-vozmozhnym-sozdanie-evrazijskoj-kriptovaljuty-289176-2018> (дата обращения: 31.11.2021).

позволяющего не только создавать платформу для формирования инфраструктуры электронного оборота финансовых инструментов стран ЕАЭС, но и способствовать внедрению технологий блокчейна для вовлечения финансовых посредников всех стран — участников союза. Большую помощь в углублении финансовой интеграции может оказать и создание Ассоциации финтех-компаний стран ЕАЭС, включающей инвесторов, банковские учреждения, венчурные компании, стартапы, предпринимателей, политиков, экспертов, представителей компаний ИКТ-сектора и др.

Заключение

В последние годы в интеграции стран ЕАЭС сохраняются политические и экономические проблемы и противоречия, периодически возникает напряженность в двусторонних отношениях стран альянса. Добавляются и новые риски, связанные с закрытием государственных границ и сокращением взаимной торговли из-за пандемии COVID-19. Как следствие, увеличивается угроза глобального финансового кризиса, волатильности курсов национальных валют и нарастания

инфляционного давления, что приводит к замедлению процесса финансовой интеграции.

Кроме того, модель финансовой интеграции, признаваемая успешно реализованной в ЕС, не подходит странам ЕАЭС, которые не готовы к ограничению национального суверенитета в политической и экономической сферах ради активизации интеграционных процессов во всех сегментах экономики.

Медленное продвижение работы по гармонизации законодательства в финансовой сфере обуславливает необходимость развития финансовых механизмов и инструментов, способных активизировать предпринимательскую деятельность, расширить источники финансирования субъектов экономики и минимизировать финансовые риски. И в этом большую помощь может оказать внедрение финансовых технологий, которые не только модифицируют традиционные финансовые рынки, но и предложат дополнительные возможности развития альтернативного финансирования. Однако для того чтобы раскрыть весь потенциал новых инвестиционных направлений и возможностей, странам ЕАЭС необходимо объединить усилия и создать крепкий механизм и гибкую систему взаимоотношений между финтех-организациями, площадками и бизнесом.

Поступила в редакцию / Received: 18.11.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 11.12.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Абрамова М. А.* Перспективы развития монетарной интеграции в рамках ЕАЭС // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 21 апреля 2015 г.) / под ред. Л. Н. Красвиной. Москва : Финансовый университет, 2016. С. 84—87.
- Алексеев П. В.* Тенденции и перспективы формирования общего финансового рынка государств — членов ЕАЭС // Экономические науки. 2019. № 170. С. 109—113. <https://doi.org/10.14451/1.170.109>
- Винокуров Е. Ю., Демиденко М. В., Коршунов Д. А.* Потенциальные выгоды и издержки валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 75—96. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-75-96>
- Головин М. Ю.* Взаимодействие финансовых систем СНГ. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
- Еременко М. Ю.* Цифровизация как драйвер экономической интеграции стран Евразийского экономического союза // Вестник университета. 2021. № 3. С. 32—37. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-32-37>
- Койбаева М. Х.* О проблемах финансовой интеграции в рамках ЕАЭС // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 7, № 12. С. 38—41.
- Кузнецов В. С.* Валютный союз — будущее ЕАЭС // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 171—179. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-171-179>
- Ратушняк Е. С., Гречков В. Ю.* Ограничения и возможности реализации цифровой повестки евразийского экономического союза на текущем этапе // Отходы и ресурсы. 2020. Т. 7, № 1. <https://doi.org/10.15862/15INOR120>
- Ямпольская Д. О., Алиева К. А.* Развитие рынка ЕАЭС на примере продукции электронной промышленности // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 12. С. 33—52. <https://doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10120>

- Abramova A. V., Thorne E. Digital Economy Developments within the EAEU // *The Economic Dimension of Eurasian Integration* / ed. by N. A. Piskulova. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 161—174. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_8
- Agénor P.-R. Benefits and Costs of International Financial Integration: Theory and Facts // *The World Economy*. 2003. Vol. 26, no. 8. P. 1089—1118. <https://doi.org/10.1111/1467-9701.00564>
- Bulatov A. S. Russia in the EAEU // *The Economic Dimension of Eurasian Integration* / ed. by N. A. Piskulova. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 227—234. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_12
- Cooper R. N. Reviewed Work: Western Hemisphere Economic Integration by Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73, no. 6. P. 160. <https://doi.org/10.2307/20046948>
- Cordova A., Dolci J., Gianfrate G. The Determinants of Crowdfunding Success: Evidence from Technology Projects // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 181. May 11. P. 115—124. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.872>
- Edison H. J., Levine R., Ricci L., Sløk T. International Financial Integration and Economic Growth // *Journal of International Money and Finance*. 2002. Vol. 21, iss. 6. P. 749—776. [https://doi.org/10.1016/S0261-5606\(02\)00021-9](https://doi.org/10.1016/S0261-5606(02)00021-9)
- Gehring A. Growth, Productivity and Capital Accumulation: The Effects of Financial Liberalization in the Case of European Integration // *International Review of Economics & Finance*. 2013. Vol. 25, January. P. 291—309. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2012.07.015>
- Heifetz B. A. On the Eurasian Economic Union's Free Investment Zone // *Problems of Economic Transition*. 2016. Vol. 58, iss. 4. P. 328—347. <https://doi.org/10.1080/10611991.2016.1222801>
- Izotov V., Meshkova T., Teplov A. Creating a Common EAEU Financial Market: Opportunities and Limitations from the Perspective of Russia's National Interests // *International Organisations Research Journal*. 2020. Vol. 15, no. 3. P. 129—152. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-05>
- Klein M. W., Olivei G. P. Capital Account Liberalization, Financial Depth, and Economic Growth // *Journal of International Money and Finance*. 2005. Vol. 27, iss. 6. P. 861—875. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2008.05.002>
- Kostyunina G. M. Foreign Direct Investments in the EAEU // *The Economic Dimension of Eurasian Integration* / ed. by N. A. Piskulova. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 67—91. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_3
- Lee I., Shin Y. J. Fintech: Ecosystem, Business Models, Investment Decisions, and Challenges // *Business Horizons*. 2018. Vol. 61, iss. 1. P. 35—46. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2017.09.003>
- Lvova N., Voronova N., Darushin I., Rakhimov Z. The EAEU Common Financial Market: What are the Prospects of Sustainable Development? // *International Conference on Economics, Management and Technologies*. Dordrecht : Atlantis Press, 2020. P. 134—140. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200509.025>
- Pagano M. Financial Markets and Growth: An Overview // *European Economic Review*. 1993. Vol. 37, iss. 2—3. P. 613—622. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(93\)90051-B](https://doi.org/10.1016/0014-2921(93)90051-B)
- Seidl da Fonseca R., Pinheiro-Veloso A. The Practice and Future of Financing Science, Technology, and Innovation // *Foresight and STI Governance*. 2018. Vol. 12, no. 2. P. 6—22. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.6.22>
- Vismara S. Equity Retention and Social Network Theory in Equity Crowdfunding // *Small Business Economics*. 2016. Vol. 46. P. 579—590. <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9710-4>

References

- Abramova, A. V., & Thorne, E. (2021). Digital economy developments within the EAEU. In N. A. Piskulova (Ed.), *The Economic dimension of Eurasian integration* (pp. 161—174). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_8
- Abramova, M. A. (2016). Prospects for the development of monetary integration within the EAEU. In L. N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges: Collection of articles on materials of International scientific-practical Conference (Moscow, April 21, 2015)* (pp. 84—87). Moscow: Finansovyi universitet publ. (In Russian).
- Agénor, P.-R. (2003). Benefits and costs of international financial integration: Theory and facts. *The World Economy*, 26(8), 1089—1118. <https://doi.org/10.1111/1467-9701.00564>
- Alekseev, P. V. (2019). Trends and perspectives for the formation of a single financial market of the EAEU member states. *Economic Sciences*, (170), 109—113. (In Russian). <https://doi.org/10.14451/1.170.109>
- Bulatov, A. S. (2021). Russia in the EAEU. In N. A. Piskulova (Ed.), *The economic dimension of Eurasian integration* (pp. 227—234). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_12
- Cooper, R. N. (1994). Reviewed work: Western hemisphere economic integration by Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott. *Foreign Affairs*, 73(6), 160. <https://doi.org/10.2307/20046948>

- Cordova, A., Dolci, J., & Gianfrate, G. (2015). The determinants of crowdfunding success: Evidence from technology projects. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 181(May 11), 115—124. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.872>
- Edison, H. J., Levine, R., Ricci, L., & Sløk, T. (2002). International financial integration and economic growth. *Journal of International Money and Finance*, 21(6), 749—776. [https://doi.org/10.1016/S0261-5606\(02\)00021-9](https://doi.org/10.1016/S0261-5606(02)00021-9)
- Eremenko, M. Yu. (2021). Digitalization as a driver of economic integration of the countries of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Universiteta*, (3), 32—37. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-32-37>
- Gehring, A. (2013). Growth, productivity and capital accumulation: The effects of financial liberalization in the case of European integration. *International Review of Economics & Finance*, 25(January), 291—309. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2012.07.015>
- Golovnin, M. Yu. (Ed.). (2010). *Interaction of financial systems of the CIS countries*. Saint-Petersburg: Aleteya publ. (In Russian).
- Heifetz, B. A. (2016). On the Eurasian Economic Union's free investment zone. *Problems of Economic Transition*, 58(4), 328—347. <https://doi.org/10.1080/10611991.2016.1222801>
- Izotov, V., Meshkova, T., & Teplov, A. (2020). Creating a common EAEU financial market: Opportunities and limitations from the perspective of Russia's national interests. *International Organisations Research Journal*, 15(3), 129—152. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-05>
- Klein, M. W., & Olivei, G. P. (2005). Capital account liberalization, financial depth, and economic growth. *Journal of International Money and Finance*, 27(6), 861—875. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2008.05.002>
- Kostyunina, G. M. (2021). Foreign direct investments in the EAEU. In N. A. Piskulova (Ed.), *The economic dimension of Eurasian integration* (pp. 67—91). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59886-0_3
- Koybaeva, M. Kh. (2018). On the problems of financial integration within the EAEU. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 7(12), 38—41. (In Russian).
- Kuznetsov, V. S. (2015). Monetary union is the future of EAEU. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 171—179. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-171-179>
- Lee, I., & Shin, Y. J. (2018). Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. *Business Horizons*, 61(1), 35—46. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2017.09.003>
- Lvova, N., Voronova, N., Darushin, I., & Rakhimov, Z. (2020). The EAEU common financial market: What are the prospects of sustainable development? In *International Conference on Economics, Management and Technologies* (pp. 134—140). Dordrecht: Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200509.025>
- Pagano, M. (1993). Financial markets and growth: An overview. *European Economic Review*, 37(2—3), 613—622. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(93\)90051-B](https://doi.org/10.1016/0014-2921(93)90051-B)
- Ratushnyak, E. S., & Grechkin, V. Yu. (2020). Limitations and opportunities of digital agenda implementation in the Eurasian Economic Union at the present stage. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*, 7(1). (In Russian). <https://doi.org/10.15862/15INOR120>
- Seidl da Fonseca, R., & Pinheiro-Veloso, A. (2018). The practice and future of financing science, technology, and innovation. *Foresight and STI Governance*, 12(2), 6—22. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.6.22>
- Vinokurov, E., Demidenko, M., & Korshunov, D. (2017). Potential costs and benefits of monetary integration in the Eurasian Economic Union. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 75—96. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-75-96>
- Vismara, S. (2016). Equity retention and social network theory in equity crowdfunding. *Small Business Economics*, 46, 579—590. <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9710-4>
- Yampolskaya, D. O., & Alieva, K. A. (2020). EAEU single market: Case of electronics industry. *Russian Foreign Economic Journal*, (12), 33—52. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10120>

Сведения об авторах: Голодова Жанна Гавриловна — доктор экономических наук, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-1412-7761; e-mail: golodova-zhg@rudn.ru

Гrechkin Назар Васильевич — аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7996-9284; e-mail: nazargrechkin@yandex.ru

About the authors: Golodova Zhanna Gavriilovna — PhD, Dr. of Sc. (Economics), Professor, Department of National Economy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-1412-7761; e-mail: golodova-zhg@rudn.ru

Grechkin Nazar Vasilevich — PhD Student, Department of National Economy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-7996-9284; e-mail: nazargrechkin@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196

Научная статья / Research article

Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству

Е.М. Савичева¹ , А.М. Бребдани¹ , И.В. Рыжов²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

savicheva-em@rudn.ru

Аннотация. Ближний Восток в целом и субрегион Персидского залива в частности приобретают все большее стратегическое значение для Китая. Субрегион не только богат природными ресурсами, прежде всего энергетическими, и в значительной степени обеспечивает ими динамично развивающуюся китайскую экономику, но и открывает доступ к основным мировым морским и сухопутным путям, а также африканским и европейским рынкам. Цель исследования состоит в выявлении особенностей взаимодействия Китая со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в сфере энергетики, торговли и инвестиций в условиях растущей экономической взаимозависимости, выводящей отношения Пекина с арабскими странами субрегиона на уровень стратегического партнерства. Таким образом, отношения Китая с этой группой государств выходят за рамки сугубо экономических интересов и затрагивают стратегические интересы Пекина, активно продвигающего свою масштабную инициативу «Один пояс, один путь», что предполагает активизацию политики КНР на ближневосточном направлении. Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход. Авторы придерживаются парадигмы неореализма, в том числе теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. Полезными оказались положения теории «властного транзита», которые приблизили к пониманию роли и места Китая, превращающегося в сверхдержаву в мировой политике. В основе исследования лежат и такие методы исторической науки, как проблемно-хронологический, историко-генетический, системно-структурный, сравнительно-сопоставительный. Сбор и обработка значительного пласта статистических данных дают возможность сделать вывод о появлении новых влиятельных акторов в Ближневосточном регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, КНР, ССАГПЗ, энергетическая безопасность, Один пояс, один путь, стратегическое партнерство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 на тему «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

© Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180—196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>

China and Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnerships

Elena M. Savicheva¹ , Ammar M. Brebdane¹ , Igor V. Ryzhov²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 savicheva-em@rudn.ru

Abstract. The Middle East in general and the Persian Gulf sub-region in particular are becoming increasingly strategic for China. The sub-region is not only rich in natural resources, primarily energy, and to a large extent provides them to the dynamically developing Chinese economy, but also opens up access to main global maritime and land routes, as well as African and European markets. The study focuses on China's interaction with the Gulf Cooperation Council (GCC) countries in the field of energy, trade, and investment in the context of growing economic interdependence that elevates Beijing's relations with the Arab countries of the sub-region to the level of strategic partnership. Thus, China's relations with this group of states go beyond purely economic interests and affect the strategic interests of Beijing, such as active promotion of the large-scale "Belt and Road Initiative," which implies the intensification of China's policy in the Middle East. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach. The authors adhere to the neorealism, particularly the theory of the balance of power and regional security complexes, the principle according to which the foreign policy of a state is heavily dictated by the logic of the international system and the distribution of power among states. The power transit theory allows us to understand better the current role of China becoming a superpower in world politics. The research also applies such methods of historical science as chronological, genetic, systemic-structural, and comparative methods. The collection and processing of a significant layer of statistical data makes it possible to highlight the emergence of new powerful political actors in the Middle East.

Key words: Middle East, China, Gulf Cooperation Council, energy security, Belt and Road Initiative, BRI, strategic partnership

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project number 20-014-00039 "Models and Risks of Cooperation in the Middle East region in the First Quarter of the XXI Century."

For citation: Savicheva, E. M., Brebdane, A. M., & Ryzhov, I. V. (2022). China and Gulf Cooperation Council countries: From economic deals to strategic partnerships. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 180—196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>

Введение

В российской историографии пока не так много работ, в которых бы исследовались различные стороны сотрудничества КНР с арабскими странами Персидского залива, достигшего в ряде случаев уровня стратегического партнерства. Следует выделить труд известной российской арабистки Е.С. Мелкумян, в котором особое внимание уделяется периоду, когда и в Китае, и в Омане «были приняты перспективные планы развития, реализация которых стала стимулом для дальнейшего расширения оmano-китайских

связей» (Мелкумян, 2020, с. 46). Такие авторы, как Т.Л. Дейч (2018), Е.И. Сафронова (2018), М.Ф. Ильминская (2015), Ж.В. Петрунина (2016) в своих исследованиях подчеркивают стратегическую важность для Китая поставок ресурсов из Ближневосточного региона. Е.Н. Грачиков (2019) анализирует особенности стратегии партнерских отношений КНР.

Из англоязычной литературы отметим, прежде всего, работы китайских экспертов, среди которых С. Ву (Wu, 2015), оценивающий роль инициативы «Один пояс, один

путь» в продвижении сотрудничества между Китаем и арабскими странами Залива, а также М. Чен (Chen, 2011), Ж. Ли (Liu, 2016). Интерес также представляли и труды, посвященные экономической дипломатии Китая (Sun & Zoubir, 2015).

Дж. Фултон, один из ярких представителей западной историографии, утверждает, что как экономические, так и внутривосточные потребности арабских стран Залива предопределили мощную поддержку с их стороны инициативы «Один пояс, один путь». Однако при этом ее реализация может привести к обострению ситуации в субрегионе и появлению напряженности либо между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и их конкурентами на Ближнем Востоке, либо между значимыми внерегиональными игроками¹.

Т. Ниблок, профессор Института арабских и исламских исследований Эксетерского университета, в своей работе отмечает, что страны Залива и Китай, в первую очередь, пошли на экономическое сближение, но они также перешли на уровень более тесного политического партнерства, стратегическое значение которого с течением времени будет только возрастать (Niblock, 2017). Дж. Гарлик и Р. Хавлова (Garlick & Havlova, 2020) представляют исследование подходов Китая к защите и расширению своих интересов в Персидском заливе в свете ирано-саудовского соперничества.

В последнее десятилетие КНР становится все более влиятельным актором в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Хотя до недавнего времени эта держава считалась здесь «новичком» и китайские подходы к ближневосточным политическим вызовам и проблемам безопасности отличала традиционная осторожность, тем не менее Китай по мере расширения своего

экономического присутствия в этом важном регионе неуклонно укрепляет многоплановое взаимодействие с арабскими странами.

Отношения Пекина со странами БВСА основываются прежде всего на глобальном спросе Китая на добываемые в регионе энергоносители, а также знаменитой китайской инициативе «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI), о запуске которой было широко объявлено в 2013 г. С 2015 г. Китай считается крупнейшим мировым покупателем сырой нефти², при этом более половины импорта «черного золота» поступает именно с Ближнего Востока. Кроме того, Ближний Восток, будучи стратегически важным логистическим перекрестком, расположенным на стыке Азии, Европы и Африки, приобретает особую значимость в контексте нацеленного в будущее масштабного проекта «Один пояс, один путь», который призван сделать Китай ключевым игроком в сфере торгово-экономических коммуникаций. За пределами Азиатско-Тихоокеанского региона Ближний Восток благодаря богатым углеводородным ресурсам и геостратегическому положению может рассматриваться в качестве важнейшего для Пекина региона³.

В настоящее время «центр тяжести» политики Китая в Ближневосточном регионе заметно смещен в сторону Персидского залива в силу доминирующего положения, которое государства Залива занимают на мировых нефтегазовых рынках. Хотя китайская инициатива «Один пояс, один путь» пока не получила широкой реализации в арабских монархиях Залива, за исключением Омана, тем не менее страны — члены ССАГПЗ не скрывают своей заинтересованности в привлечении крупных китайских девелоперов, особенно в отраслях инфраструктуры и энергетики, что

¹ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

² China has Become the World's Biggest Crude Oil Importer for the First Time // Time. May 11, 2015. URL: <https://time.com/3853451/china-crude-oil-top-importer/> (accessed: 27.11.2021).

³ Scobell A., Nader A. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf (accessed: 27.11.2021).

означало бы их приобщение к вышеупомянутой инициативе Пекина⁴. Представляется, что на практике характер связей между Китаем и государствами Персидского залива постепенно трансформируется, вырастая из формата двусторонних сделок (порой очень крупных, но не всегда выстроенных системно) до уровня стратегических отношений (Vazoobandi, 2020). С учетом важности региона политика Пекина становится все более амбициозной и изощренной с точки зрения экономических и дипломатических подходов и, в меньшей степени, вопросов безопасности⁵.

С момента публикации двух «Белых книг» («Прекрасные перспективы и практические шаги по совместному созданию экономического Шелкового пояса и морского Шелкового пути XXI века» 2015 г. и «О политике Китая в отношении арабских государств» 2016 г.) отношения между Китаем и странами Персидского залива приобрели более четкие очертания. Указанные публикации, в сущности, не содержат специальной конкретики именно в отношении Ближнего Востока, однако там сформулированы ключевые направления развития сотрудничества КНР с зарубежными странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а именно: политическая координация, инфраструктурная взаимосвязанность, беспрепятственный товарообмен, свободное движение капитала, сближение между народами⁶.

⁴ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

⁵ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's Great Game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

⁶ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века // Госкомитет по делам развития и реформ. Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. 28.03.2015. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/>

Такой подход находился в полном соответствии с официально декларированными схемами сотрудничества между Китаем и странами ССАГПЗ. Так, в политическом документе, увидевшем свет в 2016 г. под эгидой МИД КНР, была презентована схематическая модель сотрудничества «1 + 2 + 3» (рис. 1), согласно которой Китай и арабские страны будут концентрировать усилия на совместных проектах в энергетике, торговле и инвестициях, инфраструктуре, а дополнительным подспорьем тесного взаимодействия послужат три сферы, в которых активно внедряются высокие технологии и инновации — ядерная энергетика, альтернативные источники энергии и космос⁷.

В документе также упоминаются предполагаемые перспективные сферы сотрудничества, среди которых подготовка специалистов, обмен развединформацией, оборона и борьба с терроризмом, что нашло свое подтверждение в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина в штаб-квартире ЛАГ (Каир, 21 января 2016 г.). По словам китайского лидера, Пекин в арабском мире не нацелен на поиск единичного привилегированного партнера или отдельной сферы сотрудничества, не стремится к «заполнению вакуума» сугубо для собственной выгоды — напротив, он хотел бы содействовать делу мира и одновременно обрести широкий круг друзей и партнеров, желающих примкнуть к китайской инициативе «Один пояс, один путь» на взаимовыгодной основе и ради достижения высоких результатов⁸.

[zxxx/201504/t20150415_766831.html](https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml) (дата обращения: 27.11.2021).

⁷ China's Arab Policy Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 13, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (accessed: 27.11.2021).

⁸ Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations: Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the Arab League Headquarters, Cairo, 21 January 2016 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1335484.shtml (accessed: 27.11.2021).

Рис. 1. Схематическая модель сотрудничества «1 + 2 + 3»

Источник: China's Arab Policy Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 13, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1331683.shtml (accessed: 27.11.2021).

Взаимодействие в энергетической сфере

С 1993 г. Китай стал нетто-импортером сырой нефти, а в 2015 г. обошел Соединенные Штаты как крупнейший импортер. Согласно статистическим данным, опубликованным Управлением энергетической информации США (Energy Information Administration — EIA), 67,3 % потребляемой нефти в Китае в 2019 г. приходилось на импорт⁹. По имеющимся экспертным оценкам, две трети годового прироста потребления нефти в мире в указанном году произошло за счет Китая: тогда ежедневно расходовалось приблизительно 14,5 млн барр. нефти и нефтепродуктов, что на 500 000 барр./день (то есть почти на 4 %) больше, чем в предыдущем 2018 г.¹⁰ (рис. 2). Интенсивный рост китайской экономики под-

разумеет резкое или даже опережающее увеличение энергетических затрат, что, соответственно, обуславливает наращивание топливных и сырьевых поставок из-за рубежа. Таким образом, в целях укрепления национальной энергетической безопасности Китай заинтересован в поиске дополнительных источников, которых будет достаточно для бесперебойного снабжения и подпитывания стабильного экономического развития (Захаров, Русак, 2017).

В настоящее время доказанные запасы нефтяных месторождений в странах ССАГПЗ составляют порядка 30,5 % от общемировых резервов (табл. 1)¹¹. Три страны из «аравийской шестерки» входят в десятку крупнейших нефтедобывающих государств мира, и все они (исключая Бахрейн) входят в «тридцатку» крупнейших производителей. Катар является четвертым по величине в мире

⁹ How is China's Energy Footprint Changing? // China Power. January 30, 2021. URL: <https://chinapower.csis.org/energy-footprint> (accessed: 27.11.2021).

¹⁰ China // U.S. Energy Information Administration. September 30, 2020. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN> (accessed: 27.11.2021).

¹¹ Statistical Review of World Energy // BP. July, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

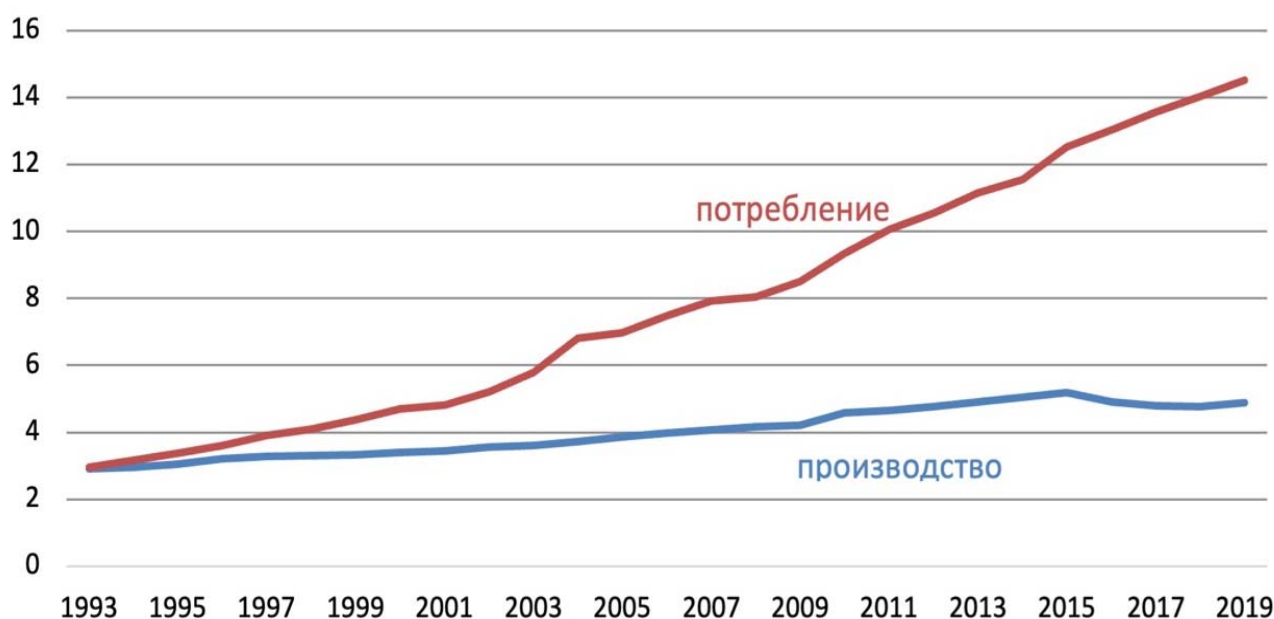

Рис. 2. Производство и потребление нефти и нефтепродуктов в Китае в 1993—2019 гг., млн барр./день
 Источник: Country Analysis Executive Summary: China // U.S. Energy Information Administration. September 30, 2020. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/china.pdf (accessed: 27.11.2021).

производителем природного газа, запасы которого составляют 12,4 % от мировых¹².

Таблица 1

Запасы нефти стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 1999—2019 гг.

Страна	На конец 1999 г., млн баррелей	На конец 2009 г., млн баррелей	На конец 2018 г., млн баррелей	На конец 2019 г., млн баррелей	Доля в мировых запасах по состоянию на конец 2019 г., %
Саудовская Аравия	262 800	264 600	297 700	297 600	17,2
Кувейт	96 500	101 500	101 500	101 500	5,9
ОАЭ	97 800	97 800	97 800	97 800	5,6
Катар	13 100	25 900	25 200	25 200	1,5
Оман	5 700	5 500	5 400	5 400	0,3

Источник: Statistical Review of World Energy // BP. July 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

¹² Statistical Review of World Energy // BP. July, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 27.11.2021).

Энергоресурсы в течение длительного времени формировали львиную долю торговли между КНР и странами ССАГПЗ. По состоянию на 2017 г., около 40 % китайского импорта сырой нефти приходилось на страны Ближнего Востока и Северной Африки¹³. В 2019 г. данный показатель составлял уже 41,3 %, причем крупнейшим поставщиком «черного золота» для Китая служила Саудовская Аравия (табл. 2)¹⁴. Прогнозы, опубликованные в 2012 г. Международным энергетическим агентством, указывают, что экспорт нефти с Ближнего Востока в Китай может удвоиться к 2035 г.¹⁵

Также следует указать на значительные поставки сжиженного природного газа (СПГ) из Катара в Китай. На данный момент Катар обеспечивает почти 28 % от общего объема

¹³ China: Country Brief // International Trade Centre. URL: <https://www.intracen.org/country/china/> (accessed: 27.11.2021).

¹⁴ Workman D. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // World's Top Exports. URL: <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china> (accessed: 27.11.2021).

¹⁵ World Energy Outlook 2012 // The International Energy Agency (IEA). November, 2012. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/eb15dfb-30c8-42cf-8733-672b350aed7/WEO2012_free.pdf (accessed: 27.11.2021).

импорта СПГ в Китай. Ожидается, что китайский спрос на это сырье только за период с 2017 по 2023 г. возрастет на 60 %¹⁶.

Таблица 2
Экспорт нефти странами Персидского залива в Китай в 2019 г.

Страна	Рейтинг среди мировых поставщиков	Рейтинг среди арабских поставщиков	Доля в общем объеме импорта нефти Китаем, %	Стоимость импорта, млрд долл. США
Саудовская Аравия	1	1	16,9	40,1
Ирак	3	2	9,9	23,7
Оман	6	3	6,9	16,4
Кувейт	7	4	4,5	10,8
ОАЭ	8	5	3,1	7,3
Всего	–	–	41,3	98,3
Справочно: Иран	9	–	3	7,1

Источник: Workman D. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // World's Top Exports. URL: <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china> (accessed: 27.11.2021).

Принимая во внимание долгосрочные и тесные связи между странами ССАГПЗ и США, Пекин не может не испытывать опасений в связи с тем, что, как отмечают эксперты, Вашингтон может оказать давление на эти страны и перекрыть поставки энергоносителей из субрегиона в Китай¹⁷. Это дает повод Пекину воспринимать Иран как возможного ключевого партнера в регионе (Краснов, Юртаев, 2016).

По состоянию на 2019 г., Китай удовлетворял за счет иранской нефти около 3 % своих потребностей в данном продукте. Вместе с тем Пекин в основном полагается на существующую ныне архитектуру безопасности в Персидском заливе для защиты своих

торгово-экономических связей со странами субрегиона. Парадокс заключается в том, что эта система на протяжении десятилетий своего существования основывалась на партнерстве стран ССАГПЗ с США и Великобританией. Поскольку охрана водных путей в зоне Залива обеспечивается в основном американцами, это избавляет китайскую сторону от необходимости привлекать к этой задаче собственные силовые контингенты, а следовательно, и от осложнений, которые неизбежно возникли бы в случае появления в зоне Залива китайских военных¹⁸.

Однако подобное «преимущество» может в любой момент обернуться для Китая серьезной угрозой для обеспечения бесперебойных поставок углеводородов. Поскольку на данном историческом этапе вероятность торгово-экономической войны двух ведущих мировых сверхдержав становится очевидной, то тенденцию «вызревания» такой угрозы для китайских интересов никак нельзя игнорировать.

Если США будут интерпретировать взятую на себя миссию охраны морских путей в Заливе, охватывая акватории Тихого и Индийского океанов, то это может означать, что весь водный маршрут поставок углеводородов в КНР оказывается под американским контролем. С одной стороны, такая нежелательная для Пекина перспектива может побудить его принять геостратегический вызов от главного глобального конкурента и прибегнуть к неким шагам, не исключающим его прямого участия в обеспечении безопасности региона. Речь может идти о расширении ареала китайского присутствия на воде и на суше в зоне Персидского залива, а также в регионе Большого Ближнего Востока и Индо-Тихоокеанского бассейна. Мотивы для подобных рассуждений лежат на поверхности. У Китая отнюдь не одна, а сразу несколько причин для расширения своего морского присутствия в зоне Индийского океана. Этот процесс может, в свою очередь, привести

¹⁶ China to Become Top Gas Importer in 2019 Boosted by LNG — IEA // Reuters. June 26, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/gas-iea-idUSL1N1TR114> (accessed: 27.11.2021).

¹⁷ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's Great Game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

¹⁸ Exclusive Interview: Obama on the World // The New York Times. August 10, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/video/opinion/100000003047788/china-as-a-free-rider.html> (accessed: 27.11.2021).

и к усилению его вовлеченности в сферу безопасности на Ближнем Востоке¹⁹.

С другой стороны, нынешняя нестабильность на Ближнем Востоке напрямую влияет на политику, проводимую Пекином в регионе. Китайская сторона ощущает явный дискомфорт в условиях, когда ВМС США контролируют маршруты транспортировки нефти из Персидского залива, в том числе и в сторону Южно-Китайского моря. И действительно, в случае, если события примут неблагоприятный оборот (например, вооруженный конфликт при участии США, установление последними жесткой экономической блокады и т. п.), Китай может лишиться поставок нефти и газа с Ближнего Востока. Таким образом, намерение китайского руководства отчасти заместить импорт аравийской нефти аналогичными поставками из других географических регионов выглядит вполне логичным.

Пекин намерен диверсифицировать источники поставок энергоресурсов в страну, и инициатива «Один пояс, один путь» призвана помочь в достижении этой цели. Тем не менее значение региона Персидского залива для Китая будет и далее возрастать по мере увеличения его внутреннего спроса на углеводороды. По мнению ряда экспертов, прогнозируемое увеличение добычи сланцевой нефти и газа должно понизить спрос на ближневосточную нефть на рынках Северной Америки и Европы, при этом зависимость Китая от традиционных поставщиков ближневосточной нефти может в будущем только увеличиться²⁰.

Торговый диалог

Торговля является достаточно диверсифицированной отраслью отношений Китая со

странами Залива. За последние годы его товарооборот со странами ССАГПЗ в целом и с каждым государством — членом этой организации в отдельности значительно вырос²¹. Углеводороды составляют основную часть китайского импорта; одна только эта статья делает торговый баланс с Китаем несбалансированным в четырех аравийских монархиях из шести, а ОАЭ и Бахрейн постоянно ввозят из Китая больше, чем поставляют туда. Что касается Бахрейна, то такую ситуацию можно объяснить значительным сокращением поставок энергоресурсов и более слабой экономикой по сравнению с партнерами по ССАГПЗ. С ОАЭ ситуация иная: экономика Эмиратов в значительной части является реэкспортной, при том что их экспорт в Китай весьма значителен (почти 2,5 % его годового импорта сырой нефти)²². Вместе с тем китайские компании активно используют ОАЭ в качестве трансрегионального хаба ввиду развитой инфраструктуры и благоприятной бизнес-среды, что позволяет КНР выходить на рынки Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки (Fulton, 2020).

Что касается других аравийских монархий, то и для них значимость Китая как крупнейшего коммерческого партнера и импортера трудно переоценить, тем более памятуя о том, что «углеводородные» статьи наполняют доходную часть их бюджетов примерно на 85—90 %²³. В качестве примера приведем Султанат Оман. Нефтегазовые поступления составляют здесь от 68 до 85 % государственных доходов (доля зависит от конъюнктуры международных рынков), и эта зависимость делает Китай чрезвычайно важным партнером. 43,7 % экспортной выручки поступает в оманскую казну из Китая²⁴.

¹⁹ Lons C., Fulton J., Sun D., Al-Tamimi N. China's great game in the Middle East // European Council on Foreign Relations. October 21, 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/china_great_game_middle_east/ (accessed: 27.11.2021).

²⁰ Quilliam N. China and the Middle East: From 'Economy Only' to 'Keeper of International Order' // The Middle East in London. Vol. 14. No. 4. June-July, 2018. URL: <https://www.soas.ac.uk/lmei/meil/recent-issues/file135013.pdf> (accessed: 27.11.2021).

²¹ Data // National Bureau of Statistic of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed: 27.11.2021).

²² China: Country Brief // International Trade Centre. URL: <https://www.intracen.org/country/china/> (accessed: 27.11.2021).

²³ The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 27.11.2021).

²⁴ Explore All Countries — Oman // The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/oman/> (accessed: 27.11.2021).

В 2016 г. Китай занял первое место в списке шести крупнейших экспортно-импортных рынков для всех стран ССАГПЗ²⁵. В настоящее время Китай стал для них ключевым экономическим партнером, в том числе для отдельно взятых Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ. Для КНР, в свою очередь, ССАГПЗ является группой стран, которая занимает восьмое место по объемам импорта и экспорта. Интересно, что из семи ведущих торговых партнеров Китая все, кроме Германии, находятся в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона и имеют с соседом устоявшиеся торговые и исторические связи. Тем самым подтверждается тезис, что Ближний Восток стал для Китая самой крупной и важной торгово-экономической зоной за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона²⁶. В рамках инициированного Пекином в 2010 г. стратегического диалога «Китай — страны ССАГПЗ» было организовано несколько переговорных раундов (4 июня 2010 г. в Пекине, 2 мая 2011 г. в Абу-Даби, в январе 2014 г. и 25 апреля 2016 г. в Пекине) о финализации специального соглашения между Китаем и странами ССАГПЗ в целях подготовки к созданию зоны свободной торговли между Китаем и арабскими странами²⁷.

Следует отметить, что ССАГПЗ — это второй после АСЕАН интеграционный формат, который ведет переговоры по поводу соглашения о свободной торговле с Китаем. Переговорный процесс начался еще в июле 2004 г., когда Китай и страны ССАГПЗ заключили рамочное соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве,

инвестициях и технологиях. За этим последовало 9 переговорных раундов, имевших целью подписание соглашения о свободной торговле, призванное усилить взаимодействие между заинтересованными сторонами и, в частности, устранить тарифные барьеры на пути перемещения капиталов²⁸.

Также важно отметить, что в интересах поддержания взаимодействия стороны учредили ряд совместных институтов: Совместный комитет по экономике и торговле Китай — ССАГПЗ, Китайско-арабский экономический и торговый комитет, Форум по торговому сотрудничеству Китай — ССАГПЗ. Подобные же структуры были созданы в каждом из государств — членов Совета сотрудничества, в частности такие, как Ассоциация дружбы Оман — Китай, Деловой совет Китай — Катар, Ассоциация дружбы Китай — Кувейт.

Инвестиционное сотрудничество

Инвестиционное сотрудничество является еще одной опорой экономических отношений Китая со странами ССАГПЗ, и в последние годы объем финансовых вложений также значительно увеличился. В 2016 г. Китай стал крупнейшим внешним инвестором на Ближнем Востоке²⁹. По состоянию на 2018 г., почти две трети китайских инвестиций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки приходилось на арабские страны Залива³⁰. В 2005—2020 гг. Китай направил в страны ССАГПЗ 101,33 млрд долл. США в качестве прямых инвестиций (табл. 3).

²⁵ The CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 27.11.2021).

²⁶ Scobell A., Nader A. China in the Middle East: The Wary Dragon // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf (accessed: 27.11.2021).

²⁷ Аль-барнамадж ат-танфизий ли мунтада ат-таавун аль-арабий ас-сыний, 2014—2016 [Исполнительная программа Форума китайско-арабского сотрудничества на 2014—2016 гг.] // China — Arab States Cooperation Forum. 06.10.2014. URL: http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/diliujiebu_zhangjihuiyi/201406/t20140610_6907478.htm (дата обращения: 27.11.2021). (На арабском языке).

²⁸ China and Gulf nations resume free trade agreement talks // The State Council Information Office of The People's Republic of China. January 21, 2016. URL: <http://www.scio.gov.cn/32618/Document/1464959/1464959.htm> (accessed: 27.11.2021).

²⁹ Şimşek M. China and the Middle East — A priceless pivot // Central Banking Institute. May 4, 2020. URL: <https://www.centralbanking.com/central-banks/economics/4738091/china-and-the-middle-east-a-priceless-pivot> (accessed: 27.11.2021).

³⁰ Green A. GCC Trade and Investment Flows // The Economist Intelligence Unit. December 16, 2014. URL: <https://impact.econ-asia.com/perspectives/economic-development/gcc-trade-and-investment-flows-0> (accessed: 27.11.2021).

Таблица 3

Китайские инвестиции в государствах ССАГПЗ в 2005—2020 гг., млн долл. США

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Бахрейн	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 420	0	1 420
Кувейт	0	0	840	0	510	570	260	510	0	240	2 270	1 830	1 330	2 070	220	280	10 930
Оман	150	0	0	160	720	0	0	0	0	0	300	2 870	0	320	970	1 130	6 620
Катар	100	540	0	140	740	0	1 185	0	600	560	1 180	1 110	0	230	0	750	7 800
Саудовская Аравия	1 100	0	2 770	1 170	4 230	340	4 320	1 830	2 800	2 970	3 310	1 250	1 910	4 710	5 500	1 650	39 860
ОАЭ	0	300	650	3 550	670	130	450	1 150	730	640	760	4 150	7 790	8 010	4 320	1 400	34 700

Источник: China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 27.11.2021).

Для стран ССАГПЗ приток инвестиций из Китая пришелся на период развития, когда страны стали стремиться к снижению зависимости от углеводородных поступлений и диверсификации национальных экономик³¹. Члены ССАГПЗ стали основными реципиентами масштабных инфраструктурных контрактов с привлечением китайских компаний, в том числе по строительству таких объектов, как стадион Лусаил в Катаре (основная площадка для проведения чемпионата мира по футболу в 2022 г.), нефтеперерабатывающий завод Янбу, высокоскоростная железнодорожная магистраль, связывающая Джидду с Меккой и Мединой, и др.³² Региональная программа развития *Gulf Vision*, вобравшая в себя крупные инфраструктурные проекты, открывает широкие горизонты для будущего сотрудничества. Каждая из стран ССАГПЗ занялась формированием собственного «видения», в частности программ *Saudi Vision 2030*, *Kuwait Vision 2035 “New Kuwait”*, *Abu Dhabi’s Vision 2030*, *Qatar National Vision 2030*, *Oman Vision 2040*, *Bahrain Economic Vision 2030*. Все это, по сути, представляет собой национальные варианты проектов по диверсификации экономики стран ССАГПЗ, иначе говоря, проекты перехода от модели

рантье, построенной на эксплуатации одного углеводородного ресурса, к «постнефтяной» модели, где прямые иностранные инвестиции становятся важной составляющей экономического развития (Kamrava, 2018).

Летом 2018 г. Китай анонсировал очередной раунд инвестиций и кредитования на сумму 23 млрд долл. США. Портам и промышленным комплексам уделяется особое внимание, поскольку они формируют логистическую цепочку, связывающую Китай с Персидским заливом, а также с морями — Аравийским, Красным и Средиземным. В Пекине о таком подходе заговорили летом 2018 г., в частности в презентационном материале, именуемом *Industrial Park-Port Interconnection, Two-Wheel and Two-Wing Approach*, содержался следующий тезис: «Китайская сторона заинтересована в участии в строительстве морских портов и планируемой железнодорожной сети арабских стран, а также поддерживает арабскую сторону в создании “золотой логистической цепи”, связывающей Центральную Азию, Восточную Африку, Индийский океан и Средиземное море»³³. Порт Халифа в ОАЭ, оманский порт Дукм, порт Джизан в Королевстве Саудовская Аравия (КСА), порты Айн-Сохна и Порт-Саид в Египте (на Суэцком канале), а также порт Джибути служат опорными точками

³¹ Mercy A.K. China in the Middle East: Influence and Investment // *The Diplomat*. September 25, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/china-in-the-middle-east-influence-and-investment/> (accessed: 27.11.2021).

³² Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

³³ Xi Jinping Delivers a Speech at The Opening Ceremony of The Eighth Ministerial Meeting of The China — Arab States Cooperation Forum // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. July 10, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1575994.shtml (accessed: 27.11.2021).

этого проекта, и именно там будет производиться существенная часть работ по реализации инициативы «Один пояс, один путь» на Ближнем Востоке.

Сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

С момента провозглашения Китаем инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. страны ССАГПЗ рассматривают ее как драйвер укрепления двустороннего сотрудничества. Инициатива содержит 6 основных векторов, они же — экономические коридоры, или «полосы движения». Эти коридоры формируют архитектуру указанной инициативы и представляют видение Китая, а именно то, каким образом зарубежные страны и регионы могут в ней участвовать³⁴. Впрочем, среди предлагаемых направлений действия инициативы Аравийский полуостров не значился³⁵. Тем не менее лидеры Китая и стран ССАГПЗ трактовали «Один пояс, один путь» как важнейшую составляющую своих отношений, и проекты, уже принятые там к реализации китайскими компаниями, проводились под эгидой упомянутой инициативы³⁶.

Как уже отмечалось, в основу сотрудничества по линии «Одного пояса, одного пути» положено пять принципов: «Политическая координация», «Взаимосвязанность инфраструктуры», «Бесперебойный торговый обмен», «Свободное перемещение капитала»,

³⁴ Экономический коридор Новый Евразийский наземный мост (NELBEC); Экономический коридор Китай — Монголия — Россия (CMREC); Экономический коридор Китай — Центральная Азия — Западная Азия (CCWAEC); Экономический коридор Китай — Индокитайский полуостров (CICPEC); Бангладеш — Китай — Индия — Экономический коридор Мьянмы (BCIMEC); Экономический коридор Китай — Пакистан (CPEC).

³⁵ Yini H. China to Invest \$900b in Belt and Road Initiative // China Daily. May 28, 2015. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2015-05/28/content_20845687.htm (accessed: 28.11.2021).

³⁶ Fulton J. The G.C.C. Countries and China's Belt and Road Initiative (BRI): Curbing Their Enthusiasm? // Middle East Institute. October 17, 2017. URL: <https://www.mei.edu/publications/gcc-countries-and-chinas-belt-and-road-initiative-bri-curbing-their-enthusiasm> (accessed: 27.11.2021).

«Сближение между народами». Вместе с тем китайская экономическая дипломатия опиралась на подобные положения еще до выдвижения Пекином инициативы в 2013 г. Как известно, Китай традиционно концентрируется на торгово-экономических аспектах отношений с зарубежными партнерами, оставляя политические вопросы на периферии своего внимания (Sun & Zoubir, 2015, pp. 907—908).

Наблюдается отчетливая синергия между проектами из серии «Видение» для стран Персидского залива и китайской инициативой: и в том, и в другом случае приоритет отдается связыванию в одну систему объектов и соотнесению политических соображений с аспектами экономического сотрудничества. Ряд лидеров аравийских монархий однозначно подтвердил связь между проектами «Видения» и инициативой «Один пояс, один путь». Так, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммад бин Сальман назвал это «одним из основных столпов концепции Саудовской Аравии *Vision 2030*»³⁷. Ради достижения этой цели саудовский лидер в 2016 г. отправился в Китай в составе королевской делегации, включавшей также министров торговли, инвестиций, энергетики, промышленности и минеральных ресурсов, культуры, информации и информационных технологий. С их участием в Пекине была проведена панельная дискуссия на тему «*Saudi Vision 2030* и Инициатива “Один пояс, один путь”»: вместе ради перспективного будущего». Кроме того, в ходе этого визита было подписано 15 двусторонних меморандумов о взаимопонимании по проектам, связанным с планом *Vision 2030* по диверсификации экономики Саудовской Аравии³⁸.

В марте 2017 г. состоялся государственный визит в Пекин короля Сальмана. Кульминацией встречи стало подписание

³⁷ Fusing Vision 2030 with Belt Road Initiative // Arab News. September 3, 2016. URL: <http://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia> (accessed: 27.11.2021).

³⁸ Saudi Arabia Signs Initial Deals with China on Prince's Visit // Reuters. August 30, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-agreements/saudi-arabia-signs-initial-deals-with-china-on-princes-visit-idUSKCN1151HT> (accessed: 27.11.2021).

контрактов на сумму 65 млрд долл. США. Кроме того, деловые круги двух стран подписали 22 соглашения о совместных инвестиционных проектах, многие из которых относились также и к программе *Vision 2030*³⁹. Интересная подробность: группа китайских экспертов выдвинула инициативу о сооружении железной дороги между КНР и КСА через территории Афганистана, Ирана и сопредельных стран Залива. Однако в свете политической напряженности, сохраняющейся между странами ССАГПЗ и Ираном, шансы на реализацию подобной идеи пока невелики⁴⁰.

Объединенные Арабские Эмираты обладают внушительным потенциалом, чтобы стать ключевым координатором и заметным бенефициаром инициативы «Один пояс, один путь». ОАЭ заняли 16-е место в отчете о глобальной конкурентоспособности, опубликованном несколько лет назад Всемирным экономическим форумом⁴¹. ОАЭ являются наиболее важным коммерческим партнером Китая в арабском мире, и на них приходится 26 % всей китайской торговли в регионе, не связанной с нефтью⁴².

Инициатива «Один пояс, один путь» еще более упрочит преимущество ОАЭ как регионального центра финансовых операций — обстоятельство, которое позволит ускорить и финансовое сотрудничество с Китаем. В

³⁹ China, Saudi Arabia sign US\$65 Billion in Deals as King Salman Starts Beijing Visit // South China Morning Post. March 16, 2017. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2079528/china-saudi-arabia-sign-us65-billion-deals-king-salman> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁰ Jin L., Janardhan N. Belt and Road Initiative: Opportunities and Obstacles for the Gulf // The Emirates Diplomatic Academy. June 2018. URL: https://www.agda.ac.ae/docs/default-source/Publications/edainsight_beltandroad_en.pdf?sfvrsn=4 (accessed: 27.11.2021).

⁴¹ The Global Competitiveness Report 2016—2017 // World Economic Forum. 2016. P. XIII. URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (accessed: 27.11.2021).

⁴² China Leading Trade Partner of UAE: Al Mansouri // Gulf News. July 22, 2019. URL: <https://gulfnews.com/uae/china-leading-trade-partner-of-uae-al-mansouri-1.65370898> (accessed: 27.11.2021).

декабре 2016 г. Сельскохозяйственный банк Китая (Agricultural Bank of China, ABC) получил разрешение на открытие в Эмиратах отделения банка для ведения расчетов в юанях, после чего в мае 2017 г. начал работу клиринговый банк ABC RMB в Дубае⁴³. К концу того же года четыре китайских банка открыли здесь семь филиалов; ожидается, что они помогут в стимулировании торговых связей между двумя странами и изучении вопросов финансирования в рамках китайской инициативы. Кроме того, в ОАЭ проживает самая большая китайская община на Ближнем Востоке, включающая от 200 тыс. до 300 тыс. физических лиц и более 4 200 компаний. В Дубае действуют филиалы четырех крупнейших банков Китая, а также центр валютных свопов, который в 2018 г. произвел транзакции на сумму около 7 млрд долл. США в китайских юанях⁴⁴.

Если рассматривать развитие отношений Пекина с Оманом, то необходимо отметить, что с конца 2016 г. Китай вкладывает миллиарды долларов в превращение района Дукм, рыбацкой деревни в 550 км к югу от столицы Омана города Маскат, в индустриально-логистический центр. Хотя проект служит частью национальной стратегии экономической диверсификации, но, по всей вероятности, он одновременно свидетельствует об успехе китайских усилий по продвижению инициативы «Один пояс, один путь». Район Дукм расположен на берегу Аравийского моря, и именно поэтому он является потенциально выгодной площадкой для возведения китайских производственных предприятий, чья продукция будет ориентирована на расположенные недалеко экспортные рынки субрегиона Персидского залива, Индийского субконтинента и Восточной Африки. Кроме

⁴³ Agricultural Bank of China Starts RMB Settlement in UAE // Xinhua. May 10, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/10/c_136272388.htm (accessed: 27.11.2021).

⁴⁴ Fulton J. China is Becoming a Major Player in the Middle East // MarshMcLennan: Brink. September 18, 2019. URL: <https://www.brinknews.com/china-is-becoming-a-major-player-in-the-middle-east/> (accessed: 27.11.2021).

того, Дукм расположен рядом с источниками углеводородного сырья, которые китайские компании собираются задействовать здесь для производственных нужд. Китайцы уже инвестировали в Дукм порядка 3,06 млрд долл. США⁴⁵. Ожидается, что эта цифра увеличится до 10,7 млрд долл. США в течение срока реализации проекта, сообщает компания Oman Wanfang LLC. Помимо этого, Оман заинтересован в инвестировании в особую экономическую зону в Гвадаре (проект, продвигаемый Китаем в Пакистане)⁴⁶.

В Кувейте также подтверждают, что инициатива «Один пояс, один путь» поможет ему достичь целей, изложенных в программе «Новый Кувейт 2035» (*Kuwait Vision 2035 "New Kuwait"*)⁴⁷. В этом эмирате планируют возвести «Шелковый город» — проект, который обойдется примерно в 100 млрд долл. США и в итоге приведет к появлению нового транспортного, логистического и финансового центра. И это опять-таки будет «вкладом в копилку» китайской инициативы «Один пояс, один путь». На данный момент в нефтяном, строительном и инфраструктурном секторах Кувейта работают около 40 китайских компаний.

В Катаре уже были реализованы несколько китайских инфраструктурных проектов; только в 2014 г. были заключены сделки на сумму 8 млрд долл. США⁴⁸. Правда, с того времени активность катарцев по линии названной китайской программы несколько снизилась. Тем временем Китай открыл два

валютных клиринговых центра в Катаре⁴⁹ и ОАЭ, а также учредил два совместных инвестиционных фонда с этими двумя странами на общую сумму 20 млрд долл. США⁵⁰.

Бахрейн меньше других соседей продвинулся в части кооперации с китайской инициативой, хотя, несомненно, и он получит преимущества от участия в ней. Это, по мнению авторов, было бы полезным для диверсификации экономики, снижения чрезмерной зависимости от Соединенных Штатов, а также послужило бы признанием того, что Китай становится важным торговым и инвестиционным партнером также и для этого монархического государства.

Таким образом, стремление к сопряжению инициативы «Один пояс, один путь» с планами развития стран Персидского залива было перенесено на уже существующий задел в отношениях, который успели наработать китайские компании в рамках осуществлявшихся ранее инфраструктурных и строительных проектов. В период с 2005 по 2014 г. строительные и инфраструктурные контракты Китая в странах ССАГПЗ достигли 30 млрд долл. США, что составило 8 % от общемирового объема китайских инвестиций за этот период⁵¹.

Официальные лица используют протокольные визиты и многосторонние форумы для декларации поддержки китайской инициативы, подчеркивая взаимодополняющий характер национальных и региональных планов развития зоны Залива. В частности, эта тема получила исчерпывающую поддержку в ходе Форума китайско-арабского сотрудничества (10 июля 2018 г., Пекин). Состоявшееся тогда

⁴⁵ Chinese Firms to Set up 25 Projects in Duqm Free Zone // Times of Oman. October 2, 2017. URL: <https://timesofoman.com/article/43434-chinese-firms-to-set-up-25-projects-in-duqm-free-zone> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁶ Pakistan, Oman Discuss Opportunities Offered by CPEC, Gwadar Port // Times of Islamabad. May 8, 2017. URL: <https://timesofislamabad.com/08-May-2017/pakistan-oman-discuss-opportunities-offered-by-cpec-gwadar-port> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁷ Kuwait, China Share Enthusiasm on 'Belt and Road' Economic Initiative // Kuwait Time. May 13, 2017. URL: <http://news.kuwaittimes.net/pdf/2017/may/13/p03.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁸ Alagos P. Qatar and China Sign \$8bn Infrastructure Deals // Gulf Times. April 8, 2015. URL: <https://www.gulf-times.com/story/434171/Qatar-and-China-sign-8bn-infrastructure-deals-in-1> (accessed: 27.11.2021).

⁴⁹ Renminbi Clearing Centre in Qatar to Strengthen Commercial & Economic Ties between China and the MENA Region // Qatar Central Bank. April 15, 2015. URL: <http://www.qcb.gov.qa/english/news/pages/renminbiclearingcentre.aspx> (accessed: 27.11.2021).

⁵⁰ Declaration of Action on China — Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁵¹ Green A. GCC Trade and Investment Flows // The Economist Intelligence Unit. December 16, 2014. URL: <https://impact.econ-asia.com/perspectives/economic-development/gcc-trade-and-investment-flows-0> (accessed: 27.11.2021).

же очередное министерское совещание приняло китайско-арабскую декларацию о создании «Одного пояса, одного пути», а Китай объявил о подписании документов о сотрудничестве в его рамках с девятью арабскими странами (Саудовская Аравия, Судан, Ирак, Оман, Катар, Кувейт, Ливан, Египет, Марокко). Пять арабских стран подписали документы о сотрудничестве с Китаем в сфере производства (ОАЭ, Алжир, Саудовская Аравия, Судан, Египет). Семь арабских стран стали членами Фонда Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания, Оман, Катар, Кувейт и Египет)⁵².

Другие арабские страны и Лига арабских государств также приняли активное участие в первой сессии форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь», состоявшейся в Пекине в мае 2017 г. На второй сессии той же направленности, прошедшей в апреле 2019 г., было объявлено, что 19 арабских стран подписали документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (в их числе одни только ОАЭ заключили соглашение о сотрудничестве на сумму 3,4 млрд долл. США)⁵³. В дополнение к уже имеющимся компонентам программы «Один пояс, один путь» форум 2017 г. огласил новое измерение — «Цифровой Шелковый путь»⁵⁴. Эта идея согласуется с планами, недавно озвученными в ОАЭ и КСА.

Стратегическое партнерство Китая со странами ССАГПЗ

Стратегия партнерских отношений, использующая такие инструменты, как

⁵² Declaration of Action on China — Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China — Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (accessed: 27.11.2021).

⁵³ The UAE Signed a Massive, \$3.4 Billion Deal with China — and That 'Isn't a Surprise' // CNBC. April 29, 2019. URL: <https://www.cnbc.com/2019/04/29/china-uae-trade-deal-on-belt-and-road-isnt-a-surprise-wef-president.html> (accessed: 27.11.2021).

⁵⁴ Full text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum // Xinhua. May 14, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 27.11.2021).

взаимное доверие, экономическая взаимозависимость, культурные контакты, поддержка в вопросах обеспечения безопасности, — главный ресурс дипломатии Китая. Поскольку расширение и углубление двусторонних отношений способствует реализации его стратегических целей (Грачиков, 2019), взаимодействие Китая со странами Ближнего Востока и Северной Африки стало важнейшим компонентом глобальной партнерской сети. Зона Персидского залива — важный регион стратегического партнерства Китая, поскольку китайские интересы в регионе значительны. Почти все соглашения о стратегическом партнерстве, являющемся плодом сотрудничества, дополняющим проект «Один пояс, один путь», заключены Китаем с арабскими странами на протяжении последнего десятилетия.

В 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин прибыл с визитом в Саудовскую Аравию, и две страны декларировали всеобъемлющее стратегическое партнерство и высший уровень дипломатических отношений. То же самое было сделано в ходе пребывания китайского лидера в Объединенных Арабских Эмиратах летом 2018 г. Кувейт, Катар и Султанат Оман установили стратегическое партнерство, которое является вторым по статусу уровнем китайского партнерства (табл. 4).

Неудивительно, что именно Саудовская Аравия и ОАЭ были выбраны в качестве всеобъемлющих стратегических партнеров. Первая является доминирующей силой в регионе и важнейшим торговым партнером Китая. «Возвышение» Эмиратов свидетельствует о том, что Пекин рассматривает их как ключевого регионального игрока, что было подчеркнуто в совместном заявлении, в котором китайская сторона дала высокую оценку «конструктивной роли, которую ОАЭ играют в региональных делах»⁵⁵. По мнению китайской стороны, ОАЭ имеют ряд преимуществ перед другими членами ССАГПЗ, а именно: сравнительно высокую политическую стабильность, приобретенный статус регионального

⁵⁵ UAE, China Issue Joint Statement, Agree to Establish Comprehensive Strategic Partnership // Emirates News Agency. July 21, 2018. URL: <http://wam.ae/en/details/1395302699891> (accessed: 27.11.2021).

центра логистики и инфраструктуры, обеспечение комфортных условий для ведения бизнеса⁵⁶. ОАЭ и сами стремятся играть функцию «главных ворот» в регион для инициативы «Один пояс, один путь».

Таблица 4

Статус двусторонних отношений между Китаем и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

Страна	Статус	Год подписания
Саудовская Аравия	Всесторонние стратегические партнерские отношения	2016
Объединенные Арабские Эмираты	Всесторонние стратегические партнерские отношения	2018
Катар	Стратегические партнерские отношения	2014
Кувейт	Стратегические партнерские отношения	2018
Оман	Стратегические партнерские отношения	2018

Источник: Xi Jinping Holds Talks with King Salman bin Abdulaziz Al Saud of Saudi Arabia: Two Heads of State Jointly Announce Establishment of China-Saudi Arabia Comprehensive Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. January 20, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2878_663746/2880_663750/201601/t20160121_534799.html (accessed: 27.11.2021); China, UAE Agree to Lift Ties to Comprehensive Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. July 21, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2903_663806/2905_663810/201807/t20180723_536488.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping Holds Talks with Kuwaiti Emir Sheikh Sabah Al-Ahmad Al-Jaber Al-Sabah // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. July 9, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2838_663666/2840_663670/201807/t20180710_533545.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping Holds Talks with Emir Tamim bin Hamad Al Thani of Qatar and Two Heads of State Together Announce to Establish China-Qatar Strategic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. November 3, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2873_663736/2875_663740/201411/t20141105_534483.html (accessed: 27.11.2021); Xi Jinping and Sultan Qaboos bin Said of Oman Exchange Congratulatory Messages, Announcing the Establishment of China-Oman Strategic Partnership and Celebrating the 40th Anniversary of the Establishment of Bilateral Diplomatic Relations // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. May 25, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2863_663716/2865_663720/201805/t20180529_534113.html (accessed: 27.11.2021).

⁵⁶ Fulton J. Friends with Benefits: China's Partnership Diplomacy in the Gulf / ed. by M. Lynch, A. Jamal // *Shifting Global Politics and the Middle East: POMEPS Studies* 34. Washington: Middle East Political Science, 2016. P. 33—39. URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2019/03/POMEPS_Studies_34_Web.pdf (accessed: 27.11.2021).

Каковы перспективы перехода других стран ССАГПЗ именно к всеобъемлющему стратегическому партнерству? Изучению этого вопроса уделил внимание Георг Стрювер из Германского института глобальных и региональных исследований (German Institute for Global and Area Studies, GIGA). Он обращает внимание, что китайские лидеры соблюдают особую осторожность при выборе внешнего партнера на таком высоком уровне и руководствуются при этом необходимым сочетанием трех условий: высокий уровень политического доверия, тесные экономические связи и высокая оценка качества сотрудничества, достигнутого в других областях (например в сфере культуры). Помимо структуры двусторонних отношений в Пекине придается большое значение месту, занимаемому конкретным государством на международной арене. Пекин рассматривает этот уровень партнерства только с теми, кто «играет важную роль в международной экономике и политике» (Strüver, 2017, p. 45).

В свою очередь, российский востоковед-китаист Е.Н. Грачиков добавляет к оценкам германского коллеги еще один «критерий годности». Это — признание принципа «одного» — единого Китая, иначе говоря, однозначная поддержка позиции Пекина в отношении Тайваня, Тибета и Синьцзяна (а в будущем, безусловно, к этому перечислению должно добавиться подтверждение внешним партнером суверенных прав КНР на острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях). Е.Н. Грачиков также отмечает наличие традиции, которой придерживается Пекин при оценке степени влияния стран-партнеров в их макрорегионах, равно как и возможности использования их потенциалов для расширения

дипломатического ресурса КНР в проведении своей политики в тех или иных регионах.

Таким образом, страны-партнеры оказались поделены на две более узкие группы — опорные партнеры (*zhidian*, 支点), которые поддерживают коренные национальные интересы КНР, и узловые (*jiedian*, 结点), используемые КНР для расширения своих внешнеполитических ресурсов (Грачиков, 2019). Согласно такой градации, страны ССАГПЗ не квалифицируются ни в качестве узловых, ни опорных. С учетом установленных Пекином критериев государства Персидского залива, кроме КСА и ОАЭ, вряд ли выйдут на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. К примеру, отношения КНР с Катаром весьма тесны, но все-таки не на том уровне, как с вышеупомянутыми двумя соседними монархиями. К тому же следует принять во внимание до сих пор не устраненные противоречия между Катаром и так называемым «контртеррористическим квартетом» (КСА, АРЕ, ОАЭ и Бахрейн). Вероятно, в данном случае Пекин предпочитает практиковать «тихую дипломатию»⁵⁷. Связи с Оманом также довольно развиты, и проект порта Дукм указывает на наличие у Пекина стратегических замыслов. Однако с экономической точки зрения Оман менее важен, что делает маловероятным придание двустороннему сотрудничеству привилегированного статуса. Что касается Бахрейна, то его особое партнерство с Китаем официально не зафиксировано, а двусторонняя торговля незначительна.

Руководство стран Ближнего Востока и Северной Африки обычно приветствует партнерство с Пекином, утверждая, что он относится к ним как к равным, а не как к младшим партнерам. Помимо своей политики

невмешательства в чужие внутренние дела, неприсоединения и отказа участвовать в войнах (в частности через прокси) Китай, как правило, оставался в хороших отношениях со всеми сторонами региональных конфликтов, включая Иран, Саудовскую Аравию с союзниками и остальные арабские государства (в том числе Алжир, Марокко и др.), а также Израиль.

Заключение

Растущие амбиции Китая по интеграции региона Ближнего Востока и Северной Африки в инициативу «Один пояс, один путь» в силу экономических и политических причин привели к значительному росту участия Китая в делах региона. Два самых влиятельных государства ССАГПЗ — Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — останутся краеугольным камнем китайского экономического курса на Ближнем Востоке. Постоянные усилия Китая по обеспечению энергоресурсами и налаживанию стратегических партнерских отношений в дополнение к проекту «Один пояс, один путь» будут и дальше оставаться источником прямой конкуренции с Соединенными Штатами. Не исключается, что члены ССАГПЗ могут всерьез рассмотреть перспективу политических договоренностей и совместных мер безопасности с Китаем, особенно если Соединенные Штаты частично уйдут с Ближнего Востока или если между Вашингтоном и столицами стран ССАГПЗ возникнет какая-либо напряженность. Разумеется, выбор Пекина при подобном развитии событий будет нелегким. Если Китай вознамерится сделать ставку на усиление своего влияния в БВСА, ему придется, так или иначе, погрузиться в хаотичную геополитическую атмосферу этого региона и более настойчиво применять здесь свои экономические активы и рычаги стратегического влияния.

⁵⁷ Fulton J. China's Approach to the Gulf Dispute // *Asia Dialogue*. May 3, 2018. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/05/03/chinas-approach-to-the-gulf-dispute/> (accessed: 27.11.2021).

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 12.07.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и концептуализация (1993—2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 3. С. 83—93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
- Дейч Т. Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 595—611. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611>
- Захаров А. Н., Русак Н. Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // *Мировое и национальное хозяйство*. 2017. № 4 (43). С. 23—28.
- Ильминская М. Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152—161.
- Краснов К. Г., Юртаев В. И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4. С. 616—627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627>
- Мелкумян Е. С. Султанат Оман — КНР: стратегическое партнерство // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 46—50. <https://doi.org/10.31857/S032150750012798-9>
- Петрунина Ж. В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX — начале XXI вв. // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2016. Т. 2, № 1 (25). С. 16—20.
- Сафронова Е. И. КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017—2018* / под общ. ред. С.Г. Лузянина. Москва : Форум, 2018. С. 321—336.
- Bazoobandi S. *The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges*. London, New York : Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-27885-4>
- Chen M. Exploring Economic Relations between China and the GCC States // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2011. Vol. 5, no. 4. P. 88—105. <https://doi.org/10.1080/19370679.2011.12023192>
- Fulton J. Domestic Politics as Fuel for China’s Maritime Silk Road Initiative: The Case of the Gulf Monarchies // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29, no. 122. P. 175—190. <https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1637566>
- Garlick J., Havlova R. China’s “Belt and Road” Economic Diplomacy in the Persian Gulf: Strategic Hedging amidst Saudi-Iranian Regional Rivalry // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2020. Vol. 49, no. 1. P. 82—105. <https://doi.org/10.1177/1868102619898706>
- Kamrava M. *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. Ithaca : Cornell University Press, 2018.
- Liu Z. Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2016. Vol. 10, no. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.1080/19370679.2016.12023276>
- Niblock T. Problems and Opportunities for China in Developing Its Role in the Gulf Region // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2017. Vol. 11, no. 3. P. 1—11. <https://doi.org/10.1080/25765949.2017.12023305>
- Strüver G. China’s Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology // *The Chinese Journal of International Politics*. 2017. Vol. 10, no. 1. P. 31—65. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow015>
- Sun D., Zoubir Y. H. China’s Economic Diplomacy towards the Arab Countries: Challenges Ahead? // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24, no. 95. P. 903—921. <https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1013379>
- Wu S. Constructing “One Belt and One Road” and Enhancing the China — GCC Cooperation // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 1—15. <https://doi.org/10.1080/19370679.2015.12023264>

Сведения об авторах: Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Бребдани Аммар Мухсен — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского; ORCID: 0000-0002-6417-1517; e-mail: ivr@fmo.unn.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-197-201

Рецензия на книгу :
Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C. : George Washington University, 2021. 133 p.

Д.П. Елагин^{1,2}

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 d.elagin@my.mgimo.ru; elagin-dp@rudn.ru

Для цитирования: Елагин Д. П. Рецензия на книгу : Libman A., Vinokurov E. One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C. : George Washington University, 2021. 133 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 197—201. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-197-201>

Book review:
Libman, A., & Vinokurov, E. (2021). One Eurasia or Many? Regional Interconnections and Connectivity Projects on the Eurasian Continent. Washington, D.C.: George Washington University, 133 p.

Denis P. Elagin^{1,2}

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 d.elagin@my.mgimo.ru; elagin-dp@rudn.ru

For citation: Elagin, D. P. (2022). Book review: Libman, A., & Vinokurov, E. (2021). One Eurasia or many? Regional interconnections and connectivity projects on the Eurasian continent. Washington, D.C.: George Washington University, 133 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 197—201. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-197-201>

Вопрос о геополитическом и геоэкономическом единстве Евразии всегда был актуальным и трудноразрешимым: несмотря на исторически весьма интенсивные торговые и политические контакты, на континенте всегда

было несколько «центров силы», которые находились в отношениях конкуренции, а культурная гетерогенность и дистанция создавали дополнительные препятствия для взаимодействия. В результате этого сложно

© Елагин Д.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

говорить о существовании и формировании общего политического или экономического евразийского пространства или евразийской идентичности. Даже евразийство как идеология и течение политической философии имеет несколько конкурирующих интерпретаций, которые могут негативно восприниматься в других евразийских государствах как оправдывающие экспансию крупнейших евразийских стран.

Несмотря на это, в период после роспуска Советского Союза уровень взаимозависимости стран Евразии существенно вырос, появились новые экономические и политические центры, а вслед за ними в результате увеличения потенциальных выгод более глубокого взаимодействия и интеграционные проекты, анализу которых и посвящена книга А. Либмана и Е. Винокурова (Libman & Vinokurov, 2021).

Монография во многом является развитием и продолжением предыдущей крупной работы авторов (Vinokurov & Libman, 2012), в которой ими также поднималась проблема международной интеграции на Евразийском континенте¹. Данный вопрос актуален и сегодня ввиду нарастающей конкуренции между проектами ведущих держав, в частности на фоне углубления евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и реализации амбициозного китайского проекта «Один пояс, один путь». Ключевой проблемой является отсутствие эффективных форматов, способных объединить евразийские государства в рамках одного институционального объединения. Конкуренция интеграционных проектов на евразийском пространстве, с одной стороны, препятствует более эффективному сотрудничеству между государствами континента, а с другой — способствует появлению институциональных инноваций, которые отражают стремление ведущих государств Евразии создать более эффективные институты интеграции на

собственных условиях. Монография А. Либмана и Е. Винокурова во многом фокусируется именно на конкуренции, конкурентных преимуществах и ограничениях политики регионализма и интеграционных инициатив в Евразии.

Структурно работа состоит из 7 глав. В своем повествовании авторы переходят от рассмотрения теоретических проблем к изучению ключевых вопросов интеграционных процессов в Евразии, в частности основных регионов конкуренции, а также наиболее значимых интеграционных инициатив и форматов сотрудничества между этими инициативами и ведущими державами континента. В заключительной седьмой главе авторы суммируют результаты исследования и дают оценку перспективам евразийской интеграции в условиях глобальной пандемии COVID-19.

Во вводной главе авторы отмечают рост уровня взаимозависимости государств Евразии, который происходит даже в условиях глобальной пандемии, что демонстрирует увеличение объемов трансконтинентальных железнодорожных перевозок, что, по мнению авторов, обуславливает актуальность исследования. Кроме того, они ограничивают предмет исследования, указывая, что в фокусе внимания находятся «регионализм, а именно институциональные структуры и рамки, созданные государствами Евразии», цель которых состоит в «стимулировании экономической интеграции в Евразии» (Libman & Vinokurov, 2021, p. 8).

Авторы ставят три исследовательских вопроса. Во-первых, их интересует, существует ли Евразия как единый регион и конструкт, направляющий принятие политических решений? Во-вторых, как развивается конкуренция между различными образами региона, которые продвигают ведущие державы? При этом авторы отмечают, что, обращаясь к «Евразии», государства региона не всегда преследуют цели евразийской интеграции в смысле реализации охватывающих весь континент инициатив, но могут использовать этот конструкт в целях создания новых геополитических разделений, позиционируя

¹ Под евразийской интеграцией в книге понимается именно интеграция на пространстве континента Евразии, а не более распространенное сегодня ее понимание как интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности в рамках ЕАЭС.

Евразию как противоположность Европы². В-третьих, как функционируют взаимосвязи между отдельными субрегионами Евразии и какие объединения являются «жизнеспособными» и реализуются на данный момент (Libman & Vinokurov, 2021, pp. 8—11)?

Во второй главе исследователи предпринимают попытку дать определение и классифицировать проекты мезоуровня континентальной интеграции и приходят к выводу, что в Евразии они строятся не на экономической взаимозависимости или культурной близости, а апеллируют к принадлежности к единому континенту. Однако, по мнению авторов, Евразия является чрезвычайно крупным и гетерогенным массивом суши, что снижает эффективность подобных инициатив. Кроме того, исследователи отмечают маловероятность того, что подобные мезорегиональные инициативы приведут к созданию наднациональных институтов с широкими полномочиями или конструированию общей идентичности. Под вопросом остается даже возможность создания континентальной зоны свободной торговли. Ввиду этого наиболее вероятным результатом попыток создать мезорегиональную группировку станет сосуществование и конкуренция целого ряда инициатив.

В случае Евразии попытки создания интеграционного объединения осложняются отсутствием у стран континента единого исторического опыта. В результате основным объектом риторики становится «Шелковый путь» как один из весьма немногочисленных коридоров экономического обмена, символическая значимость которого, по мнению авторов, является «современной реинтерпретацией истории» (Libman & Vinokurov, 2021, p. 48). Гетерогенность, географическая и культурная дистанция, характерные для Евразии как региона, дополняются наличием лимитрофных пространств, которые становятся территорией конкуренции ведущих держав, например в Центральной Азии. На фоне увеличения интенсивности экономического обмена основным объединяющим фактором

для стран континента становится наличие общих вызовов и угроз, проявляющихся в феномене так называемой «теневой глобализации», которая охватывает трансграничную деятельность террористических и криминальных группировок, нелегальную международную миграцию и т. п. Однако авторы считают, что существующие институты не обладают достаточным потенциалом для противостояния им.

Глава 3 посвящена рассмотрению компонентов современного процесса евразийской интеграции, которыми являются европейский и азиатский регионализм, сильно отличающиеся в своих подходах. Если европейский — ориентирован на создание наднациональных институтов с широкими полномочиями, то азиатский — на реализацию отдельных проектов, не предполагая создания жестких наднациональных структур. Постсоветское пространство при этом является промежуточным, поскольку там региональные инициативы сочетают признаки европейской и азиатской модели. Хотя элиты региона сделали выбор в пользу модели ЕС, тем не менее успехи в сфере формальной интеграции до сих пор уступают неформальной, проявляющейся, например, в большем уровне развития трудовой миграции по сравнению с торговлей товарами.

В главе 4 анализируются регионалимитрофы, в которых разворачивается конкуренция между двумя моделями интеграции. Ключевым подобным регионом является Центральная Азия, которая также была историческим центром развития «Шелкового пути» — символической «колыбели» евразийской интеграции. Несмотря на значимость региона, далеко не все страны Центральной Азии разделяют повестку евразийской интеграции и не смогли произвести собственных интеграционных инициатив, а отношения между ними зачастую носят конфликтный характер. Такая ситуация, однако, не препятствует реализации интеграционных проектов, например в транспортной сфере, что, как указывают авторы, нехарактерно для другого подобного региона — постсоветской Восточной Европы, где конкуренция между ЕС и Россией тормозит продвижение интеграции.

² Так авторы описывают политику и риторику России и Казахстана.

В главе 5 авторы рассматривают отдельные интеграционные проекты, конкурирующие на пространстве Евразии. Их общей особенностью является концентрация на инфраструктурном развитии (исключением является только инициатива Большого евразийского партнерства, выдвинутая Россией). Наиболее перспективной из них авторам видится инициатива «Одного пояса, одного пути», что они объясняют наличием у Китая политической воли и ресурсов для ее продвижения, прагматичным подходом к ее реализации, отсутствием наднациональных институтов, которые могли ограничить национальный суверенитет государств, а также способностью приносить экономические выгоды для участников, в частности в торговле и транспортной сфере. Вместе с тем всем проектам, кроме «Одного пояса, одного пути», недостает финансовых ресурсов, действительной государственной поддержки и заинтересованности инициатора, что приводит к весьма скромным практическим результатам. Некоторые из инициатив, по мнению авторов, например, российская, японская и индийская, могут рассматриваться как ответ на проект «Одного пояса, одного пути» и являются примером конкуренции ведущих держав континента, в частности на пространстве Центральной Азии, поскольку именно этот регион является одним из центральных для всех перечисленных проектов.

В главе 6 изучаются кейсы сотрудничества между регионами Евразии, а также отдельными интеграционными инициативами и выдвинувшими их странами. Как отмечают А. Либман и Е. Винокуров, одним из наиболее удачных примеров такого взаимодействия является инициатива «сопряжения» «Одного пояса, одного пути» и ЕАЭС. Несмотря на различные структурные характеристики инициатив и некоторое недоверие к Китаю и его амбициям в Центральной Азии со стороны России, итогом сотрудничества стало подписание соглашения о торговом партнерстве, соответствующее позициям обеих сторон. Соглашение не предусматривает создания зоны свободной торговли (которое невыгодно России и странам Центральной Азии) при одновременном урегулировании вопросов

интеллектуальной собственности, электронной торговли и упрощения таможенных процедур.

Взаимодействие в других форматах, однако, оказывается более конфликтным и менее результативным, что авторы связывают со столкновением геополитических и геоэкономических интересов. Так, стремление ЕС к более тесной интеграции со странами Восточной Европы привело к конфронтации с Россией и ЕАЭС, наиболее ярко проявившейся во время Украинского кризиса. Попытки же развивать экономическое сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) видятся малоперспективными после расширения состава организации и включения в нее Индии и Пакистана. Аналогично усилия Китая по установлению более тесного взаимодействия с государствами Восточной Европы сталкиваются с противодействием со стороны ЕС. Попытки создать форматы, которые включали бы все значимые государства континента, также оказываются неэффективными. Так, потенциал Форума «Азия — Европа» (АСЕМ) ограничивается ролью дискуссионного клуба.

В заключительной главе авторы делают вывод, что, несмотря на рост взаимозависимости между государствами Евразии, успехи регионализма на континенте остаются весьма скромными. На пространстве Евразии создан целый ряд интеграционных инициатив с общеконтинентальными амбициями, однако большинство из них ограничены как по своему масштабу, так и по ресурсным возможностям. Единое видение Евразии у ведущих государств континента отсутствует и часто в принципе носит риторический характер, в результате чего евразийское пространство становится ареной конкуренции, а не сотрудничества держав и их проектов. Относительно более успешны инициативы, фокусирующиеся на инфраструктурном развитии, в частности «Один пояс, один путь». По мнению авторов, в подобных условиях следует отказаться от идеи создания всеобъемлющей организации на пространстве Евразии и сосредоточиться на развитии набора диалоговых площадок, объединяющих некоторые государства регионов, а общеконтинентальные инициативы могут быть эффективны

только в сфере содействия развитию торговли и инфраструктуры.

Книга завершается коротким рассуждением о будущем евразийской интеграции в условиях глобальной пандемии. Ученые полагают, что инфраструктурные проекты будут в наименьшей степени затронуты ее последствиями, что подтверждается увеличением объемов трансконтинентальных железнодорожных перевозок. Однако воздействие пандемии на отдельные национальные государства, в частности их финансовую устойчивость, может затормозить даже китайскую инициативу «Один пояс, один путь».

Можно резюмировать, что книга А. Либмана и Е. Винокурова представляет собой фундированную и актуальную попытку осмыслить опыт интеграции на пространстве Евразии. Авторами был проанализирован значительный пласт исследовательской литературы по проблеме интеграции в Евразии, что позволило им отразить опыт и проблемы всех релевантных интеграционных инициатив на континенте.

При этом работа не лишена некоторых существенных недостатков. Ее объем не позволил глубоко проанализировать отдельные инициативы и аспекты взаимодействия между ними и ведущими державами континента,

ввиду чего некоторые тезисы авторов кажутся недостаточно обоснованными. Исследователи также не отражают критические взгляды на процессы евразийской интеграции. В частности, должного отражения в работе не нашли российский и китайский подходы. Работа носит скорее обзорный характер и добавляет мало нового к уже имеющемуся научному знанию, а также уступает по своему масштабу схожей по тематике и содержанию предыдущей крупной совместной работе авторов (Vinokurov & Libman, 2012). Интересующийся читатель также может обратиться к другим книгам, которые могут восполнить пробелы данной работы. В работах К. Кальдера и М. Саакяна и Х. Гэртнера подробно рассматриваются интересы и инициативы Китая на пространстве Евразии (Kalder, 2019; Sahakyan & Gärtner, 2021). Д.А. Дегтерев и К.П. Курылев (Degterev & Kurylev, 2019) делают подробный обзор внешнеполитических интересов государств СНГ — организации, не затронутой в работе А. Либмана и Е. Винокурова. Н.А. Васильева и М.Л. Лагутина (Vasilyeva & Lagutina, 2016) анализируют российскую политику регионализма на пространстве Евразии. Данные работы дают более полную картину евразийских интеграционных инициатив мезоуровня.

Поступила в редакцию / Received: 12.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список / References

- Degterev, D., & Kurylev, K. (Eds). (2021). *Foreign policies of the CIS states: A comprehensive reference*. Boulder: Lynne Rienner.
- Kalder, K. E. (2019). *Super continent: The logic of Eurasian integration*. Stanford: Stanford University Press. <https://doi.org/10.1515/9781503609624>
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2021). *One Eurasia or many? Regional interconnections and connectivity projects on the Eurasian continent*. Washington, D.C.: George Washington University.
- Sahakyan, M. D., & Gärtner, H. (Eds). (2021). *China and Eurasia: Rethinking cooperation and contradictions in the era of changing world order*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003109259>
- Vasilyeva, N. A., & Lagutina, M. L. (2016). *The Russian project of Eurasian integration: Geopolitical prospects*. Lanham: Lexington Books.
- Vinokurov, E., & Libman, A. (2012). *Eurasian integration: Challenges of transcontinental regionalism*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137283351>

Сведения об авторе: *Елагин Денис Павлович* — преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; ассистент кафедры теории истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-2928-8058; e-mail: d.elagin@my.mgimo.ru, elagin-dp@rudn.ru

About the author: *Elagin Denis Pavlovich* — Lecturer, World Economy Department, MGIMO University; Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-2928-8058; e-mail: d.elagin@my.mgimo.ru, elagin-dp@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-202-204

Рецензия на книгу :
Pizzolo P. Eurasianism. An Ideology for the Multipolar World.
Lanham : Lexington Books, 2020. 291 p.

М.А. Баранник✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉barannik-ma@rudn.ru

Для цитирования: Баранник М. А. Рецензия на книгу : Pizzolo P. Eurasianism. An Ideology for the Multipolar World. Lanham : Lexington Books, 2020. 291 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 202—204. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-202-204>

Book review:
Pizzolo, P. (2020). Eurasianism. An Ideology for the Multipolar World.
Lanham: Lexington Books, 291 p.

Marina A. Barannik✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

✉barannik-ma@rudn.ru

For citation: Barannik, M. A. (2022). Book review: Pizzolo, P. (2020). Eurasianism. An ideology for the multipolar world. Lanham: Lexington Books, 291 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 202—204. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-202-204>

Монография Паоло Пиццоло «Евразийство. Идеология для многополярного мира» представляет большой интерес для исследователей, изучающих концепцию евразийства с геополитической, стратегической и философской точек зрения. Ее автор является научным сотрудником Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. П. Пиццоло — обладатель докторской степени (PhD) по политическим наукам, политической теории и истории Римского университета Сапиенца, специалист в области международных отношений и геополитики.

Рецензируемая монография является комплексным исследованием международного

порядка, основанного на принципах многополярности и альтерглобализма. Работа базируется на геополитических теориях Х.Дж. Маккиндера, Н.Дж. Спайкмана и К. Хаусхофера. Цель данного исследования заключается в изучении идеологии евразийства и ее главных задач. В частности, в монографии рассматривается неоевразийская идеология А.Г. Дугина, поскольку она является одной из наиболее структурированных теоретизаций на тему евразийства.

Автор монографии ставит перед собой три исследовательских вопроса:

1. Внесет ли неоевразийство Александра Дугина теоретический вклад в описание

© Баранник М.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

появления многополярного международного порядка?

2. Могут ли геополитические теории служить действенным инструментом для интерпретации международных отношений и глобальной власти?

3. Можно ли считать Евразию действительно стратегическим континентом для глобальной гегемонии? (Pizzolo, 2020, pp. 158—163).

Монография состоит из семи глав. В первой — рассматривается понятие идеологии. Изучение идеологий служит полезным методологическим инструментом для анализа концепции евразийства как идеологии, тесно связанной с консерватизмом и альтерглобализмом. Евразийство есть политическая доктрина, основывающаяся бóльшую часть своих теоретических постулатов на нормах геополитики. С точки зрения методологии наиболее распространенный анализ евразийства базируется на качественных, а не количественных данных. С теоретической точки зрения неоевразийство обновляет классические принципы раннего евразийского движения, превращая их в идеологическую и политическую программу, которая стремится бросить вызов нынешнему однополярному глобализованному миру (Pizzolo, 2020, p. 20).

Вторая глава монографии посвящена Льву Николаевичу Гумилеву. Л.Н. Гумилев развил идеи своего евразийского идеализма из так называемой «теории пассионарности», манифестирующей, что каждый этнос находится под влиянием космических энергетических импульсов, которые производят особую жизненную активность, рождающую, в свою очередь, особо талантливых личностей, способных строить новые цивилизации. Более того, Л.Н. Гумилев сосредоточил свою евразийскую философию на теории «этногенеза», которая утверждает, что этнос состоит из группы индивидов, народов, наций, племен или кланов, объединенных общей исторической судьбой. Каждый этнос обладает специфическими, неизменными культурными и биологическими особенностями. Классическая евразийская мысль и наследие Льва Гумилева способствовали рождению неоевразийства (Pizzolo, 2020, pp. 55—56).

В третьей главе автор описывает связь между евразийством и геополитикой. Среди авторов, анализирующих стратегический вес евразийской суши, следуя схеме противопоставления морских и сухопутных держав, выделяется А.Г. Дугин, который строит свою неоевразийскую доктрину на геополитическом анализе, состоящем из трех основных элементов: географии, культуры и истории, а также национальных интересов. Геополитический нарратив А.Г. Дугина направлен на утверждение, что «Евразийская империя» будет построена на отказе от атлантизма, стратегического контроля Соединенных Штатов и западных либеральных ценностей. Неоевразийство рассматривает атлантизм и глобализм в качестве своих главных противников. Евразийцы считают, что процесс глобализма еще не завершен полностью; напротив, многие предполагают, что будущее международных отношений будет способствовать преодолению Вестфальской системы, замкнутой на национальных государствах, но этой эволюции будет способствовать не однополярный глобализм, а многополярный цивилизационный порядок.

В четвертой главе представлены некоторые классические геополитические теории, которые сосредоточены на Евразийском континенте. В частности, исследована геополитическая мысль Х. Маккиндера и раскрыт его главный вклад в геополитику, а именно теория «Хартленда». П. Пиццоло демонстрирует, как эта теория повлияла на неоевразийскую мысль, и подчеркивает стратегическое значение Евразийского континента для глобальной гегемонии. Геополитическая мысль Х. Маккиндера, главным образом выраженная в теории центрального региона, или Сердцевины (*Heartland*), коим и выступает Евразийский континент, с помощью принципа географической реальности описывает варианты получения контроля над Евразией, или Мировым островом и, следовательно, над всей планетой (Pizzolo, 2020, pp. 115—120).

Пятая глава посвящена анализу основных черт неоевразийской идеологии А.Г. Дугина, включая постулаты, подтверждающие ее доктринальный характер (Pizzolo, 2020, p. 159).

В заключительной главе автор исследует три текущие инициативы, направленные на интеграцию евразийского пространства, делая попытку описать современное состояние интеграции на евразийском пространстве: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который представляет собой амбициозный проект по реинтеграции постсоветского пространства в единый экономический союз; Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая занимается вопросами безопасности; «Один пояс, один путь» — один из крупнейших проектов по экономическому и инфраструктурному сопряжению стран Евразийского континента на долгосрочную стратегическую перспективу. Китайская инициатива может рассматриваться как беспроектная стратегия и для европейских стран континента, и для Китая, поскольку она укрепляет трансевразийские связи. Выгоды от такой масштабной инициативы могут быть в равной степени распределены между всеми заинтересованными странами и экономиками.

Подводя итоги, автор монографии приходит к выводу, что ключевая дилемма будущей евразийской интеграции зависит от того, смогут ли Европейский союз и ЕАЭС конструктивно взаимодействовать в перспективе или же они будут противостоять друг другу. Укрепление отношений между двумя интеграционными объединениями может стать фундаментальным преимуществом для содействия миру, безопасности и процветанию на пространстве всей Евразии (Pizzolo, 2020, p. 260).

Таким образом, монография Паоло Пиццоло является комплексной работой, показывающей, что неоевразийство А.Г. Дугина может внести реальный теоретический вклад в формирование многополярного международного порядка. Монография выполнена на высоком научно-исследовательском уровне и рекомендуется для прочтения исследователям, занимающимся проблемами международных отношений и зарубежного регионоведения.

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список / References

Pizzolo, P. (2020). *Eurasianism. An ideology for the multipolar world*. Lanham: Lexington Books.

Сведения об авторе: Баранник Марина Андреевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: barannik-ma@rudn.ru

About the author: Barannik Marina Andreevna — Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); e-mail: barannik-ma@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-205-207

Book review:
Stergiou, A. (2021). Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil".
Cham: Springer, 181 p.

Argyrios Tasoulas

Independent researcher, Athens, Greece

 argyr22@gmail.com

For citation: Tasoulas, A. (2022). Book review: Stergiou, A. (2021). Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil". Cham: Springer, 181 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 205—207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-205-207>

Рецензия на книгу :
Stergiou A. Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil".
Cham : Springer, 2021. 181 p.

А. Тасулас

Независимый исследователь, Афины, Греция

 argyr22@gmail.com

Для цитирования: *Tasoulas A. Book review : Stergiou A. Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil". Cham : Springer, 2021. 181 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 205—207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-205-207>*

The monograph "Greece's Ostpolitik: Dealing With the 'Devil'" by Associate Professor Andreas Stergiou is a major contribution to a vital but neglected topic: Greece's Ostpolitik (the opening of the Greek State to the Communist countries) during the Cold War. It offers a fresh perspective on the foreign relations of Greece with the East, utilizing unpublished archival materials from five countries, and personal interviews with former diplomats and politicians.

The book consists of six chapters dedicated to several historical periods of Greek Cold War foreign policy. The author proposes Greece's Ostpolitik be divided into three periods: "(1) from early 1950 until 1965, (2) from 1969 until 1973 and (3) the timespan stretching from 1975 until in the late 1980s" (Stergiou, 2021, p. 175).

The main argument of the study is that the Greek political and economic opening to the Soviet Bloc, unlike those of European countries, was designed to fulfill multiple purposes. Put differently, "the term Ostpolitik, as it has been conceptualized in literature, only incompletely applies to the Greek case. The Greek state's tentative opening to the Communist Bloc in the 1950s and 1960s, culminated in the 1970s and 1980s, only partly dovetails with the notion of Ostpolitik" (Stergiou, 2021, p. 2).

Chapter 1 serves as an in-depth historical introduction. Professor Stergiou stresses the crucial geographic position of Greece and its strategic value for the Western Alliance, as together with Turkey it blocked Soviet access to the Eastern Mediterranean. From 1955 onwards the escalation

© Tasoulas A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of tensions between Greece and Turkey (both NATO members since 1952) due to the Cyprus issue and failed American mediation policy meant that Greece, a frontline state against the Warsaw Pact, had become a strategic gap. Thus, Greece feared that in case of a local war with its Northern neighbors it would be abandoned by its allies.

Chapter 2 discusses the Greek postwar economy. The author attempts a detailed appraisal of the microeconomic and macroeconomic developments and their repercussions in the Greek economy and society. Highlighting specific statistics of the international trade balance, he focuses on the deeper causes that led the Greek conservative governments to a limited economic opening to the Soviet bloc. It is argued that, on the one hand, this opening was considered necessary for the absorption of Greek agricultural products and the industrialization of the country through investments; on the other, vehement Greek anticommunism due to the recent experience of the Greek civil war combined with the counterproductive rhetoric of the Soviet leader Nikita Sergeevich Khrushchev, fomented political controversies due to the reactions among hard-liners in the government.

However, in 1961 Greece was incorporated into the European Economic Community (EEC). The USA played a decisive role in this development, sensing that otherwise Athens would become economically dependent on the Moscow-led markets. Thus, vividly describing the economic relations between Greece, the USSR and the countries of the Warsaw Pact, the author concludes that “From 1958 to 1970 the Eastern European share in Greek exports amounted to almost 25 %, among the highest in the West” (Stergiou, 2021, p. 48). In other words, important qualitative and quantitative changes in Greece’s relations with Eastern Europe indicated a real, albeit idiosyncratic, Ostpolitik.

Chapter 3 argues that the Cyprus issue was a variable in the Soviet Bloc’s policy in the Eastern Mediterranean, and due to this the Greek governments had to adapt their own economic policy towards the Soviet bloc accordingly. Focus is drawn to the help provided by the Soviet government to Cyprus during the 1964 crisis, following the Turkish threat to invade the island. The pivotal role of the USSR’s economic

opening to Turkey, during a period when the Soviet government desired détente, capitalizing on Turkish disillusionment with NATO after the 1964 crisis, is also noted.

Regardless of the vital insights about Soviet foreign policy pursued there, also supported through other publications by the author based on the Archive of the German Foreign Ministry (Stergiou, 2007), limited access to Soviet sources restricts the author’s knowledge on both the complexities and deep ties between the USSR and the Greek Cypriots. Consequently, elaboration on the implications of the Soviet government’s proposals on the Cyprus question in 1965 should have been further highlighted in order to further support the book’s main argument.¹ Nevertheless, the author accurately concludes that during the 1974 Turkish invasion of Cyprus “Soviet diplomacy towards Cyprus was much more sophisticated and effective” (Stergiou, 2021, p. 75).

Chapter 4 analyzes Greek Ostpolitik from 1967 to 1974, the period of military rule in Greece. The Greek junta invoked Cold-War security concerns such as the role of Bulgaria, the increased Soviet presence in the Mediterranean, and the possibility of predatory Soviet moves against Yugoslavia and Romania. The next pages demonstrate how the State Department concluded that it was advantageous to maintain close relations with Greece. However, the European states practically expelled Greece from the EEC, resulting in the political and economic isolation of the country. Thus, despite the regime’s vehement anti-communism, trade with the Eastern Bloc was chosen as a means of diminishing surpluses of agricultural products and applying pressure on NATO officials.

The advent of the Greek junta’s Ostpolitik initially found support inside the Soviet bloc and several trade agreements were signed with

¹ It should be mentioned that the archive of the Soviet Foreign Ministry (AVP RF) and the archive of the CC of the CPSU (RGANI) have been meticulously researched in a dissertation successfully defended at the Peoples’ Friendship University of Russia titled “The Cyprus issue in the foreign policy of the USSR, 1953—1974” (in Russian) in 2021. Thus, the above-mentioned comments aim to inform the reader about new aspects of Soviet foreign policy activities in Cyprus and in no way seek to undermine the author’s research.

Communist countries, such as Bulgaria and Romania, while in 1971, Greece and Albania restored diplomatic relations after a 30-year hiatus. But the Greek junta used its Ostpolitik for propaganda purposes and did not intend to change the pro-NATO policy of the country, something the Soviet Foreign Ministry understood very well. Ultimately, it was the Turkish invasion in Cyprus, the fall of the Greek junta, the restoration of the democratic regime under Constantine Karamanlis, and Greece's exit from the military structure of NATO that allowed for bilateral contacts with the Soviet Bloc to flourish.

Chapter 5 is devoted to Karamanlis' multi-dimensional foreign policy and security policy priorities. From the mid-1970s and early 1980s, Greek security planners were less concerned about an attack from the Warsaw Pact countries, instead focusing on the deteriorating situation in the Aegean Sea and Cyprus. Greece reconsidered its relations with its Balkan neighbors, utilizing international détente to secure its northern borders, on the one hand. On the other, Greece attempted a fresh economic opening to the Soviet bloc mostly to counterbalance Turkish hegemonism and to exploit those countries' positive attitude regarding the Greek position on the Cyprus issue. Greece's Ostpolitik from 1974 to 1981 ultimately provided significant opportunities for economic cooperation, while Greece's overall trade volume with the USSR, its neighbors, and Eastern bloc countries grew drastically.

In the final chapter it is argued that in the 1980s Greek politics was heavily influenced by the rise of the Greek Socialist Party (PASOK) and its leader Andreas Papandreu, who won the 1981 general election. The new foreign policy

doctrine of the Greek Socialists was one of Cold War neutrality fueled with nationalistic and anti-NATO rhetoric due to the existential threat posed by Turkey. However, the Greeks never seriously considered abandoning the West, or even joining the Warsaw Pact, because they were well aware that there was no serious alternative to NATO.

Athens pursued an active foreign policy, aiming at the development of bilateral relations with the Soviet bloc countries, Greece's non-aligned neighbors, the isolated Maoist Albania, and the Arab countries. But the author accurately highlights that these moves were oriented in an attempt to find potential allies in the Greek-Turkish conflict over the Aegean. In other words, the Greek Ostpolitik aimed to gain leverage towards the United States, toying with the psychological argument, that the Greek-Turkish conflict would disrupt the balance of power in the Eastern Mediterranean.

Overall, "Greece's Ostpolitik" expands our understanding of Greek foreign policy. It is a well-structured book, with rigid argumentation, and extensive usage of recently declassified primary materials. The indubitable merit of the book in terms of clarity and persuasiveness of the presentation and conclusions, as well as the dynamic writing style, should also be noted. Finally, the fact that the author himself acknowledges the limitations of his archival research and highlights the materials that were not available to him creates the necessary foundation for future research. But it is beyond doubt that had Andreas Stergiou ensured access to these archives, he would have treated them with the same passion and care as the existing ones in this exquisite monograph.

Received / Поступила в редакцию: 12.11.2021

Accepted / Принята к публикации: 21.12.2021

References / Библиографический список

- Stergiou, A. (2021). *Greece's Ostpolitik: Dealing with the "Devil"*. Cham: Springer.
- Stergiou, A. (2007). Soviet policy towards Cyprus. *The Cyprus Review*, 19(2), 83—106.
- Tasoulas, A. (2021). *The Cyprus issue in the foreign policy of the USSR, 1953—1974* [thesis]. Moscow: RUDN publ. (In Russian). [Тасулас А. Кипрский вопрос во внешней политике СССР (1953—1974 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Москва : РУДН, 2021.]

About the author: *Tasoulas Argyrios* — PhD in History, Independent Researcher; ORCID: 0000-0002-9101-0735; e-mail: argyr22@gmail.com

Сведения об авторе: *Тасулас Аргириос* — кандидат исторических наук, независимый исследователь; ORCID: 0000-0002-9101-0735; e-mail: argyr22@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-208-211

Рецензия на книгу :
**The Changing Perspectives and ‘New’ Geopolitics of the Caucasus
in the 21st Century / ed. by S. Yilmaz, M. Yorulmaz.**
Ankara : Astana Yayınları, 2021. 304 p.

М.М. Агазаде , **А.С. Буторов**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Для цитирования: Агазаде М. М., Буторов А. С. Рецензия на книгу : The Changing Perspectives and ‘New’ Geopolitics of the Caucasus in the 21st Century / ed. by S. Yilmaz, M. Yorulmaz. Ankara : Astana Yayınları, 2021. 304 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 208—211. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-208-211>

Book review:
**Yilmaz, S., & Yorulmaz, M. (Eds.). (2021). The Changing Perspectives
and ‘New’ Geopolitics of the Caucasus in the 21st Century.**
Ankara: Astana Yayınları, 304 p.

Mirmehdi M. Aghazada , **Alexey S. Butorov**

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

For citation: Aghazada, M. M., & Butorov, A. S. (2022). Book review: Yilmaz, S., & Yorulmaz, M. (Eds.). (2021). The changing perspectives and ‘new’ geopolitics of the Caucasus in the 21st century. Ankara: Astana Yayınları, 304 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 208—211. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-208-211>

Обладая огромными запасами природных ресурсов, регион Южного Кавказа находится на перекрестке не только транспортных связей глобального значения, но и столкновений интересов региональных и мировых держав. В этом контексте особый интерес представляет книга «Меняющиеся перспективы и “новая” геополитика Кавказа в XXI веке», написанная коллективом авторов из разных университетов мира и посвященная в основном изучению внешней политики Азербайджана, Грузии и Армении, их отношений с

Турцией, США, Россией, Китаем и ЕС, а также анализу продолжающихся конфликтов и процессов государственного строительства и национальной идентичности на Южном Кавказе.

Рецензируемая книга состоит из специальной вводной части, затрагивающей проблему карабахского конфликта, и двух разделов, каждый из которых содержит 6 глав.

В специальной вводной части (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 11—18), написанной экспертом Азербайджанского государственного экономического университета А. Асланлы,

© Агазаде М.М., Буторов А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

вкратце описываются причины появления карабахской проблемы в XIX и XX вв., военных столкновений между Арменией и Азербайджаном в начале 1990-х гг., а также возобновления боевых действий в 2020 г. Анализируя результаты Второй карабахской войны, которая была завершена подписанием совместного заявления главами России, Азербайджана и Армении спустя 44 дня после начала войны, автор утверждает: хотя урегулирование карабахского конфликта полностью не достигнуто, путь к всеобъемлющему урегулированию открыт.

В первой главе первого раздела (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 19—34) доцент кафедры международных отношений Университета Хитит (Турция) Э. Читак затрагивает вопросы государственного устройства Азербайджана, основных детерминантов его внутренней и внешней политики, а также внешнеполитических приоритетов. Отмечается, что самым серьезным испытанием для Азербайджана в период с начала 1991 по 2020 г. было устранение социальных и экономических трудностей, а также проблем безопасности путем воздержания от напряженности, которая могла бы возникнуть между Россией, стремящейся к влиянию на Южном Кавказе после распада СССР, и другими игроками, такими как Иран, США и Турция, уделяющими пристальное внимание данному региону. По мнению автора, Азербайджан продемонстрировал политическую волю и экономическую мощь, терпеливо устанавливая и развивая двусторонние и многосторонние отношения с различными международными акторами в течение многих лет. Прагматичный баланс внешней политики Азербайджана, военная мощь, влияние на международной арене и национальное самосознание в обществе были подтверждены во время войны 27 сентября — 10 ноября 2020 г. (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, p. 31).

Во второй главе М. Баяр рассматривает процесс построения национальной идентичности Грузии, влияние национальной идентичности на внешнюю политику страны, а также конфликты Тбилиси с Абхазией и Южной Осетией (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 35—48). С одной стороны, некоторые из проблем,

с которыми Грузия столкнулась в последнее время, имеют глубокие исторические корни, а с другой — некоторые из них проявились в процессе формирования национальной идентичности после обретения независимости. Ключевой вывод главы заключается в том, что национальная идентичность строилась в условиях ассимиляции и маргинализации, а не на инклюзивных элементах в хрупкой географии — как с точки зрения религии, так и с точки зрения этнической принадлежности. Данная национальная идентичность, которая формировалась в Грузии, оказала глубокое влияние на ее внешнюю политику, особенно в первые годы независимости.

Анализ внешней политики Армении, ее отношений с соседними странами проведен Г. Хельваджыкёйлю в третьей главе (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 49—70). Автор исследует основные элементы внешней политики Армении, изучив историю Нагорно-Карабахского конфликта, истоки напряженности в отношениях с Турцией, а также политические отношения с Грузией. Спорным является вывод автора о том, что «хотя Южно-Кавказские страны обрели независимость от Советского Союза, нельзя сказать, что они могут действовать независимо от России» (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, p. 60).

В четвертой главе книги (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 71—92) А. Дурмазымом описаны географическое положение, географические характеристики, демографическая структура и этническое разнообразие Северного Кавказа, а также пограничные споры между Чечней и Ингушетией, Чечней и Дагестаном, Северной Осетией и Ингушетией.

С. Кысачик в пятой главе (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 93—118) исследует фундаментальные перспективы и испытания параметров энергетической безопасности на Южном Кавказе с 1990-х гг. Подчеркивается особая роль Азербайджана и Грузии в реализации энергетических проектов в данном регионе. Примечательно, что автор в конце рекомендует всем региональным и внерегиональным государствам учитывать фактор России при разработке новых стратегий в отношении Южного Кавказа, так как без учета интересов

Москвы реализация каких-либо проектов является маловероятной (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, p. 114).

Шестая глава, подготовленная соредактором книги, М. Йорулмазом, содержит анализ угроз и вызовов безопасности в Кавказском регионе в условиях конфликтов, а также геополитической структуры, компонентов идентичности и религии в нем (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 119—140). Подчеркивается, что если урегулирование внутренних и внешних конфликтов и миротворческие усилия государств не будут строиться на основе безопасности, а государства в регионе не получают поддержку для улучшения их экономических, политических, культурных и этнических структур, то Кавказ в будущем сохранит свой хаотичный и небезопасный характер, находясь далеко от стабильных и мирных обществ.

Н. Четин, написавший первую главу второго раздела, не только в различных измерениях рассматривает проблемы, разногласия, ход отношений между тремя республиками Южного Кавказа, но и анализирует деятельность организации ГУАМ (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 141—170). Отмечая, что Азербайджан и Грузия находятся на ключевых позициях в стратегических, военных, энергетических, экономических, торговых, транспортных сферах и в области безопасности на Южном Кавказе, автор приходит к выводу, что в основе проблем между странами в этом регионе лежит их стремление проводить националистическую политику, которая не зависит от геополитического положения, истории, демографической и культурной структуры данного региона и не отражает истину. В свою очередь, такая политика наносит ущерб развитию этих государств и их отношениям с соседями и доминирующими державами.

Отношения между Турцией и тремя Южно-Кавказскими государствами затрагиваются во второй главе (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 171—200). М.Ф. Озтарсу описывает характер взаимодействия Турции с Азербайджаном, Грузией и Арменией, рассматривая отдельно сотрудничество в треугольнике Турция — Грузия — Азербайджан. Необходимо отметить, что Турция сформировала внешнеполитический формат по отношению

к этому региону с целью развития взаимовыгодного сотрудничества. Подходы Турции как государства — члена НАТО в основном принесли прозападные мотивы в экономическое, энергетическое и оборонное сотрудничество в регионе. Утверждается, что Баку и Тбилиси стали важными партнерами Анкары с их культурным и географическим значением, в то время как Армения оставалась воюющей стороной, претендующей на территориальные выгоды от Азербайджана. В результате процесс разработки политики Турции исключил эту страну из крупных проектов. Этот фактор прямо или косвенно способствовал налаживанию сотрудничества между Турцией и Грузией, но нанес ущерб уникальной региональной политике Турции.

В третьей главе Э. Кая исследует эволюцию отношений США с Грузией, Азербайджаном и Арменией (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 201—226). Отмечается, что с момента обретения независимости каждое из трех кавказских государств пошло разными путями в международной политике. Кроме того, их склонность к авторитаризму и реформам, похоже, усложняет региональную политику. Им необходимо сбалансировать свои отношения с соседями и крупными державами из-за собственной уязвимости к глобальной динамике. В этом отношении асимметрия сил и интересов крупных держав, а именно США и России, является решающим фактором региональной политики. Хотя у Вашингтона нет жизненно важных интересов на Кавказе, ослабление российского влияния в регионе остается для него главной целью. В этой связи США должны учитывать различные приоритеты внешнего взаимодействия кавказских государств и разработать повестку дня, основанную на долгосрочной перспективе.

В четвертой главе Т. Исмаил и А. Нечефоглу фокусируются на двусторонних отношениях России с Азербайджаном, Грузией и Арменией (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 227—250). Затрагивая отношения между Москвой и Баку, авторы отмечают, что, несмотря на антиазербайджанскую риторику в российских СМИ во время Второй Карабахской войны, президент В.В. Путин не отдал распоряжения о вмешательстве, запрошенного Арменией (Yilmaz &

Yorulmaz, 2021, p. 234). Утверждается, что после распада СССР двусторонние отношения между Россией и Грузией были напряженными и нестабильными, а самым критическим моментом стала война 2008 г. Торгово-экономическое сотрудничество с Россией чрезвычайно выгодно для Грузии, однако для России важно, чтобы Грузия не размещала на своей территории военные базы НАТО. Что касается российско-армянских отношений, то война в Карабахе в 2020 г. стала для них испытанием. Дальнейшие перспективы отношений во многом будут зависеть от того, в какой степени политические элиты двух стран смогут использовать положительный опыт взаимодействия на двустороннем и многостороннем уровнях, сосредоточиться на решении вопросов текущей повестки дня, а также усовершенствовать основополагающие документы армяно-российского сотрудничества.

Особое внимание привлекает пятая глава, посвященная отношениям Китая с тремя Южно-Кавказскими государствами в рамках проекта «Один пояс, один путь» (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 251—270). С. Йылмаз делает вывод, что основными ожиданиями Азербайджана, Грузии и Армении от вышеуказанного китайского проекта являются политическое сотрудничество, создание сети структурных связей, устранение торговых барьеров, финансовая интеграция, расширение торговли

и туризма, возможность укрепления сотрудничества со странами Европы и Азии в таких различных областях, как транспорт, телекоммуникации и энергетические сети, а также достижение большей международной интеграции и экономического развития.

В шестой главе рассматриваются отношения Азербайджана, Грузии и Армении с ЕС в 1991—2020 гг. (Yilmaz & Yorulmaz, 2021, pp. 271—298). Отмечая, что ЕС является не только центром притяжения с точки зрения предлагаемых им ценностей и интеграционного процесса, но и отражает потенциал нового полюса глобальной системы, Ф. Озердем подробно рассматривает подходы ЕС к Южному Кавказу, эффективность Программы восточного партнерства и деятельности ТРАСЕКА.

Таким образом, подчеркивая практическую и прикладную составляющие рецензируемой книги, которая проводит всесторонний анализ основных приоритетов, направлений и проблем внешней политики Азербайджана, Грузии и Армении, следует отметить, что данный труд вносит весомый вклад в понимание общей геополитической, геостратегической и геоэкономической атмосферы на Южном Кавказе. Книга представляет значительный интерес не только для ученых, занимающихся проблематикой Южного Кавказа, но и студентов, аспирантов и всех интересующихся проблемами указанного региона.

Поступила в редакцию / Received: 30.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список / References

Yilmaz, S., & Yorulmaz, M. (Eds.). (2021). *The changing perspectives and 'new' geopolitics of the Caucasus in the 21st century*. Ankara: Astana Yayınları.

Сведения об авторах: Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Буторов Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-0796-6695; e-mail: butorov-as@rudn.ru

About the authors: Aghazada Mirmehdi Mirkamil ogly — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Butorov Alexey Sergeevich — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0003-0796-6695; e-mail: butorov-as@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-212-214

Рецензия на книгу :
The Rise of Bolshevism and Its Impact on the Interwar International Order /
ed. by V. Lomellini. London : Palgrave Macmillan, 2020. 200 p.

И.К. Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация
 bogomolov@inion.ru

Для цитирования: *Богомолов И. К.* Рецензия на книгу : *The Rise of Bolshevism and Its Impact on the Interwar International Order / ed. by V. Lomellini. London : Palgrave Macmillan, 2020. 200 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 212—214. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-212-214>*

Book review:
Lomellini, V (Ed.). (2020). The Rise of Bolshevism and Its Impact
on the Interwar International Order. London: Palgrave Macmillan, 200 p.

Igor K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
 bogomolov@inion.ru

For citation: Bogomolov, I. K. (2022). Book review: Lomellini, V (Ed.). (2020). *The Rise of Bolshevism and Its Impact on the Interwar International Order*. London: Palgrave Macmillan, 200 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 212—214. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-212-214>

Столетний «юбилей» российской революции вызвал всплеск интереса к влиянию этого события (Michels, 2017; Siddiqui, 2017; Myklebost, Nielsen & Rogatchevski, 2020). В какой-то степени это стало адаптированной для зарубежной историографии версией знакомого «всемирно-исторического значения». Тем не менее причины для повышения внимания к этой проблеме изначально были шире. «Драйверами» стали «имперский поворот» (David-Fox, Holquist & Martin, 2006) и постколониальные исследования (Koplatadze, 2019), встраивающие события в отдельно взятой стране в международный контекст. Благодаря этому российская революция вернулась на историческую сцену, с которой медленно, но

верно уходила после распада СССР (Fitzpatrick, 2017). Однако интерес «проснулся» не столько к самой революции, сколько к ее влиянию на мир в XX в.

В этом смысле рецензируемая коллективная монография весьма симптоматична. Во вступлении доктор философии, доцент Падуанского университета В. Ломеллини отмечает, что на сегодняшний день количество исследований, посвященных «большевистским угрозам» для европейских стран, контрастирует с почти «полным отсутствием исторического анализа международной угрозы большевизма или его восприятия» в других регионах мира (Lomellini, 2020, p. 8). Монография демонстрирует, что большевизм стал «зеркалом, через

© Богомолов И.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

которое европейские лидеры и народы наблюдали за своими усилившимися страхами» (Lomellini, 2020, p. 8). Это важно для понимания причин «распространения авторитарных режимов в 1920—1930-е гг. в Европе» (Lomellini, 2020, p. 9).

Восемь глав монографии разбиты на два раздела, в которых раскрывается дипломатическая и внутренняя реакция на «большевистскую угрозу». А. Варсори проанализировал отношения Рима с царским и Временным правительствами и первые контакты с большевиками после Октябрьской революции. Посол Т. делла Торретта после Брестского мира стал убежденным сторонником военной интервенции и участия в ней Италии, но против выступал премьер-министр С. Соннино, не желавший вмешиваться в «русские дела». Этой линии Рим придерживался весь период Гражданской войны в России, хотя Октябрьская революция стала «одним из факторов, способствовавших приходу Муссолини к власти» (Lomellini, 2020, p. 38).

Е. Дундович рассмотрела развитие советско-итальянских отношений в 1920-е гг. В 1924—1927 гг. Москва «смотрела на Италию не просто как на экономического партнера», а как на «стратегического “слона”», необходимого для «получения столь желанной международной легитимности» (Lomellini, 2020, p. 40). Исследователь отмечает, что оба режима «должны были поддерживать определенную степень стабильности в своих взаимоотношениях», не переходивших в открытую враждебность вплоть до гражданской войны в Испании (Lomellini, 2020, p. 54).

Советско-румынским отношениям посвящена глава А. Брасциани. Захватив Бессарабию, Бухарест получил постоянный тлеющий конфликт в отношениях с Москвой. На VI конференции Балканской коммунистической федерации в сентябре 1923 г. Румыния была названа «искусственным государством», которое следовало расчленить как можно скорее, «освободив» Южную Добруджу, Буковину и Бессарабию. Это лишь «усиливало крайние антикоммунистические настроения среди румынской элиты» и «лишило коммунистическое движение остатков легитимности в глазах его противников» (Lomellini, 2020, p. 73).

Б. Юхаж обратил внимание на малоизученный сюжет — слежку за венгерскими коммунистами в Италии. Власти вскрывали и фотографировали письма венгерских коммунистов, проживавших в Италии, вели за ними слежку. Автор указывает на то, что эти операции были настолько успешны, поэтому в большинстве случаев подозреваемые «даже не замечали, что находятся под контролем властей» (Lomellini, 2020, p. 80).

В главе 5 Дж. Бентиволио анализирует развитие политического процесса в Великобритании в 1920-е гг. через призму «большевистской угрозы». Многие члены кабинета Д. Ллойд-Джорджа «ничего не знали о Ленине или Троцком, и захват власти большевиками в ноябре стал для них неожиданностью» (Lomellini, 2020, p. 95). Русофобия английских правящих кругов возникла «из чувства... незнания новых правителей России с их пугающим языком, странными доктринами и насилием» (Lomellini, 2020, p. 95). Отношение британских правительств к Советской России отражало их стратегию «прагматизма в отношениях с неудобным и ненадежным партнером» (Lomellini, 2020, p. 110).

Во втором разделе представлено «восприятие большевизма» в обществах стран Европы и Азии. Французскую реакцию на «большевистскую угрозу» исследовал Ф. Дессберг. Во Франции российская революция воспринималась в основном в негативном свете, но идеологический компонент изначально был на втором плане. Вплоть до конца 1930-х гг. французские политические круги «наблюдали за революционной Россией, а затем за Советским Союзом через призму немецкой угрозы» (Lomellini, 2020, p. 130).

Э. Красуцки подробно остановился на влиянии большевизма на польскую социал-демократию. В ней существовали многочисленные течения, по-разному смотревшие на экономические и политические вопросы. Для большевиков Польша была не участником мировой революции, а «буферной страной» между Россией и Германией, элементом международной политики в Версальской системе. В межвоенный период польские коммунисты становились «финансово зависимыми от Москвы, постепенно теряя свою идентичность» (Lomellini, 2020, p. 151).

В заключительной главе Л. Каписани рассматривает отношения большевиков с Коммунистической партией Китая и Гоминьданом. Китайские революционные партии переняли у Советской России «новаторский взгляд на постреволюционное государство» (Lomellini, 2020, p. 177). Автор отмечает, что китайская революция была частью конструирования национальной идентичности, процесса, который в те же годы затронул Ирландию, Мексику и многие другие поднимающиеся «нации» (Lomellini, 2020, p. 177).

В целом рецензируемая монография оставляет двойное впечатление. С одной стороны, это добросовестный труд авторов, подробно охарактеризовавших влияние российской революции и «большевистской угрозы» на развитие различных стран и регионов. В монографии поднимаются малоизученные темы, такие как экстрадиция венгерских коммунистов из Италии и реакция итальянских дипломатов на приход большевиков к власти. С другой стороны, как это нередко бывает в коллективных монографиях, части

довольно трудно складываются в единое целое. Говоря о «подъеме большевизма», авторы не дают определения самого понятия «большевизм».

Название книги в определенной степени вводит в заблуждение, так как в работе не анализируется влияние большевизма именно на международные отношения. Во введении В. Ломеллини называет большевизм главной угрозой Версальской системе после Первой мировой войны, что не бесспорно, учитывая подъем фашизма и нацизма в межвоенной Европе (Lomellini, 2020, p. 8). В этом смысле замечание профессора МГИМО Т.А. Алексеевой, что «история международных отношений зачастую выстраивается в отечественных работах как сумма внешних политик определенных государств», справедливо и для многих зарубежных исследований (Алексеева, 2021, с. 598). И хотя рецензируемая монография не избежала этой «калейдоскопичности», поднятые в ней сюжеты заслуживают внимания в контексте изучения международных отношений СССР в 1920—1930-е гг.

Поступила в редакцию / Received: 17.12.2021

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список / References

- Алексеева Т. А. Рецензия на книгу: Фененко А.В. История международных отношений: 1648—1945. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020. 800 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 598—602. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-598-602> [Alekseeva, T. A. (2021). Book review: Fenenko, A.V. (2020). History of International Relations: 1648—1945. 2nd edition. Moscow: Aspekt Press publ., 800 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 598—602. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-598-602>].
- David-Fox, M., Holquist, P., & Martin, A. M. (2006). The imperial turn. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(4), 705—712. <https://doi.org/10.1353/kri.2006.0049>
- Fitzpatrick, Sh. (2017). Celebrating (or not) the Russian revolution. *Journal of Contemporary History*, 52(4), 816—831. <https://doi.org/10.1177/0022009417723975>
- Koplatadze, T. (2019). Theorizing Russian postcolonial studies. *Postcolonial studies*, 22(4), 469—489. <https://doi.org/10.1080/13688790.2019.1690762>
- Lomellini, V. (Ed.). (2020). *The rise of Bolshevism and its impact on the interwar international order*. London: Palgrave Macmillan.
- Michels, T. (2017). The Russian revolution in New York, 1917—19. *Journal of Contemporary History*, 52(4), 959—979. <https://doi.org/10.1177/0022009417724213>
- Myklebost, K., Nielsen, J. P., & Rogatchevski, A. (Eds.). (2020). *The Russian revolutions of 1917. The Northern impact and beyond*. Boston: Academic Studies Press.
- Siddiqui, K. (2017). The Bolshevik revolution and the collapse of the colonial system in India. *International Critical Thought*, 7(3), 418—437. <https://doi.org/10.1080/21598282.2017.1355743>

Сведения об авторе: Богомолов Игорь Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; ORCID: 0000-0001-8381-0284; e-mail: bogomolov@inion.ru

About the author: Bogomolov Igor Konstantinovich — PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-8381-0284; e-mail: bogomolov@inion.ru